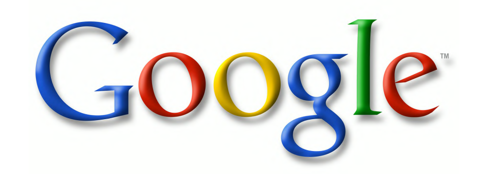

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

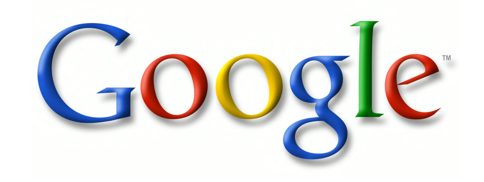
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HX
915
.K93c
R5
1906
A 489573

0186476

4115n/69

Хлѣбъ и Воля.

Статьи:
П. Кропоткина, В. Черкезова,
Э. Реклю, Л. Бертони
и другихъ.

Издательство „Священный Огонь" Ал. Морского.
С.-Петербургъ.
1906 г.

Издательство „Священный Огонь“ является продолженіемъ издательства „Освобожденная мысль“. Въ настоящее время выпущены: П. А. Кропоткинъ—Рѣчи бунтовщика. Хлѣбъ и Воля,—собраніе статей Кропоткина, Черкезова, Реклю, Бертони и др.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

2-ое Парголово, дача № 22.

3 К94
К-835

Хлѣбъ и Воля.

Статьи:
П. Кропоткина, В. Черкезова,
Э. Реклю, Л. Бертони
и другихъ.

Издательство „Священный Огонь“ Ал. Морского.
С.-Петербургъ.
1906 г.

Hb

FX
915
.K93c
K5
1906

_enin Lib.
0·14·71
594937·293

Предисловіе.

Въ книгѣ „Хлѣбъ и Воля" собраны всѣ не утратившія еще значенія помѣщенныя въ 1903, 4 и 5 гг. въ журналѣ того-же наименованія статьи по научной разработкѣ, тактикѣ и программѣ анархизма, принадлежащія перу: **П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, Л. Бертони** и др. Многое изъ того, о чемъ въ предлагаемыхъ статьяхъ говорилось лишь въ качествѣ возможнаго будущаго, уже совершившіеся факты. Такимъ образомъ сама жизнь уже дала отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ анархисты ошибаются и въ чемъ они правы.

Издательство «Священный Огонь».

положить конецъ этой кричащей несправедливости, нужно, сохранивъ за производствомъ его соціальный характеръ, уничтожить частный способъ происвоенія продуктовъ и средствъ производства, что является характерною чертою капиталистическаго общества. Однимъ словомъ, мы хотимъ содѣйствовать созданію такого строя, гдѣ *всѣ будутъ производить на пользу всѣхъ*. Въ этомъ отношеніи мы являемся *коммунистами* и этотъ пунктъ нашего идеала мы обозначили словомъ *хлѣбъ*.

Но что хлѣбъ въ неволѣ?! Не менѣе хлѣба человѣку нужна свобода. Потому то борцы, предшествовавшіе намъ въ борьбѣ за народное дѣло, никогда не забывали волю. Человѣкъ въ дѣйствительности только тогда будетъ счастливъ, когда будутъ удовлетворены всѣ его потребности какъ физическія, такъ и нравственныя и умственныя. Когда кромѣ того, что онъ будетъ сытъ, онъ будетъ имѣть возможность проявлять всю накопившуюся въ немъ энергію, давать ходъ всякой зародившейся въ немъ инииціативѣ. А это послѣднее возможно только тогда, когда личность освободится отъ тяготѣющаго надъ ней государственнаго гнета. Мы знаемъ изъ исторіи, что весь прогрессъ человѣчества обязанъ стремленію человѣка избавиться отъ всякаго давящаго его гнета и проявленію личной инициативы. Съ другой стороны, изъ той же самой исторіи мы видимъ, что государство всегда являлось тормозомъ, какъ того, такъ и другого. Слѣдовательно, намъ нужно освободиться отъ этого организованнаго насилія, называемаго государствомъ.

Короче говоря, наши стремленія двоякаго рода: мы стремимся къ уничтоженію частной собственности и къ передачѣ всего необходимаго для производства (земли, орудій труда и всѣхъ богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ) въ руки самого народа; въ этомъ мы сходимся съ другими соціалистами. Но въ то же время мы стремимся къ уничтоженію государства, и въ этомъ мы съ ними расходимся. Мы убѣждены, что никакого существеннаго прогресса на экономическомъ пути невозможно достигнуть безъ одновременнаго разрушенія государственной организаціи, которая и развилась то въ исторіи ради обоснованія правъ на землю, на орудія труда и на народный трудъ въ пользу тѣхъ, кто нынче составляетъ правящіе и владѣющіе классы. *)

*) См. предисловіе Кропоткина къ брошюрѣ Бакунина „Парижская коммуна и понятіе о государственности".

Уничтоженіе частной собственности намъ обезпечитъ экономическое благосостояніе, уничтоженіе государства—свободу личности. Вотъ почему мы говоримъ: *хлѣбъ* и *воля.*

Но насъ могутъ спросить, какимъ образомъ мы можемъ согласовать непосредственную борьбу за осуществленіе нашего идеала, т. е. анархическаго коммунизма, съ такъ называемой насущной задачей Россіи: низверженіемъ абсолютизма. Мы прекрасно знаемъ, что не завтра или послѣзавтра осуществится въ Россіи анархизмъ, т. е. безгосударственный соціализмъ. Но мы также знаемъ, что его осуществленіе можетъ надолго отдалиться, если мы теперь же не начнемъ дѣйствовать соціалистически, т. е., если мы нашею пропагандою словомъ, печатью и примѣромъ не содѣйствуемъ пробужденію революціоннаго духа и соціалистическаго сознанія рабочихъ массъ. Не конституція, какъ таковая, намъ нужна, такъ какъ мы вообще противъ всякаго государства, а *свобода слова, печати и собраній, чтобы мы послѣдовательнѣе могли вести нашу соціалистическую пропаганду и ускорить соціальную революцію.* Мы добьемся этого нашей энергичной и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельной борьбой, потому что всякій союзъ рабочаго класса съ буржуазными элементами мы считаемъ вреднымъ. Мы отличаемся отъ другихъ революціонеровъ, нынѣ работающихъ въ Россіи, тѣмъ, что мы конституцію не ставимъ даже временною цѣлью нашихъ усилій. Преслѣдуя уничтоженіе всякаго государства, *мы стремимся къ ослабленію, дробленію всякой власти, какъ территоріально, такъ и въ ея отправленіяхъ, чтобъ въ концѣ концовъ довести ее до нуля.* Конституція можетъ явиться *временнымъ результатомъ* нашей противогосударственной дѣятельности; тѣмъ лучше для конституціоналистовъ, насъ она нисколько не остановитъ въ борьбѣ противъ государства. Въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ либо, мы нуждаемся въ противогосударственной пропагандѣ. Никакая конституція не уменьшитъ гнетъ надъ народами, населяющими Россію, если господствующій теперь у насъ принципъ централизаціи будетъ сохраненъ. Децентрализація Русской имперіи является неизбѣжной необходимостью для всѣхъ, кто серьезно и искренне думаетъ объ учрежденіи такого режима, который не мѣшалъ бы нормальному развитію ея обитателей. Множество мелкихъ народностей, входящихъ въ данное время въ составъ Русской Имперіи, должны получить полную свободу выдѣлиться совершенно, если онѣ этого пожелаютъ, или же войти въ одну общую федерацію,

Хлѣбъ и Воля.

Статьи:
П. Кропоткина, В. Черкезова,
Э. Реклю, Л. Бертони
и другихъ.

Издательство „Священный Огонь“ Ал. Морского.
С. Петербургъ.
1906 г.

заціи, о которыхъ мы говоримъ? Что, еслибы рабочіе Москвы, Петербурга, Кіева, Тифлиса и т. д. и т. д. объявили бы тоже стачку, чтобы поддержать своихъ ростовскихъ товарищей? Еслибы они въ разныхъ городахъ устроили разнаго рода революціонныя попытки, вооруженныя демонстраціи тамъ, гдѣ они это нашли бы нужнымъ и возможнымъ? Еслибы они во многихъ мѣстахъ сразу, прекративши производство тѣмъ, что оставили работу, постарались бы остановить поѣзда, почту, телеграфы и телефоны? Тогда правительство растерялось бы передъ такою широтою движенія, не знало бы куда посылать свои войска, и ему пришлось бы уступить или погибнуть. А потому первая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы создавать такого рода организаціи, въ которыхъ рабочіе сплачивались бы для успѣшной борьбы съ капиталистическимъ произволомъ посредствомъ *стачекъ*, *бойкота*, *саботажа*, демонстрацій во всѣхъ формахъ. Кромѣ того, такія организаціи будутъ подготовлять рабочихъ *ко всеобщей стачкѣ*, этой прелюдіи соціальной революціи. Да, въ такой организаціи рабочій, *дѣйствительно*, воспитается для *соціальной революціи, а не той, которая одну власть замѣняетъ другою.* Такія организаціи окончательно убѣдятъ рабочаго, что его освобожденіе *какъ класса* возможно только путемъ *соціальной революціи* и тогда онъ, собравъ всѣ свои силы, откроетъ ее всеобщей стачкой и довершитъ экспропріацію капиталистовъ: общественное богатство принадлежитъ тому, кто его производитъ.

Товарищи революціонеры!

Народныя рабочія массы и въ Россіи и въ Западной Европѣ готовятся къ борьбѣ. Великая идея экономическаго и политическаго освобожденія, идея свободы, какъ молнія прорѣзающая во всѣхъ концахъ Европы мракъ государственнаго рабства, увлекаетъ за собой все большія и все растущія рабочія массы, выводя ихъ на арену исторической дѣятельности. Вокругъ насъ кипитъ эта внутренняя, организующая революціонная работа, которая, подпиливая всѣ устои современнаго государства и капитализма, расшатывая ихъ, создавая новую мораль, новое право, новый идеалъ и новую личность, призываетъ сбросившіе оковы, организованные народные

кадры къ полному разрушенію государства и капитализма, къ свободной, творческой исторической жизни.

Передъ нами развертывается перспектива величественнаго, могучаго, полнаго жизни и блеска періода. Выступленіе народныхъ массъ, ихъ движеніе, ихъ разрушительная и творческая самодѣятельность являются характерной чертой его, это зарницы той грозы, которая освѣжитъ загнившую, удушливую, заразившую міазмами государства атмосферу общественной жизни. Мы ихъ видимъ, мы слышимъ приближеніе народной революціи, передъ нами широкое поле начавшейся гражданской войны.

Враждующія силы ясно и отчетливо выдѣляются.

Предвидя свою гибель въ случаѣ дальнѣйшаго развитія движенія низовыхъ массъ, ненавидя мощный и красивый идеалъ безгосударственнаго коммунизма, выдвинутый ими, безсильные противопоставить этому растущему какъ лавина, несущему свободу, идейному, революціонному потоку что либо, кромѣ грубой физической силы и сознательнаго внесенія разврата во всѣхъ видахъ и формахъ—власть и капиталъ имѣющіе классы стараются удержать за собой свои привиллегированныя позиціи. Они развернули всѣ свои силы, они выдвинули всю свою артиллерію, они пустили во весь ходъ созданную ими для ихъ вѣчнаго господства и для вѣчной эксплуатаціи народа государственную машину. Суды, войска, шпіоны, плети, попы, нагайки, газетный и церковный обманъ—все пущено въ дѣло. Удержать за собой во что бы то ни стало экономическую и политическую власть и управленіе всѣмъ ходомъ народной жизни—вотъ ихъ единственная задача минуты. Ненависть къ свободѣ и ярость при видѣ попытокъ и стремленій свергнуть съ себя *всякую* форму управленія, *всякій* гнетъ—вотъ ихъ единственныя чувства.

Но не смотря на принятыя мѣры, грозный напоръ крестьянскихъ и рабочихъ массъ, неудержимое тяготѣніе ихъ къ равенству и соціальной справедливости растетъ, а страшный призракъ соціальной революціи приближается.

Подъ ея угрозой, и только подъ угрозой ея, имущіе классы и либерально-демократическіе элементы начинаютъ волноваться, желая сгруппироваться и сплотиться, подѣлившись другъ съ другомъ властью и прибылью, лишь бы не дать крестьянамъ и рабочимъ вырваться совершенно на волю, лишь бы удержать въ рукахъ

бразды правленія, и сбивъ народныя массы съ революціоннаго пути, затуманивъ головы, легализировавъ движеніе, подготовивъ новую форму угнетенія, ловкимъ политическимъ обманомъ укрѣпить свои пошатнувшіяся позиціи.

Товарищи революціонеры! Мы наканунѣ революціи и мы привѣтствуемъ ее. Мы готовимся къ ней. Мы надѣемся только на революцію снизу, только на творческую и разрушительную дѣятельность массъ. За нами эта громада дюжихъ, рабочихъ силъ, и только она проложитъ путь къ свободѣ. Мы не забыли и не забудемъ, какъ буржуазія и привеллигированные классы во времена всѣхъ революцій создавали новыя революціонныя правительства, новыя формы государственнаго угнетенія, чтобы жестоко подавлять возставшія массы. Мы отлично знаемъ, что и въ Россіи будутъ сдѣланы тѣ-же попытки, появятся тѣ-же парламентеры и представители управленія и власти вообще, которые, презирая толпу, будутъ говорить ей, чтобы она бездѣйствовала, не безпокоилась, положась на нихъ,— чтобы въ это время приготовить для нея пушки. Будутъ издавать законы и постановленія, говорить въ парламентахъ громкія и звонкія фразы, указывать и приказывать, тѣшиться, стараясь представить изъ себя историческихъ дѣятелей и благодѣтелей темнаго, безпомощнаго народа.

Но наше мѣсто и до и послѣ революціи въ рядахъ народныхъ толпъ. Мы съ ними теперь, мы съ ними и среди нихъ и останемся. Неся въ ихъ среду проповѣдь свободнаго, безгосударственнаго коммунизма, разоблачая совершенный надъ ними и готовый совершиться историческій обманъ, вселяя недовѣріе къ какимъ бы то ни было формамъ государственнаго управленія, мы будемъ ихъ призывать къ самостоятельной, творческой, революціонной работѣ. Мы знаемъ, что только тогда, когда крестьяне и рабочіе возьмутъ свою судьбу въ свои руки, когда они съ перваго революціоннаго выстрѣла будутъ знать, что новая эра встаетъ передъ ними, что имъ самимъ надо покончить со старымъ міромъ и взяться за постройку новаго, только тогда разразившаяся революція заговоритъ о дѣйствительныхъ нуждахъ, страданіяхъ и потребностяхъ народа, забывъ на время объ его обязанностяхъ, и онъ, не дожидаясь позволенія и новыхъ законовъ, якобы народныхъ, революціонныхъ правительствъ, именемъ и по праву возставшаго народа прямо возьметъ фабрики и заводы, землю и все то, что ему принадлежитъ.

Безгосударственный коммунизмъ какъ цѣль, соціальная революція какъ средство! Только вставши на эту точку зрѣнія, мы возьмемся за конецъ того рычага, которымъ можно сдвинуть съ мѣста теперешнее государство; только вставши на эту точку зрѣнія, мы поможемъ рабочему и крестьянину выбраться изъ тупыхъ угловъ и темныхъ закоулковъ, въ которые его загнала исторія-мачеха; только вставши на эту точку зрѣнія, можно осуществить великую идею свободы и теперешнему экономическому и политическому рабству положить конецъ.

Не наше мѣсто въ парламентахъ, не намъ заботиться о созданіи новыхъ формъ управленія, новыхъ формъ государственнаго гнета, хотя бы и болѣе мягкаго. Это дѣло либераловъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, это дѣло власть и капиталъ имущихъ. Если они окажутся настолько сильными, что сумѣютъ навязать намъ болѣе усовершенствованный, тонкій и смягченый видъ порабощенія, не дадутъ довести до конца нашего освободительнаго, народнаго движенія, мы отнесемся къ этому какъ къ исторической необходимости и, укрѣпившись и расширивъ движеніе и вширь и вглубь, объявимъ революцію неоконченной, не угасшей, принявшей форму хронической. Не уступая пяди завоеванной территоріи, не поддавшись ни на шагъ назадъ, съ народомъ и черезъ народъ, не покидая его ни минуты, не отходя отъ него на высоты правительственныхъ сферъ, мы будемъ итти съ нимъ рука объ руку отъ одной битвы къ другой, отъ одной побѣды къ слѣдующей, пока отъ всѣхъ формъ управленія и экономическаго рабства не останется одинъ пепелъ.

Что-же дѣлать?

Мы—пролетаріи, т. е. люди принужденные продавать свой трудъ. Мы—революціонеры. Нашъ врагъ—буржуазія и его слуга—государство. Съ врагами мы признаемъ только борьбу; борьбу сегодня, борьбу завтра и такъ до полной нашей побѣды. Всякія соглашенія, тѣмъ болѣе же союзы, съ буржуазіей мы поэтому рѣшительно отвергаемъ. Пускай предлагается союзъ только временнаго характера, пускай предлагается союзъ съ самыми передовыми, самыми революціонными буржуазными партіями, все равно мы можемъ только отвергнуть подобныя предложенія. Какъ буржуазнымъ революціонерамъ,

такъ и намъ нужна «политическая свобода». Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что у пролетаріевъ и у буржуазіи въ настоящее время въ Россіи общая цѣль. Подъ двумя словами «Политическая свобода» могутъ помѣститься разныя, даже прямо противоположныя понятія. Да и средства для достиженія цѣли у насъ и у буржуазныхъ революціонеровъ разныя. Намъ нужна свобода слова, печати союзовъ и организацій. Мы ясно понимаемъ, что настоящей, полной «свободы» мы достигнемъ только послѣ соціальной революціи и полнаго разрушенія государства. Всякое государство—это только форма проявленія воли господствующихъ классовъ. Между «свободной» Франціей и «манархической» Россіей мы видимъ больше сходства, чѣмъ разницы! Несмотря на это, мы цѣнимъ даже и неполную «свободу слова, печати, союзовъ и организацій». Намъ нужна эта неполная «свобода», такъ какъ она помогаетъ намъ соединяться..... соединяться для болѣе успѣшной борьбы съ буржуазіей.

Отъ другихъ революціонныхъ партій насъ отличаетъ оцѣнка гарантій и способъ достиженія политической свободы. Мы не ирпдаемъ никакого значенія охранѣ «свободы» конституціею и законами. За законами, охраняющими «свободу» относительную, очень условную «свободу», всегда неминуемо слѣдуетъ судъ, наказаніе, тюрьма, даже казнь для нарушителей закона! За законной охраной свободы всегда слѣдуетъ полиція, жандармы, власть; всегда въ концѣ концовъ выростаетъ государство!... Мы хотимъ не бумажной, а реальной охраны достигнутой въ борьбѣ степени свободы. Такую охрану даетъ только сплоченность и сознательность самихъ угнетенныхъ, ихъ готовность каждую минуту защищать силой уже отвоеванную отъ буржуазіи «свободу».

Въ разрушеніи—созиданіе, и въ созиданіи—разрушеніе. Разрушая наложенныя капиталомъ и гусударствомъ на рабочихъ цѣпи, мы уже этимъ самымъ создаемъ будущее свободное общество. Сплачивая угнетенныхъ, поднимая ихъ самосознаніе, мы этимъ самымъ уже разрушаемъ существующій строй. Сплоченная и сознательная часть угнетенныхъ работниковъ, пролетаріатъ, это—ядро будущаго свободнаго общества, того общества, которое послѣ побѣды замѣнитъ современное государство. Будущее свободное общество уже теперь растетъ и растетъ снизу вверхъ! Поэтому то мы и придаемъ громадное значеніе черной, организаціонной работѣ.

Степень «свободы», допускаемая буржуазными законами, всегда

и вездѣ соотвѣтствуетъ уже завоеванной, въ дѣйствительности уже существующей степени свободы. Этого никогда не надо забывать. Что бы въ Россіи расширить права личности, называемыя «политической свободой», надо прежде всего уничтожить рабскій страхъ передъ полиціей, жандармами, судомъ и законами. Надо поднять у угнетенныхъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе своей силы. Надо развивать смѣлость мысли, смѣлость и самостоятельность въ дѣйствіяхъ, надо развивать революціонную инициативу. Чтобы добиться свободы слова, надо перестать бояться говорить, бояться открыто исповѣдывать свои убѣжденія. Необходимо пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для произнесенія публично смѣлыхъ революціонныхъ рѣчей. Чтобы добиться «свободы печати»,—надо ввозить, печатать, распространять свободную литературу. Чтобы добиться «свободы союзовъ и организацій», надо въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ сплачивать угнетенныхъ въ кружки, въ группы, въ рабочіе союзы и въ революціонныя организаціи. Изъ сказаннаго понятно, почему мы не ставимъ даже только временной цѣлью—политическое освобожденіе. Нужную намъ политическую свободу мы возьмемъ въ борьбѣ со всѣмъ существующимъ строемъ, возьмемъ ее попутно, силой, съ бою!... Большое значеніе мы придаемъ повседневной борьбѣ рабочихъ съ хозяевами. Эта борьба понятна широкимъ массамъ угнетенныхъ, массамъ, часто гораздо больше проникнувшимся чувствомъ классовой ненависти, чѣмъ классовымъ сознаніемъ. Эта повседневная экономическая борьба была и долго еще останется лучшей школой революціонной борьбы. Повседневная борьба—хорошее средство для сплачиванія угнетенныхъ Часто хорошо бываетъ начинать революціонную агитацію и борьбу на почвѣ реальныхъ мѣстныхъ интересовъ, выставлять частныя, всѣмъ понятныя требованія. При этомъ можно разсчитывать соединить большее число угнетенныхъ. Въ періодъ самой борьбы можно сильно расширить требованія. Личное участіе въ общей борьбѣ больше выяснитъ рабочимъ, чѣмъ книги. Революціонеру придется только освѣтить событія и поднятые самой жизнью вопросы. Надо съ самаго начала въ стачку и демонстрацію вносить побольше революціонности, побольше активности. При благопріятныхъ обстоятельствахъ простая стачка, мѣстная демонстрація можетъ перейти въ революцію. Могучимъ средствомъ повседневной борьбы является саботажъ. Саботажъ—это работа, соотвѣтствующая

вознагражденію. Лѣнивая, умышленно небрежная работа за низкую плату. Это—служба спустя рукава. Стихійно саботажъ уже давно и широко примѣняется въ Россіи. Особенно большое значеніе саботажъ можетъ имѣть для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Но мы боремся не за улучшеніе жизни, не за реформы, а за «Хлѣбъ и Волю». Угнетенные могутъ освободиться только путемъ соціальной революціи, направленной одновременно на уничтоженіе частной собственности и на разрушеніе государства. Будетъ ли полное освобожденіе достигнуто одной или рядомъ революцій, все равно вся черная, организаціонная работа должна вестись подъ краснымъ знаменемъ соціальной революціи во имя полнаго освобожденія отъ гнета капитала и полнаго разрушенія государства.

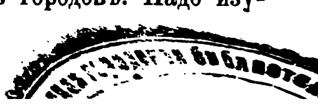
Соціальная, рабочая революція можетъ быть только коммунальнаго характера. Будущая революція можетъ быть только рядомъ связанныхъ другъ съ другомъ мѣстныхъ, самостоятельныхъ революцій. Прямая—кратчайшее разстояніе между двумя точками. Мы стоимъ за поднятіе краснаго революціоннаго знамени теперь-же всюду, гдѣ есть для этого силы. Первыя революціонныя попытки, первыя коммуны, можетъ быть, даже вѣроятно, будутъ подавлены. Но одна изъ коммунъ послужитъ искрой, которая зажжетъ интернаціональный революціонный пожаръ. Надо вникнуть въ то, что безъ первыхъ, можетъ быть, неудачныхъ попытокъ—никогда не будетъ вторыхъ удачныхъ. Ошибками учатся. Не надо бояться ошибокъ, надо рѣшиться начать... Мы высказываемся, такимъ образомъ, за бунтарство... Въ половинѣ XIX столѣтія въ Россіи крестьяне освободили себя отъ крѣпостной зависимости, отъ помѣщиковъ рядомъ мѣстныхъ бунтовъ. Продолжая борьбу, крестьяне освободились бы и отъ крѣпостной зависимости отъ государства. Но, когда стало выясняться, что освобожденіе крестьянъ—неизбѣжное будущее, тогда Александръ II поспѣшилъ санкціонировать манифестомъ уже начавшееся освобожденіе, чтобы государственнымъ вмѣшательствомъ затормозить народное самоосвобожденіе, чтобы потушить разгоравшійся революціонный пожаръ. Идею бунтарства пропагандировалъ Бакунинъ. Соціалисты 70-хъ годовъ пытались идею бунтарства провести въ жизнь. Имъ не удалось разжечь рядъ мѣстныхъ бунтовъ и связать ихъ въ соціальную революцію. Имъ не удалось... Но изъ ихъ неудачи нельзя выводить, что сама идея бунтарства — выду-

манная, безжизненная идея. Эта идея вовсе не родилась въ головахъ мечтателей, а взята была прямо изъ народной жизни.

Присматриваясь къ революціонному движенію въ Россіи, въ особенности же къ массовому революціонному движенію последнихъ лѣтъ, мы видимъ, что тамъ и сямъ, въ разныхъ концахъ Россіи, происходятъ революціонныя вспышки. Почти всегда эти вспышки возникаютъ стихійно и являются неожиданностью. Почти всегда эти вспышки подавляются въ самомъ началѣ своего развитія. Когда же онѣ всетаки развиваются въ крупныя событія, то сами участники не знаютъ, что имъ дѣлать. Но, не смотря на все это, всѣ революціонныя вспышки всегда имѣли громадное значеніе. Всѣ онѣ давали отголоски, всѣ онѣ вызывали въ другихъ мѣстахъ сильное броженіе. Легко поэтому себѣ представить, что если бы аграрные безпорядки въ Полтавской, Харьковской или Саратовской губ. или стачка въ Ростовѣ развились-бы въ мѣстную революцію, то значеніе ихъ было бы прямо грандіозно. Коммуна въ Ростовѣ, Харьковѣ, Саратовѣ или другомъ городѣ была бы искрой, зажегшей пожаръ соціальной революціи, была-бы сигналомъ къ обще-европейской рабочей революціи.

Но надо работать на мѣстахъ, чтобы быть въ силахъ развивать стихійныя революціонныя вспышки въ революцію, чтобы направлять революціонную энергію и воодушевленіе массъ на дѣйствительныхъ враговъ, на капиталъ и государство. Надо разъ на всегда отказаться отъ вздорной мысли, будто возможно управлять революціоннымъ движеніемъ изъ-за границы посредствомъ центральныхъ комитетовъ. Надо разъ навсегда отказаться отъ якобинства!

Мы хотимъ обратить вниманіе товарищей, работающихъ въ Россіи, на всеобщую стачку. Главная мысль всеобщей стачки—нарушить, пріостановить обыденный ходъ жизни какого-нибудь города, области, государства. Всеобщая стачка уже теперь является могучимъ оружіемъ въ рукахъ европейскихъ рабочихъ. Буржуазія боится, какъ огня, всеобщей стачки. Въ недалекомъ будущемъ всеобщая стачка сыграетъ большую роль, какъ прологъ или даже первое дѣйствіе мѣстной коммунальной революціи. Всеобщая стачка—это подготовительная передъ штурмомъ осада буржуазіи. Мы понимаемъ, что просто копировать европейскія всеобщія стачки въ Россіи невозможно, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Надо изу-

чить мѣстныя условія, узнать мѣстный обыденный ходъ жизни и соотвѣтственно этому организовать всеобщую стачку.

Революціонное значеніе всеобщей стачки сводится главнымъ образомъ къ слѣдующему: 1) Всеобщая стачка обнаружитъ, такъ сказать, проявитъ дѣйствительное количество и состояніе революціонныхъ силъ и силъ врага. 2) Она сплотитъ вокругъ краснаго знамени, поднятаго рабочими, всѣхъ недовольныхъ. Она дастъ мѣсто открытой и широкой революціонной агитаціи. Какъ бы не былъ коротокъ этотъ періодъ, онъ очень важенъ. 3) Подготовитъ въ другихъ городахъ почву для сочувственной поддержки революціонной попытки. 4) Дезорганизуетъ силы врага. Вызоветъ панику среди буржуазіи и растерянность властей. Очень вѣроятно, что даже вызоветъ бѣгство части буржуазіи и властей.

Когда всеобщая стачка удалась, когда движеніе перешло уже въ революцію, мы совѣтуемъ товарищамъ вооружаться главнымъ образомъ *самостоятельностью и смѣлостью*. Конфискуйте все, что нужно пролетаріямъ, народу. Не бойтесь уничтожать все, что нужно было раньше только буржуазіи, а теперь совершенно не нужно уже народу, рабочимъ, соціалистамъ. Только не создавайте новыхъ властей, новыхъ правительствъ, новыхъ самодержавныхъ диктатуръ!

Впередъ-же! За Хлѣбъ и Волю!

Почему мы анархисты.

1) Потому что мы, прилагая къ жизни общества тотъ принципъ, который мы находимъ въ мірѣ, т. е. непрерывное, безконечное и всестороннее разнообразіе, видимъ, что только философское міровоззрѣніе анархизма не противорѣчитъ этому принципу и открываетъ передъ нами широкіе горизонты гармоническаго развитія общества и его движенія впередъ.

2) Мы знаемъ, что при безконечномъ развитіи всѣхъ наукъ, въ томъ числѣ и общественныхъ, должно наступить такое время, когда нашъ идеалъ общественной жизни—анархія, какъ мы ее понимаемъ теперь, не будетъ удовлетворять требованіямъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣрены въ томъ, что, работая уже въ настоящее время для достиженія полнаго счастья личности, содѣйствуя

росту свободной инициативы и духу солидарности всѣхъ, мы, безъ малѣйшаго ущерба для кого бы то ни было, не предрѣшая заранѣе научныхъ отвѣтовъ на вопросы и сомнѣнія, которыя мы можемъ встрѣтить на нашемъ пути, теперь уже, т. е. въ настоящее время, содѣйствуемъ движенію общества впередъ.

3) Общественныя науки, подобно другимъ наукамъ, не отвѣчаютъ и при безконечномъ движеніи впередъ никогда не будутъ отвѣчать на всѣ намѣченные теперь и въ будущемъ вопросы, но, намѣтивъ извѣстное направленіе, работаютъ и ищутъ ихъ разрѣшенія; причемъ въ этой работѣ принимаютъ посильное участіе не только спеціалисты, но и всѣ простые смертные. Поэтому мы считаемъ вполнѣ возможнымъ и даже необходимымъ работать, не дожидаясь времени, когда спорныхъ вопросовъ не будетъ, и не ограничиваясь одной безспорной областью.

4) Потому что анархизмъ требуетъ полнаго счастья каждой личности, слѣдовательно полнаго счастья всѣхъ, и, главное, не допускаетъ несчастья хотя бы одного человѣка, такъ какъ, при общей зависимости людей другъ отъ друга, причину его несчастья пришлось бы искать въ неустройствѣ всего общества.

5) Потому что анархизмъ, высоко цѣня личность, признавая за ней полное право на счастье, вызываетъ тѣмъ самымъ къ дѣятельности всѣ силы, заложенныя въ ней природой.

6) Мы считаемъ, что при устройствѣ общества на началахъ безгосударственнаго коммунизма, развитіе всѣхъ силъ каждой отдѣльной личности не только не можетъ вредить другимъ, но напротивъ послужитъ тѣмъ самымъ наивысшему и наибольшему счастью людей.

7) Мы находимъ, что до сихъ поръ ни одна наука не только не противорѣчитъ возможности достиженія нашихъ стремленій, но напротивъ подтверждаетъ нашу увѣренность въ ихъ осуществленіи.

8) Мы отрицаемъ неизбѣжность такого устройства общества, гдѣ одни люди будутъ считать себя почему то выше другихъ и смогутъ считать себя счастливыми, сажая другъ друга въ тюрьмы. Вообще, по нашему мнѣнію, не можетъ быть счастья въ такомъ обществѣ, гдѣ будетъ возможность для однихъ, во имя какихъ бы то ни было мотивовъ, распоряжаться въ чемъ бы то ни было дру-

[illegible] общем
[illegible] общественн
[illegible] сред
[illegible]

[illegible]

[illegible] Евро
[illegible]

[illegible] Кавер
[illegible]
[illegible] соб
[illegible] и та
[illegible] Бра
[illegible] —Пред
[illegible]

[illegible]
[illegible] 3. [illegible]
[illegible] и рево
[illegible] и общест
[illegible] и рево
[illegible]

[illegible] и Красн
[illegible]

Развѣ трагедія въ Монца была любовная, а не политическая? И Бреши, убивая короля, совершалъ развѣ не политическій актъ?

Факты сами за себя говорятъ. Президенты, короли, министры, падающіе подъ ударами анархистовъ, во всемъ мірѣ считаются представителями, воплощеніями политики и политическаго строя. Какимъ же образомъ могла сложиться вздорная сказка, что анархисты, безстрашно нападающіе на главъ и правителей политическаго государства, отрицаютъ политическую борьбу? Не только анархисты не отрицаютъ политической *революціонной* борьбы, а за послѣдніе тридцать лѣтъ въ Европѣ только анархисты и вели революціонную пропаганду, какъ въ печати и въ рабочихъ организаціяхъ, такъ и прямыми нападеніями на капитализмъ путемъ всеобщихъ стачекъ, на государство—мѣстными бунтами и выше приведенными фактами изъ политической жизни Франціи, Испаніи, Италіи. Въ современной Европѣ—кромѣ Россіи и Балканскаго полуострова—существуетъ только одна революціонная партія,—это анархисты-коммунисты, и только одна она ведетъ революціонную борьбу съ государствомъ и съ капитализмомъ одновременно.

Правда, существуютъ десятки и сотни тысячъ людей, именующихъ себя революціонерами, хотя ни одного революціоннаго акта ими не было совершено ни индивидуально, ни группами, ни въ массѣ. Напримѣръ, соціаль-демократы во всей Европѣ любятъ декламировать на тему „революція", „революціонная борьба", „борьба съ оружіемъ въ рукахъ"... Но если вы, по простотѣ душевной, попросите у нихъ оружія, они вамъ торжественно подадутъ билетикъ для подачи голоса при выборахъ. Ежели полюбопытствуете относительно революціонной тактики,—вамъ укажутъ на законодательную дѣятельность въ парламентѣ съ обязательной *присягой* на вѣрность существующему государственному и соціальному строю. У добрыхъ людей подобный методъ борьбы назывался легальнымъ и мирнымъ парламентаризмомъ, которымъ одинаково пользовались всѣ политическія партіи, *кромѣ революціонной.* Мирный легализмъ и революція—понятія взаимно отрицающія другъ друга. Честный человѣкъ не можетъ, не станетъ присягать на вѣрность системѣ и учрежденіямъ, противъ которыхъ онъ намѣренъ бороться революціоннымъ путемъ съ оружіемъ въ рукахъ. А разъ присягнувъ, онъ не захочетъ нарушить клятвы и станетъ фактически лояльнымъ и мирнымъ подданнымъ. Мирными и лояльными стали, дѣйствительно, соціаль-де-

тики. Мы даже считаемъ что при подобныхъ условіяхъ общежитія никому не можетъ быть хорошо, такъ какъ такое общественное устройство только поддерживаетъ и усиливаетъ дисгармонію среди людей.

Анархизмъ и политика.

Намъ не разъ приходилось читать, будто бы анархисты отрицаютъ политическую борьбу. Откуда могло сложиться подобное мнѣніе? Факты, напротивъ, доказываютъ, что въ современной Европѣ только анархисты ведутъ революціонную борьбу съ государствомъ и его представителями, а государство, вѣдь, учрежденіе политическое par excellence *).

Во Франціи палъ подъ ударомъ кинжала анархиста Казеріо президентъ Карно; анархистъ Вальянъ взорвалъ бомбу въ палатѣ депутатовъ; анархисты съ бланкистами разгоняли буланжистовъ въ тотъ моментъ, когда послѣдніе съ ихъ опереточнымъ героемъ собирались совершить государственный переворотъ. Они же, анархисты, палочными ударами разгоняли монархистовъ, клерикаловъ и тайныхъ агентовъ военнаго министерства, грозившихъ низвергнуть республику, истребить, заключить въ тюрьмы Золя, Клемансо, Бриссона и другихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей.—Президентъ, палата, государственный переворотъ... все это, кажется, изъ области политики, а не метафизики.

Въ Испаніи анархисты устраиваютъ всеобщія стачки, строютъ баррикады, дерутся съ вооруженной полиціей, съ войсками; анархистъ Анжелило застрѣлилъ главу реакціоннаго министерства Кановаса въ его собственномъ кабинетѣ, и пораженная реакція пошла на политическія уступки обществу. Баррикады, борьба съ войсками, пораженіе правительства—опять таки событія политическія и революціонныя. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ исторія и общественныя науки подобную борьбу всегда называли политическою и революціонною.

Говорить ли объ анархистахъ Италіи? Не они ли положили конецъ деспотической и грабительской политикѣ Гумберта и Криспи?

*) По преимуществу.

Развѣ трагедія въ Монца была любовная, а не политическая? И Брешн, убивая короля, совершалъ развѣ не политическій актъ?

Факты сами за себя говорятъ. Президенты, короли, министры, падающіе подъ ударами анархистовъ, во всемъ мірѣ считаются представителями, воплощеніями политики и политическаго строя. Какимъ же образомъ могла сложиться вздорная сказка, что анархисты, безстрашно нападающіе на главъ и правителей политическаго государства, отрицаютъ политическую борьбу? Не только анархисты не отрицаютъ политической *революціонной* борьбы, а за послѣдніе тридцать лѣтъ въ Европѣ только анархисты и вели революціонную пропаганду, какъ въ печати и въ рабочихъ организаціяхъ, такъ и прямыми нападеніями на капитализмъ путемъ всеобщихъ стачекъ, на государство—мѣстными бунтами и выше приведенными фактами изъ политической жизни Франціи, Испаніи, Италіи. Въ современной Европѣ—кромѣ Россіи и Балканскаго полуострова—существуетъ только одна революціонная партія,—это анархисты-коммунисты, и только одна она ведетъ революціонную борьбу съ государствомъ и съ капитализмомъ одновременно.

Правда, существуютъ десятки и сотни тысячъ людей, именующихъ себя революціонерами, хотя ни одного революціоннаго акта ими не было совершено ни индивидуально, ни группами, ни въ массѣ. Напримѣръ, соціаль-демократы во всей Европѣ любятъ декламировать на тему „революція“, „революціонная борьба“, „борьба съ оружіемъ въ рукахъ“... Но если вы, по простотѣ душевной, попросите у нихъ оружія, они вамъ торжественно подадутъ билетикъ для подачи голоса при выборахъ. Ежели полюбопытствуете относительно революціонной тактики,—вамъ укажутъ на законодательную дѣятельность въ парламентѣ съ обязательной *присягой* на вѣрность существующему государственному и соціальному строю. У добрыхъ людей подобный методъ борьбы назывался легальнымъ и мирнымъ парламентаризмомъ, которымъ одинаково пользовались всѣ политическія партіи, *кромѣ революціонной.* Мирный легализмъ и революція—понятія взаимно отрицающія другъ друга. Честный человѣкъ не можетъ, не станетъ присягать на вѣрность системѣ и учрежденіямъ, противъ которыхъ онъ намѣренъ бороться революціоннымъ путемъ съ оружіемъ въ рукахъ. А разъ присягнувъ, онъ не захочетъ нарушить клятвы и станетъ фактически лояльнымъ и мирнымъ подданнымъ. Мирными и лояльными стали, дѣйствительно, соціаль-де-

мократы повсюду, хотя по странному недоразумѣнію, свою политику легальнаго и мирнаго парламентаризма они величаютъ революціонною.

Вотъ, противъ такой политики легализма съ присягой современному строю, противъ такой политической борьбы съ избирательнымъ билетомъ вмѣсто оружія въ рукахъ мы, анархисты, дѣйствительно, возстаемъ; такую мнимую политическую борьбу мы, дѣйствительно, отрицаемъ... Мало того, мы стараемся всѣми силами показать народу, что такая легальная политическая дѣятельность не только не революціонная, она не только не ослабляетъ современный государственный и общественный строй, а напротивъ упрочиваетъ власть правящихъ и эксплуататоровъ; пріучаетъ народъ къ покорности и къ законности по отношенію его угнетателей и грабителей. Мы говоримъ народу, что легальный парламентаризмъ въ капиталистическомъ государствѣ не только не приближаетъ торжества соціализма и не расширяетъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ правъ народа, а, напротивъ, ведетъ къ ограниченію даже существующихъ, революціонной борьбой завоеванныхъ народомъ правъ Государство и капитализмъпоступаются своими привилегіями только. предъ вооруженнымъ, грозящимъ, бунтующимъ, нападающимъ народомъ. Къ величайшему прискорбію, событія въ Германіи и Англіи подтверждаютъ наши предостереженія. Въ то время, когда въ Италіи Испаніи и во Франціи правительства были вынуждены пойти на либеральныя уступки народу и рабочимъ организаціямъ, въ Англіи и Германіи, съ ихъ многомилліонными, но мирными и легальными рабочими организаціями, изъ году въ годъ народныя права урѣзываются: право стачекъ, свобода печати, слова, личности, стали звукомъ пустымъ, особенно въ Германіи, гдѣ власть императора и наглость полицейскаго произвола напоминаютъ нравы добраго стараго до-революціоннаго времени. Въ трехъ названныхъ романскихъ государствахъ анархисты и ихъ революціонная борьба встрѣчаютъ симпатію и поддержку въ народѣ; правящимъ пришлось уступить. Въ Англіи и Германіи соціаль-демократы, именемъ науки и соціализма, увѣрили народъ, что анархисты, нападающіе на правителей и эксплуататоровъ народа, злѣйшіе его враги, а ихъ тактика всеобщей стачки, бунтовъ и взрывовъ—самая вредная реакція; увѣрили и въ томъ, что единственно цѣлесообразная тактика, приличная революціонерамъ,—мирный и легальный парламентаризмъ съ

присягой вѣрности капитализму, установленной власти и всему существующему буржуазному строю.

Конечно, легальность, терпѣніе, умѣренность и аккуратность съ присягой на вѣрность установленной власти тоже своего рода политика. Только это не политика революціонеровъ. Мадзини и Гарибальди никогда не присягали австрійцамъ, папству, бурбонамъ и другимъ итальянскимъ правительствамъ, противъ которыхъ они организовывали заговоры, бунты, революціи. Своимъ соотечественникамъ они рекомендовали не политику мирнаго подчиненія и легализма, а борьбу, возстаніе, революцію. Ихъ пламенныя прокламаціи звали честныхъ людей не къ избирательнымъ урнамъ, а въ ряды борцовъ и заговорщиковъ. Зато человѣчество и исторія и удивляются ихъ честной, самоотверженной преданности революціонеровъ, готовыхъ всегда отдать всѣ блага жизни, личное благополучіе и самую жизнь за свои убѣжденія и идеалы.

Въ свою очередь, и Бланки не присягалъ на вѣрность монархіи и второй имперіи, противъ которыхъ онъ и его друзья устраивали заговоры, совершали *„неудачныя"* нападенія съ оружіемъ, а не съ избирательнымъ билетомъ въ рукахъ. Великій узникъ XIX ст. звалъ народъ на борьбу съ эксплуататорами и съ угнетателями не въ избирательныя собранія и даже не въ парламенты... Нѣтъ. Онъ звалъ на баррикады и подъ знамя соціальной революціи съ девизомъ.

„Ni dieu, ni maitre" *)

Его девизъ—нашъ девизъ. Его призывъ и призывъ Мадзини и Гарибальди къ борьбѣ, къ бунту, къ революціи мы повторяемъ нашему поколѣнію на всѣхъ языкахъ. Какъ Бланки, мы объявили войну властямъ небеснымъ и земнымъ. Разрушая власть и государство, мы совершаемъ политическій актъ; разрушая капитализмъ и эксплуатацію человѣка человѣкомъ, обществомъ и государствомъ— мы совершаемъ актъ соціалистовъ революціонеровъ **).

Анархизмъ объединилъ политику и соціализмъ, выработалъ

---

*) Ни бога, ни начальства.

**) Это выраженіе надо понимать въ настоящемъ его смыслѣ, а не какъ П. С. Р. Ред.

синтезъ революціи: революціонной борьбой разрушать одновременно государственный и капиталистическій строй, угнетающіе человѣчество.

Анархизмъ не индивидуализмъ.

Анархизмъ не есть индивидуализмъ. Анархизмъ признаетъ для всѣхъ равноправность существованія и самозащиты отъ чьихъ бы то ни было экономическихъ и политическихъ посягательствъ. Анархистъ не говоритъ: я выше всѣхъ,—онъ говоритъ: я равенъ каждому, но ни отдѣльной личности, ни многимъ я не подчинюсь— я хозяинъ своихъ поступковъ. Анархизмъ не есть отрицаніе общества, не есть отрицаніе организаціи, солидарности; онъ призываетъ къ добровольной солидарности и считаетъ освобожденіе человѣчества возможнымъ только при условіи освобожденія личности. Путемъ организаціи свободныхъ личностей, добровольно вкладывающихъ свой трудъ въ общественное—оно же и личное—дѣло, человѣчество можетъ проявить наивысшую сумму энергіи и достигнуть наибольшихъ результатовъ въ приспособленіи природы для своихъ цѣлей.

Замѣтка объ анархической тактикѣ въ Россіи.

Мы говоримъ, что нужна не конституція, а свобода: свобода печати, слова, ассоціацій и коалицій.

Разъ это такъ, то не будемъ ждать разрѣшенія на это и декретовъ Земскаго Собора, Учредительнаго Собранія и имъ подобныхъ законодательныхъ учрежденій, а приступимъ непосредственно къ осуществленію этой свободы сейчасъ-же. Приведемъ въ движеніе наши печатные станки, начнемъ созывать собранія, когда намъ это представляется нужнымъ, приступимъ къ организаціи рабочихъ союзовъ, а главное продѣлаемъ все это смѣло и открыто на виду у всѣхъ.

Не забудемъ, что важна не декретированная свобода, а свобода внутренняя, разлитая широкимъ моремъ въ самомъ же обществѣ, ставшая его неотъемлемымъ аттрибутомъ и смѣло, открыто имъ осуществляемая.

Безъ сомнѣнія, власти не будутъ дремать; безъ сомнѣнія ими будутъ пущены въ ходъ всѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи силы для «предупрежденія и пресѣченія», но разъ мы сознали необходимость свободы, разъ мы ее жаждемъ, то должны сумѣть и защищать ее. Обратимъ наши типографіи, мѣста нашихъ собраній и наши рабочія организаціи въ крѣпости и отряды для защиты свободы. Противопоставимъ силѣ силу и организуемъ отпоръ самый энергичный и цѣлесообразный.

Не забудемъ, что психологія революціонера такова: дѣлать то, что кажется нужнымъ дѣлать, а если запрещаютъ и мѣшаютъ, то всетаки продолжать дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Для характеристики нашей тактики.

I.

Во всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, посвященныхъ разработкѣ тактическихъ вопросовъ, мы проводили ту мысль, что въ практической дѣятельности *соціалисты* должны руководиться двумя положеніями, которыя безспорно можно считать неопровержимыми выводами исторической науки. Одно изъ этихъ положеній извѣстно подъ названіемъ „борьбы классовъ" *).

Другое положеніе, логически вытекающее изъ перваго, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: никогда и нигдѣ привиллегированные добровольно не отказывались отъ своихъ классовыхъ выгодъ.

Анализируя, съ точки зрѣнія принципа классовой борьбы, тактику парламентарныхъ партій, взявшихъ въ привычку величать себя соціально-революціонными, мы видимъ, что ни одна изъ нихъ не осталась вѣрною этому принципу — одному изъ краеугольныхъ камней современнаго соціализма. Мы не имѣемъ въ виду говорить подробно о классовой борьбѣ, это мы сдѣлаемъ въ другой разъ. Теперь намъ дастаточно указать, что *классовая борьба* есть един-

---

*) Кстати, эта послѣдняя вовсе не была открыта К. Марксомъ, какъ это совершенно ложно утверждается нашими соц. демократами, среди коихъ историческая точность не пользуется чрезмѣрной любовью.

ственная почва, на которой возможно построеніе здоровой, цѣлесообразной революціонной тактики.

Идея борьбы классовъ гораздо раньше Маркса была очень удачно формулирована Адольфомъ Бланки: «я прослѣживалъ шагъ за шагомъ великія событія, говоритъ онъ, и всегда на лицо были двѣ стороны: люди, желающіе жить своимъ трудомъ, и люди, которые хотятъ жить трудомъ другихъ... Патриціи и плебеи, рыбы и вольноотпущенники, гвельфы и гибелины, „бѣлыя" и „красныя розы", кавалеры и круглоголовые, приверженцы свободы и крѣпостники—все это лишь варіаціи, разновидности явленій одного и того же рода".

Эти слова французскаго писателя, опредѣляя сущность классовой борьбы, въ то же время могутъ служить прекрасной иллюстраціей слѣдующаго взгляда, который можно считать самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ соціальной науки: интересы экономически опредѣленныхъ классовъ (буржуазіи и пролетаріата) непримиримо противорѣчивы и, слѣдовательно, всякій разговоръ о «гармоніи интересовъ» пустая болтовня, пока цѣлъ капиталистическій строй—источникъ противорѣчія интересовъ, арена борьбы экономически неравныхъ. Объектъ борьбы для пролетаріата есть равенство; но, если для него осуществленіе равенства означаетъ освобожденіе изъ подъ гнета «людей, желающихъ жить чужимъ трудомъ», для буржуазіи оно есть потеря привиллегій, которыя даютъ ей возможность «жить чужимъ трудомъ». Какъ видимъ, интересы «сторонниковъ свободы», пролетаріата, и «крѣпостниковъ», т. е. буржуазіи, абсолютно противорѣчивы. Отсюда оппозиція между двумя классами, которая можетъ кончиться лишь только съ исчезновеніемъ капиталистическаго режима.

Это фактъ первостепенной важности и его не надо забывать при построеніи соціально-революціонной практической программы.

Теоретически всѣ «соціалисты» заявляютъ себя сторонниками классовой борьбы, но если вы изучите дѣятельность парламентарныхъ партій, именующихъ себя соціально-революціонными, вы убѣдитесь, что на дѣлѣ этотъ принципъ классовой борьбы совершенно забывается, и всѣ эти партіи дѣйствуютъ *сообща* съ буржуазными политическими партіями. Среди всѣхъ этихъ *практиковъ классового смѣшенія* одни анархисты составляютъ исключеніе; они были и остаются сторонниками классовой борьбы, но нестолько на словахъ, сколько на дѣлѣ. Это не голословное утвержденіе. Вѣдь не

простая случайность, что нигдѣ и никогда между анархическою и буржуазными партіями не было никакого союза, никакого соглашенія; слѣдовательно, анархистамъ никогда не приходилось идти на уступки буржуазіи, не приходилось считаться съ ея мнѣніемъ. Между нами и буржуазіей не можетъ быть никакого союза, никакой даже временной коалиціи. Между нами и буржуазіей нѣтъ другого общаго поля дѣйствія, кромѣ поля битвы, гдѣ каждый изъ насъ старается зарыть другого въ могилу.

Мы убѣждены, что нѣтъ такого историческаго момента, который требовалъ бы отъ пролетаріата союза съ буржуазными партіями потому что пролетаріатъ *не можетъ даже временно войти въ союзъ съ буржуазными партіями, не пріостановивъ свою борьбу противъ буржуазіи*. Союзъ двухъ враждебныхъ классовъ предполагаетъ перемиріе между ними и, какъ таковое, онъ не можетъ имѣть ни практическаго, ни воспитательнаго значенія для рабочаго. Кромѣ того, союзъ предполагаетъ какую нибудь общую почву дѣятельности, а какая же общая почва дѣятельности возможна между названными двумя классами, интересы которыхъ такъ противорѣчивы, что выигрышъ одного означаетъ проигрышъ другого, даже простое существованіе одного—буржуазіи, есть угнетеніе другого — пролетаріата. Теоретически это признается всѣми, а также и соціалистами-парламентаристами, но практически эти послѣдніе отъ Жореса до Каутскаго, отъ Каутскаго до Турати впутывали и впутываютъ классъ обездоленныхъ въ совмѣстную работу съ буржуазными партіями. Арена этого *смѣшенія классовъ* есть тотъ самый парламентъ, любовное томленіе къ которому является главною характерною чертою всѣхъ нашихъ политическихъ партій, отъ «Освобожденія» до «Искры» и до «Рев. Рос.».

Нѣтъ такого министерства въ странахъ парламентарнаго режима, которое не опиралось бы или всецѣло, или отчасти, или же въ извѣстный фазисъ своего существованія на *«союзъ партій»*. Возьмемъ нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ. Министерство Л. Буржуа во Франціи, наравнѣ съ буржуазными партіями, поддерживалось и соц. демократическою партіей съ Гэдомъ во главѣ. Для характеристики этого министерства достаточно указать, что оно отказалось, боясь обидѣть нѣкоторыхъ членовъ «союза», упразднить исключительные законы противъ прессы и анархистовъ, законы, прозванные французскими рабочими «подлыми законами». Чтобы

поддержать «болѣе прогессивное министерство», французскимъ соц. демократамъ пришлось вотировать секретный полицейскій фондъ, который, всякому извѣстно, требуется реакціонными партіями для дезорганизаціи все растущаго революціоннаго движенія. Тоже самое въ Италіи: министерство Цанардели продолжало поддерживаться итальянскою соц. демократическою партіею даже послѣ того, какъ Берра была обагрена кровью пролетаріата.

Чѣмъ подобная тактика не есть тактика смѣшенія классовъ? Что другое можетъ быть результатомъ такой тактики, какъ не притупленіе классового самосознанія? Употребляемое иногда выраженіе: «проституція мысли» становится понятнымъ для всякаго, кто изучаетъ исторію, развитіе и, въ особенности, современное состояніе парламентаризма.

Пусть никто не думаетъ, что, отказавшись отъ парламентаризма, мы потеряли что нибудь. Вѣдь болѣе чѣмъ 30-лѣтнее существованіе парламентарнаго режима, — если взять въ примѣръ Францію—ничего не принесло французскому рабочему. Если во Франціи и существуетъ тощая свобода прессы, если французскимъ правительствомъ и были приняты кое-какія паліативныя мѣры, въ видѣ экономическихъ реформъ, это не потому, что такъ хотѣлъ парламентъ, а потому, что рабочіе своими стачками, возстаніями, фактами коллективнаго или личнаго террора принудили его къ этому. Исторія реформъ, принятыхъ французскимъ правительствомъ за послѣднія 30 лѣтъ, намъ ясно показываетъ, что ни парламентъ, ни какое нибудь другое государственное учрежденіе никогда добровольно не являются инициаторами реформъ, имѣющихъ цѣлью улучшить положеніе рабочаго. Только въ томъ случаѣ, если рабочіе прямымъ революціоннымъ воздѣйствіемъ на буржуазію вырвали изъ ея окровавленныхъ когтей какую нибудь реформу, парламентъ санкціонируетъ ее и притомъ старается уменьшить ея значеніе, создавая всевозможныя вылазки для буржуазіи. Даже какъ санкція, парламентъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ такъ называемые, «охранительные законы» для рабочихъ попираются ногами буржуазіей каждый разъ, когда ей это вздумается. Только тамъ, гдѣ рабочіе крѣпко сплочены и революціонно настроены, буржуазія принуждена соблюдать предписанія «охранительныхъ законовъ». Мы видимъ, слѣдовательно, что пролетаріатъ не можетъ надѣяться на существующія государственныя учрежденія ни въ смыслѣ проведенія

реформъ, ни въ смыслѣ защиты ихъ отъ нарушенія со стороны буржуазіи, если они окажутся полезными пролетаріату. Еще меньше пролетаріатъ можетъ надѣяться на эти учрежденія въ смыслѣ осуществленія своего рабочаго идеала. Поэтому насъ всегда непріятно поражало стараніе нашихъ выше названныхъ политическихъ партій внушить рабочимъ и крестьянамъ нашей родины любовь къ будущему земскому собору, къ будущему парламенту, въ которомъ они будутъ дѣлать тоже самое, что дѣлается теперь въ парламентахъ западно-европейскихъ странъ тамошними парламентаріетами. Они создаютъ новый предразсудокъ—вѣру въ парламентъ,—который затормозитъ шествіе угнетенныхъ впередъ, прямо къ своей цѣли: *безгосударственному коммунизму.*

Мы же всегда говорили и будемъ говорить рабочему: «Не надѣйся на государственныя учрежденія, не стремись попасть въ парламентъ и не посылай туда своихъ представителей. Не твое дѣло заботиться о томъ, чтобы капиталистическій строй просуществовалъ какъ можно дольше; твое дѣло организовать твою силу, давши ей въ руководители твое сознаніе, такъ какъ ты долженъ быть увѣреннымъ, что только *твоя* сила, руководимая *твоимъ* сознаніемъ, способна дать тебѣ свободу». Такъ говоримъ мы обездоленнымъ и угнетеннымъ, и исторія ихъ борьбы противъ властвующихъ классовъ показываетъ, что мы правы. Пролетаріату нечего надѣяться, что онъ получитъ что нибудь отъ буржуазіи безъ насилія. Если бы буржуазія была способна добровольно соглашаться на тѣ или другія требованія пролетаріата, тогда всякій разговоръ о классовой борьбѣ былъ бы совершенно лишнимъ. Но пока въ исторіи нѣтъ примѣра добровольнаго отказа какого нибудь класса отъ своихъ классовыхъ привиллегій; пока намъ не укажутъ на историческіе факты, могущіе доказать возможность крупнаго мирнаго экономическаго переворота въ интересахъ трудящихся, и пока исторія говоритъ, что даже по отношенію серьезной реформы требуется, чтобы классъ, нуждающійся въ ней, борьбою, силою осуществилъ ее,—мы будемъ утверждать, что всякій другой путь, кромѣ рѣшительно революціоннаго, не приведетъ ни къ чему. Даже такой человѣкъ, какъ всемірно извѣстный историкъ Шлоссеръ, чуждый всякаго анархизма, пришелъ къ совершенно такому же заключенію.

Еще А. И. Герценъ говорилъ: «или казнить и идти впередъ, или миловать и застрять на полъ-дорогѣ». Мы не хотимъ застрять

на полъ-дорогѣ и предпочитаемъ казнить (конечно, не въ якобинскомъ смыслѣ) и идти впередъ. Свобода и экономическое благосостояніе даромъ не даются, они покупаются кровью!

Итакъ, передъ нами два основныхъ принципа:

1. *Непримиримость интересовъ пролетаріата и буржуазіи всюду и во всемъ при современномъ экономическомъ режимѣ. Отсюда, невозможность союзовъ, даже временныхъ, между этими двумя классами; невозможность перемирія.*

2. *Невозможность осуществленія принциповъ соціализма безъ насильственнаго воздѣйствія пролетаріата на буржуазію.*

Для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, эти два принципа являются основою всякой дѣйствительно соціально-революціонной тактики, и въ выборѣ средствъ мы всегда руководились и будемъ руководиться ими и только ими.

II.

Терроръ *).

Необходимость террористическихъ актовъ открыта не нами. Съ незапамятныхъ временъ люди прибѣгали къ этому средству каждый разъ, когда имъ нужно было отвѣчать на насиліе власть и капиталъ имущихъ. Съ тѣхъ поръ какъ подъ вліяніемъ сложныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, люди раздѣлились на имущихъ и неимущихъ, на начальниковъ и рабовъ, существуетъ и это средство самозащиты угнетенныхъ противъ угнетателей. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы только продолжаемъ исторію, а не создаемъ ее. Но если терроръ, какъ средство борьбы, вѣченъ, то характеръ его сильно измѣнился, такъ какъ измѣнилась сильно цѣль, ради которой совершается тотъ или иной террористическій актъ.

Теперь какъ то даже вульгарно доказывать, что тѣ неимовѣрныя звѣрства, которыя совершаются русскимъ правительствомъ, естественно вызываютъ террористическіе акты; кромѣ того, это уже

*) Приступая къ разбору средствъ борьбы, мы начинаемъ съ террора не потому, чтобы мы придавали ему первенствующее значеніе, а потому, что о другихъ средствахъ мы, хотя и вкратцѣ, но высказывались, а вопроса о террорѣ пока не касались.

неоднократно было сдѣлано «Р. Р.» Вмѣсто всякихъ словъ, приведемъ лучше одно историческое соображеніе: всякое правительство есть организованное насиліе, охраняющее привиллегіи правящихъ классовъ, и оно пуще всего боится насилія. Не логикѣ уступитъ буржуазія, а силѣ,—логикой только посмѣшишь и позабавишь ее. А разъ это такъ, то безъ насилія буржуазный строй не можетъ быть разрушенъ. Отсюда необходимость насильственныхъ мѣръ, а между послѣдними одною изъ главныхъ является терроръ.

Возьмите исторію любой страны, просмотрите всѣ ея политическіе и экономическіе перевороты, и вы увидите, что, чѣмъ глубже былъ переворотъ, тѣмъ террористическій періодъ, предшествовавшій ему, былъ интенсивнѣе. Развѣ исторія не доказываетъ намъ обиліемъ фактовъ, что терроръ является неизбѣжнымъ аттрибутомъ революціоннаго періода до и во время революціи? Мы теперь переживаемъ какъ разъ такой историческій моментъ, что отказаться отъ террора значитъ отказаться отъ революціонной дѣятельности, а потому приходится признать необходимость и своевременность террора. Къ этому насъ приводитъ сама жизнь.

Но, несмотря на наше признаніе террора за необходимое революціонное средство борьбы, мы всетаки расходимся съ другими русскими террористами. У насъ нѣтъ антибуржуазной террористической партіи. Наши террористы прибѣгаютъ къ террору исключительно въ виду политическихъ цѣлей. Бороться противъ сатраповъ посредствомъ террора — это понятно, но вести антибуржуазную террористическую борьбу—этого не могутъ понять наши соціалисты-революціонеры. Это, по ихъ мнѣнію, дѣло «нетерпѣливыхъ мечтателей», т. е. анархистовъ *).

---

*) См. листокъ „Р. Р.“ по дѣлу Гоца за № 84 22/4 марта/апрѣля 1903 г.

„Анархическая *антибуржуазная* пропаганда дѣйствіемъ, отвергаемая какъ соціалистами, такъ и *большинствомъ анархистовъ*...“ (курс. нашъ). Maitre, parlez pour vous!.. Откуда „Р. Р.“ взяла это „анархическое большинство“?

„.... Акты насилія, совершенные въ политически свободныхъ странахъ нѣсколькими анархистами, благородными, но нетерпѣливыми и непрактичными мечтателями...“ Да, мы *непрактичные* и потому мы не знаемъ о существованіи странъ *политически свободныхъ*. Исключительные законы противъ анархистовъ во Франціи, въ Швейцаріи, въ Америкѣ; Римская Конференція противъ нихъ же; насильственное прикрытіе ра-

Да, мы «мечтатели», и потому мы говоримъ, что терроръ есть для насъ ничто иное, какъ частичное предпріятіе того, что будетъ сдѣлано революціей, и такъ какъ революція не можетъ имѣть своей цѣлью замѣну одного правящаго класса другимъ, а разрушеніе основъ капиталистическаго строя, то и терроръ, признаваемый нами за революціонное средство, долженъ имѣть характеръ антибуржуазный и антигосударственный въ одно и тоже время.

Терроръ, опредѣленный такимъ образомъ и употребляемый противъ *всего существующаго строя*, можетъ принять различныя формы: онъ можетъ проявиться въ видѣ индивидуальнаго акта, или же въ видѣ фабричнаго, аграрнаго или массоваго террора.

Бываютъ моменты въ исторіи, когда власть и капиталъ имущіе съ особеннымъ цинизмомъ давятъ народъ. Не скрывая своей алчности, не довольствуясь ролью простыхъ кровопійцъ, они глумятся надъ павшими жертвами, попираютъ ногами человѣческое достоинство революціонера, павшаго въ борьбѣ за лучшее будущее, медленно отнимая у него жизнь насмѣшками и пытками. И было бы печально, если бы въ подобныя минуты изъ народа не выдѣлился человѣкъ—сынъ народа—способный дать острастку всѣмъ этимъ зарвавшимся господамъ.

Бываютъ также моменты, когда правительства, съ цѣлію застращать революціонеровъ, рѣшаются на самые жестокіе, подлые поступки, *) Кто не помнитъ, съ какимъ нахальствомъ Кановасъ, испанскій министръ, возстановилъ инквизицію для анархистовъ? Какъ изощрялись уполномоченные буржуазіи, придумывая новые виды пытокъ для анархистовъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ Монжуихъ, пріобрѣвшей такую печальную извѣстность? Народъ, который въ подобныя минуты не способенъ выдѣлить изъ своей среды человѣка, могущаго привести въ исполненіе его приговоровъ и тѣмъ самымъ

бочихъ биржъ и избіеніе и убійства полиціей и войсками стачечниковъ демонстрантовъ во Франціи; разстрѣливаніе рабочихъ, административныя ссылки анархистовъ и другихъ революціонеровъ въ Италіи; нахальная выдача Швейцаріей рабочихъ и др. революціонеровъ; самая безпощадная пытка анархистовъ въ Испаніи; господство юнкеровъ, капрализма и холоднаго, по нѣмецки систематическаго, мордобитія рабочихъ вь Германіи и т. д. и т. д.—все это бываетъ какъ разъ въ политически *свободныхъ* странахъ „Революціонной Россіи".

*) Факты изнасилованія въ русскихъ тюрьмахъ и пытки анархистовъ въ Испаніи съ циничною утонченностью (сдавливаніе половыхъ органовъ).

напомнить всѣмъ этимъ алчнымъ хищникамъ, что и терпѣнію народа есть конецъ, врядъ ли можетъ совершить революцію, или врядъ ли стоитъ на пути къ революціи. Вершители гнусныхъ актовъ хорошо понимаютъ, что издѣваясь такимъ образомъ надъ всѣмъ, что свято революціонерамъ, они этимъ бросаютъ имъ вызовъ. Это хорошо понимали и испанскіе инквизиторы. Въ подобную минуту нельзя не принять вызова, это было бы вдвойнѣ выгодно правительству: оно приметъ нашъ отказъ отъ дуэли за выраженіе робости, а во вторыхъ правительству хочется знать, способны ли реагировать на его звѣрства, и, если въ это время революціонеры останутся пассивными, правительство, не встрѣчая никакой опозиціи, и въ особенности не боясь наскочить на мстителя, съ большимъ цинизмомъ будетъ продолжать свою инквизиторскую дѣятельность. Въ эту минуту народу нужно черезъ кого-нибудь привести въ исполненіе свой приговоръ. Совершенный въ такую минуту личный актъ будетъ средствомъ коллективной самозащиты, и террористъ станетъ выполнителемъ народной казни *).

«Господа!» говорилъ Анжіолило, казнившій Кановаса.

«Вы видите передъ собой не убійцу, а исполнителя казни.

«Долгіе годы я слѣдилъ за событіями въ Европѣ. Я изучалъ положеніе Испаніи и другихъ странъ, которыя ее окружаютъ: Португаліи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Англіи. Мои занятія и мои симпатіи постоянно меня приводили въ соприкосновеніе съ бѣднымъ рабочимъ людомъ. Всюду я встрѣчалъ одни и тѣже слезы. Вездѣ наблюдалъ одни и тѣже революціонныя настроенія и надежды.

«Повсюду также я убѣждался въ черствости сердецъ богатыхъ и у власти стоящихъ людей и въ ихъ презрѣнія къ трудящемуся люду

«И въ это же время я узналъ, что въ Испаніи, этой классической странѣ инквизиціи, еще не умерли инквизиторы. Я узналъ, что сотни людей, заключенныхъ въ тюрьмѣ, отнынѣ получившей печальную извѣстность, подвергнуты были истязаніямъ. Я узналъ, что противъ нихъ были употреблены всевозможныя средневѣковыя пытки и, кромѣ того, то, что дала новѣйшая наука. Я узналъ, что пятеро изъ нихъ были убиты, что 70 другихъ осуждены на ужасныя наказанія, а тѣ, невинность которыхъ была доказана, были изгнаны изъ отечества.

*) Употребляемое нами слово казнь не слѣдуетъ понимать въ якобинскомъ смыслѣ.

«Тогда, господа, я сказалъ себѣ, что такіе ужасы не должны оставаться безъ возмездія. Я сталъ искать тѣхъ, кто отвѣтствененъ за нихъ. Изъ-за жандармовъ, исполняющихъ роль палачей, офицеровъ, исполняющихъ роль судей, и всѣхъ тѣхъ, кто исполняетъ чужія приказанія, я увидѣлъ того, кто ихъ даетъ.

«Въ глубинѣ своего сердца я почувствовалъ непреоборимое чувство ненависти противъ государственнаго дѣятеля, управляющаго посредствомъ террора и пытокъ, противъ министра, посылающаго на бойню тысячи и тысячи солдатъ и раззоряющаго налогами и поборами народъ, который могъ бы быть счастливымъ въ своей чудной, богатой и плодородной странѣ, противъ этого наслѣдника Калигулъ и Нероновъ, преемника Торквемады, послѣдователя Стамбулова и Абдула Гамида, противъ этого чудовища — Кановаса, — и я счастливъ и горжусь тѣмъ, что избавилъ отъ него землю.

«Развѣ дурно убить кровожаднаго тигра, который когтями разрываетъ груди и своими челюстями отрываетъ головы людей? Развѣ преступленіе раздавить ядовитую гадину?

«Если принять въ соображеніе совершенныя звѣрства, моя жертва была хуже сотень тигровъ и ядовитыхъ гадинъ. Въ ней было олицетворено все самое позорное, что заключается въ религіозномъ изувѣрствѣ, военной жестокости, незаконности суда, тираніи власти и алчности владѣющихъ классовъ.

«Я избавилъ отъ этого чудовища Испанію, Европу, весь міръ. Вотъ почему я—не убійца, а исполнитель казни».

Такимъ образомъ, въ подобныхъ условіяхъ личный актъ получаетъ характеръ вполнѣ заслуженнаго мщенія революціонеровъ за звѣрства угнетателей, Въ такія минуты это единственно возможный отвѣтъ народа, но отвѣтъ грозный, доказывающій его жезнеспособность. Личный актъ, совершенный въ указанныхъ условіяхъ, явится громкимъ и многозначущимъ свидѣтельствомъ активной революціонной ненависти ко всему тому, что угнетаетъ и что будетъ угнетать. Мы долго любили, любовь оказалась безплодной, теперь намъ нужно ненавидѣть, но сильно ненавидѣть.

Другое значеніе террористическаго акта мы видимъ въ его агитаціонномъ характерѣ. Хорошо иногда показать народу, что и г.г., ведущіе «райсьую жизнь», смертны. Историкъ Мишле разсказываетъ, что карьера Робеспьера была кончена, когда «зѣваки-, дошедшіе до его обожанія», узнали, что и онъ смертенъ.

Слухъ объ убійствѣ тирана, разрушая торжество лакейства, въ мигъ разносится по всей странѣ и даже индифферентныхъ вызываетъ на размышленіе. Пропаганда, сдѣланная террористическимъ актомъ, будетъ огромною, въ особенности, если терроръ не былъ совершенъ съ какой нибудь «дворцовою» цѣлію; если онъ не былъ совершенъ сословіемъ, желающимъ вырвать власть у другого сословія, если онъ былъ совершенъ не съ желаніемъ замѣнить плохого тирана хорошимъ, а *твердою и сознательною* рукою, убивающею тирана *за то, что онъ тиранъ*, за то, что онъ является представителемъ капиталъ и власть имущихъ. Пусть всякій властитель и эксплуататоръ знаетъ, что его «профессія» связана съ серьезными опасностями; и если, несмотря на это, находятся люди, желающіе сыграть роль собаки буржуазіи, то они этимъ самымъ пріобрѣтаютъ право на смерть. Повторяемъ: для того чтобы индивидуальный терроръ могъ имѣть агитаціонное значеніе, нужно, чтобы онъ примѣнялся въ защиту угнетенной половины человѣчества. При современныхъ условіяхъ приговоръ этой послѣдней не имѣетъ другой санкціи. Если правительства санкціонируютъ свои приговоры посредствомъ бѣлаго террора, то почему народу не прибѣгнуть для защиты своихъ интересовъ къ красному, революціонному террору!

Что касается прямыхъ непосредственныхъ результатовъ, то врядъ ли личный террористическій актъ можетъ имѣть какое нибудь серьезное послѣдствіе. На мѣсто убитаго тирана сядетъ другой. Но огромное революціонное значеніе личнаго акта отъ этого нисколько не уменьшится. Мы знаемъ изъ исторіи, что *въ этомъ процессѣ сверженія одного тирана за другимъ народъ учится ихъ ненавидѣть, его революціонное настроеніе принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ, и рано или поздно въ немъ зарождится, наконецъ, желаніе совершить казнь въ такихъ условіяхъ, чтобы она стала послѣднею казнью послѣдняго тирана.*

Но и съ точки зрѣнія непосредственныхъ результатовъ, нельзя считать личный актъ обрѣченнымъ на безусловную безплодность. Кто можетъ отрицать, что «геніи зла», Торквемада, Калигула, Неронъ, Побѣдоносцевъ или Кановасъ съ «большимъ цинизмомъ и съ большимъ талантомъ выполняютъ свою роль вампировъ, чѣмъ какіе нибудь маленькіе тираны и, слѣдовательно, ихъ «изъятіе изъ обращенія» можетъ принести непосредственную пользу. Прави-

тельству не легко найти людей, съ такимъ совершенствомъ воплощающихъ въ себѣ «религіозное изувѣрство, военную жестокость, незаконность суда и алчность имущихъ классовъ», какъ выше названные изверги человѣческаго рода.

Но, не говоря о крупныхъ тиранахъ, бываютъ моменты, когда съ «чисто педагогическою цѣлію» является прямо необходимымъ «изъять изъ обращенія» нѣкоторыхъ изъ самыхъ мелкихъ представителей власти; иногда приходится свести счеты съ старшимъ мастеромъ, надзирателемъ или другимъ какимъ нибудь слишкомъ усерднымъ холопомъ господствующихъ классовъ. Что касается шпіоновъ, то «изъятіе ихъ изъ обращенія» посредствомъ террористическихъ актовъ, является наилучшимъ способомъ борьбы съ ними — это будетъ имѣть огромное педагогическое значеніе.

Отъ самыхъ крупныхъ тирановъ мы перешли къ самымъ мелкимъ, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ выводить заключеніе, что мы чтимъ презрѣніемъ среднихъ тирановъ, находящихся между этими двумя категоріями. Конечно, нѣтъ, и это тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ формъ террористической борьбы, децентрализованный и разлитой терроръ мы считаемъ наиболѣе выгоднымъ и цѣлесообразнымъ. При такой постановкѣ участниками борьбы можетъ быть масса лицъ, которымъ при централизованномъ террорѣ, гдѣ выступаютъ только нѣсколько избранныхъ, нѣтъ мѣста. Эти лица при децентрализованномъ террорѣ могутъ представить собой ядра для созиданія мѣстныхъ самостоятельныхъ группъ, ведущихъ террористическую борьбу съ мѣстными властями. Такой натискъ на врага со всѣхъ сторонъ больше смутитъ и дезорганизуетъ его, чѣмъ борьба только съ центромъ, или съ однимъ или двумя высокопоставленными лицами. Борьба противъ мѣстныхъ властей, противъ приставовъ, губернаторовъ, сборщиковъ податей и всѣхъ тѣхъ, которые подходятъ къ народу съ цѣлью грабить и обманывать его, завлечетъ большое количество мѣстнаго населенія; совершенный противъ нихъ террористическій актъ не потребуетъ особыхъ толкованій. Всякій сумѣетъ понять причины, вызвавшія его, найдутся и апологисты акта, потому что какое другое чувство народъ можетъ имѣть ко всѣмъ этимъ своимъ притѣснителямъ, кромѣ чувства ненависти!

Пускай каждая губернія, каждый уѣздъ, каждая волость имѣетъ свою охотничью команду, которая постоянно будетъ нападать на врага, съ цѣлью дезорганизовать его, смутить, сбить съ позиціи. Та-

кой разлитой терроръ можетъ объять всю землю русскую, на страхъ и трепетъ всѣмъ крупнымъ и мелкимъ тиранамъ. Сознательный террористъ будетъ содѣйствовать «изъятію изъ обращенія» тѣхъ, которые особенно люты и жестоки съ народомъ, и которыхъ поэтому народъ ненавидитъ и желаетъ ихъ гибели.

Для такого *разлитого* террора найдется мѣсто и въ городѣ, и въ деревняхъ. Практика такого террора уже стихійно началась у насъ. Многочисленныя покушенія послѣдняго года на мѣстныхъ властей: на приставовъ, полицеймейстеровъ и др. достаточно ярко намъ говорятъ объ этомъ.

Вотъ въ какихъ словахъ «Народные Листки», № 8 предсказывали о неизбѣжности у насъ такого террора:

«Теперь-же полемъ борьбы явится не только городъ, но и деревня, и фабрики, и мастерскія; противниками же ихъ будутъ всѣ тѣ, отъ которыхъ, такъ или иначе, народу житья нѣтъ. Террористы будутъ снимать съ народной шеи тѣхъ, которые особенно къ нему люты, несправедливы и жестоки. Они явятся какъ бы исполнителями народныхъ приговоровъ и мстителями за поруганныя народныя права».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что индивидуальный террористическій актъ можетъ имѣть троякое значеніе: какъ мщеніе, какъ пропаганда и какъ «изъятіе изъ обращенія» особенно жестокихъ и «*талантливыхъ*» представителей реакціи. Что же касается того, чтобы щадить стоящихъ на самомъ верху іерархической лѣстницы, якобы неотвѣтственныхъ или слабоумныхъ, то мы должны сказать только одно: исключать изъ числа людей, имѣющихъ право на смерть и только на смерть, какихъ нибудь тирановъ, какую бы кличку они не носили—короля, царя, султана—мы считаемъ совершенно не логичнымъ.

Показавъ, надѣемся не двусмысленно, наше отношеніе къ личному акту, мы считаемъ нужнымъ прибавить, что революція и революція *соціальная* не можетъ быть совершена нѣсколькими пудами динамита, а только возставшимъ народомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. И потому мы думаемъ, что вездѣ, гдѣ только возможно, нужно замѣнить личный актъ коллективнымъ; даже *попытку* коллективнаго акта предпочесть осуществленію личнаго акта.

Приступая къ разбору коллективнаго террора, т. е. террора, совершаемаго не отдѣльною личностью, а цѣлою коллекціею лицъ, мы начнемъ съ фабричнаго террора и постараемся показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, что мы понимаемъ подъ этимъ послѣднимъ. Возьмемъ прежде нѣсколько примѣровъ изъ исторіи рабочаго движенія заграницей. Вспомнимъ событія 1892 г. въ Гомстедѣ (въ Соед. Штатахъ), закончившіяся убійствомъ директора фабрики Файрка русскимъ евреемъ Беркманомъ. Дѣло началось съ того, что рабочіе, доведенные до крайности своимъ ужаснымъ положеніемъ, объявили стачку. Съ перваго же дня Файркъ вмѣшался въ дѣло съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго удѣла. Онъ оскорблялъ и унижалъ тѣхъ, которые день тому назадъ покорно позволяли себя эксплуатировать; подстрекалъ, вызванныхъ для усмиренія стачечниковъ, солдатъ стрѣлять въ нихъ; запугивалъ правительство, рисуя стачку, какъ начало гражданской войны. Однимъ словомъ, благодаря его усердной «дѣятельности», его энергіи, его «геніальности въ жестокости», произошли кровавыя столкновенія забастовщиковъ съ собаками власть и капиталъ имущихъ. Несмотря на героическое сопротивленіе рабочихъ, они были подавлены самымъ ужаснымъ образомъ. Всѣ эти униженія, насилія, кровопролитія не могли быть оставлены безъ отвѣта, и въ головѣ Беркмана создался планъ убійства этого хищника Файрка. Прибывъ на мѣсто жительства этого послѣдняго и пробродивъ дня два около его конторы, онъ, наконецъ, улучилъ удобный моментъ, вошелъ въ контору и тремя выстрѣлами изъ револьвера «изъялъ изъ обращенія» виновника убійства цѣлаго десятка отцовъ семействъ. Беркманъ явился исполнителемъ задушевнаго желанія рабочихъ.

Другой примѣръ, яркій образчикъ фабричнаго террора, намъ даютъ событія, сопровождавшія стачку рудокоповъ въ Англіи въ 1893 г. Рабочимъ стало не въ моготу переносить холодъ и голодъ, оскорбленія и униженія, и они, наконецъ, возстали, но возстали съ твердымъ желаніемъ *бороться*. Они прекрасно знали, кто ихъ врагъ, и напали на самое его чувствительное мѣсто: они аттаковали карманъ своего хозяина. Всѣ постройки на шахтахъ были разрушены, канцелярія обращена въ прахъ; подземныя галлереи частью разрушены, частью завалены всякою всячиною; были попытки затопить ихъ водой. Склады были сожжены, запасъ угля частью былъ вывезенъ въ кварталъ бѣдныхъ и розданъ, частью

политъ керосиномъ и масломъ и подожженъ. Окружающее пространство освѣтилось заревомъ пожара, предвѣстникомъ будущей гражданской войны — единственной формы войны, которую соціалистъ можетъ считать неизбѣжной и необходимой. Стачечники искали и хозяевъ шахтъ, но они удрали заблаговременно, кто въ Скандинавію, кто во Францію, словомъ, кто куда могъ. Такъ что если не было случаевъ убійства владѣтелей шахтъ, то только потому, что они спаслись всѣ бѣгствомъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова терроризирующій и разрушающій актъ. Въ этотъ день буржуа и власти вмѣстѣ молились о спасеніи шкуръ своихъ.

26-го января 1886 г. были аналогичныя событія въ рудникахъ Деказвиля. Надъ шахтами были произведены приблизительно такія же операціи, какъ и выше описанныя. Въ довершеніе всего деказвильскіе рудокопы казнили эксплуататора Ватрена.

И наконецъ, Бакинскія событія 1903 года, совершенныя народомъ безъ руководства какой бы то ни было партіи, могутъ служить примѣромъ, хотя и блѣднымъ, фабричнаго террора.

Мы могли бы еще цитировать нѣсколько фактовъ, но и указанныхъ достаточно, чтобы показать, что фабричный терроръ не есть тактика, внесенная въ среду рабочихъ извнѣ. Онъ подсказывается рабочимъ самою жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, кто рабочему врагъ болѣе лютый, болѣе жестокій, чѣмъ тотъ, кто эксплуатируетъ его и днемъ и ночью, чѣмъ тотъ, кто убиваетъ его медленною смертью въ подземныхъ галлереяхъ, чѣмъ тотъ, кто его нищетой и слезами покупаетъ свое благосостояніе и радость, кто создаетъ условія, порождающія чахотку и проституцію, отъ которыхъ гибнетъ все онъ же — рабочій и его жены и дѣти, чѣмъ тотъ, наконецъ, кто отрицаетъ за нимъ право на науки и искусство, на жизнь? Этотъ врагъ—хозяинъ, эксплуататоръ. Рабочій видитъ его каждый день въ мастерской, на фабрикѣ, на шахтѣ, на заводѣ, и что же естественнѣе того, что въ немъ зародится, наконецъ, желаніе взять ружье, ножъ, или свою «родную дубину» и начать бить, бить безпощадно, бить до смерти, поразить въ сердце всѣхъ этихъ торжествующихъ негодяевъ: буржуазію, и ея слугъ: правительствъ и всѣхъ защитниковъ современнаго строя и фабрикантовъ законовъ, увѣковѣчивающихъ рабство угнетенныхъ, всѣхъ, «всѣхъ этихъ вампировъ, которые смѣются надъ его нищетою, живутъ на его

счетъ, гнутъ его спину и за все это платятъ ему пустыми обѣщаніями»...

Какъ рабочій — рабъ на фабрикѣ, такъ крестьянинъ — рабъ на полѣ: но какъ рабочій, такъ и крестьянинъ начинаетъ узнавать своего врага и безъ посторонней помощи самъ находитъ средства борьбы. Убійство кн. Урусова и Гагарина ясно показываетъ это. Ясно показалъ это и гурійскій крестьянинъ, который, вздернувъ на плечи свое родное «мадчахелай» *), двинулся противъ тѣхъ самыхъ князей, которые расхищали его силы и энергію въ междуусобныхъ войнахъ. Ножъ или дубина рускаго крестьянина и ружье грузинскаго были направлены въ одну и ту же цѣль, — они поражали крестьянскихъ грабителей и угнетателей. Мы, увѣрены, что еслибы соціалъ-демократизмъ, который является ввознымъ товаромъ въ Грузію, *не умѣрялъ бы пылъ гурійскаго крестьянина*, сходнаго по складу ума и темпераменту съ андалузцемъ — испанцемъ, борьба эта проявилась бы съ большею силой. Но даже отравленные отчасти пропагандою сторонниковъ теоріи: „все существующее разумно" и „подождите, пока капиталистическій строй созрѣетъ до своего отрицанія", грузинскіе крестьяне узнали своего врага и, не дождавшись исполненія предсказанія Гегелевской тріады, почувствовали необходимость отдѣлаться отъ него. Намъ разсказывали очевидцы, какъ гурійскіе князья умоляли бунтующихъ крестьянъ: «возьмите все, только не трогайте насъ, дайте намъ попрежнему спокойно выходить и гулять по бѣлому свѣту».

Цѣль фабричнаго и аграрнаго террора — довести фабриканта и землевладѣльца именно до того, чтобы они молились *только* о спасеніи шкуръ своихъ. Гурійцы уже сдѣлали это.

Изъ исторіи анархизма мы можемъ привести крупные примѣры аграрнаго террора. Возьмемъ андалузскія событія 1892 г. Всѣмъ извѣстныя тяжелыя условія жизни андалузскаго крестьянина. Теперь мы не будемъ касаться этого, а просто опишемъ событія, вызванныя этимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Въ ночь съ 8-го на 9-ое января 1892 г. въ

---

*) Мадчахелай — ружье старой системы. Когда гуріецъ говоритъ съ нѣкоторымъ удальствомъ, онъ называетъ такъ всякое ружье.

городъ Хересъ ворвались 600 человѣкъ анархистовъ съ криками: «Да здравствуетъ анархія! Смерть буржуазіи!» Это были крестьяне, вооруженные, кто какъ могъ; большинство имѣло огнестрѣльное оружіе. Среди андалузскихъ крестьянъ анархизмъ зародился еще во времена М. Бакунина, и съ тѣхъ поръ число сторонниковъ анархизма все растетъ. Въ 1881 г. Андалузія считалась уже гнѣздомъ «крестьянскаго анархизма». Но вернемся къ описываемымъ событіямъ. Условія арендованія земли, вообще условія, созданныя крупными землевладѣльцами въ Андалузіи, поистинѣ чудовищны. И вотъ крестьяне рѣшились стряхнуть свое вѣковое иго, разогнуть свои согнутыя спины. Они сговорились съ городскими товарищами произвести въ описываемую ночь нападеніе на городъ, одновременно съ внутренней и внѣшней его стороны. Къ несчастію полиція пронюхала о готовившемся нападеніи и арестовала 60 горожанъ стоявшихъ во главѣ движенія. Но крестьяне не растерялись и въ количествѣ 600 человѣкъ дружно двинулись къ центру города, убивъ по дорогѣ двухъ особенно ненавистныхъ имъ тузовъ капитала. Они разгромили и разнесли мѣстную казарму, выломали двери тюрьмы, освободили заключенныхъ, потомъ аттаковали городскую управу, съ цѣлью сжечь всѣ находящіяся тамъ бумаги, узаконивающія современныя экономическія и правовыя отношенія, «разграбили» нѣкоторые богатые дома и магазины *). «Господствовавшая паника неописуема, говорили депеши того времени, землевладѣльцы и хозяева страшно терроризованы. Каждый изъ нихъ старается по-

*) Укажемъ тутъ же на аналогичные факты, имѣвшіе мѣсто въ Буковинѣ (Австрія) въ 1887 г., гдѣ крестьяне террористическими нападеніями на замки феодаловъ страшнымъ образомъ терроризировали этихъ послѣднихъ. Затѣмъ въ Сициліи (въ Чедрѣ) въ 1891 г. крестьяне отказались платить подати, аттаковали городскую управу, сожгли всѣ находящіяся тамъ бумаги, нужныя только собственникамъ, разрушили тюрьмы, освободили заключенныхъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ, что Бакунинъ, къ которому мы смѣло можемъ примѣнить слова, сказанныя Шекспиромъ о Брутѣ: «жизнь его была благородна и элементы ее составляющіе были такъ чудно скомбинированы, что природа могла сказать вселенной: это былъ человѣкъ!» Бакунинъ, такъ неблагородно оклеветанный соціалъ-демократами, еще не умеръ. «Вѣчно движущееся начало, лежавшее въ глубинѣ его души», все еще живетъ, и крестьяне, какъ бы сговорившись, всюду свои попытки освобожденія совершаютъ «по рецепту» Бакунина.

сильнѣе забаррикадировать двери своего дома». Нѣкоторые же поспѣшили заблаговременно «изъять себя изъ обращенія», убѣжавъ за тридевять земель.

Всякій прогрессъ есть отрицаніе своей исходной точки и, пока «духъ отрицанія» недостаточно въ насъ развитъ, чтобы разрушить то, что насъ угнетаетъ, всякіе толки о свободѣ совершенно праздны. Нельзя осуществить свободу безъ разрушенія рабства, а въ дѣлѣ разрушенія, само собой разумѣется, перчатокъ надѣвать не приходится. Поэтому повтореніе и вызываніе событій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы описывали выше, должно быть постоянной заботой человѣка прогресса, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, исторія намъ показываетъ, что безъ такихъ фактовъ соціальный прогрессъ не совершается. Изучите происхожденіе ночи 4-го августа, приписываемое панегиристами буржуазіи самоотверженности и добротѣ сильныхъ того времени, и вы увидите, что эта знаменитая ночь была сдѣлана крестьянами, сжигавшими замки феодаловъ, уничтожавшими купчія крѣпости и всякаго рода грамоты, вѣшавшими грабителей своихъ, а не напускною и лицемѣрною добротою разныхъ Ламетовъ и Монморанси. Или же возьмите освобожденіе нашихъ крестьянъ. «Царь Освободитель» никого не освобождалъ. И эта реформа не добровольно была дана сверху, а была вырвана крестьянскимъ революціоннымъ движеніемъ. Кто подробно изучалъ событія, предшествовавшія освобожденію крестьянъ, тотъ не можетъ сомнѣваться въ той громадной роли, которую сыгралъ въ этомъ «освобожденіи» аграрный терроръ. Только въ періодъ отъ 1836 — 54 г. насчитывается 144 случая убійствъ помѣщиковъ и 75 покушеній.

Вотъ какъ наши предки боролись за то, что они называли «своими правами», и намъ, живущимъ въ началѣ XX-го вѣка, слѣдовало бы поучиться у нихъ революціонной энергіи. Методъ борьбы не измѣнился съ тѣхъ поръ, и, если мы тоже хотимъ осуществить наши права, мы должны прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ. Безъ борьбы, безъ крови крупные перевороты неосуществимы. Безъ выше указанныхъ героическихъ актовъ, безъ выстрѣловъ, безъ ударовъ ножа, безъ помощи традиціонной крестьянской косы мы и теперь еще гнули бы наши спины подъ игомъ средневѣковаго рабства. Нужно имѣть достаточно смѣлости, чтобы сознаться въ этомъ. Кто революціонеръ, тотъ долженъ желать революціи со всѣми ея

послѣдствіями. Недостаточно только любить и жаждать свободы, нужно еще бороться и въ борьбѣ употреблять средства, могущія намъ дать свободу. И не нужно бояться народа, не нужно бояться, что крестьянинъ, разъ сорвался съ цѣпи, пойдетъ слишкомъ далеко, что ему не будетъ удержу. Не надо бояться „лишняго буйства" со стороны народа. По отношенію того класса, который вѣками угнеталъ его, онъ, какъ бы ни старался, не можетъ проявить „лишняго буйства". Какъ бы ни были жестоки въ день революціи угнетѣнные капиталомъ и властью, угнетатели всетаки останутся у нихъ въ долгу за муки, причиненныя имъ въ продолженіе долгихъ вѣковъ. Не надо бояться всѣхъ этихъ „страховъ"! Надо идти въ ряды угнетенныхъ, слиться съ ними, работать съ ними вмѣстѣ, чтобы соединить всѣ формы борьбы въ одинъ грозный массовой терроръ, который снесетъ въ область гнетущихъ воспоминаній весь капиталистическій строй.

III.

Стачка.

Продолжая наши бесѣды о тактикѣ, на этотъ разъ мы будемъ говорить о стачкѣ—одномъ изъ главныхъ средствъ повседневной борьбы. Ясно, что объ искуственномъ вызываніи стачекъ не можетъ быть и рѣчи. Объ этомъ могутъ говорить только невѣжественные защитники современнаго режима рабства, которымъ кажется, что все было-бы мирно, тихо и чинно, еслибы не проклятые соціалисты, нарочно учиняющіе стачки и развивающіе ненависть рабочаго къ своему хозяину. Теперь каждый знаетъ, что не потому рабочій ненавидитъ хозяина, не потому бываютъ бунты и безпорядки, что существуютъ соціалисты, а, наоборотъ, происходятъ бунты, кровопролитія и стачки, существуютъ соціалисты—этотъ кошмаръ капиталистовъ—потому, что существуетъ капиталистическій строй. При современныхъ условіяхъ жизни, отношенія труда къ капиталу и капитала къ труду не могутъ быть мирными. И на самомъ дѣлѣ, «безпорядки», производимыя рабочими, все растутъ и растутъ по силѣ и по численности.

Возьмите любую страну, республиканскую Францію или деспотическую Россію, всюду рабочіе «бунтуютъ», духъ возмущенія растетъ и «безпорядки» дѣлаются хроническими. Нѣтъ такого

уголка, куда страшный призракъ революціи не заглянулъ бы. Отъ Мадрида до Петербурга, отъ Петербурга до Батума, проходя черезъ Поти и Баку, всюду, гдѣ рабочій страдаетъ, чувствуется что то новое и страшное, радующее однихъ и пугающее другихъ. Это новое и страшное есть *упрямое* недовольство рабочихъ и вообще всѣхъ трудящихся слоевъ общества настоящимъ положеніемъ вещей. Это упрямое недовольство—лучшее доказательство банкротства современнаго режима. Но если бы это недовольство оставалось платоническимъ, буржуазія могла бы спать спокойно, не боясь взрыва. Но дѣло въ томъ, что это недовольство, превращаясь въ революціонную силу, повсюду сѣетъ бунты, «безпорядки»—эти взрывы гнѣва угнетеннаго народа. Несомнѣнно, что старому строю осталось жить не долго. Эра всеобщаго, повсемѣстнаго «безпокойства», эра перманентной революціи начинается. Начало ея, это новое возрожденіе революціоннаго движенія,—вотъ что пугаетъ людей съ набитыми кошельками и мѣщанскихъ міровозрѣній. Революціонеръ же долженъ привѣтствовать начало этого періода. Соціализмъ перестаетъ быть словомъ, онъ становится живымъ и животворящимъ дѣломъ.

Эти бунты и «безпорядки»—эпизоды перманентной революціи—чаще всего проявляются въ видѣ стачекъ. Безчисленное множество статистическихъ данныхъ о стачкахъ за послѣднія 10 лѣтъ неопровержимымъ образомъ доказываютъ, что всюду число стачекъ удвоилось, утроилось, а въ нѣкоторыхъ странахъ удесятерилось. Съ другой стороны, соціалистическое сознаніе рабочихъ массъ за это время подверглось огромному возрастанію. Важнѣе всего тутъ тотъ фактъ, что ростъ сознанія находится въ прямой зависимости отъ увеличенія числа столкновеній капитала съ трудомъ. Да и не можетъ быть иначе: самый лучшій воспитатель революціоннаго духа и сознанія есть борьба. Кромѣ того, за быстрымъ ростомъ числа стачекъ растетъ *качественно* и *количественно* число рабочихъ организацій. Сказанное приводитъ насъ къ тому несомнѣнному и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени интересному выводу, что между частотою стычекъ труда съ капиталомъ и количественнымъ и качественнымъ ростомъ рабочихъ организацій существуетъ какая то строгая зависимость, которую мы попробуемъ выяснить въ нѣсколькихъ словахъ.

Намъ будетъ ясно, почему интенсивность борьбы вызываетъ коли-

чественный и качественный ростъ рабочихъ организацій, если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство что стачка является, въ высшей степени цѣннымъ воспитательнымъ средствомъ; даже въ томъ случаѣ, когда она не удалась въ смыслѣ удовлетворенія непосредственныхъ требованій, она даетъ важные результаты съ точки зрѣнія опыта и роста революціонности въ рабочей средѣ. Она будитъ и развиваетъ *классовое самосознаніе* рабочихъ, показываетъ всю общность ихъ интересовъ, раскрываетъ имъ глаза и, какъ бы опытнымъ путемъ, доказываетъ имъ существованіе антагонизма интересовъ между хозяиномъ-владѣльцемъ и рабочимъ-обездоленнымъ.

Возьмите рабочаго тѣхъ мѣстностей, гдѣ никогда не было стачекъ, распросите объ его отношеніи къ хозяину, къ капиталу и вы увидите, что онъ плохо или совсѣмъ не уяснилъ себѣ глубину той пропасти, которая отдѣляетъ его—рабочаго отъ капиталиста. Свое угнетенное положеніе онъ будетъ объяснять лихостью, жестокостью *даннаго* хозяина. Словомъ, вы убѣдитесь, что онъ пока плохо усвоилъ *a b c* классовой борьбы. Послушайте затѣмъ рабочаго, который уже бастовалъ. Языкъ его совершенно другой. «Несправедливо, скажетъ онъ вамъ, чтобы *мы, трудящіеся, производящіе*, жили въ нищетѣ, чтобы мы голодали, тогда какъ гг. «бѣлоручки», *ничего не производящіе*, ведутъ райскую жизнь. Нѣтъ, этого не должно быть! Такъ не можетъ дольше продолжаться!»

Фактъ, что рабочій начинаетъ дѣлить общество на два класса (не употребляя его термина), на «мы работающіе» и гг. «бѣлоручки» и бездѣльники, чрезвычайно важенъ. Это сознаніе, могущее стать основой другихъ обобщеній, вырабатывается, главнымъ образомъ, благодаря стачкамъ, которыя являются характерной чертой капиталистическаго строя. Стачка, объединяя рабочихъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, развиваетъ въ нихъ сознаніе общности интересовъ, заставляетъ ихъ понимать, что бѣда не въ томъ, что тотъ или иной хозяинъ плохъ, а въ томъ, что существуетъ система наемнаго труда. И рабочіе начинаютъ думать не только о частичномъ улучшеніи, но и о разрушеніи царства капитала во имя тѣхъ соціальныхъ принциповъ, носителями которыхъ является ихъ классъ. Однимъ словомъ, *стачка развиваетъ въ рабочихъ солидарность*, но не ту солидарность, о которой говорятъ нѣкоторые нѣжносердечные гуманитаристы, а дѣйствительную классовую солидарность, которая не только не боится борьбы, а наоборотъ тѣсно

сплачиваетъ рабочихъ именно для борьбы. Очень часто *вслѣдъ* за стачкою объединяются. Такое организующее значеніе стачки подтверждается массой примѣровъ изъ рабочаго движенія. Есть мѣста, гдѣ все было прежде тихо, спокойно, не было никакихъ организацій, потомъ, вдругъ, совершенно стихійно вспыхнула стачка, и эта послѣдняя, показавъ рабочимъ необходимость организаціи, вызвала образованіе цѣлаго ряда рабочихъ синдикатовъ.

Сказанное ясно показываетъ намъ значеніе *стачки*. Она не есть продуктъ *каприза* рабочихъ или вмѣшательства людей постороннихъ рабочему классу, какъ это часто утверждается лицемѣрными защитниками капиталистическаго строя. Она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того экономическаго антагонизма, который характеризуетъ строй *общественнаго производства, но частнаго присвоенія продуктовъ производства.* Стачка—своего рода война между двумя классами съ вполнѣ опредѣленными интересами. Въ этой войнѣ каждый долженъ занять свою позицію. И въ дѣйствительности всѣ партіи занимаютъ извѣстную, опредѣленную позицію, и каждая изъ нихъ старается дать рабочимъ то или другое направленіе въ этой борьбѣ. Одни толкуютъ о развитіи классоваго самосознанія, но фактически ничего не развиваютъ, а вносятъ въ рабочую среду понятія, чуждыя рабочему классу, и порождаютъ причины междоусобой войны и дезорганизаціи. Другіе хотятъ превратить стачку въ политическую демонстрацію. Третьи говорятъ рабочему, что онъ долженъ устраивать стачки только ради частичныхъ улучшеній и ни о чемъ другомъ, кромѣ двухъ копѣекъ, не думать. Четвертые, наконецъ,—толстовцы, хотѣли бы, чтобы рабочіе подставляли по христіански свои спины штыкамъ и нагайкамъ.

Мы, анархисты, перестали быть единичными, разрозненными личностями, теряющимися въ массѣ, число нашихъ товарищей возрастаетъ не по днямъ, а по часамъ, теперь и намъ приходится думать о занятіи мѣста въ движеніи. Ни къ одной изъ выше означенныхъ партій мы пристать не можемъ. Мы не можемъ говорить рабочему, что реформа—все, и совѣтовать ему довольствоваться реформами; не можемъ потому, что это значило бы измѣнить дѣлу революціоннаго соціализма. Пользоваться стачкой *исключительно* въ виду политическихъ цѣлей и говорить рабочему, что этакъ онъ идетъ къ своему освобожденію, значитъ снова обманывать его. Если радикальная буржуазія хочетъ пріобрѣсть кое какія выгодныя

для нея политическія права, такъ пусть она это дѣлаетъ безъ рабочихъ и въ особенности безъ помощи стачекъ. Рабочій же долженъ знать, что пока онъ не пріобрѣтетъ «экономическія права», онъ будетъ оставаться безправнымъ. Говорить, наконецъ, о развитіи классового самосознанія пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ впутывать его въ совмѣстную борьбу съ буржуазіей, убѣждая его, что «мы только по степени различаемся отъ либераловъ»,—значитъ, готовить еще новый обманъ, единственною жертвою котораго будетъ онъ—рабочій, какъ это было въ 30 и 48 гг. во Франціи. А какъ много друзей народа, которые готовятъ рабочему классу это страшное пораженіе! И это происходитъ потому, что у всѣхъ этихъ «эмансипаторовъ» угнетенныхъ—двѣ цѣли, двѣ души: одна пролетарская—въ разговорахъ, другая буржуазная—въ дѣйствіяхъ.

Отъ всѣхъ этихъ людей съ «добрыми намѣреніями» намъ, противо-государственнымъ соціалистамъ, нужно бѣжать, обособиться, они намъ не пара. У насъ одна душа, одна цѣль: всѣми силами содѣйствовать полному освобожденію рабочаго класса, и это безъ всякихъ минимумъ и максимумъ, минимальныхъ максимумъ и максимальныхъ минимумъ. Оставимъ всѣ эти «штуки» любителямъ «хитростей». Конечно, все это нисколько не обязываетъ насъ относиться враждебно къ частичнымъ улучшеніямъ, какъ напр имѣръ уменьшенію рабочаго дня, увеличенію заработной платы и пр., но это обязываетъ насъ при каждомъ случаѣ *указывать рабочимъ на недостаточность реформъ*. Если нѣкоторыя реформы и улучшаютъ положеніе рабочаго, то надо замѣтить, во-первыхъ, что эти улучшенія бываютъ не продолжительны и, а во-вторыхъ, реформы не могутъ сдѣлать изъ рабочаго—этого раба капиталиста—свободнаго человѣка. Указаніе на маловажность реформъ не помѣшаетъ сдѣлать изъ нихъ могучее агитаціонное средство тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Однимъ словомъ, во время стачки, какъ и во время всякаго другого движенія, анархистъ будетъ *содѣйствовать развитію логики разрушенія* въ рабочихъ, стараясь показать невозможность свободы и благосостоянія пролетаріата при существованіи режима частной собственности.

Работая такимъ образомъ, мы содѣйствуемъ частичному улучшенію, и, въ общей суммѣ, приближаемся къ нашей цѣли. Жертвовать конечною цѣлью для реформъ—дѣло законниковъ и мирныхъ трэд-юніонистовъ, а не анархистовъ. Еслибы мы были трэд-юніони-

стами или «экономистами», мы смотрѣли бы на стачку, исключительно, какъ на средство частичныхъ улучшеній и все время старались бы держаться въ области узко профессіональныхъ интересовъ. Но тогда мы должны были бы смотрѣть на конечную цѣль соціализма, какъ на прекрасную утопію, о которой можно иногда думать, но которая не имѣетъ никакого практическаго значенія. Такому мирному, безвредному экономизму не отказали бы въ своей протекціи и добродѣтельные буржуа. Намъ же не нужна эта протекція; для насъ несостоятельность тактики «мирныхъ переговоровъ» доказана опытомъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что стачка должна быть *смѣлою революціонною борьбою.*

Сознательная революціонная борьба всегда должна имѣть опредѣленную цѣль; соотвѣтственно цѣли расходуется энергія, т. е. между преслѣдуемою цѣлію и употребляемымъ средствомъ должна существовать извѣстная пропорціональность. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы достигнуть небольшого увеличенія заработной платы или уменьшенія рабочаго дня, никто не станетъ предлагать соціальную революцію. Для этихъ мелкихъ требованій довольно простой забастовки, если она будетъ вестись съ подобающей силой и смѣлостью.—Вся исторія рабочаго законодательства ясно показываетъ, что, въ смыслѣ частичныхъ улучшеній, стачка была и есть одно изъ лучшихъ средствъ.—Съ другой стороны, искренній соціалистъ, а не «соціалистъ для галерки», не будетъ мѣшать расширенію вширь и глубь движенія, когда является къ тому возможность.

Но, помилуйте, скажетъ удивленный читатель, какіе же вы анархисты,—вы признаете частичное улучшеніе. Вы, какъ анархисты, должны желать сразу соціальной революціи, безъ оговорокъ, сразу анархизма, или ничего не желать. Такъ ли это? Разумѣется нѣтъ. Сказать, что изъ за частичныхъ реформъ не надо забывать конечную цѣль, сказать, что частичныя улучшенія—это вещи совершенно второстепенныя, такъ какъ онѣ не измѣняютъ современныя отношенія—не значитъ безапелляціонно осуждать всякія попытки частичныхъ улучшеній. Нѣтъ, не то мы говоримъ. Мы говоримъ, что, какъ соціалисты, мы должны неустанно бороться для проведенія нашихъ принциповъ въ жизнь; *походя* же мы можемъ содѣйствовать осуществленію частныхъ реформъ. Мы только особенно подчеркиваемъ ту мысль, что *борьба за улучшенія не должна быть содержаніемъ соціалистическаго движенія, а лишь попутною въ*

той борбѣ, которую мы ведемъ для интегральной реализаціи рабочаго идеала. Работая такимъ образомъ, мы никогда не рискуемъ подставить частичное улучшеніе на мѣсто нашей конечной цѣли. Итакъ, наша точка зрѣнія ясна. Борьба за частичныя улучшенія дѣло серьезное, когда она не возводится въ систему, возведенная же въ систему, она превращается въ реформизмъ.

Мы *враги реформизма*, потому что не желаемъ вернуть безплодный періодъ мечтаній о возможности примиренія труда съ капиталомъ, посредствомъ взаимныхъ уступокъ. Вотъ за это то и создали и распространили ту легенду, какъ будто анархисты враги всякаго рода частичныхъ улучшеній. Мы не враждуемъ съ частичными улучшеніями, мы только отводимъ имъ надлежащее мѣсто, это разъ; а во вторыхъ, въ отличіе отъ законниковъ всѣхъ цвѣтовъ, мы держимся того взгляда, что *и въ дѣлѣ достиженія частичныхъ улучшеній необходимо прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ.*

Многимъ, между прочимъ и соціаль-демократамъ, кажется, что мирная, легальная дѣятельность есть лучшее средство для достиженія улучшенія своего положенія. Швейцарскій соц.-демократъ Грейлихъ не стыдится открыто печатать, что, чѣмъ меньше рабочіе будутъ раздражать буржуазію, тѣмъ лучше. Покорно, смиренно нужно просить буржуазію ради человѣколюбія сдѣлать кое какія уступки. Нужно избѣгать даже рѣзкихъ словъ, пишетъ онъ въ своей послѣдней брошюрѣ: „Куда мы идемъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что люди такихъ взглядовъ, или приближающіеся къ нимъ, будутъ стараться удержать рабочее движеніе на почвѣ безплоднаго легализма. Сами же будутъ стремиться проникнуть въ государственныя учрежденія, чтобы потомъ „на основаніи законовъ“ вводить реформы сверху внизъ, но разумѣется, реформы, которыя *буржуазія пожелаетъ дать*, безъ „раздраженія“ со стороны пролетаріата. Такова на самомъ дѣлѣ тактика огромнѣйшаго большинства соціалистовъ-законниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ существованіе извѣстныхъ государственныхъ учрежденій позволяетъ это. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такихъ учрежденій, первая задача профессіональныхъ эмансипаторовъ народа создать ихъ, чтобы потомъ пробраться туда „съ послѣдующими требованіями“, какъ говорятъ наши вздыхатели по парламентскому режиму.

Что же касается насъ, анархистовъ, мы утверждаемъ, что, какова бы ни была форма государства, борьба рабочаго противъ

капиталиста, чтобы быть продуктивною, должна быть революціонною. Исходя изъ этой точки зрѣнія, ко всякому средству повседневной борьбы мы предъявляемъ два требованія: во первыхъ, чтобы оно дѣйствительно давало что нибудь въ смыслѣ улучшенія положенія рабочаго, а во вторыхъ, чтобы оно подвигало впередъ дѣло разрушенія капиталистическаго строя и *содѣйствовало развитію революціоннаго духа и сознанія рабочихъ.* Ни одно изъ этихъ требованій не удовлетворяется легальною „борьбою", посредствомъ участія въ государственныхъ учрежденіяхъ, а наоборотъ: если въ первомъ случаѣ такая тактика остается совершенно безплодной, во второмъ она прямо вредна, такъ какъ она вселяетъ въ рабочихъ вѣру въ государство и тѣмъ укрѣпляетъ его. Въ довершеніе всего, эта тактика *проникновенія* въ высшія сферы съ цѣлію бросать оттуда пролетаріату „крохи со стола господъ" мѣшаетъ росту соціалистическаго движенія, дезорганизуя и раздробляя его тою постоянною грызнею, которую она вызываетъ. Посмотрите на соц.-демократическія партіи. Всюду распри и расколы. Отчего это? Злые языки говорятъ, что эти „друзья народа" зачастую грызутся изъ за *мѣстъ.* Присматриваясь внимательно, мы склонны думать, что это утвержденіе не лишено нѣкотораго основанія. „Можно ли принять министерскій портфель въ буржуазномъ министерствѣ, или нужно ждать, когда все министерство станетъ соціалистическимъ? Можно ли занять вице-президентское кресло въ парламентѣ (можно, по рѣшенію дрезденскаго съѣзда)?" Вотъ изъ за чего шумятъ, дерутся и ругаются кабинетные монополисты соціализма. Даже наша русская соціальдемократія умудрилась затѣять скандалъ изъ за мѣстъ. (См. письмо Ленина въ Ред. „Искры"). *Тактика проникновенія* неизбѣжно будетъ приводить къ такимъ результатамъ.

Неужели пролетаріатъ долженъ идти за людьми, которые такъ „безбожно" расточаютъ его энергію? Неужели нѣтъ работы болѣе продуктивной, чѣмъ вышеуказанные безплодные споры? Печальнѣе всего то, что эту тактику выдаютъ за наиболѣе способную дать осязательные результаты. Еще печальнѣе, что находятся люди, которые вѣрятъ этому. Для насъ безплодность этой тактики проникновенія очевидна, какъ въ смыслѣ воспитанія народныхъ массъ, такъ и въ смыслѣ частичныхъ улучшеній. Единственно ея возможный результатъ—это разочарованіе и дезорганизація. Одна только тактика смѣлой революціонной борьбы способна улучшить угнетен-

ное положеніе трудящихся и подготовить условія ихъ полнаго освобожденія отъ *всякаго* гнета. Вотъ почему мы сказали и еще разъ повторяемъ, что вся энергія и сила пропагандиста должны быть направлены на то, чтобы стачка не носила характера мирныхъ переговоровъ людей, бьющихся только изъ за копѣйки съ людьми, склонными сдѣлать кое какія уступки, если только рабочіе „будутъ благоразумными". Во время стачекъ надо особенно мѣшать этой тактикѣ. Надо мѣшать буржуазіи уступками, подачками совращать движеніе съ революціоннаго пути. Она очень часто прибѣгаетъ къ этой *политикѣ уступокъ*, съ цѣлію деморализировать движеніе. Такихъ „либераловъ" слѣдуетъ преслѣдовать, разоблачать всю гнусность ихъ политики подкупа при каждомъ подобномъ случаѣ. Они тѣмъ болѣе опасны, что прячутся подъ мантіей передовыхъ людей, друзей прогресса и пр., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, цѣль ихъ одна: усыпить рабочихъ, выиграть время, отдалить моментъ взрыва народнаго гнѣва, продлить дни господства буржуазіи.

Каждый разъ, когда пролетаріатъ подъ вліяніемъ этихъ усыпителей сходилъ съ революціоннаго пути, онъ былъ жестоко обманутъ. Сколько жертвъ и крови стоили пролетаріату эти ошибки!... Одно утѣшительно, что эти несчастья многому научили его. Мы думаемъ, что возрожденіе революціонаризма въ рабочей средѣ, главнымъ образомъ, является результатомъ этихъ опытовъ. Сколько ни старались совратить рабочій классъ съ революціоннаго пути, сама сила вещей и здравый смыслъ приводятъ его опять къ нему. И не можетъ быть иначе: рабочее движеніе, *не измѣнивъ своей цѣли, не можетъ* не быть революціоннымъ. И стачка, самою ея исторіей подсказанная этому революціонному классу, какъ средство повседневной борьбы, не можетъ быть унижена до „тактики мирныхъ переговоровъ" труда съ капиталомъ. Рабочій классъ не только хочетъ улучшить свое положеніе, но еще создать цѣлый новый міръ свободы и равенства. Но объ этомъ мало говорить, нужно стараться, чтобы это стремленіе проявлялось въ каждомъ поступкѣ пролетаріата, въ каждомъ дѣйствіи, направленномъ противъ существующаго строя, слѣдовательно, и въ стачкѣ. И тогда эта послѣдняя будетъ сознательною борьбою, революціонною демонстраціею людей, идущихъ на завоеваніе новаго, свободнаго міра.

Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что значеніе стачки тѣмъ больше, чѣмъ больше районъ ею обнимаемый. Рабочіе по опыту

убѣдились въ этомъ, и въ послѣднее время стачки, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи, имѣютъ тенденцію расширяться. Классовая солидарность рабочаго класса окрѣпла, возмужала, что доказывается ростомъ числа стачекъ, возникающихъ на почвѣ солидарности. Стачечное движеніе все болѣе и болѣе теряетъ характеръ узко-эгоистической профессіональной борьбы. Теперь, когда рабочіе одного ремесла бросаютъ работу, они могутъ быть увѣрены, что рабочіе другихъ ремеслъ придутъ имъ на помощь, что помощь эта можетъ быть не только нравственной и матеріальной, но и помощью болѣе реальной, помощью дѣйствіемъ, присоединеніемъ къ стачкѣ. Словомъ, благодаря росту соціалистическаго сознанія и солидарности среди рабочихъ, въ послѣднее время стачка въ большинствѣ случаевъ теряетъ прежній изолированный характеръ и имѣетъ тенденцію перейти во всеобщую стачку. Объ этой послѣдней мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ.

IV.

Всеобщая стачка.

Самый крупный фактъ 19-го столѣтія это быстрый ростъ пролетаріата и окончательное сформированіе его *классовой индивидуальности*. Рѣзкое противорѣчіе интересовъ трудящихся интересамъ имущихъ классовъ неизбѣжно ведетъ къ этому послѣднему. *Исторія трудящихся массъ есть исторія стремленія ихъ обособиться въ отдѣльный сознательный и самодѣйствующій классъ.* Бѣглый взглядъ на эволюцію рабочаго движенія покажетъ намъ, что это именно такъ.

Въ началѣ своего появленія на жизненной сценѣ рабочій не сознавалъ глубины той пропасти, которая отдѣляетъ его отъ хозяина-владѣльца, онъ не смотрѣлъ на него какъ на врага, ему казалось вполнѣ естественнымъ существующее отношеніе между капиталомъ и трудомъ. Онъ порою требовалъ больше *справедливости* отъ хозяина, но *правъ* своихъ онъ ему не предъявлялъ и всѣ надежды свои возлагалъ на чувство справедливости своихъ грабителей. Короче говоря, это былъ періодъ повсемѣстной проповѣди «возможности гармоніи капитала съ трудомъ, (т. е. волковъ съ ягнятами), посредствомъ взаимныхъ уступокъ.

Жизнь убѣдила рабочаго, что такой союзъ немыслимъ, немыслимъ потому, что буржуазія, разъ она существуетъ, должна эксплуатировать рабочаго; такова ея историческая миссія. Рабочій увидѣлъ непримиримое противорѣчіе, существующее между нимъ и капиталистомъ, въ немъ зародилось то, что мы теперь называемъ *классовымъ самосознаніемъ* пролетаріата.

Если первый фазисъ эволюціи рабочаго движенія характеризуется тѣмъ, что тогда рабочій признавалъ своимъ опекуномъ буржуазію, второй фазисъ характеренъ перенесеніемъ этого довѣрія на государство и, слѣдовательно, признаніемъ за государствомъ роли справедливаго третейскаго судьи въ конфликтахъ между капиталомъ и трудомъ. Тутъ на сценѣ появляется соціаль-демократія, говорящая рабочимъ о необходимости проникнуть въ государственныя учрежденія, чтобы использовать ихъ въ своихъ интересахъ. Соціаль-демократія, хотя и поговариваетъ о буржуазности государства, хотя доказываетъ его вредъ пролетаріату, но тутъ же прибавляетъ: «государство есть зло, пока оно не въ нашихъ рукахъ, когда же оно будетъ въ нашихъ рукахъ, оно станетъ добромъ». Сбитые съ толку рабочіе увлеклись на время такими рѣчами и стали стремиться къ тому, чтобы государство взяло на себя дѣло улучшенія положенія рабочаго класса. Мало того, они начали мечтать, посредствомъ захвата государственной власти, совершить цѣлую революцію—освободиться изъ подъ гнета буржуазіи.

Нужны были горькіе, кровавые уроки и цѣлая серія измѣнъ проповѣдниковъ диктатуры пролетаріата, чтобы рабочій классъ увидѣлъ, наконецъ, что его ввели въ область безцѣльной болтовни, что его одурманиваютъ громкими словами и пользуются имъ для того, чтобы подняться, какъ можно выше, по общественной лѣстницѣ буржуазнаго строя. Нѣтъ худа безъ добра: эти горькіе жизненные уроки и измѣны убили въ рабочемъ, почти окончательно, вѣру и въ государство.

Итакъ, мы видимъ, что первые два фазиса рабочаго движенія характеризуются тѣмъ, что рабочіе искали себѣ покровителей, опекуновъ, что ясно показываетъ, что они находились еще въ періодѣ дѣтства. Но вотъ, во время этихъ поисковъ хорошихъ защитниковъ насталъ періодъ зрѣлости, и рабочіе почуяли силу въ самихъ себѣ. «Никто не можетъ быть вершителемъ судебъ моихъ, я самъ долженъ стать кузнецомъ своего счастья. Я противъ всѣхъ боящихся

моей свободы. Никто не въ состояніи понять лучше меня мои интересы, — дѣло моего освобожденія должно стать *моимъ* дѣломъ». Вотъ къ какимъ взглядамъ пришелъ, наконецъ, рабочій классъ, и вотъ, что характеризуетъ третій періодъ развитія рабочаго движенія. Третій періодъ есть періодъ возрожденія революціонизма, что проявляется въ быстромъ ростѣ въ ширь и глубь дѣятельности пролетаріата.

Такова, въ краткихъ словахъ, эволюція рабочаго движенія, въ особенности у латинскихъ народовъ. Многіе симптомы показываютъ, что въ такой же циклъ эволюціи вступило рабочее движеніе и нашей родины.

Рабочія организаціи окрѣпли, стали страшною, грозною силою. Ничто такъ не пугаетъ буржуазію, какъ это упорное стремленіе рабочихъ стать самостоятельною, самодѣятельною силою, не подпускать къ себѣ никакихъ усыпителей, идти прямо и неуклонно по кратчайшему пути къ намѣченной цѣли. Въ этомъ сознательномъ стремленіи пролетаріата освободиться отъ всякихъ опекуновъ буржуазія увидѣла, и не безъ основанія, приближеніе своего конца и она не на шутку встревожилась. Съ своей стороны, она тоже принялась укрѣплять свои крѣпости, чтобы выдержать напоръ все растущей революціонной силы рабочихъ массъ. Съ трепетомъ сердца она слѣдила за каждымъ шагомъ пролетаріата, и по мѣрѣ того, какъ революціонная сила послѣдняго росла, она соотвѣтственнымъ образомъ, если еще не въ большей степени, укрѣпляла свое положеніе. Она усилила свою армію, вооружила ее самымъ совершеннымъ оружіемъ, создала фабрики и мастерскія для изготовленія такихъ орудій, которыя могли бы сразу выбросить на возставшій народъ цѣлое море картечи и динамита, она расширила улицы, чтобы армія могла двигаться съ большею легкостью и чтобы артиллерія имѣла возможность направить прямо на народъ свои разрушительныя, адскія машины. Однимъ словомъ, буржуазія дѣлала все, что нужно, для того, чтобы организовать и обезпечить дѣло пораженія пролетаріата въ случаѣ столкновенія съ нимъ.

Что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи пролетаріатъ? Съ болью въ сердцѣ приходится констатировать, что съ точки зрѣнія *вооруженія* онъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ. Вѣрно, что теоретически и пролетаріатъ можетъ пользоваться данными науки для своей самозащиты, но практически это не такъ: эти научныя данныя далеко

не всѣмъ доступны, и лишь очень ограниченное число лицъ среди рабочихъ обладаютъ ими. Съ другой стороны, положеніе подчиненнаго мѣшаетъ пролетаріату поставить на широкую ногу, какъ это дѣлаетъ буржуазія, изготовленіе разрушительныхъ орудій и сдѣлать ихъ массовымъ средствомъ. «И ружья, и пушки могутъ быть захвачены рабочими», скажутъ намъ. Конечно, могутъ; и мы знаемъ такіе примѣры, но дѣло въ томъ, что этотъ захватъ оружія врядъ ли можетъ быть повсемѣстнымъ. Обыкновенно такіе захваты бываютъ локализированными, и потому это еще не гарантируетъ успѣха революціи: оружіемъ *большинства* все же останутся ножъ, револьверъ, коса, дубина. Что можно сдѣлать съ такимъ вооруженіемъ противъ современной арміи съ ея страшнымъ оружіемъ, съ ея кавалеріей, артиллеріей и инфантеріей? Мы знаемъ изъ исторіи, что и съ такимъ ничтожнымъ вооруженіемъ народъ побѣждалъ армію, но это зависѣло отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ которыхъ нельзя предусмотрѣть.

Но какъ же всетаки побѣдить буржуазію въ этой неравной войнѣ? А побѣдить надо во что бы то ни стало! Только побѣдою надъ нею могутъ быть куплены свобода и благосостояніе народа.

Пролетаріатъ, наученный горькимъ и мучительнымъ опытомъ исторіи, при помощи своего здраваго смысла и революціоннаго чутья, рѣшилъ этотъ вопросъ; рѣшилъ самостоятельно, безъ всякой помощи гуманитарныхъ доброжелателей и лживыхъ политикановъ. Рѣшеніе это заключается въ идеѣ *всеобщей стачки*—«этой поистинѣ рабочей мысли».

Что такое всеобщая стачка?

Весь пролетаріатъ, всѣ трудящіеся представляютъ собою классъ со строго опредѣленными интересами. Они являются создателями всего національнаго и интернаціональнаго богатства, получая изъ него для себя едва столько, чтобы жить впроголодь. Все современное общество держится и развивается благодаря тому, что рабочіе производятъ своимъ трудомъ всѣ жизненные элементы, безъ которыхъ ни одно общество не могло бы существовать. Безъ рабочихъ ни кровообращеніе, ни дыханіе капиталистическаго строя не могли бы происходить нормально. Производительная сила рабочаго играетъ въ капиталистическомъ обществѣ роль дыханія и кровообращенія въ животномъ организмѣ: какъ остановка дыханія и кровообращенія въ организмѣ вызываетъ его дезорганизацію и распаденіе, такъ

и капиталистическій строй распадется, дезорганизуется, если рабочій откажетъ ему въ своей производительной силѣ. *Эта одновременная и по возможности повсемѣстная пріостановка производительной энергіи рабочаго класса и слѣдующая затѣмъ дезорганизація капиталистическаго общества и называется всеобщей стачкой.*

Рабочіе додумались до идеи всеобщей стачки не потому, что отказались отъ революціи, а наоборотъ, потому, что *хотятъ сдѣлать революцію возможною и наиболѣе плодотворною.* Всеобщая стачка есть прелюдія революціи, она создастъ условія, способствующія успѣху революціи, въ которую она и превращается при дальнѣйшемъ своемъ развитіи. При существующемъ неравенствѣ военныхъ силъ пролетаріата и буржуазіи первому необходимо было найти средство устраняющее это неравенство. Такимъ средствомъ и является всеобщая стачка: она дезорганизуетъ «вражью силу», а дезорганизованнаго врага легче побить.

Какъ же проявится дезорганизующая сила всеобщей стачки?

Предположимъ, что по иниціативѣ какой-нибудь организаціи или благодаря обобщенію какой нибудь частичной стачки объявлена всеобщая стачка. Посмотримъ, каковы будутъ въ подобномъ случаѣ заботы правительства, и дезорганизующее значеніе всеобщей стачки станетъ для насъ вполнѣ яснымъ.

Правительство приметъ всѣ мѣры въ интересахъ «порядка», пуститъ въ ходъ всю свою государственную машину. Хватитъ ли у него на столько силъ, чтобы подавить движеніе, если стачка будетъ *дѣйствительно всеобщею?* Если борьба не будетъ сконцентрирована въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а разольется могучею широкою волною по всей странѣ? Вѣдь правительству придется тогда быть вездѣсущимъ, придется защищать каждый клочекъ земли!

Нужно будетъ слѣдить за каменоугольными копями, чтобы стачечники не разрушили или не затопили ихъ водою, съ цѣлію остановить въ нихъ на время всякую работу; чтобы на складахъ угля чья нибудь злая рука не учинила пожара, или же, чтобы стачечники не конфисковали ихъ въ свою пользу. Рудокопъ выйдетъ изъ подземныхъ галлерей, гдѣ онъ провелъ всю свою темную, тоскливую жизнь и, чтобы пріостановить вполнѣ ихъ дѣятельность и помѣшать всякой попыткѣ ея возобновленія со стороны подкупленныхъ буржуазіею измѣнниковъ, если таковые найдутся, онъ можетъ разрушить или забросать ихъ чѣмъ попало. Онъ можетъ постараться сдѣ-

дать негодными къ употребленію всѣ имѣющіяся тамъ машины, а служащія для перевозки добытаго изъ земли богатства орудія, могутъ быть похищены.

Правительству нужно будетъ побаиваться, чтобы не вспыхнулъ пожаръ на складахъ всевозможныхъ горючихъ матеріаловъ, а также и защищать ихъ отъ расхищенія людьми, потерявшими всякое уваженіе къ частной собственности.

Желѣзныя дороги тоже не мало заботъ доставятъ буржуазіи въ день всеобщей стачки: чтобы помѣшать передвиженію арміи рабочіе попытаются остановить желѣзнодорожное сообщеніе. Правительство принуждено будетъ слѣдить, чтобы для достиженія этой цѣли рабочіе не взорвали тамъ или сямъ желѣзнодорожную линію, или не стащили бы съ дороги рельсы, не спрятали бы ихъ; не загромоздили бы туннели каменными глыбами, не взорвали бы ихъ.

День всеобщей стачки — проклятый день для буржуазіи! Она не можетъ довѣрять въ этотъ день даже желѣзнодорожному стрѣлочнику. Кто знаетъ, — чтобы поддержать бунтующихъ рабочихъ, онъ можетъ свести съ рельсъ поѣздъ, или однимъ движеніемъ руки натолкнуть одинъ поѣздъ на другой. Придется приставить когонибудь и къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, такъ какъ могутъ найтись люди, которые постараются внести безпорядокъ и смятеніе въ ихъ дѣятельность.

Не меньше безпокойствъ причинятъ правительству и всѣ фабрики и мастерскія. Къ каждой изъ нихъ нужно будетъ приставить спеціальную стражу; каждую надо будетъ защищать, потому что всѣ онѣ могутъ быть объектомъ «злонамѣреній» стачечниковъ. Каждую машину нужно будетъ оберегать пуще зеницы ока: рабочій, который работалъ на ней, знаетъ въ ней каждый винтикъ, и теперь, когда онъ хочетъ остановить ее, ему ничего не стоитъ это сдѣлать. Очень часто какой нибудь несчастный винтикъ у машины играетъ роль центра жизни, заложеннаго у человѣка въ продолговатомъ мозгу, и знающая рука легко можетъ отыскать его.

Но это не все. Нужно будетъ охранять каждую улицу, гдѣ проходятъ трубы свѣтильнаго газа, — тотъ, кто проводилъ ихъ подъ землею, легко сумѣетъ и вырыть ихъ. А всего страшнѣе то, что въ свѣтильный газъ могутъ подмѣшать кислороду, — на это въ день всеобщей стачки найдется свой химикъ у пролетаріата, — и при

зажженіи перваго фонаря, если на это найдутся охотники, страшный взрывъ потрясетъ весь городъ...

Нельзя будетъ правительству бросить на произволъ судьбы и магазины, и банки: въ день всеобщей стачки ему нельзя будетъ надѣяться на мягкосердечіе сорвавшагося съ цѣпи неволи и голода народа. Деньги и всякаго рода кредитныя бумаги будутъ выброшены изъ банковъ на мостовую, на забаву дѣтямъ, и тѣ устроятъ себѣ изъ нихъ увеселительную иллюминацію.

Угнетенные и обездоленные, вѣками голодающіе вспомнятъ въ день всеобщей стачки о существованіи магазиновъ, набитыхъ всевозможными предметами потребленія, и у нихъ разыграется волчій аппетитъ. Они захотятъ и ѣсть, и пить вдоволь, и одѣться. Уполномоченнымъ буржуазіи нужно будетъ стараться предотвратить это покушеніе на благіе нравы и обычаи.

А крестьяне? Сколько безпокойства доставятъ они блюстителямъ порядка! Кто больше крестьянина страдалъ отъ вѣкового рабства? Кто больше него имѣетъ право на возстаніе? Крестьянинъ стряхнулъ уже отчасти давящее на него иго: теперь онъ уже понимаетъ городского рабочаго, теперь онъ, какъ и послѣдній, помышляетъ объ улучшеніи своего положенія, о лучшемъ будущемъ, и въ день всеобщей стачки онъ услышитъ кличъ городовъ и присоединится къ нимъ. Есть масса признаковъ, указывающихъ на это. Онъ возьметъ свою традиціонную косу и дубину и пойдетъ гнать съ земли, которую онъ оплодотворилъ своимъ потомъ, слезами и кровью, помѣщиковъ и всѣхъ прочихъ грабителей. Не попадайтесь въ этотъ день народу, кулаки, земельные тузы и всякаго рода хищники! Вамъ не ждать милости отъ него! Просите правительство, чтобы оно помогло вамъ оберегать ваши набитые хлѣбомъ амбары и гумны: крестьяне голодаютъ и они, пожалуй, захотятъ воспользоваться ихъ трудомъ взрощеннымъ и сжатымъ хлѣбомъ. И правительство будетъ разрываться на части, чтобы не допустить такого покушенія на священный принципъ частной собственности.

Вотъ сколько заботъ будетъ у правительства въ день всеобщей стачки! Какъ справиться ему со всѣмъ этимъ?

А армія? А полиція? скажутъ намъ. Они въ совершенствѣ выполнятъ возложенную на нихъ задачу усмиренія. Полиція и армія? Но не придется ли и имъ тоже думать о своемъ спасеніи? Рабочіе прекрасно могутъ выслѣдить мѣстожительство полководцевъ, гене-

раловъ и прочихъ военныхъ и полицейскихъ чиновъ и, какъ говорится, «убрать» ихъ; расхитить все, что удастся изъ военныхъ арсеналовъ, всячески помѣшать передвиженію правительственныхъ силъ. Затопить дороги водою, загромоздить ихъ срубленными деревьями, телеграфными и телефонными столбами, битыми стеклами и всѣмъ, что попадется подъ руку—дѣло не требующее много времени и труда.

Вотъ далеко неполная картина того, что рабочіе *могутъ* сдѣлать въ день всеобщей стачки. За всѣмъ этимъ правительство должно будетъ слѣдить и стараться предупреждать всѣ эти *возможности*. И такъ какъ нужно будетъ защищать отъ *возможнаго* нападенія рабочихъ *всякое* учрежденіе, *всякое* помѣщеніе, словомъ, все, что принадлежитъ теперь буржуазіи, правительство будетъ принуждено раздѣлить, раздробить свои силы. Оно должно будетъ находиться *сразу* въ милліонахъ мѣстъ, потому что врагъ—гораздо болѣе многочисленный, чѣмъ его армія — будетъ *вездѣ*. При такихъ условіяхъ, т. е. если стачка является дѣйствительно всеобщей, если война съ достаточною смѣлостью будетъ начата рабочими одновременно въ разныхъ концахъ, даже наша русская многочисленная армія окажется недостаточною для защиты интересовъ грабителей народа. И поэтому окажется масса угловъ, судьба которыхъ будетъ вручена какой нибудь горсти солдатъ, и имъ ли устоять противъ дружнаго, смѣлаго напора борцовъ за лучшую жизнь!

Да и многіе ли изъ солдатъ этой, разбросанной по кусочкамъ по всей странѣ, арміи останутся вѣрными капиталистическому строю, отъ котораго они кромѣ униженія и оскорбленія ничего не видѣли? Антимилитаристическая пропаганда уже принесла свои плоды, она продолжается и покажетъ еще большіе результаты во время всеобщей стачки. Правительство знаетъ это и потому всячески мѣшаетъ сближенію солдатъ съ народомъ.

Разбросанные маленькими группами по всей странѣ солдаты перестанутъ представлять собою страшную силу сплоченной арміи. Маленькія группы потонутъ въ массѣ народа. Мѣстами они будутъ брататься съ народомъ — что будетъ единственно разумнымъ выходомъ, — мѣстами солдаты будутъ находиться въ нерѣшительности, какъ имъ поступить, и тамъ народу ничего не будетъ стоить „развратить“ ихъ, свести съ почвы законовъ и порядка. Тамъ же, гдѣ эти кучки солдатъ покажутъ себя черезчуръ вѣрными холопами капиталистовъ, съ ними легко будетъ свести счеты.

Страшенъ и краснорѣчивъ будетъ въ этотъ день народъ! Онъ молчалъ долгіе годы; бывали моменты, когда *говорили за него*, но *не по его*. Въ этотъ же день онъ *самъ заговоритъ* и заговоритъ могучимъ и убѣдительнымъ языкомъ. И неужели угнетенные, которые будутъ стоять передъ народомъ въ мундирахъ и съ ружьями въ рукахъ, останутся глухи къ его призыву?!.. Вѣдь и солдатъ— народъ, онъ тоже чувствуетъ всю тяжесть современнаго режима. Сегодня онъ солдатъ, но вчера онъ былъ рабочимъ, и завтра снова станетъ имъ, т. е. тѣмъ, въ кого ему приказываютъ теперь стрѣлять. Это обстоятельство многихъ наведетъ на размышленіе, внесетъ колебаніе въ ряды арміи, а армія, которая колеблется, которая *размышляетъ*, не страшна. Потому то и надо стараться вести усиленную пропаганду среди солдатъ и тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые еще не являлись по призыву; нужно стараться, чтобы попавши въ армію, они не утеряли связь съ рабочими организаціями. Благодаря присутствію въ арміи сознательныхъ рабочихъ, она можетъ расколоться въ день всеобщей стачки, и весь трудящійся людъ перейдетъ тогда на сторону возставшаго народа...

Все сказанное ясно показываетъ, какъ велико значеніе всеобщей стачки.

Разстроивъ и дезорганизовавъ, посредствомъ всеобщей стачки, жизнь капиталистическаго общества, нужно будетъ подумать объ аттакѣ крѣпостей капитала. Вышеизложенная стратегія всеобщей стачки имѣетъ своей цѣлію дезорганизацію силъ врага; но дезорганизаціи врага нужна будетъ, такъ сказать, санкція этой побѣды— занятіе крѣпостей капитала. Безъ этой санкціи побѣда будетъ безполезною, а потому необходимо будетъ начать аттаку, „прямую, открытую настоящую гражданскую войну".

Всеобщая стачка не можетъ быть мирною демонстраціею рабочихъ со скрещенными руками, такъ же, какъ она не можетъ быть средствомъ исключительно самообороны. Всеобщая стачка есть прекращеніе рабочими производства, но само собою разумѣется, она не можетъ быть прекращеніемъ потребленія. Можно не работать впродолженіи нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ недѣль, но не ѣсть впродолженіи нѣсколькихъ недѣль — искусство не доступное человѣческому роду. Всеобщая стачка не прекратитъ существованія свойственныхъ человѣку потребностей, и, чтобы удовлетворить эти

потребности, у рабочаго будетъ одинъ единственный выходъ: взять, и взять силою, все, что необходимо для ихъ удовлетворенія.

Вотъ это то неминуемое обстоятельство и вызоветъ столкновеніе, и борьба съ оружіемъ въ рукахъ станетъ неизбѣжною. Съ этого момента всеобщая стачка переходитъ въ революцію: начнется фактическое разрушеніе режима частной собственности.

„Разрушить царство гнета и голода, чтобы на его развалинахъ создать царство свободы и благосостоянія!“ — съ такимъ девизомъ рабочіе выступятъ противъ существующаго строя. Въ этой войнѣ рабочіе, ни на минуту не забывая уроковъ прошлаго, не должны будутъ ни на одинъ шагъ отступать отъ своей конечной цѣли: *экспропріаціи буржуазіи.* Рабочій долженъ помнить, что если онъ не обезпечитъ прежде всего своего экономическаго положенія, конфисковавъ въ обще пользованіе орудія производства и всѣ богатства, въ продолженіи долгихъ вѣковъ накопленныя его трудомъ и находящіяся въ распоряженіи буржуазіи, его дѣло будетъ проиграно. Революція только въ томъ случаѣ будетъ жизненной, если она пойдетъ навстрѣчу интересамъ народныхъ массъ, если послѣднія станутъ дорожить ея успѣхами, а это возможно только въ томъ случаѣ, если революція будетъ имѣть *своею первою задачею, при первой же побѣдѣ „одѣть голыхъ, накормить голодныхъ, дать гдѣ укрыться бездомнымъ“*. Народъ увидитъ тогда всю пользу революціи, и энергично будетъ отражать всякія попытки со стороны возможныхъ реставраторовъ уничтожить ея результаты. *Рабочія организаціи*—товарищества, союзы—*должны стать центромъ скопленія общественныхъ богатствъ.*

Только дѣйствуя такимъ образомъ, рабочій классъ не явится жертвою новаго обмана. Если же онъ повѣритъ словамъ разныхъ сладщавыхъ господъ, если онъ снова вручитъ свою судьбу какимънибудь добродѣтельнымъ господамъ, которые полѣзутъ въ представители народа и будутъ давать обѣщанія осчастливить трудящійся классъ, старый обманъ повторится; исторія повторится: рабочему измѣнятъ, насядутъ ему снова на шею и, перемѣнивъ названіе рабства, усилятъ его. Рабочіе! Гоните отъ себя прочь всякихъ „плохихъ пастуховъ“, предлагающихъ себя въ ваши „преданные защитники“, скажите, что они вамъ не нужны, что вы достаточно взрослы и сознательны, чтобы самимъ вести свои дѣла!

И до сихъ поръ всѣ революціи производились рабочими, но

руководились они не ими, и въ результатѣ рабочій всегда оказывался обманутымъ. Руководителями всегда являлись какія нибудь партіи, которыя, какъ только получали власть въ свои руки, дѣлались консервативною силою, и старались помѣшать пролетаріату продолжать свой путь. Рабочіе проливали свою кровь, а другіе пользовались плодами этого кровопролитія.

Всеобщая же стачка дастъ рабочимъ возможность совершить *свою революцію въ свою пользу*. Благодаря ей революція станетъ *дѣломъ всего рабочаго класса*, а не какихъ нибудь отдѣльныхъ тайныхъ обществъ или политическихъ партій. Онъ самъ, своими руками будетъ устраивать свою судьбу, и трудно будетъ пробраться въ его руководители всякаго рода эксплуататорамъ его несчастья, которыми такъ богаты всѣ политическія партіи.

Политическія партіи всегда старались, чтобы пролетаріатъ *служилъ имъ орудіемъ*, и относились и продолжаютъ относиться отрицательно къ самостоятельному революціонному дѣйствію его. Соціаль-демократическая партія, напримѣръ, всегда выступала противъ всеобщей стачки; представители ея преслѣдовали своими клеветами лучшихъ пропагандистовъ всеобщей стачки, и это несмотря на то, что рабочіе при каждомъ удобномъ случаѣ высказывались за всеобщую стачку. Соціаль-демократамъ безразлично, что и какъ думаютъ рабочіе, рабочіе интересны для нихъ постольку, поскольку они являются дисциплинированной арміей въ ихъ рукахъ. Напримѣръ, во Франціи, несмотря на то, что рабочія организаціи на всѣхъ своихъ конгрессахъ: въ 1888 г. въ Бордо, въ 1892 г. въ Турѣ и въ тотъ же году въ Марселѣ, въ 1894 г. въ Нантѣ, въ Реннѣ въ 1898 г. и, наконецъ, въ 1901 г. въ Ліонѣ, всегда голосовали, и съ рѣдкимъ единодушіемъ, за всеобщую стачку, г.г. сторонники *диктатуры надъ пролетаріатомъ*, не обращая никакого вниманія на это заявленіе рабочихъ, всегда объявляли всеобщую стачку *преступною утопіею*. И интернаціональные соціаль-демократическіе конгрессы съ послѣдовательностью, достойной лучшаго удѣла, голосовали противъ всеобщей стачки. Такъ было въ Парижѣ въ 1889 г., въ Брюсселѣ въ 1891, въ Цюрихѣ въ 1893, въ Лондонѣ въ 1896, въ Парижѣ въ 1900 г. *)

*) Нѣмецкіе же соціаль-демократическіе конгрессы высказывались даже противъ *обсужденія* вопроса о всеобщей стачкѣ.

И это не удивительно: *соціаль-демократія родилась не въ рабочей средѣ, она зародилась внѣ пролетаріата* и никогда не понимала его; она старалась навязать рабочему классу чуждыя ему свои пониманія соціальнаго вопроса. Рабочій сознаетъ, что онъ ограбленъ буржуазіею и стремится вернуть себѣ то, что по праву принадлежитъ ему; въ виду осуществленія этого, онъ додумался до проэкта всеобщей стачки, цѣлію которой онъ смѣло и рѣшительно выставилъ насильственную экспропріацію буржуазіи; а соціаль-демократія толкуетъ о захватѣ власти—плохими пастухами, — *о выкупѣ богатствѣ у буржуазіи.* Понятно, что рабочій перестаетъ понимать соціаль-демократовъ, они говорятъ на чуждомъ ему языкѣ, и онъ начинаетъ замѣчать, что интересы пролетаріата и соціаль-демократіи далеко не однородны: пролетаріатъ добивается своего полнаго экономическаго и политическаго освобожденія, а соціаль-демократія стремится, посредствомъ пролетаріата, забрать въ свои руки государственную машину.

Всеобщая стачка объявляется соціаль-демократами преступною утопіей потому, что, по мнѣнію этихъ господъ, для ея осуществленія необходимо, чтобы «всѣ до единаго рабочіе объявили стачку»; а этакое, де, единодушіе со стороны рабочихъ вещь невозможная. Вообще, по мнѣнію соціаль-демократовъ, рабочіе не стоятъ выѣденнаго яйца, если они, какъ стадо барановъ, не идутъ за ними. Но правда ли, что, если всѣ *до единаго* рабочіе не примутъ активнаго участія во всеобщей стачкѣ, она не осуществима? Конечно нѣтъ, и подобнымъ возраженіемъ соціаль-демократы показываютъ только, что они имѣютъ очень смутное представленіе объ экономической жизни современнаго общества.

Различные виды производства такъ тѣсно связаны между собою, что часто достаточно пріостановить одно изъ нихъ, чтобы все производство, во всемъ его цѣломъ пострадало. Напримѣръ, стоитъ только пріостановить производство и распредѣленіе электричества и гидравлической силы, и большинство фабрикъ и заводовъ станутъ. Стачка расширяется часто силою вещей, потому что производство одного вида даетъ возможность существовать другому виду производства. Остановится первое—остановится и второе. Производство достигло почти максимума дѣленія труда. Это составляетъ силу буржуазіи, пока рабочій рабски исполняетъ всѣ ея требованія, но въ тотъ день, когда рабочій броситъ работу и выйдетъ на улицу, то

же дѣленіе труда погубитъ капиталистическое общество — пріостановка части производительныхъ органовъ вызоветъ разстройство цѣлаго организма. Такъ исполнится сказаніе: «любовница Моора умретъ отъ руки Моора».

То же можно сказать и относительно путей сообщенія и связанныхъ съ ними ремеслъ. Остановка желѣзнодорожнаго или пароходнаго сообщенія можетъ повлечь за собой прекращеніе работы на массѣ фабрикъ и заводовъ, ждущихъ доставки необходимыхъ для производства сырыхъ матеріаловъ. Грузовщики бросаютъ работу, — и фабрики и мастерскія, не получая прибывшихъ грузовъ, закрываются... Словомъ, остановка одного вида производства или ремесла вызываетъ остановку многихъ другихъ, и въ общемъ, стоитъ только пріостановить нѣкоторые главные виды, и все производство остановится. Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ никакой необходимости ждать для объявленія всеобщей стачки присоединенія къ ней всѣхъ до единаго рабочихъ. Достаточно имѣть сильно сплоченное и хорошо организованное меньшинство, упорно преслѣдующее осуществленіе своей цѣли, большинство же частію будетъ захвачено общей волной движенія, частію же самимъ ходомъ событій будетъ *принуждено* пристать къ движенію.

Слѣдовательно, вышеприведенное возраженіе соціаль-демократіи не имѣетъ и тѣни основанія. Въ данномъ случаѣ здравый смыслъ рабочаго класса оказался въ тысячу разъ выше претенціозныхъ книжниковъ и фарисеевъ соціаль-демократіи. Всеобщая стачка средство слишкомъ жизненное, очень хорошо обдуманное, чтобы ее можно было назвать утопіей. Все показываетъ, что на этотъ разъ пролетаріатъ нашелъ вѣрное средство для своего освобожденія.

Итакъ, *всеобщая стачка есть прелюдія къ революціи. Разстройствомъ, дезорганизаціей и частичнымъ обезоруженіемъ врага она обезпечиваетъ успѣхъ революціи, въ которую она и переходитъ съ того момента, когда рабочіе, пошатнувъ благодаря ей всѣ опоры частной собственности, начнутъ фактическое разрушеніе капиталистическаго режима, конфискуя средства производства и всѣ богатства, впродолженіе долгихъ вѣковъ накопленныя трудомъ народа, въ общественное пользованіе.*

V.

Анархизмъ и политическая борьба.

Послѣ тридцатилѣтняго перерыва, анархическое движеніе начинаетъ снова возрождаться мало по малу въ Россіи. Послѣ тридцатилѣтняго молчанія, голоса анархистовъ снова начинаютъ раздаваться и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя прежде считались недоступными для всякой другой пропаганды, кромѣ соціаль-демократической, и другой партіи, кромѣ «Бунда» и Россійской «Соціаль-Демократіи».

Достойно вниманія, что возрожденіе анархизма совпадаетъ съ замѣтнымъ возрожденіемъ революціонаризма, подъемомъ революціоннаго духа и началомъ широкихъ массовыхъ движеній на югѣ и на югѣ-западѣ Россіи. Для насъ это совпаденіе въ высшей степени важно, ибо мы никогда не считали анархизмъ твореніемъ кабинетныхъ ученыхъ, а продуктомъ жизни и дѣятельности самой массы. Въ моментъ революціонной борьбы развившееся творчество народа и даетъ начало анархическому движенію. Такъ это случилось и въ Россіи. Не интеллигенція прививаетъ искусственно анархизмъ въ Россіи, онъ появился самъ во время широкихъ массовыхъ движеній, почти безъ всякой помощи съ ея стороны *). Поэтому то, главнымъ образомъ, мы и убѣждены въ жизнеспособности у насъ анархизма. Онъ всегда найдетъ себѣ отголосокъ среди обездоленныхъ, среди униженныхъ и оскорбленныхъ—анархизмъ говоритъ одновременно ихъ чувству и сознанію.

Не фатализмъ анархизмъ проповѣдуетъ; онъ будитъ въ массѣ сознаніе ея силы и зоветъ къ борьбѣ. Борьба — лучшій учитель массы: въ борьбѣ она пріобрѣтаетъ сознаніе, въ борьбѣ она учится любить и добывать свободу, въ борьбѣ же она узнаетъ своихъ враговъ и друзей. Лишь трусливая буржуазная интеллигенція могла думать, что прежде нужно заняться выработкой сознанія у народа, а потомъ уже думать о борьбѣ. Эта проповѣдь «прежде сознаніе, а потомъ борьба», въ данномъ случаѣ совершенно безсмысленно, потому

---

*) Стихійную склонность русскаго человѣка къ анархизму не отрицаетъ даже знаменитый авторъ еще болѣе знаменитой статьи: «Чего не дѣлать» (Искра № 52).

что одно не идетъ безъ другого и, кромѣ того, другой школы для пріобрѣтенія этого самого сознанія и рѣшимости, кромѣ борьбы, у народа нѣтъ. Посмотрите на Западную Европу и вы увидите на ея примѣрѣ, что тотъ народъ и является наиболѣе сознательнымъ, который больше другихъ боролся. Съ другой стороны, только въ борьбѣ добытое сознаніе развиваетъ въ массѣ революціонный духъ и революціонную энергію. За примѣрами ходить не далеко: германская соціаль-демократія и рабочіе къ ней примыкающіе «сознательны», но эта трехъ-милліонная масса, подающая голоса за соціаль-демократическихъ депутатовъ, не революціонна, ибо не въ борьбѣ, не въ революціяхъ она получила свое «сознаніе» — ее книжники и фарисеи образовывали. Французскій же народъ сдѣлалъ Великую Революцію, революцію 1830 года, революцію 1848 года и революцію 1871 года. Онъ всегда кипитъ, всегда бушуетъ. Онъ безъ ироніи можетъ сказать: «всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь въ моемъ умѣ», и именно поэтому, хотя онъ и «не сплоченъ въ трехъ-милліонную массу", онъ несравненно болѣе активенъ и революціоненъ.

Пусть Россійская соц. дем. партія обращаетъ свои умиленные взоры на милитаризированную, дисциплинированную Германію, изъ которой палками вышибаютъ оставшіеся жалкіе зачатки бунтовского духа, но что касается насъ, то каждый разъ, когда рѣчь зайдетъ о способахъ революціонной борьбы, мы будемъ обращаться къ латинскимъ странамъ, этимъ практикамъ революціи, убѣжденіе которыхъ, что въ борьбѣ съ гнетомъ народу нечего терять кромѣ своихъ цѣпей, нашло себѣ выраженіе въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ:

Q'importe un trou de plus dans nos haillons! *)

Русской трудящейся массѣ также нечего терять въ борьбѣ кромѣ своихъ цѣпей. И кромѣ того, каждый день приноситъ ей новое подтвержденіе того факта, что, какъ въ дѣлѣ улучшенія такъ и въ дѣлѣ радикальнаго измѣненія своего положенія, она можетъ и должна надѣяться только на *свои* силы, только на *свою* энергію. Вотъ почему призывъ анархистовъ къ рѣшительной дѣятельности не можетъ быть не услышаннымъ. Противники наши прекрасно понимаютъ, что успѣхъ анархизма обезпеченъ этимъ инстинктивнымъ, «стихійнымъ», какъ выражаются они, стремленіемъ массы къ самодѣятель-

---

*) Что значитъ лишняя дыра въ нашихъ лохмотьяхъ!

ности, и, чтобы предохранить ее отъ анархической заразы, они распространяютъ о насъ всевозможныя ложныя свѣдѣнія, искажаютъ наши взгляды, невѣрно толкуютъ факты нашей дѣятельности.

Одинъ изъ пунктовъ, гдѣ насъ никакъ не хотятъ понять наши противники, есть наше отношеніе къ политической борьбѣ. «Вы противъ политической борьбы, и потому ваше появленіе въ Россіи можетъ только быть полезно русскому самодержавію», говорятъ намъ одни. «Вы признаете политику и борьбу съ самодержавіемъ, значитъ—вы такіе же конституціоналисты, какъ и соц. демократы, и соц. революціонеры»—говорятъ другіе. Какъ тѣ, такъ и другіе ошибаются, если, конечно, не клевещутъ на насъ намѣренно. Мы и признаемъ политическую борьбу, и въ то же время далеко не конституціоналисты. Тѣмъ же, которые смѣшиваютъ политическую борьбу съ конституціонализмомъ, да будетъ намъ позволено сказать, что они, очевидно не имѣютъ никакого понятія о дѣйствительномъ смыслѣ политической борьбы.

Слова сами по себѣ ничего не значатъ; они имѣютъ тотъ смыслъ, который люди имъ придаютъ. Есть цѣлый рядъ научныхъ терминовъ, которые не только со временемъ видоизмѣняли свое содержаніе, но иногда пріобрѣтали совершенно новый смыслъ, рѣзко противорѣчащій тому, какой вкладывался въ нихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Наука, мысль человѣческая, не застыла на одномъ мѣстѣ; она прогрессируетъ, и съ прогрессомъ науки мы получаемъ возможность давать различнымъ терминамъ болѣе опредѣленное содержаніе. Только невѣжды, пишущіе книги и брошюрки, чтобы доказать намъ, что науки не надо, могутъ пользоваться неопредѣленностью тѣхъ или другихъ словъ въ борьбѣ съ противниками.

Что же нужно подразумѣвать подъ выраженіями: политика и политическая борьба?

Въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ подъ политикой подразумѣвались различныя понятія. Такъ, во Франціи въ шестнадцатомъ вѣкѣ существовала партія «политиковъ», цѣль которой была добиться свободы вѣроисповѣданія, чтобы установить миръ между гражданами. Отсюда, политикою и политическою борьбою называлось тогда стремленіе ввести въ странѣ такіе порядки, при которыхъ каждый могъ бы исповѣдовать ту религію, которая его наиболѣе привлекала. Съ теченіемъ времени, слово «политика» уте-

ряло это значеніе, и послѣдующія столѣтія вложили въ него иное содержаніе, т. е. вѣрнѣе воскресили то содержаніе, которое вкладывалъ въ него Аристотель. Такова ужъ судьба всѣхъ нововведеній современной науки и философіи—всѣ они находятъ своихъ родоначальниковъ въ древней греческой философіи. Для Аристотеля политика означала науку, трактующую о государствѣ.

Теперь подъ словомъ «политика» подразумѣваютъ извѣстную часть соціальныхъ наукъ, которая занимается изученіемъ формъ общежитія. Это опредѣленіе политики значительно приближается къ опредѣленію данному Аристотелемъ. Изъ современныхъ писателей Рошеръ въ своей книгѣ «Политика» прямо заявляетъ, что онъ понимаетъ это слово въ Аристотелевскомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ историческаго ученія о государствѣ.

Когда говорятъ теперь: политика, политическое явленіе, это обыкновенно означаетъ—не для тѣхъ, конечно, которые свое невѣжество прикрываютъ якобы необходимостью для соціалиста ненавидѣть науку и пропагандировать эту ненависть среди рабочихъ—это означаетъ, говоримъ мы, извѣстную категорію соціальныхъ явленій, касающихся непосредственно вопроса происхожденія и исторической роли государства. Иными словами, политика составляетъ одну изъ соціальныхъ наукъ. Мы можемъ цитировать цѣлый рядъ писателей: уже названный выше Рошеръ, затѣмъ Вайцъ, Бенуа и многіе другіе, которые именно такъ и понимаютъ это слово. Бенуа идетъ даже дальше: онъ отождествляетъ политику съ соціологіей.

О, мы прекрасно знаемъ, что слово «политика» можетъ имѣть еще и другой смыслъ. Важно опредѣлить, какое понятіе болѣе логично, болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ и наукѣ. Мы знаемъ, что подъ политикою часто подразумѣваютъ также искусство управлять страною, искусство группировать людей вокругъ опредѣленной правительственной программы, стараніе свергнуть данную правящую касту или классъ, чтобы занять ихъ мѣсто, искусство заключать выгодные для своей партіи союзы съ элементами, находящимися почему либо въ оппозиціи съ *даннымъ* правительствомъ, наконецъ искусство быть интриганомъ, ловко подставлять ножку какъ противникамъ, такъ и друзьямъ, быть оппортюнистомъ, т. е. угождать и нашимъ, и вашимъ—вотъ еще какой смыслъ имѣетъ слово «политика», или вѣрнѣе, вотъ еще какое содержаніе вкладывается въ него извѣстнымъ разрядомъ людей.

Какъ это ни странно, а наши соціаль-демократы и соціалисты-революціонеры придаютъ политикѣ именно такое значеніе. Объединяться, то съ центромъ противъ либераловъ, то съ либералами противъ центра; голосовать, то съ юнкерами противъ антисемитовъ, то съ антисемитами противъ юнкеровъ; голосовать противъ пушекъ и за темные мундиры, дѣлать съ высоты парламентской трибуны заявленія то въ духѣ крайняго интернаціонализма, то въ духѣ крайняго націонализма; обѣщать очень много и морочить рабочимъ голову разными реформами; добиваться голосовъ рабочихъ и обнаруживать полное безсиліе что либо для нихъ сдѣлать, а когда указываютъ на это безсиліе, то защищаться по способу поссорившихся дѣтей—„дуракъ!" „Ты самъ дуракъ!"; гордиться прелестью законовъ, данныхъ рабочимъ Бисмаркомъ и реакціонными партіями; называть себя тамъ, гдѣ это удобно, непримиримыми революціонерами и—выставлять простыми реформистами, гдѣ первое невыгодно; быть республиканцемъ, а когда понадобится, доказывать, что и при монархіи не дурно и даже лучше, чѣмъ при республикѣ и т. д., и т. д. — все это составляетъ нераздѣльную часть политики, понимаемой въ смыслѣ парламентской борьбы, или въ смыслѣ борьбы за парламентъ. И противъ такой то политики мы, анархисты, и возстаемъ; и намъ сдается, что этимъ мы не только не измѣняемъ принципамъ соціализма, а наоборотъ именно потому, что мы соціалисты, потому, что хотимъ остаться вѣрными его принципамъ, мы не желаемъ вмѣшиваться во всю эту безполезную сутолоку, мы не становимся защитниками и проповѣдниками парламентаризма, предоставляя будущимъ, отдаленнымъ поколѣніямъ заняться его критикой, а съ сегодняшняго же дня объявляемъ войну государству, какъ несовмѣстимому съ свободой, какова бы ни была его форма. Мы не понимаемъ логики тѣхъ людей, которые „въ конечномъ идеалѣ тоже противъ государства", а, пока что, входятъ въ отравленную атмосферу государства и даютъ ей себя отравлять; мы не понимаемъ такой логики, ибо тутъ нѣтъ никакой логики.

Но позвольте, говорятъ намъ читатели изъ другого лагеря— „искровцы" или „полу-искровцы", вродѣ центра или правой партіи соц. революціонеровъ—„мы знаемъ, что парламентскій режимъ не есть само совершенство, но онъ всетаки лучше существующаго ре-

жима произвола; при представительномъ государствѣ страна можетъ до извѣстной степени контролировать дѣйствія правительства, которое по закону отвѣтственно передъ нею; вы въ данномъ случаѣ играете на руку самодержавію, которое тоже противъ представительнаго государства, вы являетесь защитниками самодержавія".—Какая жалкая, постыдная логика! Всѣмъ, даже соц. демократамъ, гордящимся тѣмъ, что они не читаютъ ничего касательно анархизма, извѣстно, что мы антигосударственники, что необходимымъ условіемъ, условіемъ sine qua non, осуществленія свободы мы считаемъ разрушеніе государства. Какъ же мы можемъ стоять за самодержавіе! Или, можетъ быть, самодержавіе не есть форма, и притомъ самая грубая, государства, а что то стоящее внѣ его? Но вѣдь самъ Энгельсъ, въ извѣстной полемикѣ противъ Ткачева, доказывалъ нелѣпость такого взгляда, показывая, что и русское самодержавіе есть государство, имѣющее классовую основу.

Итакъ, стремясь къ освобожденію человѣчества и считая разрушеніе государства однимъ изъ условій этого освобожденія, мы *должны бороться противъ самодержавія, какъ одной изъ формъ государства.* Это такъ понятно, что даже странно объ этомъ говорить; но наши противники, считающіе себя политически образованными людьми, никакъ не могутъ уразумѣть этого. Но въ борьбѣ съ самодержавіемъ насъ отдѣляетъ отъ соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ глубокая пропасть. Борясь съ современнымъ режимомъ рабства, эти двѣ партіи выставляютъ, если не какъ конечную цѣль, то по крайней мѣрѣ, какъ минимумъ, которымъ можно будетъ удовлетвориться, конституцію—правленіе посредствомъ народныхъ представителей. Насъ же такая перемѣна не только не удовлетворяетъ, но одна мысль, что между революціонерами находятся люди, склонные принять эту перемѣну даже за извѣстный «минимумъ» —возмущаетъ.

Соц. революціонеры эту политическую реформу считаютъ, какъ видно, настолько существенной, что сообщаютъ, что если у насъ произойдетъ такой «переворотъ», то они измѣнятъ, смягчатъ свою тактику—при «правовомъ» государствѣ не нужно будетъ прибѣгать къ такимъ, напр., мѣрамъ, какъ убійство Плеве. Таково содержаніе или вѣрнѣе обѣщаніе, данное центральнымъ комитетомъ партіи соц. революціонеровъ «цивилизованной Европѣ» въ манифестѣ выпущенномъ по поводу убійства Плеве. А «Искра» въ статьѣ, на-

правленной противъ «Первой Конференціи Грузинскихъ Революц. Группъ» писала: „тогда (т. е. когда въ Россіи будетъ республиканскій строй) не нужно будетъ бороться противъ централистической буржуазной республики, а нужно будетъ стремиться къ захвату власти».

Итакъ, наши соціалисты теперь же заявляютъ, что при конституціи дѣятельность ихъ приметъ совершенно иной характеръ: тогда не къ террору, не къ уличнымъ «безпорядкамъ», не къ постройкѣ баррикадъ нужно будетъ прибѣгать, а заняться мирной, планомѣрной парламентской дѣятельностью, какъ это дѣлается на Западѣ. Мы же—ни мира, ни перемирія будущей русской конституціи обѣщать не можемъ. Мы знаемъ, что пролетаріатъ конституціонныхъ странъ, увлекшись на время парламентаризмомъ подъ вліяніемъ проповѣди «друзей народа», теперь понялъ свою ошибку и опять вернулся къ революціонной тактикѣ, потому что участіе въ парламентахъ, кромѣ разочарованія и дезорганизаціи, ему ничего не принесло. Отъ этого страшнаго деморализующаго разочарованія мы постараемся предохранить русскую трудящуюся массу.

Мы говоримъ и впредь будемъ говорить, что ограничить, ослабить власть—всегда хорошо, но послѣдовательный соціалистъ этимъ не можетъ удовольствоваться; онъ не можетъ, не долженъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока ограниченіе государства не будетъ доведено до конца, т. е. пока оно не будетъ разрушено. Пока гнетъ капитала и государства существуетъ, пролетаріатъ долженъ держаться одной неизмѣнной тактики—тактики разрушенія.

Что касается «захвата власти», то мы достаточно хорошо знаемъ, что значитъ это стремленіе; практически оно выражается въ полной безпринципности. Оно значитъ стремленіе, во что бы то ни стало, попасть въ парламентъ, вотировать сохраненіе исключительныхъ законовъ противъ прессы и анархистовъ *), оно значитъ вотировать довѣріе правительству, которое разстрѣливаетъ рабочихъ, оно значитъ протестовать для революціонной галерки

*) Въ 1893 г. 11 и 15 дек. во Франціи были вотированы исключительные законы противъ анархистовъ, при голосованіи которыхъ многіе изъ соц. демократовъ воздержались. Затѣмъ, когда министерство Л. Буржуа (1895 г.) отказалось упразднить эти законы, соц. демократы высказали ему довѣріе и тѣмъ самымъ поддержали сохраненіе этихъ «подлыхъ законовъ»!

противъ вступленія соціалиста въ буржуазное министерство, но... допускать его въ „трудныхъ“ для націи обстоятельствахъ, какъ, напр., война. *) Однимъ словомъ, стремленіе къ захвату власти означаетъ *замѣну революціонной борьбы парламентскимъ развратомъ*, именуемымъ по какой то странной, еще неизвѣстной пока въ медицинѣ аберраціи логическихъ способностей, политической борьбой. Избави насъ Богъ отъ такой политики!

Тутъ снова какой нибудь „искровецъ“, настоящій изъ „Искры“, или не настоящій изъ „Рев. Рос.“, станетъ возмущаться: „Да мы ни въ какихъ парламентахъ не засѣдали; бюрократія, да вотъ еще вы, анархисты, мѣшаете намъ его получить; все, что вы говорите, касается Западной Европы, а не Россіи. У насъ еще пока самодержавіе и намъ нужно бороться противъ него“.

„Нужно бороться съ самодержавіемъ!“ Конечно нужно, нужно бороться, нужно разрушить самодержавіе. Въ дѣлѣ разрушенія самодержавія мы даже идемъ гораздо дальше соц. демократовъ и соц. революціонеровъ, ибо мы настаиваемъ на необходимости — и не завтра, а сегодня же! полнаго уничтоженія *всякаго* самодержавія, тогда какъ они, пока что, готовы помириться на простомъ ограниченіи самодержавія. Дѣло не въ этомъ. Мы расходимся съ вами въ томъ, что вы требуете конституціи, какъ гарантіи политической свободы, а мы утверждаемъ, что конституція не есть достаточная гарантія свободы рабочаго класса, ибо и въ конституціонныхъ странахъ буржуазія топчетъ ногами всѣ писанныя на бумагѣ права пролетаріата каждый разъ, когда это ей понадобится. Слѣдовательно, всякая вѣра въ конституціонную гарантію, по меньшей мѣрѣ, наивна. При современномъ капиталистическомъ режимѣ пролетаріатъ можетъ обладать лишь той долею свободы, какую онъ сумѣетъ *отстоять силою передъ правящими классами*.

И мы утверждаемъ еще, что всякій переходъ отъ одной политической формы правленія къ другой—отъ самодержавія къ конституціи, и отъ ограниченной монархіи къ республикѣ, представляетъ такую минуту въ жизни народа, которою слѣдуетъ воспользоваться для глубокаго измѣненія экономическаго строя революціоннымъ путемъ.

„Утописты“, презрительно замѣчаютъ „искровцы“ обоихъ

---

*) См. Отчеты Амстердамскаго конгресса.

лагерей. „Вы думаете, что мы такъ однимъ прыжкомъ и перескочимъ отъ самодержавія къ полной свободѣ?“

Безъ предварительной пропаганды, безъ подготовки, безъ подходящей революціи въ умахъ, говорятъ намъ, ничего нельзя сдѣлать. Конечно, съ элементами, которые не усвоили самыхъ основныхъ положеній соціализма, соціалистическаго строя не осуществить. Но если это дѣйствительно такъ, то чего бы, кажется, проще постараться напречь всѣ свои силы, чтобы ускорить этотъ „подготовительный процессъ“; не откладывая до наступленія у насъ конституціоннаго режима, сейчасъ же приняться за самую дѣятельную соціалистическую пропаганду, а не говорить народу, что *пока* намъ нужно представительное государство, какъ это дѣлаютъ „Искра“ и „Рев. Рос.“. Представительное государство одно, а соціализмъ другое; ничего общаго между ними нѣтъ. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, „пока намъ нужна конституція“, то почему же не объединиться съ либералами? Вѣдь Струве тоже говоритъ, что пока нужна конституція, а потомъ... потомъ мы не думаемъ, чтобы Струве остался съ либералами; его мѣсто, и притомъ почетное мѣсто, — въ рядахъ соц. демократіи.

По мнѣнію соц. демократовъ и соц. революціонеровъ, если пролетаріатъ не можетъ, не измѣнивъ своимъ классовымъ интересамъ, сливаться съ буржуазными партіями, то онъ можетъ и *долженъ* осуществить программу буржуазіи. Представительное государство—это требованіе буржуазіи, даже кн. Мещерскій въ послѣднее время поговариваетъ о конституціи. Вѣдь должна же соціалистическая партія чѣмъ нибудь отличаться отъ буржуазныхъ партій. Конечно, *на словахъ* эта разница существуетъ, но на дѣлѣ ихъ требованія сводятся къ одному и тому же.

Выше мы указывали, какая пропасть лежитъ на Западѣ между тѣмъ, что говоритъ и что дѣлаетъ соц. демократическая партія. Та же самая практическая безпринципность характеризуетъ и нашихъ русскихъ соціалистовъ. Когда мы критикуемъ дѣятельность западно-европейской соц. демократіи, русскіе соціалисты обыкновенно возражаютъ: „Насъ недостатки западно-европейскихъ соц. демократовъ не касаются, странно говорить намъ, что не нужно черезчуръ увлекаться парламентомъ, когда у насъ парламента нѣтъ и, стало быть, никакого противосоціалистическаго поступка мы не могли совершить въ этомъ учрежденіи“.

Правда ли, что ужъ такъ странны наши упреки? Правда ли, что ужъ такъ безсмысленно говорить русскимъ соціалистамъ о чрезмѣрномъ увлеченіи парламентаризмомъ? Пересмотрите всю ихъ литературу, взгляните на характеръ движенія, руководимаго нашими обѣими соц. демократическими партіями, и вы убѣдитесь, что это вовсе ужъ не такъ странно. Въ сущности онѣ стремятся къ возможности дѣлать то, что дѣлаютъ западно-европейскіе соц. демократы. Теперь, такъ или иначе, имъ приходится бороться противъ существующаго режима революціонными средствами, ихъ теперешняя дѣятельность является нелегальною въ предѣлахъ русскаго самодержавнаго государства; но въ томъ то и заключается ихъ борьба, чтобы осуществить въ Россіи такія условія, при которыхъ онѣ могли бы отказаться отъ нелегальной дѣятельности и перейти къ легальной—мирному парламентаризму.

Но все это не важно, и можно было бы спокойно оставить обѣ эти партіи заниматься ихъ дѣятельностью, если-бы онѣ не называли свои буржуазныя стремленія соціализмомъ, еслибы онѣ не извращали смысла всей соціальной науки, еслибы онѣ не опутывали рабочій классъ рядомъ предразсудковъ, отъ которыхъ трудно будетъ его потомъ освободить, и которые будутъ мѣшать развитію соціалистическаго сознанія. Предразсудокъ, что представительное государство — высшее благо, обезпечивающее и вѣрнымъ образомъ ускоряющее осуществленіе рабочаго идеала! Предразсудокъ, что при представительномъ правительствѣ рабочій будетъ свободенъ, что его никто не посмѣетъ обижать и оскорблять, что онъ будетъ имѣть „права", будетъ хозяиномъ своей судьбы, какъ это утверждаютъ наши идеологи буржуазной демократіи. Предразсудокъ, что у крестьянъ „будетъ и земля", когда они будутъ *избирать* себѣ начальство! какъ въ этомъ стараются убѣдить мужика наши жирондисты-соц. революціонеры. Предразсудокъ, что рабочій народъ можетъ возлагать надежды на буржуазную революцію!

Почему же, въ такомъ случаѣ, западно-европейскіе соціалисты на всѣхъ перекресткахъ кричатъ, что буржуазная революція ничего не дала рабочему классу, что политическое равенство, равенство передъ закономъ есть обманъ? Почему этотъ обманъ на Западѣ становится насущной задачей у насъ? Почему мы сознательно должны совершить этотъ историческій обманъ? Не станетъ же этотъ обманъ истиной, оттого что онъ произойдетъ у насъ! Онъ останется

обманомъ, и мы просто сохраняемъ за собой право говорить о будущей русской конституціи то, что говорятъ западно-европейскіе соціалисты о тамошнихъ конституціяхъ. Иначе говоря, мы не желаемъ обманывать народъ, а заранѣе стараемся показать ему, что такое конституція, и что ему отъ нея ожидать.

Впрочемъ, мы вовсе уже не такъ абсолютно отрицаемъ пользу парламентаризма, а значитъ и конституціи. Не говоря уже о либеральной буржуазіи, для которой она безусловно полезна—представительная система правленія наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ капиталистическому строю, она есть выдумка буржуазіи—конституція принесетъ пользу и соціалистамъ. А именно: она отведетъ настоящее мѣсто огромному большинству элементовъ, поневолѣ вращающихся въ революціонныхъ кругахъ. Будетъ парламентъ—кто пойдетъ въ депутаты, а кто откроетъ винную лавку для «партіи». Революціонная атмосфера очистится отъ присутствія людей, которыхъ самодержавно-бюрократическое правительство по глупости своей заставляетъ быть революціонерами. Теперь люди, работающіе въ интересахъ буржуазной революціи, окружены ореоломъ мученичества: «Мы боремся за освобожденіе народа, мы гніемъ въ тюрьмахъ и казематахъ, проводимъ нашу молодость въ глухихъ мѣстахъ Сибири», часто слышится отъ нихъ. И дѣйствительно они страдаютъ, мучаются, работаютъ, борятся, но все это ради введенія системы представительнаго правленія. Когда эта послѣдняя будетъ достигнута, всѣ борящіеся за парламентъ «освободители народа» успокоятся, а народъ... народъ увидитъ какую свободу ему готовили.

Наше правительство прекрасно знаетъ, что сама по себѣ конституція ничего страшнаго не представляетъ. Оно прекрасно видитъ, что на Западѣ парламентъ не только уживается со всей современной буржуазной системой, но служитъ превосходнымъ оружіемъ въ рукахъ капиталистовъ въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ. Не забывайте также, что очень многіе изъ крупныхъ мошенниковъ были въ то же время хорошими парламентаристами. Только упрямство, да еще страхъ народа удерживаетъ нашихъ правителей отъ введенія у насъ парламентскаго режима. Мы думаемъ, что еслибы какая нибудь изъ нашихъ революціонныхъ партій могла дать вѣрную гарантію нашему правительству, что введеніе представительства не будетъ сопровождаться народнымъ движеніемъ, оно бы сразу согласилось дать конституцію. Не конституція, а *переходъ* къ кон-

ституціи ему страшенъ, такъ какъ въ эти минуты народъ какъ то инстинктивно чувствуетъ, что надъ нимъ готовится совершить обманъ, и, какъ говорится, срывается съ цѣпи. А когда народъ срывается съ цѣпи, то его трудно удержать, даже соц. демократамъ.

Итакъ, политическую борьбу можно понимать разно, смотря потому, какое содержаніе вкладывается въ слово политика.

Если подъ политическою борьбою подразумѣвать то, что подразумѣваетъ западно-европейская соц. демократія, которую наши соц. демократы привыкли рабски копировать, а именно легальную парламентскую дѣятельность, порицаніе всякихъ попытокъ со стороны пролетаріата *революціонно* реагировать противъ современнаго гнета, стремленіе захватить въ свои руки власть, дѣтскую вѣру въ магическую силу избирательныхъ бюллетеней; если политическою борьбою называть стремленіе нашихъ соціалистовъ къ буржуазной революціи, стараніе ввести такіе государственные порядки, при которыхъ можно было бы дѣлать то, что дѣлаютъ западно-европейскіе соц. демократы, стремленіе демократизировать государство, т. е. сдѣлать его чуточку «болѣе выносимымъ», тогда какъ соціализмъ требуетъ полнаго его разрушенія, если политическая борьба должна сопровождаться вѣчною проповѣдью о томъ, что не самъ и не своими средствами пролетаріатъ долженъ защищать свои пролетарскіе интересы, а черезъ посредство своихъ представителей, не на улицахъ и баррикадахъ, а въ «правовыхъ» учрежденіяхъ, которыя онъ обязанъ раньше завоевать,—то мы безусловно отрицаемъ такую политическую борьбу.

Но если подъ политическою борьбою подразумѣвать борьбу противъ современнаго гнета, съ цѣлью его полнаго уничтоженія; если подъ ней подразумѣвать рѣшительную революціонную борьбу противъ всѣхъ защитниковъ современнаго строя, начиная съ царя и кончая самымъ послѣднимъ жандармомъ, не забывая поповъ и судей; если подъ политическою борьбою подразумѣвать, не смягченіе, не стремленіе сдѣлать современное рабство «болѣе выносимымъ», а борьбу за полное освобожденіе человѣческой личности, если, короче говоря, подъ политическою борьбою подразумѣвать борьбу противъ государства, которое есть освященіе и закрѣпленіе экономическаго и политическаго рабства,—то мы не только не отрицаемъ политической борьбы, но, наоборотъ, тѣмъ и отличаемся отъ другихъ соціалистовъ, что удѣляемъ крупное мѣсто такой политической борьбѣ.

VI.

О революціи и революціонномъ правительствѣ.

I.

Удивительно, до какой степени исторія повторяется! Только что мы успѣли вступить въ революціонный періодъ, какъ уже вопросъ о революціонномъ правительствѣ поставленъ, и даже признанъ животрепещущимъ вопросомъ, на который всякая партія, всякая революціонная группа должна имѣть ясный и опредѣленный отвѣтъ. И всѣ, отъ мала до велика, твердятъ въ одинъ голосъ, что тотъ, кто стоитъ за революцію, долженъ признать и революціонное правительство, какъ довершеніе ея, какъ ея необходимую санкцію.

Такъ ли это? Правда ли, что революціонное правительство является довершеніемъ революціи и ея необходимою санкціей?

Мы не разъ уже указывали на то, что никакая партія не можетъ въ себѣ одной вмѣстить революцію, которая, какъ таковая, должна коснуться всѣхъ устоевъ и слоевъ общества, представленныхъ въ революціи различными партіями. Стало быть, претензія русской соц. демократіи стать выразительницей интересовъ *всего* русскаго общества, навязать пролетаріату программу, могущую стать знаменемъ «всей русской демократіи», всего «передового общества», есть химера, невозможность которой давно доказана изслѣдованіями соціалистовъ о внутреннемъ строеніи капиталистическаго общества. Для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, въ современномъ обществѣ нѣтъ ни нравственнаго единства, ни единенія вообще какихъ бы то ни было интересовъ, а поэтому ссылку на общіе интересы «всего передового» общества», въ нашъ вѣкъ съ вполнѣ обрисовавшейся классовой борьбой, мы считаемъ устарѣлою.

Партія, по силѣ вещей, всегда оказывается выразительницей стремленій и защитницей интересовъ того общественнаго слоя или класса, къ которому она принадлежитъ по своему составу, своей психологіи и идеологіи. Теперь, больше чѣмъ когда либо, нужно помнить это, ибо мы, дѣйствительно, теперь вступаемъ въ революціонный періодъ: не сегодня-завтра самодержавіе, этотъ столбъ под-

неволія, къ которому были привязаны всѣ наши общественныя силы, рухнетъ, и онѣ, сорвавшись съ цѣпи, столкнутся въ кровавой гражданской войнѣ,—вспыхнетъ революція, это великое и творческое нарушеніе, силою закона и рутины поддерживаемаго, нестойкаго равновѣсія. Вступившія въ эту гигантскую борьбу общественныя силы будутъ сознавать, что результатомъ ея будетъ не то, что предначертала себѣ каждая изъ нихъ въ отдѣльности, а *равнодѣйствующая* всей суммы силъ, производящихъ революцію. Едва ли нужно говорить, что каждая изъ этихъ активныхъ силъ будетъ стараться возстановить нарушенное равновѣсіе въ свою пользу и на болѣе прочныхъ началахъ. Пролетаріатъ, какъ одна изъ этихъ силъ — и притомъ наиболѣе крупныхъ,— долженъ вмѣшаться самостоятельно въ эту борьбу, въ качествѣ ни отъ кого не зависящаго класса, и энергичнымъ напоромъ отодвинуть линію равнодѣйствующей борящихся силъ въ свою сторону, т. е. въ сторону соціальной революціи. Иной постановки вопроса для *пролетаріата* не можетъ быть.

Современное общество представляетъ собою совокупность враждебныхъ другъ другу элементовъ, классовъ и кастъ съ непримиримо противорѣчивыми интересами, удерживаемыхъ вмѣстѣ механически и насильственно органомъ правящихъ классовъ — государствомъ. И потому, современное капиталистическое общество есть самое грубое нарушеніе принципа общественности. Въ немъ происходитъ постоянная борьба, то скрытая и затаенная, то бурная и открытая, но не знающая ни пощады, ни перемирія: классы борятся противъ классовъ. При этомъ, каждый изъ нихъ не только борется за торжество своихъ жизненныхъ интересовъ, но еще старается вовлечь въ борьбу за свои классовые интересы другой классъ.

Такъ напримѣръ, буржуазія очень часто во имя „общечеловѣческихъ интересовъ“, во имя „всего передового общества“, во имя „національнаго единства“, „національной чести“ предлагаетъ пролетаріату идти съ ней подъ однимъ знаменемъ. И также у насъ теперь въ Россіи, демократы разныхъ цвѣтовъ и степеней предлагаютъ рабочему классу оставить всѣ неумѣстныя и неосуществимыя „при настоящихъ политико-экономическихъ условіяхъ“ мечтанія о конечной цѣли соціализма и посвятить свои силы осуществленію программы, могущей стать „знаменемъ всей русской демократіи“

Къ счастью, по мѣрѣ того какъ пролетаріатъ развивается и становится сознательнымъ участникомъ общественныхъ переворотовъ, для него дѣлается яснымъ, что онъ не можетъ одновременно служить своимъ интересамъ и интересамъ буржуазіи.

Въ этомъ направленіи начинаетъ работать и сознаніе нѣкоторыхъ революціонныхъ кружковъ въ Россіи, и теперь многіе начинаютъ чувствовать, что, какъ для русской буржуазіи не можетъ быть двухъ понятій о революціи и какъ она стремится использовать грядущую революцію въ своихъ интересахъ,—такъ и для рабочаго класса есть только одно представленіе о революціи, и что онъ долженъ стремиться со всею энергіею, на какую онъ способенъ, къ своей рабочей революціи. Конечно, можетъ случиться, что ему удастся сразу и съ перваго размаху осуществить весь свой общественный идеалъ полнаго равенства и свободы, но, во всякомъ случаѣ, чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ дѣйствовать за торжество *своего* идеала, тѣмъ лѣвѣе проведетъ онъ линію равнодѣйствующей общественныхъ силъ, которую всѣ буржуазные элементы будутъ гнуть вправо—какъ можно дальше отъ соціальной революціи.

Посмотримъ теперь, какія указанія даетъ намъ русская дѣйствительность, а главное, оправдываетъ ли она претензіи нашихъ якобинцевъ, жаждущихъ господства надъ революціей.

Что является общей характерной чертой движенія, вспыхнувшаго въ Петербургѣ и затѣмъ охватившаго всю Россію? Что бы тамъ ни говорили соціальные демократы всякихъ оттѣнковъ, въ чьихъ писаніяхъ мѣстоимѣніе «мы» подозрительно часто повторяется, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится, что развернувшееся огромное движеніе есть чисто *народное*, движеніе, котораго партіи не только не готовили, но даже не знали вначалѣ, какъ къ нему отнестись. Эту первую черту переживаемаго нами движенія очень важно отмѣтить.

Вторая характерная черта движенія заключается въ томъ, что требованія рабочихъ носятъ, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ, экономическій характеръ. О политико-демократическихъ вопросахъ рабочіе или вовсе не говорятъ, или говорятъ между прочимъ; даже въ партіи петербургскихъ рабочихъ этого рода требованія не занимаютъ преобладающаго мѣста. Въ послѣднее время все больше выясняется, что въ Петербургѣ до самой послѣдней минуты и рѣчи не было о разныхъ буржуазно-

демократическихъ прелестяхъ, и самъ, ставшій отнынѣ историческимъ, св. Гапонъ заговорилъ о нихъ только подъ самый конецъ.

И это понятно. Рабочаго—раба, главнымъ образомъ, нынѣшняго экономическаго режима, „хитрая механика“ демократизма не можетъ ни увлечь, ни воодушевить, но за то онъ понимаетъ лучше всякихъ теоретиковъ свое угнетенное положеніе, чувствуетъ голодъ, нищету и холодъ. Выйти изъ этого нищенскаго состоянія — сдѣлалось его постоянной заботой. Рабочій, даже не затронутый соціалистической пропагандой, отлично видитъ, что казна его грабитъ, что капиталисты, министры и чиновники дерутъ съ него по нѣсколько шкуръ и издѣваются надъ нимъ; онъ, хотя и не находитъ для выраженія этого интеллигентскихъ хитрыхъ формулъ, но прекрасно чувствуетъ, что всѣ богатые и сильные міра сего живутъ и жирѣютъ насчетъ его нищеты; онъ сознаетъ, что было бы гораздо лучше для него работать для себя и для своихъ, чѣмъ своимъ потомъ и кровью создавать милліонныя богатства другихъ. Вотъ почему, каждый разъ, когда онъ говоритъ своимъ языкомъ, а не языкомъ суфлеровъ, которые кишатъ вокругъ него, онъ говоритъ революціонно-экономическимъ языкомъ.

Рабочій, хотя ему и ставятъ нуль по сознанію разные чиновники отъ революціи за то, что онъ не особенно ревностно осуществляетъ нужный прежде всего имъ „правовой порядокъ“, сознаетъ однако же—иногда инстинктивно, но все же сознаетъ,—что политическая свобода для него—пустой звукъ, если она не является въ видѣ дополненія къ его экономической свободѣ; что онъ можетъ быть свободенъ политически только постольку, поскольку онъ свободенъ экономически.

Добиваться парламента—ваше право, демократы всѣхъ оттѣнковъ! Парламентъ принесетъ вамъ огромную пользу, ну и добивайтесь его; но не „двигайте“ рабочаго, говоря ему, что парламентъ дастъ ему Волю!

Политическая свобода для голоднаго человѣка есть такая же ложь, какъ и свобода труда въ капиталистическомъ обществѣ, которая на практикѣ оказывается свободой эксплуатаціи. Пока будутъ имущіе и неимущіе, послѣдніе всегда будутъ порабощены первыми, и за кусокъ хлѣба сытый всегда будетъ отбирать у голоднаго всю его „политическую свободу“. Стоитъ только взглянуть на положеніе рабочаго класса любой страны, чтобы убѣдиться въ неопровержимости этой истины.

Но апологеты буржуазно-демократическаго режима передъ такими соображеніями не останавливаются и, чтобы показать, до какой степени народу чужды наши коммунистическія стремленія, указываютъ на умѣренность требованій, выставленныхъ рабочими во время послѣдняго движенія, а затѣмъ побѣдоносно восклицаютъ: «Гдѣ же тутъ коммунизмъ, гдѣ соціализмъ? Развѣ вы невидите, что народъ всего этого не понимаетъ? Нѣтъ, прежде нужно вывести его «на широкую столбовую дорогу прогресса, создать условія борьбы за соціализмъ, а потомъ...» и пр. и пр.

Мы, конечно, согласны признать умѣренность требованій третьей характерной чертой пережитаго и переживаемаго нами движенія, но причину этой умѣренности мы видимъ не тамъ, гдѣ ее видятъ или хотятъ видѣть политики.

Главную причину этой умѣренности нужно искать по нашему: 1) во вліяніи политическихъ партій и 2) въ неумѣніи народа *приводить въ цѣльную* соціальную систему свои требованія, а не въ его безсознательности и не въ томъ, что ему чужды принципы коммунизма.

Развѣ проповѣдь нашихъ политическихъ партій о томъ, что пока еще не пробилъ часъ соціализма, не умѣряетъ революціонный пылъ народа? Развѣ онѣ не удерживаютъ его отъ нарушенія принциповъ частной собственности? Развѣ, напр., Польская Соц. Партія, ведущая геройскую борьбу съ правительствомъ на политической почвѣ, не признала, на экономической почвѣ, преступленіемъ нападеніе на имущества частныхъ лицъ? Развѣ она не восхваляла, какъ актъ сознательныхъ рабочихъ, казнь рабочими рабочихъ же за воровство? И это во время революціи! Развѣ соц. революціонеры не распространяютъ тотъ взглядъ, что *теперь* разговоры объ экспропріаціи фабрикъ несвоевременны, что рабочіе еще не дозрѣли до соціализма? Развѣ они даже соціализацію земли не подчинили идеѣ *предварительнаго* осуществленія политической свободы? Развѣ они не отворачиваются съ ужасомъ отъ мысли о возможности разгрома банковъ и другихъ капиталистическихъ учрежденій и не приходятъ въ негодованіе передъ, якобы безсмысленнымъ теперь, «антибуржуазнымъ террором»? Не хвастается ли въ свою очередь «Искра» тѣмъ, что ея сторонникамъ удалось уменьшить въ Гуріи количество актовъ возмездія, направленныхъ противъ враговъ народа? И не считаетъ ли «Впередъ» сознательною или безсознатель-

ною провокаціею выставленіе требованій, превышающихъ простой буржуазно-демократическій характеръ?

Какое другое вліяніе, кромѣ умѣряющаго, можетъ оказать все это на народныя массы? Не демократамъ, стало быть, слабо окрашеннымъ въ красный цвѣтъ соціализма, указывать намъ на умѣренность движенія, когда они сами, своимъ неустаннымъ стараніемъ удержать это послѣднее въ рамкахъ программы-минимумъ и не пускать его дальше политико-буржуазнаго переворота, не мало содѣйствовали и содѣйствуютъ укрѣпленію въ массѣ этой умѣренности.

Умѣряющее вліяніе политическихъ партій тѣмъ болѣе опасно, что оно сказывается на такъ называемыхъ «передовыхъ, организованныхъ рабочихъ», которые, по внушенію комитетовъ, стараются во всякомъ движеніи представлять собою авангардъ рабочей массы, вести ее за собою и, такимъ образомъ, навязываютъ свою умѣренность всей рабочей массѣ. Конечно, имъ не всегда это удается, и случается, что масса идетъ впереди своего «авангарда», но довольно часто они ведутъ все-таки массу... назадъ.

Другая причина умѣренности народныхъ требованій, какъ мы уже сказали, заключается въ томъ, что народъ не умѣетъ давать строго опредѣленной формулы своимъ стремленіямъ, не умѣетъ приводить ихъ въ цѣльную и законченную соціальную систему. Онъ хочетъ выйти изъ полуголоднаго, нищенскаго существованія, изъ мрака тьмы и невѣжества; онъ хочетъ, чтобы богатые и сильные міра сего не попирали ногами всѣ его человѣческія права,—не разъ давалъ онъ это чувствовать своимъ притѣснителямъ и угнетателямъ. Стало быть не здѣсь его несчастье.

Горе его въ томъ, что, когда онъ переходитъ отъ этихъ желаній и стремленій, вытекающихъ изъ его непосредственныхъ нуждъ, къ практическимъ мѣрамъ ихъ осуществленія, онъ не можетъ *сразу* найти ихъ—эти мѣры. Вмѣсто того, чтобы подойти къ самому корню зла, онъ хватается за второстепенныя вещи, за мелочи, которыя ничуть не измѣняютъ сути дѣла. Ему нужно время, а главное, болѣе или менѣе продолжительное революціонное броженіе, чтобы могъ вполнѣ развиться его творческій духъ.

Народъ даетъ элементы для построенія соціальныхъ системъ, но самъ построеніемъ ихъ или вовсе не занимается, или занимается только въ исключительные моменты—въ эпохи революцій,

Но бѣда въ томъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ его «друзья» и «печальники» о немъ, и въ самые горячіе моменты борьбы, въ самый разгаръ развертыванія народнаго творчества, они вмѣшиваются въ движеніе и, принимаясь «помогать» народу, останавливаютъ его на полъ-дорогѣ, не пуская его довести до конца дѣло своего освобожденія.

Исторія полна фактами, показывающими, что эта «помощь «почти всегда оказывается подвохомъ. Чѣмъ, если не подвохомъ, было слащавое народолюбіе всѣхъ «добродѣтельныхъ» и «государственныхъ мужей» Великой Французской Революціи? Чѣмъ, если не подвохомъ, опять-таки, было народолюбіе соціалистовъ а la Люи Бланъ? Чѣмъ, если не подвохомъ, были напыщенныя прокламаціи Ледрю-Роллеина въ 1848 году?

«Тебѣ плохо, говорили эти благожелатели народу, ты погрязаешь въ рабствѣ и невѣжествѣ—кто этого не видитъ? Наше сердце надрывается при видѣ твоихъ страданій, и мы неустанно заботимся о тебѣ; но ты не хочешь понять, что у тебя плохой хозяинъ, плохой баринъ. Перемѣни ихъ,—и все пойдетъ хорошо».

Наши демократы, и простые и окрашенные соціализмомъ, упорно повторяютъ то же самое. «Провозгласите Земскій Соборъ, говорятъ они мужикамъ и рабочимъ, — и вы станете вольными людьми». И народъ, это вѣчное дитя, пойдетъ объявлять Земскій Соборъ, отдастъ за него жизнь и кровь свою, въ надеждѣ, что онъ принесетъ ему свободу и счастье!

Руководимый политиканами, занявшими въ наше время мѣсто жрецовъ, волхвовъ и шамановъ, народъ отъ ошибки переходитъ къ ошибкѣ, пока не пойметъ, наконецъ, всю безплодность исканія хорошихъ господъ, хорошихъ хозяевъ и не сознаетъ, что проще и разумнѣе устроиться безъ всякихъ господъ и хозяевъ, которые по самой природѣ своей не могутъ быть хорошими.

Въ латинскихъ странахъ самовоспитаніе народа въ этомъ духѣ уже началось; у насъ же его еще только нужно начать, и, кромѣ анархистовъ, некому взять на себя починъ вызвать массу на самодѣятельность, пробудить въ ней желаніе самовоспитанія. Другія партіи въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлаютъ и не могутъ сдѣлать. Ихъ идолъ—дисциплина; они держатся на этой дисциплинѣ.

Таковы причины умѣренности народныхъ требованій. И въ виду всего этого, постоянное общеніе съ народомъ, стараніе освободить

его отъ предразсудковъ, которыми опутали его впродолженіе долгихъ вѣковъ рабства, и которые мѣшаютъ развитію его революціонной предпріимчивости, освобожденіе его отъ вѣры въ политикановъ и всякихъ другихъ «спасителей» и опекуновъ, тормозящихъ его шествіе впередъ, умѣряющихъ его революціонный пылъ и мѣшающихъ проявленію «духа разрушенія», и съ другой стороны—стараніе вызвать въ немъ самодѣятельность и революціонный починъ, смѣлость, дать ему понять все творческое значеніе разрушенія законности и буржуазнаго порядка — есть наша первѣйшая тактическая задача.

На основаніи прошлаго и настоящаго народныхъ движеній мы можемъ сказать, что, если народъ и выставляетъ въ началѣ движенія требованія, умѣренность которыхъ насъ немного смущаетъ, то онъ никогда не остается на почвѣ умѣренности при развитіи движенія; по мѣрѣ расширенія послѣдняго расширяются и его требованія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и заключается разница между народными требованіями и программою-минимумъ политическихъ партій, которая всегда остается мертвою догмою, рамкою, ставящею границы движенію.

Итакъ, насъ не должна пугать умѣренность народныхъ требованій; эта умѣренность далеко не доказываетъ, что народнымъ массамъ чужды наши коммунистическія стремленія. Наоборотъ, мы знаемъ, что въ эпохи народнаго творчества — въ моменты революціи, — народъ идетъ въ нашу сторону, — въ сторону анархіи и коммуны.

Вотъ почему мы такъ враждебно относимся ко всякимъ программамъ-минимумъ, выставляемымъ политическими партіями, этимъ тормозамъ движенія, этимъ страшнымъ и неумолимымъ врагамъ свободнаго народнаго творчества, которое стремится стать анархическимъ.

Мы нарочно такъ долго остановились на общихъ положеніяхъ, и думаемъ, что теперь ясна будетъ наша точка зрѣнія о роли въ революціи революціонера, ясно представляющаго себѣ цѣль и средства соціализма. Говоримъ, «ясно представляющимъ», потому что не достаточно подписать какую нибудь программу соціальныхъ требованій или назвать себя соціалистомъ, чтобы быть имъ. Нужно прежде всего усвоить себѣ эту великую народную мысль, нужно освободиться отъ предразсудковъ, накладываемыхъ на насъ буржуазнымъ воспитаніемъ; нужно хорошо проникнуться той мыслью, что

пролетаріатъ не можетъ и не долженъ идти по стопамъ буржуазіи въ осуществленіи своей свободы; нужно понять, что какъ цѣль, преслѣдуемая пролетаріатомъ, разнится отъ цѣли, которую преслѣдовала буржуазія, стремясь къ захвату власти, такъ и средства его должны отличаться отъ средствъ буржуазныхъ революціонеровъ. Нужно знать, наконецъ, что соціализмъ не есть выторговываніе у буржуазіи тѣхъ или иныхъ реформъ, якобы смягчающихъ рабство и приниженность рабочаго класса, какъ хотятъ насъ увѣрить люди минимумовъ, а стремленіе къ полному обновленію жизни на началахъ равенства и свободы—идеалъ этой обновленной жизни. Нужно понять, усвоить все это, и тогда ясно будетъ, что долженъ дѣлать революціонеръ и соціалистъ во время взрывовъ народнаго гнѣва, во время подъема революціоннаго духа массъ, во время стремленія ихъ къ обновленію жизни.

Въ эти моменты онъ будетъ словомъ и дѣломъ содѣйствовать расширенію, углубленію и укрѣпленію въ народѣ тѣхъ стремленій къ свободѣ и равенству, которыя, какъ бы фатально, всегда выплываютъ наружу изъ нѣдръ народной души въ такіе моменты революціоннаго броженія, и которыя больше, чѣмъ какія бы то ни было программы-минимумъ, способны воодушевить народныя толпы. Живымъ примѣромъ личной инициативы онъ будетъ будить бунтовской духъ въ народѣ и, не отходя ни на шагъ отъ него, черезъ него и для него, онъ пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ его великой цѣли—«свобода для всѣхъ, довольство для всѣхъ».

Помышлять же объ ограниченіи революціи, втискивать ее въ узкія рамки—не наше дѣло; это дѣло нашихъ враговъ. Достаточно найдется охотниковъ среди представителей реакціи и реставраторовъ на эту контръ-революціонную работу—не намъ, коммунистамъ-революціонерамъ, пополнять ихъ ряды. Мы всѣми силами должны бороться противъ всякихъ попытокъ ограниченія революціи. Для насъ все равно, откуда исходятъ эти попытки: отъ либераловъ, организующихся для борьбы противъ революціоннаго терроризма и противъ «самозванныхъ идей», или отъ соціаль-демократіи — въ видѣ революціоннаго правительства, нужнаго якобы для довершенія революціи, на самомъ же дѣлѣ служащаго для того, чтобы вырвать революцію изъ рукъ народныхъ, и ведущаго къ ея окончанію. Мы должны неустанно бороться противъ этихъ попытокъ, разоблачая всю ихъ буржуазную, антиреволюціонную сущность. Готовить пра-

вительство, какъ бы оно не называлось, значитъ, сознательно или безсознательно, теперь же готовить почву для реакціи. Намъ не правительства теперь нужно готовить, а расширять и углублять самую революцію.

Революціонное правительство преждевременно закончило Великую Революцію, казнивъ Гебера, Шомета, Ру и др. Революціонное правительство погубило революцію 1848 года и подготовило іюньскіе дни. Игра въ правительство привела къ гибели славной памяти Парижскую Коммуну... Неужели для насъ пройдутъ даромъ всѣ эти уроки исторіи? Наши предшественники могли ошибаться, но мы, имѣя опытъ—цѣлый рядъ опытовъ, — должны избѣгать повторенія старыхъ ошибокъ; иначе на насъ ляжетъ тяжелая отвѣтственность. Нельзя же изъ слѣпого подражанія буржуазнымъ революціонерамъ толкать рабочую массу на новое пораженіе.

Довольно опытовъ!

Что революціонное правительство есть ограниченіе революціи, ясно и опредѣленно доказываютъ сами же его сторонники. Напримѣръ, «Впередъ» такъ опредѣляетъ задачи грядущаго:

«Глубокомысленныя политическія тупицы предостерегаютъ соц. демократію отъ *чрезмѣрно* дѣятельной организаціи революціи: это можетъ привести къ такой ужасной вещи, какъ *преждевременная* демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства. Преждевременная! Нѣтъ! Самое время теперь пролетаріату стать во главѣ народа для революціоннаго осуществленія своей программы-минимумъ, которая должна стать знаменемъ всей русской демократіи. Пролетаріатъ проведетъ ее до конца и заложитъ тѣмъ фундаментъ для грядущей соціалистической борьбы. Мы отвергаемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя; мы будемъ неустанно разъяснять рабочему, что только самостоятельная классовая организація городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ есть надежный залогъ освобожденія труда отъ гнета капитала; но мы съ презрѣніемъ отбросимъ также трусовъ, робко оглядывающихся кругомъ, не замѣтно ли гдѣ либеральнаго генерала или сановника, которому можно было бы препоручить революцію, скромнехонько посторонившись. Нѣтъ! Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты:

пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить вамъ вашу буржуазную республику, и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ, когда придетъ желанный часъ». («Впередъ», № 10. Перед. статья).

Намъ часто приходилось возмущаться словами и актами соц. демократіи; часто программа и тактика ея подвергались нашей критикѣ, но мы должны сознаться, что нигдѣ еще соціалистическая мысль не доходила до такого цинизма, нигдѣ и никогда еще, кажется, не бравировала такъ соц. демократія своими буржуазными взглядами и планами.

Теперь не ясны ли наши опасенія, что соц. демократія, въ союзѣ съ буржуазными демократами, постарается закончить преждевременно революцію, не давъ ей развернуться во всю свою ширь и глубь? Развѣ навязываніе народу черезъ посредство революціоннаго правительства программы- минимумъ, пріемлемой всей «русской демократіей», не есть ограниченіе революціи? Не значитъ ли это, что изъ грядущей революціи хотятъ вытѣснить не только дѣло, но и мысль соціалистическую? И не предвѣщаетъ ли реакцію заявленіе, печатаемое въ органѣ цѣлой партіи: «мы отвергаемъ, какъ утопію, какъ *безсознательную провокацію, всякую попытку*, невыполнимую при настоящихъ соціально-политическихъ условіяхъ, задачу немедленнаго осуществленія нашей максимальной программы...»

Но только почему не договаривать до конца, почему не заявить прямо, что къ тѣмъ, которые безъ вашего разрѣшенія будутъ всетаки звать крестьянъ къ захвату земли—всей земли — и рабочихъ къ захвату фабрикъ и заводовъ, вы будете примѣнять «всѣ строгости революціонныхъ законовъ»? Почему не писать, не печатать это, когда это говорится, когда вы думаете и мечтаете объ этомъ?

Какъ исторія повторяется! Стоило выступить на сцену еще пока только проекту революціоннаго правительства, какъ съ нимъ вмѣстѣ уже появилось и одно изъ его вѣчныхъ и вѣрныхъ оружій—инсинуація. Провокація!—слово брошено.

На самомъ дѣлѣ, люди революціоннаго правительства всегда употребляли по отношенію своихъ противниковъ, кромѣ «строгостей», клевету и инсинуацію. При помощи интригъ и инсинуаціи якобинцы взвели на эшафотъ Дантона, его друзей, Камиля Демулена — это «дитя революціи». Инсинуаціями и клеветою они убили Гебера,

Шомета, Ру и др. Клеветою же они убили «оратора человѣчества», «личнаго врага Іисуса»—Анархарсиса Клотца.

Нужно было уничтожить кого нибудь, сейчасъ же пускалась въ ходъ клевета. «Онъ потихоньку становится на сторону короля, онъ хочетъ возстановить королевство». Тотъ пруссакъ, этотъ австріакъ, а тотъ дружитъ съ аристократіею... и гильотина готовилась къ встрѣчѣ гостей.

Гдѣ тутъ заниматься разслѣдованіемъ, кто нравъ, кто виноватъ. До того ли тутъ было, въ такое горячее время. «А! говорятъ, что онъ водится съ аристократіею, онъ австріакъ — изъ породы этой ненавистной королевы... на эшафотъ его!«

Не на такой ли эффектъ разсчитаны инсинуаціи «Впередъ»? Будемъ надѣяться, что революція, народъ обрѣжетъ крылья этимъ мечтамъ.

Читая въ газетѣ «Впередъ» всѣ эти статьи: «Пелицейскіе Пугачевы», о «Временномъ Правительствѣ» и др., переполненныя мелкими инсинуаціями по адресу слишкомъ «сангвиничныхъ революціонеровъ», невольно припоминаешь знаменитыя слова Верньо: «Есть люди каждое дыханіе которыхъ по самой ихъ природѣ — ложь, равно какъ ядъ змѣй, которыя по натурѣ своей живутъ только для его выдѣленія».

Мы видѣли выше, до чего договорились поклонники революціоннаго правительства уже теперь, когда они еще пока только мечтаютъ о немъ. Что же будетъ, если они на самомъ дѣлѣ заберутъ его въ свои руки? Горе тогда соціалистамъ, принимающимъ въ серьезъ свой соціализмъ, и стремящимся къ его осуществленію!..

Да иначе не можетъ и быть. Всякое революціонное правительство есть торжество законности — антипода революціи, а революціонное правительство, о которомъ мечтаютъ наши соціальные демократы, явится кромѣ того торжествомъ буржуазной законности. Ибо рѣчь вѣдь идетъ не просто о диктатурѣ пролетаріата (т. е. о соціалистическомъ переворотѣ), а о *демократической* диктатурѣ пролетаріата и крестьянства *), что, какъ извѣстно, далеко не одно и то же.

Провозглашеніе принциповъ демократіи еще не влечетъ за собой перемѣнъ въ отношеніяхъ труда и капитала, не уничтожаетъ эко-

---

*) См. „Впередъ", №№ 10, 13 и 14.

номической зависимости пролетаріата отъ буржуазіи, не свергаетъ *самодержавія буржуазіи*. Демократія есть установленіе болѣе нормальныхъ и прочныхъ условій эксплуатаціи труда, и разъ диктаторская власть очутится въ рукахъ демократіи, которая есть прежде всего буржуазія, то естественно, что она употребитъ ее не на то, чтобы копать себѣ могилу, а для того, чтобы прочнѣе основать свое господство, чтобы убить въ самомъ зародышѣ всѣ попытки пролетаріата преобразовать экономическія основы современнаго общества.

Одно изъ двухъ: или народъ разобьетъ весь старый режимъ, и тогда нечего будетъ прибѣгать къ революціонному правительству, тормозящему только революціонную иниціативу и революціонное творчество народа, который даже по признанію г. Плеханова всегда стремился къ Землѣ и Волѣ; или народъ не побѣдитъ, или побѣдитъ частично, — и тогда революціонеры не только не должны брать на себя почина объявленія *диктатуры*, хотя бы даже и демократической, а наоборотъ, всѣми силами должны мѣшать установленію *сильнаго правительства*.

Итакъ, революціонное правительство всегда играетъ противонародную роль; чтобы держаться, оно оказывается принужденнымъ опираться на полицейскую, а не революціонную силу возставшаго народа. Оно должно быть готово, если это понадобится, выступить противъ чрезмѣрныхъ требованій народа; бить вправо — во враговъ революціи, но также бить и влѣво — въ друзей революціи, стремящихся довести ее до ея логическаго конца. Однимъ словомъ, сама необходимость принуждаетъ его быть *серединою*, изъ которой въ нужный моментъ можетъ выйти *болото*, а въ болотѣ, какъ извѣстно, всегда водятся гады.

Робеспьеръ билъ, съ одной стороны, жирондистовъ, но онъ же свирѣпствовалъ противъ самой рѣшительной, передовой части кордельеровъ; онъ взвелъ на плаху Гебера, Шомета и Ру. Щадилъ онъ только центръ, на которомъ онъ и держался. Къ этой гибели, хотя можетъ быть и несознательно, идутъ и наши соціальные демократы, мечтающіе о революціонномъ правительствѣ. «Не слишкомъ влѣво, не слишкомъ вправо» — уже сдѣлалось ихъ тактическимъ лозунгомъ.

Борьба со всѣмъ, что лежитъ внѣ центра, внѣ точной середины между двумя крайностями — самая основная черта революціоннаго правительства. И такъ какъ эта борьба ведется *правительствомъ*, она подчасъ принимаетъ настолько безполезно-жестокій характеръ, что возстановляетъ противъ революціи не только тѣхъ, которые по отношенію къ ней раньше держались «дружественнаго нейтралитета», но даже и друзей ея. Реакція всегда пользуется такими моментами и, пріободренная естественнымъ раздраженіемъ народа противъ революціоннаго правительства, берется за оружіе и смѣло выступаетъ противъ революціи. А въ случаяхъ ея побѣды, изъ центра, на который опиралась диктатура, вылѣзаетъ «болото» и контръ-революція.

Такъ случилось и съ Робеспьеромъ. Онъ ослабилъ Парижскія секціи, ослабилъ подъ конецъ и Парижскую Коммуну, и, когда наступило 9 термидора и онъ палъ подъ тяжестью ошибокъ своей диктатуры, революцію некому было защищать: Маратъ былъ убитъ, Дантона, Демулена, Гебера и въ особенности безчисленныхъ и безыменныхъ народныхъ героевъ, составляющихъ силу революціи — онъ уничтожилъ; а огромное большинство поддерживавшихъ его своими голосами оказались гадами «болота».

Таковъ урокъ исторіи. Если при этомъ принять во вниманіе стремленіе всякой диктатуры къ концентраціи всѣхъ силъ страны въ одномъ центрѣ, вокругъ котораго, какъ голодные волки, начинаютъ рыскать всевозможные жулики и шарлатаны политики, вродѣ знаменитаго корсиканца, съ цѣлью захватить его въ свои руки чтобы имѣть возможность господствовать надъ всей страной — и тогда ясно станетъ, какимъ страшнымъ обоюдоострымъ оружіемъ является революціонное правительство, даже состоящее изъ лучшихъ, передовыхъ людей.

Итакъ, напрасно нѣкоторые соціалисты, еще не освободившіеся отъ якобинскихъ предразсудковъ, указываютъ на революціонное правительство, какъ на необходимый органъ для осуществленія желанной программы. Повторяемъ, того, чего не осуществила революція,— не осуществитъ никакое революціонное правительство. Ссылки на Конвентъ или вовсе ничего не доказываютъ, или доказываютъ одно: люди, ссылающіеся на него *не знакомы* съ народнымъ движеніемъ, подъ давленіемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Конвентъ не добровольно принимался за осуществленіе того или иного народнаго тре-

бованія, а признавалъ эти требованія лишь послѣ того, какъ народъ фактически, революціонно уже проводилъ ихъ въ жизнь. Конвентъ оказался вынужденнымъ пойти на уступки возставшему народу, какъ современный парламентъ оказывается иногда принужденнымъ пойти навстрѣчу народнымъ требованіямъ.

Революціонное правительство, какъ довершеніе революціи, есть буржуазная выдумка, и соціалисту совсѣмъ не къ мѣсту стремиться къ нему. Понятно, что демократы хотятъ его, чтобы не дать революціи зайти слишкомъ далеко, чтобы ограничить ее сверженіемъ самодержавія. На то они буржуазные революціонеры, которымъ мы не можемъ и не должны подражать.

Буржуазные революціонеры гнутъ свою линію, — мы должны гнуть свою; они хотятъ использовать народную революцію въ своихъ интересахъ,—мы должны стараться, чтобы она послужила интересамъ народа. Буржуазные революціонеры хотятъ, чтобы народъ низвергъ самодержавіе и передалъ власть въ ихъ руки,—мы должны стараться, чтобы народъ свергнулъ не только самодержавіе, но попытался свергнуть и власть всѣхъ богатѣевъ, отбирая у нихъ фабрики, заводы и землю-кормилицу. Они пользуются народомъ, но боятся его,—мы должны быть съ народомъ, и не только не бояться его, но всѣ наши надежды обновленія жизни возлагать на него. Они хотятъ дѣйствовать сверху на народъ,—но мы должны вмѣстѣ съ народомъ дѣйствовать снизу вверхъ и нашу работу обновленія всѣхъ источниковъ жизни начать съ самого фундамента. Они хотятъ, воспользовавшись революціею укрѣпиться въ «революціонномъ» правительствѣ, отдѣлившись отъ народа, — мы должны остаться съ народомъ, на улицахъ, въ секціяхъ, въ группахъ, и слѣдить за всѣми врагами революціи, въ томъ числѣ и за революціоннымъ правительствомъ, чтобы они не задержали, не помѣшали революціи.

Нѣкоторые анархисты-коммунисты высказали желаніе встрѣтиться съ группою «Хлѣбъ и Воля» для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся зарождающагося въ Россіи анархическаго движенія. Результаты этого обсужденія были выражены въ слѣдующей формѣ *):

*) Печатая теперь эти заключенія, мы, конечно, не придаемъ имъ большаго значенія, чѣмъ простому обмѣну мыслей, происходившему 2 года назадъ между двумя группами анархистовъ. *Ред.*

«Мы, анархисты различныхъ группъ, собравшись для обсужденія нашего отношенія къ переживаемому нынѣ моменту, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Наша цѣль—соціальная революція, т. е. полное уничтоженіе капитализма и государства и замѣна ихъ анархическимъ коммунизмомъ.

Въ виду надвигающейся русской революціи, мы не можемъ оставаться безучастными къ происходящему въ Россіи движенію противъ самодержавія. Считая самодержавіе одною изъ самыхъ вредныхъ формъ государственности, мы думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наша задача не только содѣйствовать его ниспроверженію, но и расширять борьбу, направляя ее одновременно противъ капитала и государства, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ.

Мы не признаемъ возможнымъ дѣлить нашу борьбу на два послѣдовательныхъ періода: одинъ—для совершенія политическаго переворота, а другой—для экономическихъ преобразованій при помощи новыхъ государственныхъ учрежденій. Мы думаемъ, что слѣдуетъ теперь же звать обездоленную массу крестьянъ и городскихъ рабочихъ къ осуществленію безгосударственнаго соціализма, зная, что размѣры достигнутаго будутъ всецѣло зависѣть отъ революціонной энергіи, внесенной народными массами въ эту борьбу.

2) Признавая, что только народная революція можетъ привести къ осуществленію нашихъ идеаловъ, мы думаемъ, что анархистамъ слѣдовало бы направить свои усилія на подготовку всеобщей стачки обездоленныхъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, которая дала бы возможность и русскимъ народнымъ массамъ присоединиться къ той всеобщей стачкѣ, которая назрѣваетъ уже въ Европѣ и можетъ явиться началомъ соціальной революціи.

3) Исходя изъ нашихъ основныхъ принциповъ, мы считаемъ наличность государственнаго гнета и экономическаго порабощенія достаточнымъ основаніемъ, не нуждающимся ни въ какихъ оправданіяхъ, для возстанія и прямого нападенія, какъ массоваго, такъ и личнаго, на угнетателей и эксплуататоровъ. По отношенію къ личнымъ актамъ мы прибавляемъ, что они не могутъ быть результатомъ постановленій организацій, а потому вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли прибѣгать въ каждомъ данномъ случаѣ къ тѣмъ или другимъ террористическимъ актамъ, можетъ быть рѣшаемъ только мѣ-

стными людьми, въ зависимости отъ мѣстныхъ и наличныхъ въ данный моментъ условій.

4) Единство анархистовъ создается не черезъ какія-либо центральные комитеты, а въ силу общности принциповъ и конечной цѣли, и революціонной солидарности. Основою всякой группировки и совмѣстной партійной дѣятельности мы признаемъ добровольное соглашеніе личностей въ группѣ и группъ между собою. Опытъ показалъ, что проведеніемъ такого организаціоннаго принципа въ жизнь достигается наиболѣе полное соглашеніе между лицами и группами, наивысшее проявленіе революціонной энергіи и наибольшее развитіе личнаго почина.

5) При нашей рѣзко опредѣленной программѣ, является настоятельная необходимость создать въ Россіи отдѣльную, самостоятельную анархическую партію. Заключать союзы съ какими бы то ни было другими партіями, хотя бы и соціалистическими, не отказываясь отъ своихъ принциповъ, мы не можемъ. Еще менѣе можетъ анархистъ вступать въ ряды этихъ партій или идти подъ ихъ знаменемъ, не измѣняя своимъ принципамъ».

Революція — неизбѣжна.

Общество — древнѣе человѣка. Общественная форма жизни — только *одинъ изъ способовъ борьбы за существованіе*. Примѣнять такой способъ борьбы за существованіе начали еще задолго до появленія на земномъ шарѣ человѣка—другія живыя существа. Зарожденіе общества теряется въ глубочайшей древности, недоступной опредѣленію человѣка. Человѣкъ—это только одинъ изъ видовъ живыхъ существъ, примѣнившій этотъ способъ борьбы за существованіе.

Общество—это сочетаніе индивидуальныхъ энергій для борьбы съ внѣшними условіями, неблагопріятными сохраненію и развитію индивида и вида. Затрачивая энергію коллективно, — легче производить все необходимое для наибольшаго и широкаго удовлетворенія *всѣхъ* потребностей *всѣхъ* индивидовъ. *Общество — наилучшій для человѣка способъ борьбы за существованіе.*

Принципъ минимума затраты энергіи въ соединеніи съ максимумомъ полученной полезной работы и максимумомъ удовлетворенія потребностей, принципъ, который лежитъ въ основѣ *общественности*—могъ осуществиться только при *координаціи* производительныхъ энергій, при *свободной* коопераціи и общности потребленія продуктовъ производства.

Вотъ причина *коммунистической* формы первобытнаго общества, и вотъ почему люди стремятся къ возстановленію коммунизма всякій разъ, когда форма общественной жизни уклоняется отъ него. При всѣхъ этихъ уклоненіяхъ всегда нарушался принципъ: „минимумъ затраты человѣческой индивидуальной энергіи и максимумъ удовлетворенія потребностей“. Общественность лишалась своей основы.

Часть общества, обыкновенно, примѣняя только къ себѣ принципъ минимума затраты энергіи и максимума удовлетворенія потребностей, доводила этотъ самый принципъ до абсурда: меньшинство заставляло работать на себя большинство общества. Большая часть общественной энергіи тратилась на поддержаніе наилучшихъ условій существованія меньшинства общества. Большинство-же оставалось въ условіяхъ, сильно уклоняющихся отъ нормальныхъ.—Одни производили, другіе потребляли. Такимъ образомъ, *въ обществѣ часть людей обратилась въ эксплуататоровъ, паразитовъ.* *)

Общественнымъ паразитамъ, эксплуататорамъ энергіи другихъ, первоначально пришлось затратить самимъ большое количество своей энергіи, чтобы кооператора обратить въ раба, и удержать за собою пріобрѣтенныя привиллегіи. Они понимали, что затрачивая на это свою энергію, они производятъ громадную экономію своихъ силъ. На созданіе раба уходитъ энергіи меньше, чѣмъ на постоянное производство. Вооруженная сила доставила эксплуататорамъ необходимое орудіе для созданія раба.

Производители постоянно стремились сбросить съ себя господство эксплуататоровъ. Поэтому послѣднимъ пришлось для защиты

---

*) Зарожденіе классовъ объясняется этимъ возникшимъ различіемъ условій существованія двухъ частей общества. Борьба классовъ—это борьба за уравненіе условій, за пользованіе результатами полезныхъ работъ, которыя бы производились всею общественною энергіею при нормальныхъ условіяхъ.

своихъ привиллегій постоянно держать наготовѣ вооруженную силу, чтобы страхомъ смерти сдерживать стремленіе производителей къ освобожденію. Такимъ образомъ зародились постоянныя войска и другія шайки разбойниковъ, на тысячу ладовъ формулирующихъ устрашенія, называемыя *законами*; такимъ образомъ зародилось правительство съ его лакеями: судьями и адвокатами, шпіонами и жандармами, тюремщиками и палачами, — всей этой сворой отчаянныхъ подлецовъ и развращенныхъ до мозга костей дармоѣдовъ, которые являются орудіемъ въ рукахъ эксплуататоровъ для обиранія производителей и для откармливанія ихъ, эксплуататоровъ.

Государство со всѣми своими мерзостями зарождается.

Государство даетъ возможность господству въ обществѣ антисоціальныхъ элементовъ, паразитовъ, эксплуататоровъ.

Но господство въ обществѣ антисоціальныхъ элементовъ, нарушая принципъ общественности, неминуемо ведетъ само общество къ гибели и, слѣдовательно, ведетъ къ вымиранію человѣка, какъ вида.

Человѣкъ-же доказалъ и постоянно доказываетъ свою жизнеспособность борьбою съ оружіемъ въ рукахъ противъ эксплуатаціи и власти за коммунизмъ и свободу.

Въ обществѣ съ антисоціальными элементами находятся двѣ другъ другу противорѣчащія силы, находящіяся въ постоянномъ антагонизмѣ. Борьба этихъ двухъ силъ постоянно видоизмѣняетъ форму общества. Столкновеніе ихъ и есть революція. Революція— это борьба. Революція—это *движеніе*, *дѣйствіе*, которое мѣняетъ форму общества, и потому она не можетъ быть „мирною“. Мирная революція такой же абсурдъ, какъ дѣйствіе машины безъ энергіи.

Можно принять за общее положеніе, мы думаемъ, что *борьба производителей за коммунизмъ и свободу есть борьба за постоянное возстановленіе нарушеннаго общественнаго равновѣсія*, *за постоянную реализацію жизненнаго условія*, *воспроизводство котораго естественная эволюція сдѣлала необходимымъ для человѣка. Революція есть вѣчный способъ воспроизводства общественности.*

И дѣйствительно, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на исто-

рію *), то увидимъ, что борьба за коммунизмъ и свободу происходила всегда, какъ только коммунизмъ замѣнялся другими общественными формами, вызванными частною собственностью, и какъ

*) Борьба грековъ противъ персидской деспотіи для спасенія своего *полисъ*, хроническія возстанія рабовъ внутри этихъ же городовъ, борьба съ Македоніею; борьба плебеевъ съ патриціями въ Римѣ, борьба римскаго федерализма противъ имперіализма и централизма, тѣсно связанная съ борьбою трудящихся сельскаго и городского классовъ эпохи Гракховъ противъ латифундистовъ и ростовщиковъ, нажившихся въ малоазійскихъ войнахъ, заговоръ Катилины, который говорилъ трудящимся, что напрасно они думаютъ, будто сытые заботятся о голодныхъ, и что пусть эти послѣдніе сами о себѣ позаботятся, — наконецъ страшная революція Спартака-раба, представителя античнаго пролетаріата, разбившаго трехъ лучшихъ римскихъ генераловъ, и которому крестьяне и ремесленники выковывали оружіе, пополняя вмѣстѣ съ тѣмъ ряды возставшихъ рабовъ;—вотъ нѣсколько примѣровъ той отчаянной борьбы, которую античное общество вело за лучшія условія общественной жизни. — Отчаянная борьба народовъ Римской централистической Имперіи первыхъ вѣковъ нашей эры за федерализмъ: отпаденіе Галліи, Испаніи и другихъ провинцій, борьба итальянскихъ федеративныхъ провинцій противъ посягательста успѣвшей уже сцентрализоваться Византійской Имперіи и королевской власти ворвавшихся лонгобардовъ—вотъ нѣсколько примѣровъ изъ начала новой эры. — Освобожденіе городскихъ коммунъ среднихъ вѣковъ отъ князей и епископовъ, организація гильдій и братствъ—полукоммунизмъ средневѣковыхъ вольныхъ городовъ и ихъ федерація по всей Европѣ, — постоянныя крестьянскія возстанія, часто въ союзѣ съ городами (примѣръ Флоренція), по всей Европѣ вплоть до конца среднихъ вѣковъ—вотъ примѣры борьбы средневѣковаго общества. Отчаянное сопротивленіе, оказанное городскими и сельскими коммунами возродившемуся въ концѣ XVI вѣка государству взявшему въ руки и наточившему старый, заржавленный желѣзный инструментъ римскаго права для эксплуатаціи народовъ; крестьянскія возстанія въ Англіи, реформація и анабаптизмъ, Стенька Разинъ и такъ далѣе, — вотъ примѣры борьбы начала новѣйшей эры. Американская революція, Великая Французская революція, предшествуемая тремя стами бунтовъ и возстаній, самый могучій протестъ противъ современнаго государства, съ крестьянами, сжигавшими замки феодаловъ, и санкюлотами, отрицателями всякой организованной власти, съ Гебертомъ, съ „анархистами": Бабефъ и Буонаротти, Всеобщая Европейская Революція 48-го года, Парижская Коммуна... и, наконецъ, та гигантская борьба противъ капитализма и государства,—интернаціонально-революціонное рабочее движеніе — свидѣтелями которой мы являемся теперь, и которая должна закончиться торжествомъ Соціальной Революціи,—вотъ борьба новѣйшей эры.

только деспотія, центральное государство, уничтожали свободный федеративный союзъ народовъ. Революціи всегда являлись единственнымъ средствомъ возстановленія нарушенной общественности. Революціонная борьба была самымъ горячимъ и великимъ моментомъ жизни обществъ. Съ побѣдою революцій начинались новыя эры.

Какое громадное количество общественной энергіи ушло на революціи! Съ какимъ успѣхомъ эта трата энергіи спасала общественность и двигала человѣчество впередъ, ломая организаціи власти, поражая тирановъ, выгоняя изъ обществъ князей и епископовъ, сжигая замки феодаловъ, опрокидывая правительства!... При грохотѣ оружій, при оглушающихъ звукахъ протеста угнетенныхъ и обираемыхъ родились наука и искусство! Въ моменты освобожденія отъ власти и эксплуатаціи двигалась впередъ цивилизація! Когда въ воздухѣ пахло революціею, именно тогда рождались великіе люди.

Современное міровое соціалистическое движеніе—только одинъ моментъ изъ многовѣковой борьбы угнетенныхъ производителей противъ угнетателей, одинъ моментъ борьбы за возстановленіе общественности и за уничтоженіе эксплуатаціи и власти; — борьбы за коммунизмъ и свободу.

Современный пролетаріатъ собираетъ энергію для двойной работы: 1) *разрушенія старой формы общества*, т. е. государства и капитализма, и 2) *созиданія новой формы общества* на принципахъ анархическаго (безгосударственнаго) коммунизма. Соціализму предстоитъ разрѣшить вѣчную задачу: „минимумъ затраты энергіи и максимумъ удовлетворенія потребностей". Для разрѣшенія этой вѣчной задачи есть только вѣчный способъ ея рѣшенія. Это — революція. Задачу *надо* разрѣшить, такъ какъ человѣчество должно жить!—Революція неизбѣжна!

Революція неизбѣжна, такъ какъ современная форма общества находится въ прямомъ противорѣчіи съ принципомъ общественности. Большинство производитъ, меньшинство-же только потребляетъ. Между тѣмъ даже теперь количество продуктовъ таково, что при коммунистическомъ распредѣленіи ихъ были бы удовлетворены всѣ необходимыя потребности всѣхъ. А если бы *всѣ* тратили производительно свою энергію, то количество средствъ удовлетворенія потребностей возросло бы сильно, и трата индивидами энергіи сократилась бы въ нѣсколько разъ.

Революція неизбѣжна, такъ какъ меньшинство присвоило себѣ всѣ орудія, всѣ средства производства. Производители-же по необходимости принуждены наниматься, не получая въ вознагражденіе даже того количества продуктовъ, которое необходимо для возстановленія ихъ производительной энергіи.

Причина революціи на лицо. Она не можетъ быть неочевидной производителямъ.

Эксплуататорамъ неизбѣжность революціи тоже очевидна. Призракъ революціи они постоянно отгоняютъ усовершенствованіемъ страшной машины для разрушенія, находящейся у нихъ въ рукахъ. Эта машина — государство. Армія и жандармы, полиція, шпіоны и судьи—съ оружіемъ и сводомъ законовъ въ рукахъ стоятъ наготовѣ, чтобы по первому приказанію броситься на народъ.

Все, что есть антисоціальнаго и грязнаго въ современномъ обществѣ, все это защищается и культивируется государствомъ. Насиліе имѣетъ свое олицетвореніе въ войскѣ; неискренность, лицемѣріе и господство, проявляющееся въ самой циничной формѣ,— въ судебной магистратурѣ; клевета, обманъ и развратъ—въ шпіонахъ и полиціи; невѣжество—въ попахъ!... *)

Современное государство — это огромное скопленіе разрушительной энергіи. Творчества въ немъ нѣтъ ни капли! Чтобы уничтожить капитализмъ, надо вырвать у враговъ это страшное оружіе и уничтожить его. Безъ этого нечего и думать о низверженіи современнаго строя. Уничтоженіе же государства будетъ лучшимъ условіемъ широчайшаго полета народнаго творчества.

Производители постоянно испытываютъ на себѣ все разрушительное дѣйствіе государства, особенно при малѣйшей попыткѣ революціоннаго сопротивленія. Чтобы побѣдить, производители должны въ противовѣсъ государству выставить въ свою очередь громадное количество разрушительной, революціонной энергіи. Необходимость революціи заставляетъ ихъ постоянно собирать эту энергію. Это—подготовительный періодъ революціи.

Прямое столкновеніе этихъ двухъ разрушительныхъ силъ (го-

---

*) Для защиты эксплуататора отъ производителей современное государство создало войско, ряды котораго пополняются изъ обездоленныхъ классовъ. Для этой же цѣли государство пользуется и силой навязаннымъ воспитаніемъ и прикрывается демократическимъ принципомъ равенства, вводя „всеобщую" воинскую повинность.

сударственной и революціонной) будетъ самымъ великимъ и рѣшающимъ моментомъ революціи. Побѣда революціонной энергіи повлечетъ за собой коренное переустройство общества. Послѣ побѣды вся энергія пойдетъ на созидательную работу, на само переустройство общества.

Сумма всѣхъ этихъ моментовъ и есть Соціальная Революція. Съ нее начнется новое возрожденіе человѣка и его дальнѣйшая эволюція.

Ростъ „классового самосознанія" у буржуазіи.

Когда говорятъ о «классовой борьбѣ» какъ о чемъ то самодовлѣющемъ, то всегда упускается изъ вида одно маленькое обстоятельство, неизбѣжно сопровождающее «полезную сторону» развитія капитализма. Капитализмъ, врываясь въ старый строй жизни, производитъ ломку старыхъ устоевъ и всѣхъ людей, подобно хорошей сортировальной машинѣ, раскидываетъ въ противоложныя стороны на два большихъ, всегда враждебныхъ другъ другу, лагеря. «Капитализмъ развиваетъ солидарность пролетаріата», «развитіе капитализма способствуетъ проясненію классового самосознанія пролетаріата» и т. д., и т. д.... Да! это все вѣрно! Но...... но это «полезное» дѣйствіе капитализма никогда не бываетъ одностороннее, а всегда двухстороннее, въ обоихъ лагеряхъ. Параллельно съ развитіемъ «классового самосознанія» у пролетаріата, растетъ и крѣпнетъ «классовое самосознаніе» и у буржуазіи. Одновременно съ ростомъ солидарности рабочихъ, развивается солидарность и между эксплуататорами. Это надо всегда помнить при оцѣнкѣ революціоннаго значенія развитія капитализма.

Буржуазія (вѣрнѣе, владѣющіе и властвующіе) имѣетъ въ своихъ рукахъ сильное оружіе для подавленія революцій: вооруженную силу, государство,—это организованное насиліе,—съ полиціей, судами, тюрьмами. Буржуазія имѣетъ въ своихъ рукахъ еще болѣе опасное для насъ оружіе развращенія въ видѣ должностей, окладовъ, пенсій, школъ, университетовъ, науки, литературы, искусства, церкви и т. д., и т. д. Все это повсюду находится въ рукахъ буржуазіи и, чѣмъ наши враги сознательнѣе и сплоченнѣе,

тѣмъ они смѣлѣе, хитрѣе и искуснѣе пускаютъ въ ходъ свои оружія для удержанія въ рабствѣ угнетенныхъ. Поэтому сознательная и сплоченная буржуазія избѣгаетъ часто пользоваться прямымъ и грубымъ оружіемъ подавленія. Это оружіе она пускаетъ только въ удобныхъ случаяхъ, пускаетъ въ ходъ обыкновенно вѣрно и мѣтко, стараясь бить всегда «на вѣрняка». При этомъ, въ подходящихъ случаяхъ, для достиженія своей побѣды буржуазія ни передъ чѣмъ не останавливается, доходя вплоть до средневѣковыхъ пытокъ. Примѣровъ тысячи въ жизни самыхъ передовыхъ, самыхъ высококультурныхъ странъ. Но сплоченная «классовымъ самосознаніемъ» буржуазія обыкновенно предпочитаетъ дѣйствовать хитростью, т. е. оружіемъ развращенія. Она отвлекаетъ вниманіе угнетенныхъ разными идеями, имѣющими яко. бы межклассовой интересъ. Она умѣетъ во время разжечь шовинистическій патріотизмъ. Буржуазія выдвигаетъ въ настоящее время сіонизмъ, толстовство, и различныя соціалъ-реформаторскіе проэкты и ученія. «Мудрымъ зміемъ», съ цѣлью развращенія революціонеровъ, буржуазія заползаетъ въ самыя соціалистическія партіи. Взгляните хотя бы на Германскую соціаль-демократическую партію. Взгляните, какую эволюцію она продѣлала, во что обратилась.

Первоначально парламентъ считался только одной изъ трибунъ для пропаганды соціализма. Не такъ еще давно вожди этой партіи возставали противъ всякой активной парламентской дѣятельности и за ихъ мысли стояло подавляющее большинство противъ одного только Фольмара. Теперь же, послѣ знаменитой «побѣды» Германской соціаль-демократической партіи, въ рядахъ ея возникла мысль посадить на вицепризиденское кресло «своего человѣка». Еще одна, двѣ такія побѣды, и эта партія дойдетъ (вѣроятно по законамъ діалектики) до собственнаго отрицанія, забудетъ, что значитъ слово «соціализмъ», дойдетъ до совмѣщенія въ одномъ лицѣ соціаль-демократа и полицейскаго, До этого дошли же уже швейцарскіе, румынскіе, болгарскіе соціаль-демократы.

Арестъ Бурцева и Кракова въ Женевѣ, обыскъ въ Штутгартѣ у г. Струве являются событіями, ясно показывающими усиленіе международной солидарности буржуазіи съ одной стороны, и всю призрачность и безплодность парламентскихъ побѣдъ съ другой стороны. Въ будущемъ можно ждать только развитія этой международной солидарности буржуазіи въ борьбѣ съ революціонерами.

Римская Конференція противъ анархистовъ была прелюдіей къ международному соглашенію всѣхъ буржуазныхъ правительствъ сообща бороться со всѣми *революціонными* теченіями.

Римская Конференція обнаружила стремленіе буржуазіи закрѣпить во всѣхъ странахъ тѣ формы правленія, которыя существуютъ въ нихъ въ настоящее время. Римская Конференція, такимъ образомъ, явилась какъ бы попыткой основанія международнаго общества страхованія современныхъ правительствъ отъ *революціонныхъ* измѣненій.

Для чего же это понадобилось буржуазіи? Нѣкоторыя формы правленія, какъ мѣшающія свободному развитію капитализма, невыгодны и самой буржуазіи! Напр., русское самодержавіе. Но буржуазія помнитъ пословицу, что «лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ», и потому мирится съ неудобствами самодержавія и всячески охраняетъ его.

Причина такой какъ бы глупости буржуазіи лежитъ въ проясненіи буржуазнаго «классоваго самосознанія» и въ ростѣ международной буржуазной солидарности.

При современномъ развитіи техники, путей сообщенія и международныхъ сношеній, отсталая форма государственнаго правленія мало мѣшаетъ развитію капитализма и жизни въ свое удовольствіе мирныхъ буржуа. Но эти же условія сдѣлали невозможной революцію только въ предѣлахъ одного государства. Всякая революція, въ какомъ бы государствѣ она не произошла, должна отозваться на другихъ и легко поэтому можетъ перейти въ *международную рабочую революцію.* Буржуазія со всѣми своими слугами понимаетъ это и боится, какъ огня, всякой революціонной вспышки. Этимъ то и объясняются факты съ перваго раза непонятные. Французская республика братается и цѣлуется съ россійской монархіей. Швейцарія высылаетъ Бурцева и Кракова; развиваетъ систему административныхъ высылокъ, вноситъ законопроэкты, ограничивающіе свободу слова, развиваетъ милитаризмъ и увеличиваетъ бюджетъ на армію и на полицію. Германія наканунѣ «побѣды» соц. демократической партіи выдала русскому правительству соц. демократа Калаева, а послѣ «побѣды» возбудила дѣло о контрабандѣ русскихъ революціонныхъ изданій и произвела обыскъ у эксъ-соц. демократа г. Струве.

Если на послѣднее изъ указанныхъ событій посмотрѣть съ «правовой» точки зрѣнія, то ровно ничего не поймешь. Протрешь

глаза, еще разъ посмотришь и невольно скажешь: «какая здѣсь можетъ быть контрабанда? Въ германскомъ таможенномъ тарифѣ нѣтъ вывозной пошлины на русскія революціонныя изданія». Ну, а ставъ на нашу точку зрѣнія, это дѣло станетъ сразу ясно. «Освобожденіе» въ Россіи оказываетъ нѣкоторое революціонизирующее дѣйствіе, и германское правительство, вслѣдствіе международной солидарности, нарушая всѣ законы, права и даже просто логическій смыслъ, не боясь запросовъ въ парламентѣ Бебеля и др., мѣшаетъ ввозу въ Россію вредныхъ изданій, охраняя существующую тамъ форму правленія, т. е. самодержавіе.

Въ то время какъ международная солидарность нашихъ враговъ растетъ, въ нашемъ лагерѣ проповѣдуютъ ограниченіе борьбы предѣлами отдѣльныхъ государствъ. «У пролетаріата каждой страны есть кромѣ международной, очень отдаленной цѣли, свои собственныя ближайшія задачи». Такъ говорится въ программахъ минимумъ всѣхъ партій соціалистовъ-государственниковъ. На эти ближайшія задачи соціалисты-государственники стремятся направить всѣ силы пролетаріата. Хотя они и пишутъ на всѣхъ программахъ: «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», но международный характеръ борьбы угнетенныхъ съ угнетателями почти что скрывается отъ угнетенныхъ. «Сперва выполни ближайшія задачи, а ужъ потомъ мы скажемъ тебѣ, рабочій, куда стремиться» говорятъ такъ называемые вожди пролетаріата.

Писать на прокламаціяхъ о сверженіи самодержавія «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» можно перестать, такъ какъ это не имѣетъ смысла и только дѣлается по рутинѣ, но пора воскресить *духъ* Международнаго Товарищества Рабочихъ.

Это *надо* сдѣлать и это *будетъ* сдѣлано!

---

* * *

Насколько въ массѣ развито чувство остраго недовольства существующимъ положеніемъ, недовольства, переходящаго въ страстную ненависть ко всѣмъ сытымъ и обезпеченнымъ, въ жажду хоть чѣмъ нибудь выместить на нихъ свои муки,—показываютъ все увеличивающіеся размѣры такъ называемаго хулиганства, случаи котораго въ настоящее время наблюдаются въ Россіи повсемѣстно, отъ Пе-

тербурга до Восточной Сибири включительно. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не отчаяніемъ, сознаніемъ безвыходности своего положенія и вытекающей отсюда органической злобой ко всѣмъ болѣе взысканнымъ судьбою, можно объяснить зарегистрованный легальной печатью фактъ нанесенія босякомъ-крестьяниномъ Журловымъ удара незнакомому ему офицеру-юношѣ, ведшему роту солдатъ по петербургскимъ улицамъ? Самъ Журловъ въ отвѣтъ на вопросъ унтеръ-офицера, за что онъ хочетъ ударить «кого нибудь по выше», совершенно вѣрно, хотя быть можетъ, самъ не сознавая всей глубины смысла своего отвѣта, объяснилъ: «за то, что вы сыты, а я голоденъ». И такихъ Журловыхъ много встрѣчается теперь. Озлобленные безвыходной нищетой и униженіями, хулиганы кидаются на перваго встрѣчнаго «сытаго», не задаваясь даже вопросомъ, виноватъ ли онъ въ своей сытости и ихъ голодѣ, каковъ будетъ результатъ ихъ нападенія, руководимые одной жаждой мести за всѣ вынесенныя ими лишенія, мести не отдѣльнымъ лицамъ, какъ таковымъ, а представителямъ опредѣленныхъ общественныхъ классовъ, и этому чувству вполнѣ законному и естественному не достаетъ только яснаго революціоннаго сознанія, чтобы вспыхнуть всероссійскимъ пожаромъ

Что явится той искрой, которая зажжетъ этотъ пожаръ, покажетъ недалекое будущее, а пока хулиганство на ряду съ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ вызываетъ тревоги со стороны буржуазныхъ классовъ и правительства. «Охранительная» пресса вопитъ о необходимости немедленно принять строжайшія мѣрѣ, до смертной казни включительно, противъ хулиганства, мѣшающаго «порядочнымъ» людямъ спокойно пользоваться благами жизни. Либеральная печать сожалѣетъ о «несчастныхъ, темныхъ босякахъ», доводимыхъ до преступленій «бѣдностью и невѣжествомъ» и пережевываетъ старую, надоѣвшую до тошноты либеральную жвачку о необходимости насажденія «правового порядка» на почвѣ русскаго самодержавія, расширенія правъ мѣстнаго «самоуправленія» и о пр. благоглупостяхъ, приводя часто на той же страницѣ фактическія доказательства безсилія законовъ, имѣвшихъ цѣлью хоть нѣсколько ограничить хищническіе инстинкты нашихъ «правящихъ классовъ».

Правительство по обыкновенію принимаетъ мѣры къ тому, чтобы скорѣе довести дѣло до революціоннаго взрыва. Испугавшись

роста революціоннаго движенія, оно устраиваетъ антиеврейскіе безпорядки въ Кишиневѣ, но тѣмъ вызываетъ лишь общій взрывъ негодованія со стороны даже самыхъ буржуазныхъ и реакціонныхъ обществъ Западной Европы. Тогда оно назначаетъ судъ надъ кишиневскими громилами и на судѣ самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ, что истиннымъ зачинщикомъ кишиневскихъ погромовъ было само правительство въ лицѣ его мѣстныхъ клевретовъ, т. е. выясняется именно то, для скрытія чего и былъ собственно устроенъ кишиневскій процессъ. Боясь революціоннаго движенія, силясь подавить его казнями, каторгой, тюрьмой и ссылкой, русское правительство въ то же время усердно и не безуспѣшно хлопочетъ о превращеніи лойяльныхъ финляндцевъ въ революціонеровъ, арестуя безъ соблюденія какихъ бы то ни было «законныхъ» формальностей наиболѣе уважаемыхъ въ Финляндіи людей, въ родѣ мэра Мейнандера, изгоняя самыхъ вліятельныхъ патріотовъ изъ Финляндіи, нарушая самымъ безцеремоннымъ образомъ присягу въ вѣрности финляндской конституціи и потомъ обижаясь и публично (въ «Финляндской газетѣ») высказывая свою обиду на то, что Швеція и Норвегія даютъ пріютъ финляндскимъ изгнанникамъ, и что литературная премія Нобеля присуждена Бьернштейну-Бьернсону, который въ недавно изданной поэмѣ осмѣлился непочтительно выразиться по адресу русскаго монарха по поводу финляндскаго «coup d'état». Въ то же время аресты, ссылки, суды надъ революціонерами идутъ своимъ чередомъ, о нихъ уже давались отчеты въ нелегальныхъ изданіяхъ, а потому здѣсь можно ограничиться только указаніемъ на то, что количество политическихъ преступниковъ непрерывно возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается въ ихъ массѣ процентное отношеніе лицъ изъ рабочихъ и крестьянъ, т. е., несмотря на абсолютное возрастаніе, число интеллигентовъ среди политическихъ совершенно тонетъ въ массѣ крестьянъ и рабочихъ.

Итакъ, общее глухое недовольство широкихъ народныхъ массъ, революціонное броженіе среди нихъ, въ значительной степени стихійное, не оформленное, но вызванное самой жизнью и охватывающее всѣ трудящіеся классы, все большее обнищаніе народа вообще и крестьянъ въ особенности; безсиліе либеральной буржуазіи принять какія либо практическія мѣры для насажденія излюбленной ею законности, разнузданность реакціонной части буржуазіи, растерянность правительства и все ростущая революціонная

война, выдвигающая на первый планъ пролетаріатъ въ истинномъ значеніи этого слова—таково положеніе, въ которомъ засталъ Россію новый 1904-й годъ.

Мирный исходъ или революція?

Что Россія находится накануне крупнаго переворота во всей ея жизни, политической и хозяйственной,—въ этомъ согласны всѣ, кто только способенъ думать объ общественныхъ дѣлахъ. Съ этимъ соглашаются даже въ дворцовыхъ сферахъ.—«Да, серьезныя перемѣны неизбѣжны, мы это знаемъ», — говорятъ тамъ. — «Вопросъ только въ томъ, какъ сдѣлать переходъ, чтобы дѣло обошлось безъ потрясеній» (читай—безъ революціи).

Согласны съ этимъ и въ правящихъ сферахъ. Даже Плеве понимаетъ, что глубокія перемѣны политическія и общественныя неизбѣжны. Только, какъ подобаетъ охранительному или вѣрнѣе «охранному» министру, онъ будетъ стараться, во-первыхъ, чтобы никакихъ уступокъ не было сдѣлано раньше, чѣмъ это станетъ безусловно необходимо; а затѣмъ, чтобы сдѣланныя правительствомъ уступки не повели бы, чего добраго, къ революціи, какъ это случилось при блаженной памяти французскомъ королѣ, Людовикѣ Шестнадцатомъ,—причемъ, какъ подобаетъ охранителямъ, именно Плеве и ему подобные доведутъ дѣло до кроваваго взрыва.

Съ тою же мыслью о необходимости политическихъ перемѣнъ согласны и многіе изъ помѣщиковъ, крупныхъ фабрикантовъ и даже сановныхъ людей по всей Россіи—«Ну да, конечно, говорятъ они, приспѣло время для конституціи. Даже передъ Европой зазорно; да и смутамъ пора конецъ положить; какъ бы народъ — того!... Вообще, мы не прочь отъ конституціи (деньжищъ-то, Иванъ Ивановичъ, что можно нажить, коли съ умомъ!). Только, какъ бы, боже упаси, революціи не приключилось? Вонъ, во Франціи, тоже короля ограничивали, и финансы хотѣли подправить, и подати мужикамъ облегчить,—а какое дѣло вышло! Помѣщикамъ то пришлось бѣжать къ нѣмцамъ подъ защиту, а тѣмъ временемъ мужики разобрали всѣ ихъ земли, а другія въ казну отписали. Такъ вотъ надо будетъ, какъ нибудь конституцію, хоть

плохонькую, соорудить, лишь бы безъ революціи. Мужичье—чтобъ ни-ни! и думать бы не смѣли на наши земли заглядываться! А фабричные, ежели гдѣ зашумятъ, такъ чтобъ сейчасъ усмиреніе,— по формѣ, безъ малѣйшаго попущенія. А намъ наше добро терять изъ-за конституціи не приходится».

Словомъ, между власть имѣющими, землевладѣльцами, фабрикантами, банкирами и чиновниками, вездѣ ходитъ таже мысль. Что нибудь сдѣлать нужно. Хоть какую ни на-есть конституцію придется завести. Только—чтобъ безъ революціи! Законы, что-ли, о правахъ человѣка, написать можно. Ну, а чтобы мужику, или фабричному волю давать на всякія безчинства,—этого, чтобы въ мысляхъ не было!

Если такъ разсуждаютъ тѣ, кто пользуется въ русскомъ государствѣ всякими льготами и капиталецъ наживаетъ—оно совершенно понятно. Эти господа защищаютъ свои выгоды. Но намъ сдается, что и среди соціалистовъ есть не мало такихъ, которые разсуждаютъ подобнымъ же образомъ. Конституціи они желаютъ, даже на республику согласны, и рабочій день въ десять или даже въ девять часовъ готовы подписать,—только, чтобы безъ революціи.

Такъ ужъ и быть, на баррикадахъ подраться можно; но чтобы немедленно вслѣдъ за тѣмъ, все вошло въ свое русло, и законы писались чинно, степенно, въ Соборѣ, или Палатѣ; чтобы «черни», а тѣмъ паче «анархистамъ», не было повадки своевольничать.

Таковъ, если мы не ошибаемся, идеалъ многихъ русскихъ соціалистовъ, даже изъ тѣхъ, которые готовы въ настоящее время идти въ бой и самоотверженно погибнуть, идя на приступъ противъ самодержавія.

Если мы ошибаемся,— если именно къ народной революціи стремится большинство русскихъ соціалистовъ,—мы съ радостью готовы будемъ признать свою ошибку, замѣтивши только, что въ такомъ случаѣ ихъ программы совершенно не цѣлесообразны. Дѣйствительно, мы спрашиваемъ себя,—какъ объяснить то, что въ русской соціалистической печати такъ усердно занимаются, напримѣръ, вопросомъ, какія земли—отрѣзки какіе нибудь, или еще какія нибудь прирѣзки, можно будетъ отдать крестьянамъ, а какія отбирать у помѣщиковъ не слѣдуетъ? Почему это непремѣнно восьми, а не шестичасовой рабочій день, и такое то «охранитель-

ное» рабочее законодательство, предрѣшающее заранѣе, что эксплуатація русскаго рабочаго капиталистомъ должна однако продолжаться? Развѣ это революціонная программа?

Вѣдь если дѣло дойдетъ до революціи, то кто же это можетъ заранѣе предрѣшать, что вотъ такіе то отрѣзки отъ надѣловъ брать можно, а другія земли трогать нельзя? Сколько смогутъ, столько и возьмутъ крестьяне—и прекрасно сдѣлаютъ, прибавимъ мы. Вѣдь, не господа же помѣщики, въ самомъ дѣлѣ, расчищали новь, не они гати клали въ болотахъ и дороги прокладывали по буеракамъ и степямъ! А потому, если крестьяне смогутъ взять назадъ всю землю, облитую ихъ потомъ и ихъ горбомъ расчищенную, то чего-бы, казалось, соціалистамъ опасаться такого исхода?

Или, напримѣръ, если дѣло дойдетъ до революціи, то весьма возможно, что кое гдѣ рабочіе начнутъ отбирать фабрики и заводы у теперешнихъ хозяевъ, и попробуютъ вести работу, либо на артельныхъ началахъ, подъ контролемъ общества, либо такъ, какъ ведутся въ нѣкоторыхъ городахъ конки, домостроительство и даже обработка земли и разработка каменноугольныхъ копей, подъ управленіемъ городскихъ выборныхъ. Это тѣмъ болѣе будетъ возможно, если революція въ Россіи совпадетъ съ революціею въ литовскихъ странахъ, гдѣ подобныя начинанія будутъ сдѣланы. Не станутъ же, въ такомъ случаѣ, соціалисты выходить противъ рабочихъ и усмирять ихъ, приговаривая: «Рано, молъ, взялись! Не вашего ума это дѣло. Ждите, покуда начальство распорядится въ Соборѣ и укажетъ, какими фабриками и какъ пользоваться!»

Конечно, этого не случится,—хотя, надо сказать, въ 1793 году жирондисты именно такъ хотѣли распорядиться насчетъ земли. Напротивъ того, мы увѣрены, что русскіе революціонеры примкнутъ сами къ народу и помогутъ ему расширить его соціалистическія начинанія. Но, въ такомъ случаѣ, къ чему же заранѣе ограничивать дѣятельность революціи жирондистскими программами?

Не лучше ли, не достойнѣе ли было бы прямо сказать: «Никакихъ программъ заранѣе писать мы не намѣрены. Какъ далеко ни пойдетъ русскій народъ, или отдѣльные города и области, на пути коммунистическаго обобществленія земли и капиталовъ, мы будемъ съ нимъ, въ его рядахъ. А ограничивать революцію заранѣе полубуржуазными программами мы предоставимъ буржуазіи, съ которою и поборемся.

Дѣйствительно, если дѣло дойдетъ до революціи, то какъ же это можно писать заранѣе: «отсюдова и досюдова», точно школьный учитель въ азбукѣ? Революція—не бунтъ, не уличная борьба, продолжающаяся нѣсколько часовъ или дней, а цѣлый періодъ въ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ (во Франціи онъ продолжался съ 1789-го по 1793-й годъ, а въ Англіи цѣлые десятки лѣтъ послѣ 1648-го года),—періодъ, во время котораго идетъ всеобщая ломка отжившихъ учрежденій и выработка новыхъ формъ жизни. Конечно, жизнь обществъ идетъ теперь гораздо быстрѣе, чѣмъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, а потому всякая революція можетъ скорѣе придти къ концу, но за то и соціальныя задачи, стоящія на очереди, гораздо сложнѣе, чѣмъ онѣ были сто лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, заранѣе отмѣчать въ книгѣ исторіи *до сихъ поръ*, не достойно серьезныхъ мыслителей.

Задача революціонера, т. е. человѣка предвидящаго близость революціи и желающаго такого переворота, не въ томъ, чтобы ставить заранѣе запятыя движенію, а въ томъ, чтобы какъ можно яснѣе, полнѣе и рельефнѣе выставить свой идеалъ—не «программу минимумъ», а именно идеалъ,—а затѣмъ работать, и жизнь положить, если нужно, на то, чтобы изъ этого идеала осуществить, какъ можно больше, такъ и на то, чтобы изъ него уцѣлѣло, какъ можно больше, когда наступитъ послѣ-революціонная реакція.

Гдѣ были бы мы, въ самомъ дѣлѣ, если бы великая французская революція не выставила своихъ великихъ идеаловъ свободы, равенства и братства, братства народовъ, всеобщаго народнаго образованія, полной политической свободы, «аграрнаго закона» и «равенства имуществъ», какъ тогда выражались, разумѣя подъ этимъ право каждаго на землю, право на трудъ, и право на безбѣдную жизнь для того, кто готовъ работать? Многое изъ того, что было провозглашено революціей, дѣйствительно удалось осуществить, несмотря на тѣхъ постепеновцевъ, которые и тогда говорили, что «дальше нельзя». Революція поразила крѣпостной строй навсегда въ Западной Европѣ. Но если всего, что она взяла, ей не удалось осуществить, за то весь девятнадцатый вѣкъ жилъ идеалами, провозглашенными въ тѣ годы, да въ послѣдніе десять лѣтъ восемнадцатаго вѣка.

Такъ и намъ предстоитъ сдѣлать. Ограничивать же наши идеалы,—на то будетъ предостаточно охотниковъ во враждебномъ намъ лагерѣ.

Заранѣе зарекаться, что съ насъ довольно будетъ пока такихъ-то уступокъ, значитъ заранѣе отрекаться отъ революціонныхъ способовъ дѣйствія.

Дѣйствительно, что такое, такъ называемыя «программы наименьшихъ требованій» (программы минимумъ)? Такія программы пишутся въ виду парламентскихъ выборовъ, а вовсе не въ виду революціи. Ихъ пишутъ мирные реформаторы, но, конечно, уже не революціонеры. Когда какая нибудь молодая политическая партія добивается признанія въ политикѣ со стороны другихъ партій, когда она хочетъ доказать, что она тоже политически «созрѣла», и стала умницей, она пишетъ свою программу-минимумъ; причемъ слово «минимумъ»—простой самообманъ. Программа-минимумъ всегда бываетъ программа-максимумъ, такъ какъ она представляетъ вовсе не сумму наименьшихъ требованій, а напротивъ—сумму наибольшихъ требованій, которыми партія довольствуется въ настоящую минуту. Другія партіи такъ и понимаютъ эти программы.

Если продавецъ увѣряетъ покупателя, что по настоящему, ему слѣдовало бы взять за свой товаръ десять рублей, но что въ виду всякихъ обстоятельствъ онъ, такъ и быть, помирится сегодня на трехъ рубляхъ,—что это минимумъ, на который онъ можетъ согласиться,—то другая сторона смотритъ на эту цѣну, какъ на наибольшую, которую продавецъ надѣется получить. Никто уже не дастъ ему ни пять, ни четыре рубля, а всякій постарается еще выторговать полтинникъ или четвертакъ. Тоже самое бываетъ и въ политикѣ.—«Слава Богу, дурь изъ головы выкинули эти соціалисты», говоритъ буржуа, читая ихъ программу-минимумъ. «Начали богъ знаетъ съ чего: капиталистовъ, изволите видѣть, имъ вовсе не нужно! Теперь, слава Богу, образумились: просятъ восьми-часового рабочаго дня. Ну, на этомъ еще можно поторговаться—и сторговаться. Ничего, дѣтки, живъ курилка! поживемъ еще на свой капиталецъ!»

Писать такія программы, конечно, приходится тѣмъ, кто идетъ въ парламентъ торговаться со своими противниками. Но писать программу минимумъ, имѣя въ виду революцію, не имѣло бы никакого смысла. А потому, когда мы видимъ, что русскіе соціалисты заранѣе объявляютъ, что крестьянамъ слѣдуетъ дать такіе то прирѣзки, а фабричнымъ рабочимъ слѣдуетъ,—«пока что»—удовольствоваться восьми или девяти-часовымъ рабочимъ днемъ,

то мы вынуждены заключить, что они или вовсе не хотятъ революціи, или же не вѣрятъ въ ея возможность.

А между тѣмъ, чѣмъ больше мы изучаемъ сложнѣйшія задачи, назрѣвшія въ Россіи; чѣмъ больше мы вдумываемся въ чисто индусское обѣднѣніе обширныхъ областей средней Россіи и въ невозможность пособить горю безъ такихъ крупныхъ переворотовъ во всей системѣ землевладѣнія, какія совершаются только революціоннымъ путемъ,—причемъ всѣ предложенныя мѣры и даже революціонныя программы поражаютъ насъ своею маниловскою недостаточностью; чѣмъ больше мы сознаемъ при этомъ всю жестокость рассовыхъ столкновеній, вызванныхъ и взлелѣянныхъ россійскими яко-бы государственными людьми,—тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что Россіи, подобно бурбонской Франціи, не выйти, безъ глубокой революціи, изъ ея теперешняго самодержавнаго полу-крѣпостного строя.

Невозможность самодержавія—не одна больная сторона русской жизни. Весь хозяйственный строй страны расшатанъ точно такъ же, какъ онъ былъ расшатанъ въ Англіи наканунѣ 1648-го г. и во Франціи наканунѣ Великой Революціи. Вся административная машина, со всѣми ея пристройками и подмазками, дошла до того, что окончательно мертвитъ русскую жизнь и убиваетъ всякую самодѣятельность. Чинить ее больше нельзя—ее приходится смести, какъ заразу, чтобы дать вздохнуть народу. Никакому Земскому Собору не расхлебать той каши, которую онъ получитъ въ наслѣдство отъ царской власти, если бы народныя массы остались неподвижными и не внесли своихъ силъ въ дѣло обновленія. Можно сколько угодно, заниматься Маниловскими мечтами, но фактъ, дѣйствительность въ томъ, что безъ глубокаго потрясенія, безъ *народной революціи,* не перейти Россіи къ новой жизни. Такъ и дѣйствовать намъ надо.

И въ западной Европѣ ходятъ грозныя тучи, отъ которыхъ буржуазнымъ парламентамъ недолго полетѣть, какъ карточнымъ домикамъ,—точно такъ же, какъ полетѣли троны въ 1848-мъ году. Но нигдѣ въ этихъ тучахъ нѣтъ такихъ грозныхъ элементовъ стихійной борьбы, какъ въ Россіи.

Мы думаемъ поэтому, что если мы, не только можемъ, но должны,—вездѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, во всѣхъ направленіяхъ, отвоевывать себѣ, какъ можно больше, даже самыхъ мелкихъ уступокъ,—въ деревнѣ, на фабрикѣ, отъ помѣщика и отъ всякаго начальства — то дѣлать это мы должны въ виду несравнимо болѣе широкой цѣли—революціи. На каждое столкновеніе мы должны смотрѣть не какъ на средство заполнять какую-то программу, а какъ на средство пробужденія революціоннаго духа, въ виду того громаднаго движенія, которое назрѣваетъ въ Россіи.

Этотъ предметъ, однако, такъ обширенъ, такъ важенъ, и всякое заключеніе такъ обильно практическими послѣдствіями, что мы еще много разъ вернемся къ нему.

Анархисты и соціалисты-революціонеры.

Когда то «Революціонная Россія» старалась доказать русскимъ и не русскимъ соціаль-демократамъ, что они братья. «Мы братья», говорили они, «у насъ одна и та же цѣль, и поэтому не хорошо заниматься братоубійственной полемикой». «Рев. Рос.» была очень тронута, когда «Южный Рабочій» обозвалъ соціалистовъ-революціонеровъ братьями, не замѣтивъ, что соц.-демократическая газета говорила тономъ г-на Плеханова, изрекающаго: «наши братья анархисты».

Въ виду этого мы думаемъ, что сторонники «Рев. Рос.» не должны быть на насъ въ претензіи, если мы въ этой статьѣ постараемся доказать, что они въ сущности очень мало отличаются отъ соц. демократовъ и очень сильно расходятся съ нами. Это сходство и разницу легко будетъ установить на основаніи нѣкоторыхъ статей «Рев. Рос.», которыя по всей вѣроятности были серьезно и тщательно обдуманы, такъ какъ ихъ нашли потомъ нужнымъ переиздать отдѣльно *).

«Южный Рабочій», пишетъ «Рев. Р.», совершенно правильно усматриваетъ, сущность разногласія между двумя фракціями, со-

---

*) См. «Южный Рабочій и Соціалисты-Революціонеры» и «Наши задачи въ деревнѣ» въ сборн. статей: «По вопросамъ программы и тактики».

ціаль-демократической и соціально-революціонной въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянству и террору» *). Намъ хотѣлось бы думать, что есть и еще разница между двумя фракціями, но разъ сама «Р. Р» не видитъ больше никакой, приходится согласиться **).

Посмотримъ же, насколько существенна разница по этимъ двумъ пунктамъ программы между двумя фракціями.

Разница эта, дѣйствительно, достаточна, чтобы держать ихъ разъединенными до поры до времени, но она не достаточно сильна и выпукла, чтобы мотивировать классификацію выше названныхъ двухъ партіи въ двухъ различныхъ категоріяхъ. Разногласіе ихъ раздѣляющее не является какимъ нибудь глубокимъ, кореннымъ разногласіемъ, ихъ раздѣляетъ просто вопросъ политики, вопросъ оппортюнизма; во всемъ же остальномъ они сходятся.

Внесеніе этихъ двухъ пунктовъ (аграрный вопросъ и терроръ) въ програму партіи соц. революціонеровъ не отдаляетъ ее отъ соц. демократовъ и не приближаетъ къ намъ, анархистамъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые.

Разберемъ постановку этихъ двухъ вопросовъ соціалистами-революціонерами. Начнемъ съ террора. Прежде всего констатируемъ, что терроръ соц. революціонеровъ есть исключительно политическій; они противъ антибуржуазнаго террора. Если раньше въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ брошюръ высказывалось сочувствіе экономическому террору въ широкомъ смыслѣ слова, то мѣста эти были выпущенны при послѣдующихъ изданіяхъ.

Соц. революціонеры находятъ оправданіе террористической борьбы въ существованіи современнаго политическаго режима Россіи. Терроръ, по ихъ мнѣнію, вызывается не экономическимъ гнетомъ, онъ имѣетъ политическую причину и политическую цѣль. Если кое гдѣ вы и встрѣчаете очень туманныя мѣста объ экономическомъ террорѣ, то, вглядѣвшись поближе, вы увидите, что и въ этой области терроръ оправдывается лишь постольку, поскольку онъ необходимъ для борьбы противъ современнаго политическаго строя. Да и вообще вся аграрная борьба должна, по ихъ мнѣнію, какъ мы это увидимъ

*) Всѣ приведенныя здѣсь цитаты взяты изъ выше названныхъ двухъ статей, главнымъ образомъ изъ послѣдней.

**) Мы не касаемся въ настоящей статьѣ теоретическихъ, философскихъ разногласій, существующихъ между соц. демократами и соц. революціонерами, и между ними и анархистами.

ниже, быть использована въ виду политическихъ цѣлей. Вездѣ и повсюду терроръ мотивируется исключительно самодержавіемъ и направленъ противъ самодержавія.

Итакъ, по мнѣнію соц. революціонеровъ терроръ не есть явленіе, мотивированное и вызываемое *всѣмъ* современнымъ режимомъ! господствомъ капитала и государства.

Вотъ почему мы сказали и еще разъ повторяемъ, что соц. революціонеры признаютъ исключительно политическій терроръ. Терроръ самъ по себѣ не имѣетъ никакого смысла; смыслъ ему придается тою цѣлію, ради которой онъ совершается. У соц. революціонеровъ терроръ всегда имѣетъ политическую цѣль.

Если мы просмотримъ теперь все, что писали и пишутъ по вопросу о террорѣ русскіе и даже не русскіе соц. демократы, мы не найдемъ *принципіальнаго* разногласія по этому вопросу между двумя партіями. Ихъ раздѣляетъ вопросъ своевременности, *оппортюнизма*. Спросите любого сознательнаго «искровца», за или противъ онъ террора, и вы увидите, что онъ не сможетъ дать твердаго, опредѣленнаго отвѣта. «Въ настоящее время мы противъ», скажетъ вамъ одинъ. «Цѣлесообразность террора зависитъ отъ многихъ очень сложныхъ причинъ; если историческій моментъ таковъ, что онъ требуетъ примѣненія этого средства, значитъ оно цѣлесообразно и, слѣдовательно, вполнѣ законно прибѣгать къ нему", скажетъ другой, болѣе хитрый и обтесанный «искровецъ».

Вспомнимъ слова г-на Плеханова изъ его брошюры противъ Л. Тихомирова, гдѣ говорилось, что бомбы, динамитъ, кинжалъ, кровопролитіе, все это не хорошія вещи, но что же прикажете дѣлать, разъ все это необходимо». Или его же слова изъ «Нашихъ разногласій»: «Пропаганда не устраняетъ необходимости террористической борьбы».

Но все это «дѣла давно минувшихъ дней», скажетъ намъ читатель.

Есть свидѣтельства и менѣе отдаленныхъ временъ: «Искра» находитъ, напримѣръ, возможнымъ призывать къ вооруженному сопротивленію (а вооруженное сопротивленіе есть одинъ изъ видовъ террора), но «только въ томъ случаѣ, еслибы мы были увѣрены, что находимся непосредственно *наканунѣ* революціи (курсивъ нашъ), что организованное сраженіе народа съ войсками должно превратиться въ народное возстаніе» (Искра № 16 «Изъ партіи»). Наконецъ у

насъ еще звучитъ въ ушахъ заявленіе г. Плеханова: «Въ каждомъ изъ насъ, соц. демократовъ, сидитъ и долженъ сидѣть террористъ а ла-Робеспьеръ» *).

Въ выше приведенной цитатѣ изъ «Искры» мы нарочно подчеркнули слово «наканунѣ», которое указываетъ опять таки на *время* **).

Стало быть «искровцы» не абсолютно отказываются отъ террора, а лишь разсматриваютъ его съ точки зрѣнія своевременности, съ точки зрѣнія «историческаго момента». Мы могли бы удлинить рядъ цитатъ, но въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ и приведенныя достаточно ясно показываютъ, что въ отношеніи террора между соц. демократами, которые тоже *могутъ стать* его сторонниками въ *извѣстный историческій моментъ*, и соц. революціонерами нѣтъ принципіальнаго разногласія. Все различіе этихъ двухъ фракцій въ вопросѣ о террорѣ состоитъ въ томъ, что «Искра» ждетъ наступленія «историческаго момента», тогда какъ для соц. революціонеровъ этотъ моментъ уже насталъ.

Что касается практической постановки террора, то обѣ фракціи ставятъ его якобински—террористическіе акты совершаются по приговору партіи,—и какъ бы велика не казалась на первый взглядъ разница между «твердыми» якобинцами и «мягкими» якобинцами жирондистами, между ними есть глубокое внутреннее сходство ***).

Совсѣмъ иное наше отношеніе къ террору. Интересно замѣтить, что и тутъ соц. демократы и соц. революціонеры сходятся

---

*) См. «Возрожденіе Революціонаризма въ Россіи», *второе* изданіе, стр. 101.

**) И въ первой программѣ „Гр. Осв. труда" терроръ также не отрицается.

***) Пожалуй с. рев. сочтутъ за оскорбленіе слово жирондисты: „Какъ, скажутъ, мы. объявляющіе необходимость соціализаціи земли, жирондисты!" Но не надо забывать, что *словесное* признаніе необходимости той или иной реформы еще ничего не значитъ; нужно еще знать, *что* партія предлагаетъ сдѣлать для осуществленія данной реформы. *Словесно*, вѣдь, Бриссо не уступалъ с. рев. Это онъ, раньше Прудона, заявилъ, что «собственность есть кража»; онъ говорилъ объ «аграрномъ вопросѣ» и только, когда пришло время и народныя массы потребовали «аграрный законъ» не на словахъ только, онъ выпустилъ свой знаменитый памфлетъ, гдѣ онъ требовалъ искорененія зачинщиковъ бунта—«анархистовъ».

между собою въ отрицательномъ отношеніи къ анархическимъ личнымъ актамъ, всегда носящимъ *антибуржуазный* характеръ. Кромѣ того, мы не признаемъ организованнаго террора и «подчинять его контролю партіи» не только не рекомендуемъ, но, наоборотъ, относимся самымъ отрицательнымъ образомъ къ такому подчиненію, потому что при такихъ условіяхъ террористическій актъ теряетъ свое значеніе акта независимости, акта революціоннаго возмущенія. Оправдывать террористическіе акты, высказываться за нихъ принципіально, словесно или печатно, всякій можетъ, кто находитъ имъ историческое оправданіе, но право писанія смертныхъ приговоровъ мы рѣшительно отвергаемъ за организаціями, подъ какимъ бы флагомъ они не выступали.

Мы признаемъ личные акты: мы признаемъ и за отдѣльною личностью право возставать противъ современнато гнета и его представителей; мы убѣждены, что пока будутъ угнетатели человѣческой личности, всегда найдутся въ народѣ люди способные отвѣтить на звѣрства цѣною своей жизни, — для этого нечего создавать учрежденія, пищущія приговоры и другія учрежденія, приводящія эти приговоры въ исполненіе. Словомъ, и тутъ надо оставить государственную точку зрѣнія, нужно перестать копировать пріемы государственныхъ мужей.

Отсюда ясно, что наше отношеніе къ организаціямъ, постоянною заботой которыхъ является нахожденіе людей подлежащихъ умерщвленію, можетъ быть отрицательнымъ. Но выходитъ ли отсюда, что мы абсолютно противъ существованія террористическихъ группъ? Нѣтъ. Группы эти могутъ возникать для извѣстной, опредѣленной цѣли. Они создаются самими условіями борьбы, жизни, но они должны возникать и разрушаться вмѣстѣ съ объектами ихъ ударовъ. Постоянною же заботою постоянныхъ организацій должно быть развитіе революціоннаго, *бунтовскаго* духа, такъ какъ, если бунтовскій духъ, духъ возмущенія сильно развитъ среди народа, первый шагъ къ бунтамъ и революціи уже сдѣланъ. И если при такихъ обстоятельствахъ совершается какой нибудь террористическій актъ, если онъ является результатомъ общаго бунтовскаго духа, онъ пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе.

Но вернемся къ вопросу о партійномъ террорѣ. Рѣшеніе о совершеніи какого нибудь террористическаго акта, по нашему мнѣнію, можетъ быть принятно только людьми непосредственно участвую-

щими въ его совершеніи, что несовмѣстимо съ существованіемъ партійнаго контроля: партія, въ лицѣ своего центральнаго органа, произноситъ приговоръ и выбираетъ людей для приведенія въ исполненіе этого приговора. Партійный терроръ всегда бываетъ централизованнымъ и это послѣднее обстоятельство лишаетъ его характера *борьбы народа противъ правителей*, и *превращаетъ въ поединокъ между двумя верховными властями.*

Мы еще далеко не исчерпали всего вопроса о террорѣ, но недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ перейти къ болѣе важному вопросу въ программѣ социал.-революціонеровъ, къ вопросу о крестьянствѣ.

Внесеніе соціал.-революціонерами въ свою программу соціализаціи земли очень многихъ обрадовало. Обрадовались вначалѣ этому и мы, но въ послѣдствіи, какъ это ни было печально, намъ пришлось убѣдиться, что соц. революціонеры поставили этотъ вопросъ въ своей программѣ въ такой же несообразной формѣ, какъ нѣкоторые западно-европейскіе соц. дем. партіи. Въ программѣ партіи соц. революціонеровъ соціализація земли подчинена осуществленію политической свободы, т. е. земля станетъ общей, по программѣ, черезъ посредство парламента. Яснѣе всего это видно изъ аграрной программы, гдѣ соц. революціонеры являются парламентской партіей государственниковъ.

«Мы твердо убѣждены, что не только полное достиженіе соціалистическаго идеала, пишетъ «Р. Р.», но и *осуществленіе нашей программы минимумъ* возможны *только черезъ* (кур. нашъ) Народную Волю въ обоихъ смыслахъ этихъ прекрасныхъ словъ: «*при свободѣ народа и по волѣ народа*» (кур. «Р. Р.»).

«Принимая, такимъ образомъ, борьбу за политическое освобожденіе, за Народную Волю (значитъ Народная Воля и политическое освобожденіе синонимы. Авт.), какъ первую задачу, *на которой должны быть сосредоточены усилія*, какъ *наилучшій* (кур. нашъ) общіе партійный девизъ и т. д. и т. д.»

Итакъ, прежде осуществляется политическая свобода, а *потомъ* программа-*минимумъ*. Начиная со словъ «принимая» и т. д., цитата кажется лишнею, но мы привели ее намѣренно, чтобы показать *что* именно «Р. Р.» подразумѣваетъ подъ «прекрасными словами» Народной Воли. Въ ней говорится, что при *политической* свободѣ будетъ свобода народа и воля народа! Это ли не затемнѣніе народнаго самосознанія!

Мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на слѣдующую выше приведенную цитату: «но и осуществленіе нашей экономической программы-минимумъ возможно только черезъ Народную Волю». Какъ мы уже видѣли, «Народная Воля» это политическая свобода, т. е. конституція или Земскій Соборъ, словомъ, представительное государство. Слѣдовательно, представительное государство есть минимумъ минимума, «первый шагъ, наилучшій обще-партійный девизъ».

Стало быть, прежде всего нужно представительное государство просто на просто. Чѣмъ же соц. революціонеры не соц. демократы? Развѣ только въ томъ разница, что у нихъ двѣ программы-минимумъ: минимальный минимумъ и максимальный минимумъ. Первая состоитъ изъ одного пункта—представительное государство; во вторую вносятся вмѣстѣ съ другими требованіями, но разрушающими капиталистическій строй, соціализація земли, которая тоже не должна затрагивать капиталистическаго строя, и притомъ эта «экономика» есть лишь «двигатель», «аргументъ», служащій политическимъ цѣлямъ.

Но продолжимъ наши цитаты. « . . . до тѣхъ поръ, пока свободное, всеобщее голосованіе не передастъ ихъ (крестьянъ) *судьбу въ ихъ собственныя руки*, должны особенно твердить крестьянину, что когда будетъ во всемъ его воля (читай. когда будетъ представительное государство. Авт.), *то будетъ ему и земля*, должны звать мужика землей къ Волѣ (къ пред. гос. Авт.) и вести черезъ Волю (предст. гос. Авт.) къ землѣ».

Черезъ «Волю» вести крестьянъ къ землѣ! Вотъ гдѣ самымъ яснымъ образомъ сказывается соц. демократ. политика соц. революціонеровъ. Все черезъ политику!

Соц.-демократы («Искра») тоже выставили свою аграрную программу, но вотъ въ чемъ разница: соц. революціонеры говорятъ, что стоитъ только осуществить Народную Волю, т. е. добиться парламента, и будетъ воля народная, что тогда будетъ ему, крестьянину, и земля. А соц. демократы заявляютъ, что «Народная Воля» кромѣ отрѣзковъ крестьянамъ ничего дать не можетъ, и разъ, говорятъ они, прежде всего должно стремиться осуществить эту самую «Народную Волю», то въ программу минимумъ надо вносить такіе пункты, осуществленіе которыхъ возможно одновременно съ осуществленіемъ «Народной Воли». Въ данномъ случаѣ соц. демократы

только болѣе послѣдовательны и внесли въ свою программу минимумъ отрѣзки.

Конечно, все это говорится соц. демократами только о настоящемъ моментѣ, невозможность передачи земли крестьянамъ «Народной Волей», т. е. парламентомъ относится ими только къ современнымъ условіямъ и объясняется «марксистскими причинами», но фактъ остается фактомъ: та «Народная Воля», къ которой стремятся обѣ фракціи, соц. революціонеры и соц. демократы, т. е. политическая свобода, дѣйствительно, ничего кромѣ отрѣзковъ дать крестьянамъ не можетъ.

И въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ говоритъ« Рев. Рос.», мы должны особенно подчеркивать политическій элементъ, *экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ какъ двигателемъ, какъ аргументомъ».*

Вѣдь это значитъ показать мужику вкусный кусокъ и сказать: «На, но прежде сдѣлай конституцію!»

«Когда будетъ во всемъ его (крестьянина) воля (т. е., какъ мы уже видѣли, парламентъ), будетъ ему и земля».

Мы видимъ, какъ эта «воля» даетъ землю крестьянину! Передъ нашими глазами примѣръ всей западной Европы; мы имѣемъ тамъ всѣ виды этой «воли», отъ самой умѣренной конституціи до самой широкой демократической республики, и видимъ, что ни одна изъ этихъ «воль» никакой земли крестьянину не дала и никогда не давала.

Зачѣмъ же соц. революціонеры повторяютъ мужику эту доказанную исторіей невѣрность!

« . . . особенно должны разъяснять, говорятъ они, что къ коренному экономическому перевороту на пользу рабочаго народа *мы не можемъ придти инымъ путемъ*, какъ черезъ политическое освобожденіе».

Политическая формула буржуазныхъ радикаловъ 1848 года: «черезъ политику къ соціальнымъ трансформаціямъ», за которую ухватились соц. демократы, также является, «наилучшимъ общепартійнымъ девизомъ» партіи соц. революціонеровъ.

Соц. революціонеры нигдѣ не говорятъ о захватѣ земли крестьянами, они говорятъ объ идеѣ *передачи* народу земли (Земскимъ Соборомъ?). Они допускаютъ возможность муниципализаціи земли

при сохраненіи капиталистическаго режима (см. «Рев. Р.» № 42), что означаетъ огосударствленіе земли.

Опять таки, опираясь на исторію, мы можемъ сказать, что ни о какой передачѣ земли народу не можетъ быть рѣчи. Есть одинъ единственный путь для освобожденія крестьянъ: *это захватъ земли крестьянами.*

Наша задача, наша обязанность помогать крестьянамъ въ этомъ направленіи пропагандою, агитаціею и дѣломъ, особенно подчеркивая при этомъ ту мысль, что этотъ рѣшительный шагъ крестьяне должны сдѣлать сами, не только безъ вмѣшательства, но вопреки всѣмъ Земскимъ Соборамъ, которые будутъ только тормозить начатую крестьянами революцію. Революціонное аграрное движеніе должно быть противогосударственнымъ.

Въ 1892 г. П. Кропоткинъ такъ формулировалъ свое мнѣніе объ аграрномъ вопросѣ въ предисловіи къ брошюрѣ М. Бакунина «Парижская Коммуна и понятіе о государственности».

«Идти къ соціализму, или даже къ земельному перевороту, *черезъ политическій переворотъ*—чистѣйшая утопія, такъ какъ сквозь всю исторію мы видимъ, что политическія перемѣны вытекаютъ изъ совершающихся крупныхъ экономическихъ переворотовъ, а не наоборотъ. Вотъ почему освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ лежащаго на нихъ по сію пору гнета крѣпостного права становится *первою* задачею русскаго революціонера. Работая на этомъ пути, онъ, во-первыхъ, работаетъ прямо и непосредственно на пользу народа, и въ прямой пользѣ народа видитъ высшую цѣль своихъ усилій, а во-вторыхъ, онъ подготовляетъ ослабленіе централизованной государственной власти и ея ограниченіе».

Мы привели эту длинную цитату, такъ какъ она съ замѣчательною точностью передаетъ нашъ взглядъ на крестьянскій вопросъ.

Теперь ясна будетъ разница двухъ точекъ зрѣнія по данному вопросу, нашей и соц. революціонеровъ.

Они сдѣлали съ соціально-революціонной формулой крестьянскаго движенія то, что стараются, хотя безуспѣшно, продѣлать соц. демократы нѣкоторыхъ западно европейскихъ странъ съ идеею всеобщей стачки — сдѣлать ее политическою, т. е. лишить ее всякаго революціоннаго интереса.

Нуженъ ли анархизмъ въ Россіи?

Задавать подобный вопросъ, по нашему мнѣнію, также странно, какъ еслибы мы стали спрашивать: «Нужна ли правда, истина въ политической жизни? Или же ей предпочтителенъ обманъ?» Нужно ли народу говорить всю правду? Или же истинное пониманіе современной жизни нужно оставить только для немногихъ, избранныхъ, а народу слѣдуетъ говорить только то, что, по мнѣнію этихъ избранныхъ, лучше ведетъ къ достиженію задачъ, ими самими намѣченныхъ?

Если бы подобный вопросъ намъ задавали люди, которые стремятся только къ личной власти, мы бы поняли ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите партію, разсуждающую такъ: «Соціализмъ — дѣло далекое; до его осуществленія мы не доживемъ, а потому съ насъ довольно такихъ реформъ въ буржуазномъ строѣ, при которыхъ мы сможемъ стать политическими и газетными руководителями народа. Убѣдивши буржуазію, что ей нисколько не опасно, а даже выгодно уступить намъ часть своей власти, такъ какъ мы будемъ, по мѣрѣ силъ, удерживать народъ отъ революціи, мы получимъ такимъ образомъ возможность руководить народомъ, именно въ его соціалистическихъ стремленіяхъ, и будемъ, съ одной стороны, занимать почетное мѣсто крайней политической партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ войдемъ въ число управителей народа, и будемъ распространять соціалистическія идеи».

Если бы люди, такъ разсуждающіе, говорили намъ, что анархизмъ *несвоевременен* въ Россіи, мы бы поняли *ихъ* логику. Имъ нуженъ какой-ни-на-есть парламентъ, нужно мѣсто въ этомъ парламентѣ, а что дальше будетъ, объ этомъ они мало задумываются. Точно также мы понимаемъ логику тѣхъ, которые до того вѣрятъ въ магическую силу власти, верховодства, управительства и начальства, что имъ анархизмъ просто ненавистенъ, какъ отрицаніе власти. Аракчеевъ и Николай I должны были чувствовать физическое отвращеніе къ анархизму, и точно также должны относиться къ нему всѣ тѣ, кто смотритъ на себя, какъ на соль земли, призванную управлять неразумными дѣтьми—народомъ.

Но логику тѣхъ, которые говорятъ: «да, анархизмъ—великій идеалъ. Къ нему мы должны стремиться въ будущемъ. Но, въ дан-

кую минуту, въ России, онъ не своевременень,»—этой логики мы не понимаемъ, потому что тутъ нѣтъ никакой логики. Тутъ просто оппортюнизмъ, а по русски—желаніе угождать нашимъ и вашимъ, которое, обыкновенно, кончается тѣмъ, что партія, избравшая такую позицію, становится прямою помѣхою развитія въ народѣ правильнаго пониманія дѣйствительныхъ нуждъ и возможностей данной минуты.

* * *

Начать съ того, что разъ человѣкъ призналъ анархическій идеалъ, и призналъ анархическій способъ дѣйствія, онъ начинаетъ иначе относиться ко всякому экономическому и политическому вопросу, чѣмъ всѣ остальныя политическія партіи. Онъ расходится не только съ буржуазными политическими партіями, —охранителями, постепеновцами и буржуазными радикалами,—но также и съ соціалистическими партіями, не признающими анархизма. Все его міросозерцаніе пріобрѣтаетъ новую окраску, а слѣдовательно мѣняется его отношеніе ко всякому частному вопросу.

Помните ли вы Тургеневскаго нигилиста, Базарова? Припомните слова, которыми онъ заканчиваетъ свой споръ съ однимъ изъ представителей стараго поколѣнія. Онъ говоритъ (привожу на память):—«Даю вамъ два дня на размышленіе; подумайте, и назовите мнѣ хоть одно теперешнее учрежденіе, которое не заслуживало бы полнаго отрицанія».

Разъ онъ рѣшился порвать съ поклоненіемъ передъ властью, передъ буржуазною наукою и ея завѣтами, онъ понялъ, что ни одно изъ учрежденій, освящаемыхъ этою властью и этою наукою, не устоитъ передъ критикою нигилиста. Онъ зналъ, что онъ и старое поколѣніе *на все* смотрятъ разно.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: молодое поколѣніе шестидесятыхъ годовъ «сжигало все, чему поклонялось старое».

Но тоже самое происходитъ теперь съ молодымъ анархическимъ движеніемъ. Оно на все, рѣшительно на все, смотритъ другими глазами, чѣмъ буржуазные политики и пошедшіе по ихъ слѣдамъ соціалисты.

* * *

Почему? Да потому, что анархистъ поставилъ себѣ главною цѣлью освобожденіе человѣчества отъ *всѣхъ* путъ, которыми его

опутали капиталисты, помѣщики, духовенство и представители феодальнаго и буржуазнаго государства.

Онъ знаетъ, что брать ихъ порознь нельзя; что всѣ они въ круговой порукѣ. Рука руку моетъ. Помѣщикъ, капиталистъ, чиновникъ, либеральный адвокатъ могутъ коситься другъ на друга и даже говорить другъ другу колкости. Но разъ дѣло дойдетъ до того, что крестьянинъ начнетъ бунтоваться противъ землевладѣльца, или рабочій противъ капиталиста; разъ толпа выйдетъ, не снявши шапки, не просить униженно о милости у барина, а станетъ *требовать* чего нибудь, то всѣ,—и помѣщикъ, и чиновникъ, и капиталистъ, и адвокатъ выйдутъ дружною стѣною противъ народа. Не догадка это, а фактъ. Вспомните, сколько рабочихъ избили либеральные и всякіе другіе буржуи, когда рабочіе вздумали бунтоваться въ Парижѣ въ 1848-мъ году, или въ Коммунѣ.

* * *

Кромѣ того, анархисты поняли, что если человѣчеству удавалось по временамъ двигаться впередъ, то всегда это было—черезъ революцію. Періоды мирнаго развитія—ничто иное, какъ осуществленіе идей, выдвинутыхъ во время революціи. И въ самой то революціи дѣло двигалось впередъ только тогда, когда народъ выступалъ впередъ и, отстранивши буржуазію, путавшуюся въ революціи и мѣшавшую народу идти впередъ, бралъ дѣло въ *свои* руки, и самъ шелъ на разрушеніе стараго строя и созданіе новаго.

Такъ было при взятіи Бастиліи; такъ было, когда по всей Франціи запылали помѣщичьи усадьбы, и крестьяне стали жечь уставныя грамоты (которыми установлены были ихъ повинности и платежи помѣщикамъ) и начали брать себѣ назадъ земли, отобранныя у нихъ помѣщиками. Такъ было, когда простые, безвѣстные люди изъ народа задержали короля, который бѣжалъ изъ Парижа, чтобы передаться за границею нѣмцамъ.

Такъ было, когда надо было брать королевскій дворецъ, въ 1792-мъ году, а потомъ надо было принуждать болтавшихъ буржуа, чтобы они казнили короля. Такъ было, наконецъ, когда изъ самаго революціоннаго парламента пришлось народу удалить силою партію Жирондистовъ, т. е. тѣхъ буржуазныхъ представителей, которые очень хорошо *говорили* о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, но когда народъ сталъ требовать «раздѣла земель» и «уравненія богатствъ»,

или только таксы на хлѣбъ, потребовали отъ парламента, чтобы имъ была дана власть казнить всѣхъ такихъ «бунтовщиковъ» безъ разбора.

* * *

Даже самую революцію мы, какъ видно, понимаемъ иначе, чѣмъ понимаютъ ее писатели всѣхъ политическихъ, буржуазныхъ и соціальдемократическихъ, партій. Для насъ, прежде всего является вопросъ: что дало *народу* данное движеніе? Какихъ немедленныхъ, практическихъ результатовъ добился тотъ, чьимъ трудомъ живетъ вся наша цивилизація, и кому, даже въ моментъ революціи, бросаютъ лишь корку хлѣба—да еще красивыя слова о братствѣ, причемъ этотъ самый народъ продолжаютъ ненавидѣть также, какъ его ненавидѣли въ былое время разфранченные дворяне.

Вопросъ,—«Что выигралъ народъ въ данную минуту революціи?»—этотъ вопросъ для насъ безконечно важнѣе всѣхъ громкихъ, пышныхъ фразъ, произнесенныхъ въ парламентѣ или на площади. И еще—какая новая *идея* была выдвинута народомъ въ данномъ движеніи, даже если ему и не удалось осуществить ее вполнѣ? Вотъ почему, напримѣръ, мы такъ дорожимъ *идеею свободныхъ общинъ*, выдвинутою парижскими рабочими, во время Коммуны 1871-го года. Она является въ нашихъ глазахъ, задачею, которую наиболѣе развитая часть французскаго народа намѣтила намъ для будущаго.

И, наконецъ, мы спрашиваемъ:—«Какую долю принялъ народъ въ данномъ движеніи?» Если бы какая нибудь благодѣтельная волшебница могла дать народу богатство, счастье однимъ мановеніемъ своего волшебнаго жезла, мы и тогда спросили бы себя:—«принимать ли этотъ даръ? Если это счастье—простой подарокъ, вѣдь оно не продержится. Прочно живетъ только то, что завоевано самимъ народомъ».

Но волшебницъ нынче уже нѣтъ въ исторіи. А въ политикановъ, считающихъ себя волшебницами и обѣщающихъ народу всякія блага, мы вовсе не вѣримъ. Вотъ почему, когда мы читаемъ, какъ французскіе крестьяне, особенно въ восточной Франціи, *сами* уничтожали всѣ остатки крѣпостного права съ 1788-го по 1793-й годъ, *сами* отбирали назадъ у помѣщиковъ награбленныя земли, *сами*, съ вилами и дубинами въ рукахъ, заарестовали

бѣглаго короля и привели его назадъ въ Парижъ, *сами* безпощадно уничтожали въ деревняхъ все старое чиновничество, выросшее при крѣпостномъ правѣ, *сами* уничтожали въ городахъ цехи, обратившіеся въ рукахъ государствъ въ средство закрѣпощенія городскихъ рабочихъ,—мы радуемся этому движенію. Мы видимъ въ немъ не только немедленное серьезное улучшеніе ихъ быта, но нѣчто еще болѣе существенное: то, что въ крестьянинѣ и рабочемъ того времени заговорилъ *человѣкъ, взбунтовавшійся* противъ всѣхъ насѣвшихъ на него тунеядцевъ. Мы видимъ въ этомъ народномъ движеніи (кстати сказать, богатѣи правители того времени уже звали это движеніе анархическимъ),—мы видимъ въ этомъ народномъ движеніи залогъ будущаго развитія; мы чувствуемъ, читая объ немъ, что страна, переживая такой подъемъ народнаго духа, сумѣетъ устоять противъ нашествія королевскихъ и имперскихъ войскъ изъ Германіи и изъ Австріи, и станетъ на долгіе годы во главѣ всякаго передового движенія въ Европѣ. Такъ оно и было на дѣлѣ.

* * *

Вѣками старались убить въ народѣ всякую силу революціоннаго почина. Вѣками старались увѣрить его, что его спаситель— король, царь, имперскій судья, королевскій чиновникъ, попъ. И теперь есть люди, старающіеся увѣрить народъ, что за него готовы радѣть всякіе благодѣтели, лишь бы имъ позволили писать законы...

Такъ вотъ пора, прямо и открыто, говорить народу:—«Не вѣрьте вы спасителямъ! Вѣрьте себѣ самимъ—и бунтуйтесь сами, ни отъ кого приказа и разрѣшенія; бунтуйтесь противъ всѣхъ, кто васъ грабитъ и правитъ вами. И помните, что богатства на землѣ—результатъ труда всѣхъ людей, а отнюдь не одного какого нибудь барина или капиталиста. Помните, что земля—ваша, что фабрики и заводы — ваши, что лѣса и угольныя копи принадлежатъ вамъ, что желѣзныя и всякія дороги—ваши, и что вамъ, и никому другому, принадлежитъ право распорядиться ими такъ, чтобы ими не овладѣли снова всякіе тунеядцы».

Вотъ что думаютъ анархисты въ западной Европѣ, и вотъ какъ, и во имя чего, они дѣйствуютъ.

Но если въ западной Европѣ сама историческая необходимость, сама жизнь, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, и все болѣе и болѣе въ наше время, стала выдвигать такихъ революціоне-

разъ, то—тѣмъ болѣе необходимы такіе люди, т. е. анархисты въ Россіи.

Въ Россіи они въ тысячу разъ необходимѣе, чѣмъ въ западной Европѣ.

Въ западной Европѣ уже есть революціонная традиція—у насъ она только что зарождается. Въ западной Европѣ, особенно во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи, опять-таки благодаря революціямъ, создалась *смѣлость мысли*. У насъ, рабство мысли, даже среди молодыхъ революціонеровъ, доходитъ до того, что одно время у насъ божились марксистскою библіею, какъ раскольники божатся буквою евангелія, и повторяли за своими вожаками, какъ слова великой мудрости, самыя отчаянно-безсмысленныя изрѣченія о необходимости «выварить мужика въ фабричномъ котлѣ»!!!

Въ западной Европѣ рабочій уже не вѣритъ въ таинственныя организаціи, издающія приказы о томъ, въ какой день начинать революцію, а въ какой день все еще ломать шапку передъ господиномъ полицейратомъ, т. е. квартальнымъ. Такая вѣра встрѣчается еще только въ Германіи, гдѣ революціонное дѣло не многимъ старѣе, чѣмъ въ Россіи; въ латинскихъ же странахъ, соціалистъ хочетъ мыслить самъ по себѣ, и если нѣсколько человѣкъ рѣшатся сдѣлать какой нибудь смѣлый шагъ, то они его и дѣлаютъ, не спросясь у начальства. У насъ же такая смѣлость совсѣмъ еще внов.

Словомъ, нигдѣ, ни въ одномъ западно-европейскомъ народѣ не чувствуется такъ сильно необходимость проводить въ жизнь мысль о народной, крестьянской и рабочей революціи, нигдѣ не требуется такъ сильно разбудить, наконецъ, бунтовской духъ и смѣлость личнаго почина. Нигдѣ, слѣдовательно, не чувствуется въ такой степени необходимость широкой, смѣлой анархической пропаганды.

* * *

Тѣ, которые говорятъ: «Намъ теперь хоть бы какую нибудь, хоть плохонькую конституцію» доказываютъ этимъ только, до какой степени имъ чужды интересы русскаго народа, до какой степени все ихъ мышленіе проникнуто духомъ буржуазнаго либерализма, до какой степени слабо ихъ пониманіе хода исторической жизни народовъ.

Намъ нужна въ Россіи широкая, все захватывающая крестьянская и рабочая революція. Гдѣ бы она ни началась, какъ бы она ни разрослась,—широко или нѣтъ,—она дастъ Россіи неизбѣжнымъ образомъ представительное правленіе; только со слѣдующею разницею.

Революція дастъ Россіи не только *несравненно болѣе* политической свободы, чѣмъ можетъ дать любая конституція, *дарованная царемъ. Она измѣнитъ экономическія, хозяйственныя основы быта русскаго народа.* Теперь, русскій народъ не доѣдаетъ. Хроническій голодъ — язва Россіи. Хлѣба, хлѣба нужно прежде всего русскому народу! И пусть онъ только *силою* возьметъ себѣ хлѣбъ, т. е. землю,—тѣмъ самымъ онъ возьметъ себѣ и *волю.* Пусть онъ также начнетъ завладѣвать фабриками, заводами, угольными и соляными копями—всѣмъ, что нужно для жизни,—тѣмъ самымъ онъ возьметъ себѣ и волю, настоящую—народную, а не господскую.

До чего довело насъ вѣковое рабство, просто тяжело подумать. Даже такого мизернаго подобія зачатковъ воли, какъ конституція, даже въ такое время, когда за волю бьется и гибнетъ въ Россіи вотъ уже второе поколѣніе молодежи и начинаютъ возставать рабочіе и крестьяне,—наши писатели нѣтъ-нѣтъ да продолжаютъ *выпрашивать* себѣ «на чаекъ съ вашей милости».

И намъ говорятъ, что анархизмъ не нуженъ въ Россіи?!

Почему у насъ нѣтъ программы-минимумъ?

Вопросъ о программахъ-минимумъ часто возникаетъ въ послѣднее время въ нашей революціонной печати; но рѣчь идетъ, обыкновенно, не о самомъ принципѣ, не о самомъ существованіи такихъ программъ, а исключительно о тѣхъ или другихъ выставляемыхъ требованіяхъ. Вопросъ принципа считается рѣшеннымъ, программа-минимумъ необходимой, а анархисты, принципіально отрицающіе полезность ея, признаются людьми ничего не смыслящими въ реальныхъ потребностяхъ политической жизни, заоблачными мечтателями, которымъ на практикѣ остается только сидѣть сложа руки, или толковать до безконечности о совершенствахъ будущаго общества.

«Съ чѣмъ вы пойдете къ рабочимъ?» говорятъ намъ, «за что вы будете призывать ихъ бороться»? На широкія идеи массы не идутъ; имъ доступны только конкретныя, пожалуй мелкія, требованія, касающіяся ихъ ежедневной жизни. На этомъ они воспитываются это, въ рукахъ пропагандиста и агитатора, — цѣнное и наиболѣе пригодное орудіе». Это обычное возраженіе выставляется намъ даже наиболѣе крайними, наиболѣе революціонными изъ сторонниковъ программы-минимумъ, тѣми, которые не вѣрятъ ни въ возможность достиженія соціалистическаго строя путемъ мирнаго и законнаго государственнаго развитія, ни въ прочное улучшеніе положенія рабочихъ посредствомъ ряда реформъ, при существующемъ строѣ. Программа реформъ для нихъ не болѣе какъ средство агитаціи, средство воспитанія, привлеченія новыхъ сторонниковъ, наконецъ— содержаніе ежедневной работы партій.

Вотъ эту то точку зрѣнія намъ и важно разобрать, потому что мы хотимъ выяснить наше положеніе не людямъ, стоящимъ на противоположномъ отъ насъ полюсѣ, а именно тѣмъ, кто стоитъ къ намъ всего ближе.

Русскія программы-минимумъ, собственно говоря, занимаютъ совершенно особое мѣсто въ ряду соціалистическихъ программъ: отличительная черта ихъ та, что если онѣ и отражаютъ потребности сегодняшняго дня, то для своего осуществленія разсчитываютъ не на тѣ силы и учрежденія, которыя существуютъ теперь, а на учрежденія будущаго. Въ Россіи отсутствуютъ всѣ тѣ условія, на которыя опираются въ своихъ реформатскихъ требованіяхъ соціальдемократическія партіи Запада: у насъ нѣтъ ни законныхъ путей для того, чтобы оказывать вліяніе на государственныя учрежденія, ни органа, посредствомъ котораго можно было бы предложить существующему государству свою программу. При русскихъ условіяхъ, даже самую ничтожную уступку отъ правительства соціалистамъ приходится добывать цѣною страшныхъ жертвъ; малѣйшее завоеваніе дается лишь путемъ революціонныхъ актовъ, а для проведенія всей системы реформъ, входящихъ хотя бы въ самую нетребовательную программу-минимумъ, несомнѣнно потребовалась бы революція. А ужъ если дѣло идетъ о революціи, то какой же соціалистъ поставитъ на своемъ революціонномъ знамени такія требованія, какъ даровое погребеніе, право судебнаго иска противъ чиновниковъ, или хотя бы знаменитые «отрѣзки»? Но дѣло все въ

томъ, что русскія программы-минимумъ приспособлены вовсе не къ настоящему моменту, какъ въ странахъ съ парламентскимъ режимомъ, а къ тому времени, когда созванный въ Россіи Земскій Соборъ предоставитъ соціалистамъ возможность оказывать вліяніе на ходъ законодательной дѣятельности. А такъ какъ ни момента, ни обстоятельствъ, которыми будетъ сопровождаться созывъ Земскаго Собора, заранѣе предвидѣть нельзя, то составленіе программъ-минимумъ происходитъ у насъ какъ бы наугадъ, а сами эти программы, въ противоположность программамъ западно-европейской соціаль-демократіи, почти повсюду одинаковымъ, отличаются большимъ разнообразіемъ и даже нѣкоторой фантастичностью. Онѣ создаются гораздо болѣе въ зависимости отъ чисто теоретическихъ соображеній, или — что гораздо хуже — отъ соображеній полемическаго, партійнаго характера, чѣмъ отъ реальнаго положенія дѣлъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, какія требованія мы предъявимъ къ учрежденію, которое явится неизвѣстно когда, неизвѣстно съ какимъ составомъ, а главное, по всей вѣроятности, послѣ революціонаго взрыва, предѣлы и ходъ котораго мы предугадать не въ состояніи, и который, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ поднять революціонное развитіе массъ на такой уровень, о какомъ теперь не смѣетъ мечтать даже самый самоувѣренный революціонеръ?

Въ виду всего этого, въ виду того, что русскія программы выростаютъ не на почвѣ существующихъ жизненныхъ потребностей, а на почвѣ апріорныхъ соображеній, почерпнутыхъ, главнымъ образомъ, изъ практики соціальдемократіи другихъ странъ, намъ важно обсудить не столько содержаніе программъ *нашихъ* революціонныхъ партій, сколько происхожденіе и смыслъ программъ-минимумъ вообще.

Въ началѣ развитія соціальдемократическихъ партій, общій революціонный духъ, связанный съ энтузіазмомъ молодого движенія, сильнаго скорѣе качественно, чѣмъ количественно, былъ несовмѣстимъ съ минимальными программами: слишкомъ сильно было убѣжденіе въ близости и неизбѣжно-революціонномъ характерѣ грядущаго переворота. Но по мѣрѣ того, какъ партія, съ одной стороны, разросталась и включала въ свою среду все болѣе разнообразные и все менѣе идейно связанные между собою элементы, а съ другой—все болѣе и болѣе становилась на путь легальной борьбы въ рамкахъ существующихъ учрежденій,—дѣятельность на почвѣ суще-

ствующаго, погоня за «возможными» улучшеніями наполняла жизнь партіи все въ большей и большей степени. Конечная цѣль какъ бы стушевывалась; будничная работа велась помимо нея; о ней вспоминали только въ праздничные дни, да еще въ мотивировкахъ программъ, которыя не привлекаютъ ни чьего вниманія, ни къ чему не обязываютъ, а остаются просто какъ традиціонная форма, какъ своего рода обрядъ, давно утратившій реальное значеніе. Стоитъ сравнить первыя заявленія соціалистическихъ партій — хотя бы германской соціальдемократической партіи въ первые годы ея существованія — съ тѣмъ, что говорится и пишется авторитетными представителями соціальдемократіи нашего времени, чтобы увидать, какая пропасть раздѣляетъ ихъ. Прежніе взгляды теперь можно встрѣтить развѣ только у такихъ еретиковъ, какъ анархисты, которые, впрочемъ, несутъ за свою ересь заслуженную кару: соціальдемократія, когда то клеймившая дѣятельность въ парламентѣ, какъ «сдѣлку съ врагомъ», теперь провозглашаетъ ее основою соціализма, и преграждаетъ доступъ на «соціалистическіе» конгрессы тѣмъ, чей соціализмъ не претерпѣлъ такого удивительнаго превращенія и изъ стремленія къ экономической революціи, къ уничтоженію частной собственности, не сдѣлался суммою проэктовъ реформъ, достигаемыхъ не иначе, какъ законнымъ путемъ, безъ нарушенія «порядка» *).

А вѣдь первыя требованія реформъ, первыя программы-минимумъ, созданныя соціальдемократіей, были не болѣе, какъ средствомъ агитаціи! Вѣдь и у нея онѣ когда то не замѣняли собою программы соціалистической, революціонной! Какъ же могла произойти такая эволюція?

Она зависѣла прежде всего отъ двойственности, отъ шаткости самой исходной точки. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, партія долго разсматривать реформаторскую дѣятельность только какъ средство

*) Примѣровъ и цитатъ, доказывающихъ эту эволюцію соціальдемократіи, такъ много, что привести ихъ въ короткой статьѣ совершенно невозможно. Помимо отчетовъ о конгрессахъ и соціальдемократической прессы, ихъ можно найти въ сгруппированномъ видѣ въ 2-хъ книгахъ: Domela Nievenhuis, «Le socialisme en danger» (Соціализмъ въ опасности), изд. 1897 г. и E. Milhaud, «La démocratie socialiste allemande» (Германская соціальдемократія), изд. 1903 г. Первая изъ этихъ книгъ написана анархистомъ, вторая—соціальдемократомъ; гарантіей ихъ безпристрастія служитъ то, что онѣ буквально сходятся въ изложеніи фактовъ.

агитаціи? Можетъ ли она послѣдовательно оставаться на этой точкѣ зрѣнія? И каково положеніе дѣятеля, который, предлагая рядъ совершенно опредѣленныхъ практическихъ мѣръ, смотритъ на нихъ исключительно, какъ на агитаціонное средство? Самъ онъ, допустимъ, не ожидаетъ отъ нихъ реальныхъ улучшеній, онѣ для него не болѣе, какъ средство воспитать массы, какъ педагогическій пріемъ для упражненія ихъ въ общественной дѣятельности. Но можетъ ли онъ, обращаясь къ этимъ массамъ, высказать свою мысль цѣликомъ? Кто пойдетъ за нимъ, если онъ скажетъ рабочимъ: «Друзья мои, боритесь за такую то реформу, тратьте на достиженіе ея свои силы, досугъ, приносите ради нея жертвы, но знайте, что ни эта реформа, ни цѣлый рядъ такихъ реформъ ничего вамъ не дастъ. Если же я теперь предлагаю вамъ ею заниматься, то только потому, что хочу васъ воспитать, что на большее вы еще не годны. Вотъ пройдетъ весь этотъ искусъ, тогда сами увидите, что отъ вашихъ бѣдъ васъ реформы не исцѣлятъ, и что единственно-цѣлесообразный путь, это—путь революціонный. Пока же вы только въ приготовительномъ классѣ революціонной школы».

Само собою разумѣется, что подобныхъ рѣчей никто никогда не рискнетъ держать: всякому пропагандисту всегда придется проповѣдывать данную мелкую мѣру именно ради ея самой, т. е. ради результатовъ, которые можно отъ нея ожидать. Но желательно ли ставить пропагандиста въ такое двойственное положеніе? Желательно ли, чтобы революціонеръ былъ вынужденъ къ такой неискренности передъ самимъ собою и передъ другими? Желательна ли для него роль искуснаго педагога? Обыкновенно, впрочемъ, разъ онъ вступаетъ на этотъ путь, ему уже не долго приходится колебаться и заниматься провѣркой своей искренности: постоянно вращаясь въ сферѣ мелкихъ требованій, онъ испытываетъ на себѣ вліяніе собственной пропаганды; эти требованія пріобрѣтаютъ въ его глазахъ все большую важность, и то, что прежде являлось лишь средствомъ агитаціи, кажется теперь прямымъ путемъ къ достиженію цѣли. Примѣровъ этому масса.

Прежде, когда германская соціалдемократія разсматривала избирательную борьбу лишь какъ средство агитаціи, депутатъ долженъ былъ только разъ явиться въ рейхстагъ, заявить свой протестъ противъ существующаго строя и удалиться. Но мало по малу стали думать, что если протесты въ рейхстагѣ полезны, то ихъ слѣдуетъ

повторять какъ можно чаще. Депутаты должны, слѣдовательно, оставаться въ парламентѣ, хотя отнюдь не принимая участія въ законодательной дѣятельности. Затѣмъ пришлось пойти и дальше: избиратели не могутъ довольствоваться тѣмъ, что ихъ депутаты время отъ времени протестуютъ; имъ нуженъ представитель дѣятельный, который бы защищалъ ихъ реальные интересы: иначе не стоило тратить столько силъ и средствъ на избирательную агитацію.

Соціалисты оказываются, такимъ образомъ, вынужденными принимать участіе въ преніяхъ по поводу предлагаемыхъ законовъ, предлагать свои собственные проэкты и такъ далѣе, однимъ словомъ, прибѣгать къ тому, что они еще такъ недавно называли «компромиссомъ съ врагами». А тамъ уже сама собою является мысль, что разъ соціалистами представленъ какой нибудь проэктъ закона, или, разъ они хотятъ помѣшать пройти какому нибудь закону, то имъ нужно обезпечить за собою какъ можно большую силу въ парламентѣ, привлечь какъ можно большее число голосовъ. А если можно добиться успѣха для различныхъ отдѣльныхъ предложеній, то почему бы и не попытаться провести всю совокупность мѣръ, которыя поведутъ къ соціалистическому перевороту, т. е. ввести соціализмъ законодательнымъ путемъ? И вотъ, то, что было прежде не болѣе, какъ агитаціоннымъ средствомъ, становится цѣлью; то, что было однимъ изъ побочныхъ путей борьбы, становится центромъ всей дѣятельности партіи.

Такова была вполнѣ естественная эволюція всѣхъ соціальдемократическихъ партій; такъ должно быть со всякимъ дѣятелемъ, разъ онъ вступилъ на путь уступокъ. Его толкаютъ тѣ самые люди, на которыхъ онъ думалъ лучше и легче повліять, не запугивая ихъ слишкомъ рѣзкими и широкими требованіями. Не онъ навязываетъ имъ теперь свою программу, а они ему. Онъ самъ создалъ у нихъ настроеніе, съ которымъ, если только онъ идейно остался вѣренъ себѣ, ему рано или поздно придется бороться. Въ силу принятой имъ политики, парламентская борьба и завоеваніе реформъ стали теперь на первый планъ и у него, и у тѣхъ, кто поддался его вліянію.

Существеннымъ условіемъ успѣшнаго воздѣйствія на парламентъ является возможность располагать большимъ числомъ голосовъ, а какъ этого добиться, если не привлечь на свою сторону мирныхъ прогрессистовъ, либераловъ, радикаловъ? И вотъ начи-

наются разнаго рода союзы. Но эти люди боятся революціоннаго призрака; ихъ не слѣдуетъ отпугивать черезчуръ крайними идеями, черезчуръ революціонными поступками. Мало того, и самъ пропагандистъ, и масса, къ которой онъ обращается, заботясь болѣе всего объ успѣхѣ данной реформы, должны неизбѣжно смотрѣть враждебно на все, что можетъ подорвать этотъ непосредственный успѣхъ, и прежде всего — на революціоные пріемы борьбы, которые могутъ повести къ усиленію репрессивныхъ мѣръ, къ временному обостренію реакціи и, такимъ образомъ, разрушить долго и терпѣливо воздвигавшееся зданіе, уже близко подвигавшееся къ концу, котораго нетерпѣливые, «безсознательные» революціонеры не захотѣли ждать.

Отсюда, логически, стараніе избѣжать всякихъ революціонныхъ вспышекъ, боязнь „стихійныхъ“ взрывовъ, и глубокая вражда къ людямъ, въ нихъ участвующимъ, какъ къ вредящимъ движенію и чуть не измѣняющимъ ему.

„Все это, можетъ быть, и такъ“, скажутъ намъ, „но какъ вы добьетесь какихъ бы то ни было осязательныхъ результатовъ, не дѣлая уступокъ и не приспособляясь къ требованіямъ практики? Вѣдь ваше соціалистическое, да еще безгосударственное общество не осуществится сегодня-завтра; не можемъ же мы, въ ожиданіи будущихъ благъ отказываться отъ улучшеній, которыя мы можемъ завоевать сейчасъ“. Допустимъ. Но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ претензію считать себя по меньшей мѣрѣ настолько же практичными, какъ и наши оппоненты, и идти, даже къ достиженію частичныхъ улучшеній, не менѣе и даже болѣе вѣрнымъ путемъ. Мы не думаемъ, что ближайшая революція поведетъ къ осуществленію нашего идеала во всей его полнотѣ; революція не будетъ дѣломъ какой нибудь одной партіи, да и не можетъ она стряхнуть сразу всѣ пережитки стараго общества. Но мы знаемъ, что она пойдетъ по равнодѣйствующей всѣхъ силъ, приложенныхъ къ дѣлу, и чѣмъ упорнѣе и непоколебимѣе мы будемъ дѣйствовать въ *нашемъ* направленіи, тѣмъ сильнѣе отзовется его вліяніе и тѣмъ большая доля *нашихъ* идей будетъ въ нее внесена. Чѣмъ громче мы будемъ заявлять о *своихъ* требованіяхъ, тѣмъ ближе будетъ подводить къ намъ то, что дастъ дѣйствительность. Будущая революція, какъ и всѣ предшествовавшія, осуществитъ, вѣроятно, только часть того, чего отъ нея хотятъ, но эта часть будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ шире

будутъ поставлены требованія. Вѣдь мы знаемъ, что и въ повседневной борьбѣ, чѣмъ больше люди требуютъ, тѣмъ большаго они достигаютъ, и требовать „возможнаго“ — въ чемъ и состоитъ весь смыслъ существованія всѣхъ минимальныхъ программъ—далеко не есть найпрактичнѣйшій способъ борьбы. Передовая мысль всѣхъ временъ требовала всегда именно того, что казалось современникамъ „невозможнымъ“, „утопичнымъ“, и когда волна народнаго движенія поднималась, общественная мысль такъ быстро шла впередъ, поставленныя требованія за періодъ революціоннаго броженія настолько входили въ умы и привычки людей, что „невозможное“ становилось ближайшей цѣлью движенія, а „утопія“, по крайней мѣрѣ отчасти, переходила въ дѣйствительность, завѣщая слѣдующимъ поколѣніямъ полное развитіе начатаго.

Широкія, слишкомъ новыя и смѣлыя идеи необходимы для движенія; онѣ мѣшаютъ ему застыть на мѣстѣ и въ смыслѣ результатовъ даютъ несравненно больше, чѣмъ всѣ тщательно обдуманныя и выработанныя программы, заслоняющія собою конечную цѣль у всѣхъ „практическихъ“ партій. Для того, кто хочетъ бороться противъ слишкомъ большой смѣлости общественной мысли, готовности рисковать, противъ сильнаго развитія инииціативы, однимъ словомъ— противъ слишкомъ широкаго размаха движенія, для того программа-минимумъ, дѣйствительно, драгоцѣнное средство; но для революціонера все зло именно въ черезчуръ большой робости мысли, въ нерѣшимости, въ живучести всякаго рода общественныхъ пережитковъ. А для борьбы съ этимъ зломъ нужно не съуживать программы, а, наоборотъ, расширять ихъ. Активное революціонное меньшинство должно стараться увлечь за собою болѣе пассивное большинство, а не тратить своихъ силъ на составленіе такихъ программъ, которыя пришлись бы по плечу этому большинству. Сила революціоннаго меньшинства не количественная, а качественная, и какъ бы ни было тяжело положеніе „утопистовъ“ этого меньшинства въ средѣ другихъ болѣе умѣренныхъ партій, они всегда должны помнить, что источникъ ихъ вліянія въ томъ, чтобы расширять предѣлы своихъ стремленій, объемъ своей пропаганды; а тамъ, жизнь окружающая, и безъ нихъ, болѣе чѣмъ достаточно, сведетъ дѣйствительность къ размѣрамъ возможнаго и осуществимаго въ данную минуту....

Проповѣдь „возможнаго“ и „осуществимаго“ имѣетъ еще одну темную сторону: это то, что она цѣликомъ построена на успѣхѣ или

неуспѣхѣ даннаго требованія. Она привлекаетъ въ партію не только людей, стремящихся къ одной съ ней конечной цѣли и раздѣляющихъ ея убѣжденія, но и массу людей постороннихъ, пришедшихъ лишь ради того или другого пункта программы-минимумъ, или имѣющихъ цѣлью воспользоваться усиліями партіи ради достиженія одной какой нибудь ближайшей цѣли. Эти союзники бросятъ партію, какъ только цѣль будетъ достигнута и, можетъ быть, станутъ худшими врагами ея, а между тѣмъ партіи приходится приспособляться къ нимъ, считаться съ ними въ выработкѣ своего образа дѣйствій, терпѣть ихъ вліяніе даже на свое общее міровоззрѣніе.

А если ближайшей цѣли достигнуть не удалось? Тогда неуспѣхъ наноситъ партіи страшный ударъ: всѣ случайные сторонники, всѣ приставшіе лишь благодаря программѣ-минимумъ, отпадаютъ; даже работавшіе ради конечной цѣли, но слишкомъ долго сосредоточивавшіе всѣ свои усилія на данной ближайшей цѣли, и тѣ разочаровываются. Партія не только теряетъ сторонниковъ, но и идейное вліяніе ея оказывается подорваннымъ, потому что она слишкомъ тѣсно связала свое міросозерцаніе съ тѣмъ или другимъ пунктомъ минимальной программы. Наступаетъ періодъ упадка, и ничто не можетъ тогда поддержать энергію тѣхъ, кто привыкъ мѣрить плодотворность своей работы мѣркой осязательнаго успѣха. Предохранить революціонное движеніе отъ такихъ моментовъ—отзывающихся потомъ на цѣломъ поколѣніи — можетъ только твердое убѣжденіе въ томъ, что сила партіи измѣряется не числомъ ея приверженцевъ, не видимыми успѣхами, которыхъ она достигаетъ на пути приспособленія къ существующему, а тѣмъ, поскольку ей удается ввести *свои основныя* идеи въ пониманіе окружающихъ, расширить требованія революціонеровъ, яснѣе указать конечную задачу революціоннаго движенія и пути къ ея осуществленію, поднять революціонный духъ въ народѣ. Если партіи удалось разростись до внушительныхъ размѣровъ, но за то отбросить одно за другимъ всѣ свои основныя принципіальныя требованія (какъ это произошло, напримѣръ, въ Германіи), то, съ точки зрѣнія революціоннаго развитія и цѣлей соціализма, мы можемъ сказать, что эта партія потерпѣла величайшее пораженіе. Партіи, еще не имѣвшія несчастья пережить того же, должны это помнить. Тогда, что бы ни случилось, какія бы потери, неудачи, пораженія имъ ни при-

шлось перенести, какія бы ошибки имъ ни суждено было сдѣлать, онѣ будутъ спасены отъ этого нравственнаго банкротства.

Долой программу-минимумъ.

Цѣль соціалиста-анархиста во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ одна и таже. Промежуточныхъ цѣлей быть не можетъ. Мы хотимъ такого общественнаго строя, гдѣ бы какъ производство, такъ и потребленіе были организованы добровольными ассоціаціями на коммунистическихъ началахъ, т. е. «отъ каждаго по его способностямъ и каждому по его потребностямъ». Это во первыхъ. А во вторыхъ необходимымъ условіемъ равенства и свободы является отсутствіе центральнаго органа, имѣющаго власть принудительнаго характера. Къ намѣченной цѣли мы должны идти только прямымъ путемъ — путемъ постоянной, *не прекращающейся революціи*, отстаивая *силою* свои права жизни и развитія. Мы не можемъ допускать постепеновщины въ нашей революціонно-соціалистической дѣятельности; мы должны быть непримиримыми съ самаго начала до конца. Наше дѣло не въ томъ, чтобы хлопотать надъ подготовленіемъ какой нибудь революціи, «хотя бы плохенькой», «хотя бы буржуазной»;—нѣтъ, мы хотимъ *революціи,—революціи соціальной*. Долой всякую власть: долой конституцію, долой республику, долой соціаль-демократическое государство! Да здравствуетъ не Земскій Соборъ, а добровольный федеративный союзъ группъ! Къ тому же мы стремимся къ уничтоженію не только частной, но и государственной собственности. Не нужно намъ не только самодержавнаго начальства, но и начальства соціаль-демократическаго! Никакихъ нянекъ, никакихъ вожаковъ! Каждый пользуйся своимъ правомъ быть своимъ собственнымъ хозяиномъ! Если ужъ проливать кровь, то было бы за что. Кровь не вода. За уступки стоитъ ли?

Но добьемся ли мы намѣченныхъ цѣлей сразу? Будущее не можетъ быть извѣстно никому. Добьемся ли мы осуществленія свободы одною или десятью революціями, все будетъ зависѣть отъ той силы, съ которой весь пролетаріатъ всего міра, а не только одной Россіи, откликнется на бой, начинающійся у насъ. Россія не одна на земномъ шарѣ. Къ уничтоженію собственности и государства стремятся

и другіе народы и ждутъ только удобнаго случая, чтобы отдѣлаться отъ своихъ вѣковыхъ путъ. Кто знаетъ, не будетъ ли революція въ Россіи, если она будетъ грозная, смѣлая, безпощадная, тѣмъ толчкомъ, котораго ждетъ остальная Европа, чтобы сбросить съ себя капитализъ и государство? Десятки милліоновъ бушуютъ, чего же большаго ждать европейскому рабочему, какихъ еще благопріятныхъ моментовъ ему нужно? Неужели онъ въ это время останется только зрителемъ и не захочетъ кстати покончить и со своими врагами? Это просто невѣроятно. Значитъ, наша задача въ томъ, чтобы дѣйствительно употребить всѣ усилія, чтобы добиться революціи во что бы то ни стало. Какіе же тутъ могутъ быть разговоры объ уступкахъ? Наша задача не ждать уступокъ, не добиваться уступокъ отъ нашей революціонной дѣятельности, а наоборотъ, все усиливать и усиливать интенсивность и силу революціонныхъ ударовъ.

Намъ надо, чтобы правительство постоянно запаздывало со своими уступками, чтобы оно увидѣло, что дѣло теперь идетъ не объ уступкахъ, а объ окончательной ликвидаціи, о соціальной революціи. Пусть это же увидятъ сосѣди: Германія, Австрія и другіе. Пусть они изъ чувства самосохраненія посылаютъ войска на усмиреніе русской революціи. Тогда европейскіе рабочіе увидятъ, что дѣло принимаетъ интернаціональный характеръ. Тогда они поднимутся въ свою очередь для завоеванія правъ человѣка. Да, если мы хотимъ воспользоваться благопріятнымъ революціоннымъ движеніемъ для общечеловѣческой пользы, если мы хотимъ дѣйствительнаго освобожденія людей и въ томъ числѣ живущихъ въ такъ называемой Россіи, мы должны бояться уступокъ, какъ огня. Мы должны со всею энергіею, всѣми нашими силами убѣждать, что не наша задача ограничивать, умѣрять активность, рѣшительность нашихъ дѣйствій, нашихъ цѣлей. На то у насъ есть враги; это ихъ дѣло; они объ этомъ стараются, они готовы насъ заманить на путь соглашенія, уступокъ, компромиссовъ. Нѣтъ, не туда ведетъ насъ наша дорога. Смѣлѣе, рѣшительнѣе, безъ оглядокъ, впередъ, прямо къ достиженію наивысшаго, полнѣйшаго счастья—къ анархіи.

Русская революція.

Что Россія вступила, наконецъ, въ періодъ *революціи*, въ этомъ, въ настоящую минуту, уже не можетъ быть сомнѣнія. Не *бунтъ*, не *возстаніе* предстоитъ намъ теперь въ Россіи, а *революція*, подобная той, которую Англія пережила въ 1648—1655-мъ, а Франція въ 1788—1793-мъ годахъ: революція, которая позволитъ намъ провести въ жизнь многое изъ того, что было намѣчено девятнадцатымъ вѣкомъ.

Когда толпы русскихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Степана Разина, возстали въ 1671-мъ году противъ крѣпостного ига и государственной власти, — Разинъ прекрасно понялъ, что ему слѣдуетъ дойти до Москвы и, какъ онъ выразился, «погулять тамъ, на верху, у бояръ», чтобы добиться чего нибудь прочнаго. Къ сожалѣнію, ему не удалось дойти до Москвы, а потому власть бояръ и царя осталась нетронутою. Крѣпостное иго, церковная расправа, боярская сила и самодержавіе, какъ были, такъ и остались. И мы говоримъ теперь, что бунтъ Степана Разина не удался. Это былъ *бунтъ*, *возстаніе*, но не революція.

Тоже случило сто съ лишнимъ лѣтъ спустя, съ Пугачевымъ. Опять крестьяне и уральскіе казаки возстали противъ помѣщиковъ поповъ и чиновниковъ, и ихъ возстаніе прошло широкою полосою по всей восточной Россіи. Много помѣщиковъ было перебито, много чиновниковъ было казнено; но опять-таки дальше Казани Пугачевъ не дошелъ и, послѣ отчаянныхъ сраженій на Уралѣ, онъ былъ разбитъ войсками Екатерины.

И опять крѣпостное иго не было уничтожено. Помѣщики, церковные попы и чиновники остались, въ прежней силѣ, самодержавіе осталось нетронутымъ, и царица Екатерина со своими чиновниками продолжала безчинствовать надъ русским народомъ. И вотъ опять мы говоримъ, что подъ руководствомъ Пугачева произошло большое *возстаніе* крестьянъ; но это возстаніе нельзя назвать революціей. Правда, что перебивши многихъ помѣщиковъ, крестьяне задали остальнымъ такую острастку, что они стали гораздо тише, и даже девяносто лѣтъ спустя помѣщики и дворяне дрожали, какъ только проносился слухъ о крестьянскихъ волненіяхъ.

Несмотря на пораженіе, Погачевщина принесла несомнѣнную пользу крестьянамъ: она подготовила ихъ освобожденіе въ 1861-мъ году. Но до революціи она, къ сожалѣнію, не дошла.

* * *

А между тѣмъ, когда лѣтъ пятнадцать спустя, во Франціи начались такія же крестьянскія возстанія, они разрослись до того, что изъ нихъ вышелъ глубокій общественный переворотъ, и этотъ переворотъ всѣ зовутъ *великой революціей*. Въ чемъ же разница между тѣмъ и другимъ?

Разница вотъ въ чемъ. Началась французская революція въ 1788-мъ году, тоже крестьянскими бунтами. Раньше того крестьяне волновались въ одиночку. Теперь же, во многихъ частяхъ Франціи, они стали приходить гурьбою къ помѣщикамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они отказались отъ своихъ правъ на оброкъ, на барщину, и на всякія повинности натурою; они жгли уставныя грамоты, въ которыхъ оброки и повинности были прописаны. Они брали назадъ мірскую землю, которую помѣщики забрали у нихъ обманомъ и силою въ прежнія времена. А если помѣщикъ отказывался признать все это добромъ, они овладѣвали его усадьбой, жгли ее, а не то убивали и самаго помѣщика.

Такимъ образомъ, Пугачевское возстаніе и крестьянскіе бунты во Франціи были схожи. Но вотъ гдѣ начинается разница: во Франціи города то же взбунтовались и поддержали крестьянъ, а въ Россіи—нѣтъ.

У насъ въ городахъ—въ Москвѣ, Тулѣ, Казани и другихъ мастеровые и всякіе рабочіе толковали между собой: — «Вотъ придетъ Пугачъ, тогда мы зададимъ господамъ!» да такъ и протолковали, поджидая Пугача, вмѣсто того, чтобы самимъ возставать повсемѣстно въ городахъ противъ господъ, чиновниковъ и царскихъ слугъ. А тѣмъ временемъ дворяне и царскіе прислужники собрали войско, послали его противъ Пугачева, разбили его, взяли его въ плѣнъ, и стали жечь и вѣшать и терзать крестьянъ.

Во Франціи же—въ Парижѣ и во многихъ другихъ городахъ, народъ не сталъ ждать пока крестьяне придутъ изъ деревень. Рабочіе и мастеровые сами собирались, сговаривались и возставали. Въ Парижѣ, напримѣръ, самый бѣдный рабочій народъ вооружился

самодѣльными пиками. косами—чѣмъ попало—и кончилъ тѣмъ, что двинувшись громадною дружною толпою до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, взялъ королевскую крѣпость, Бастилію. Такія же возстанія были по всѣмъ городамъ, большимъ и малымъ. Рабочіе и мастеровые возставали, брали арсеналы; вооружались, какъ могли, и прогоняли всякое начальство.

Кромѣ того, происходило еще вотъ что. Къ этому времени, т. е. къ концу восемнадцатаго вѣка, среди французскаго дворянства, купечества и вообще среди зажиточнаго городского населенія, а также среди образованныхъ людей всѣхъ классовъ настолько развился духъ независимости, что королевская власть, и власть королевскихъ чиновниковъ стала противна всѣмъ — точно такъ же, какъ теперь у насъ самодержавіе чиновниковъ стало противно всякому человѣку, у кого душа не холопская. Всѣ они давно уже высказывали свое недовольство противъ короля и его придворныхъ, но дѣйствовать не рѣшались. Теперь, пользуясь крестьянскими волненіями, они стали смѣлѣе въ своихъ требованіяхъ, и въ 1879-мъ году, въ самый разгаръ крестьянскихъ волненій, они стали вооружаться, съ цѣлью ограничить власть короля, его придворныхъ и чиновниковъ. Они потребовали и добились созыва Земскаго Собора, ставшаго вскорѣ Учредительнымъ Собраніемъ, а также широкаго мѣстнаго самоуправленія въ губерніяхъ и по городамъ; а такъ какъ одни они не въ силахъ были бы бороться съ королемъ, то они охотно поощряли народныя возстанія въ городахъ.

Сила короля была такимъ образомъ подрѣзана. Такъ какъ противъ короля поднялась буржуазія, то онъ уже не могъ свирѣпо усмирять крестьянскіе и городскіе бунты, какъ это дѣлалось въ былое время; а крестьянскіе бунты, съ другой стороны, мѣшали королю раздавить тѣхъ, кто хотѣлъ ограничить его власть. Рабочій народъ, въ особенности крестьяне, и воспользовались этимъ раздѣленіемъ власти, чтобы захватывать земли и уничтожать все, что оставалось отъ крѣпостныхъ порядковъ.

Такъ прошло четыре съ лишнимъ года въ постоянной борьбѣ, и въ это время совершилась полная ломка всѣхъ старыхъ порядковъ. Народъ привыкъ быть вольнымъ; и когда волненія улеглись. Франція вышла изъ нихъ совсѣмъ новой страной. Да и вся Европа почувствовала толчекъ данный Франціею. Оттого мы и гово-

воримъ, что во Франціи произошелъ тогда не бунтъ, не возстаніе, а совершилась великая революція.

Крестьяне и рабочіе широко воспользовались ссорою между господами и королемъ, чтобы сбросить съ себя всякіе остатки и пережитки крѣпостного ига, которыхъ полна была Франція (какъ полна теперь Россія). Всякіе оброки и поборы, барщина и повинности натурою были уничтожены навсегда, и помѣщики не получили за нихъ никакого выкупа. Громадное количество земель перешло въ руки крестьянъ, особенно во владѣніе крестьянскихъ общинъ. Изъ страны бѣдной, голодавшей, чуть не нищенской (какъ Россія), Франція быстро стала, сравнительно со своими сосѣдями, зажиточною страною. Толпы нищихъ, ходившихъ цѣлыми деревнями (какъ ходятъ теперь наши крестьяне, собирая «кусочки»), исчезли. Голодовки прекратились. И въ тѣхъ частяхъ Франціи, преимущественно восточной, гдѣ крестьяне бунтомъ уничтожили крѣпостные порядки, создалось нѣкоторое сравнительно благосостояніе въ деревняхъ. Мало того, революціонныя арміи французской республики пошли уничтожать крѣпостное право по всей Европѣ: въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Австріи и даже въ Пруссіи.

Королевскому самодержавію былъ навсегда положенъ конецъ во Франціи. Съ тѣхъ поръ, оно никогда не могло вернуться у французовъ, даже при Наполеонѣ. И опять таки революція нанесла ударъ королевскому самовластію повсемѣстно въ Европѣ.

Власть Церкви, которая была страшно велика передъ тѣмъ, была подорвана разъ навсегда, послѣ того какъ у поповъ и у монастырей отняли всѣ имущества. И опять-таки французскія арміи санъ-кюлотовъ («голоштанныхъ», какъ ихъ прозвали господа дворяне и купцы), подорвавъ церковную власть, навсегда уничтожили «святую» инквизицію въ Италіи и Испаніи.

Весь девятнадцатый вѣкъ въ Европѣ сталъ осуществленіемъ идей, намѣченныхъ французской революціей.

И наконецъ, столько идей свободы *и особенно равенства* было распространено во время революціи во французскомъ народѣ, что Франція стоитъ съ тѣхъ поръ впереди всѣхъ націй по развитію и приложенію къ жизни соціалистическихъ и анархическихъ понятій. Франція пережила революцію 1848-го года и Парижскую Коммуну 1871-го года, и уже вырабатываетъ новыя формы коммунистической жизни.

* * *

Вотъ, стало быть, разница между революціей и простымъ бунтомъ. Возстаніе можетъ принять иногда очень свирѣпый характеръ, особенно когда оно имѣетъ экономическій смыслъ. Такъ было во время Пугачевщины, такъ бываетъ во время большихъ американскихъ стачекъ. *Но если оно не парализуетъ государственную машину въ самомъ ея центрѣ, оно остается возстаніемъ, бунтомъ, но не становится революціей.* Государство, если оно сохранило свою силу, скоро задавитъ возстаніе. Эксплуатація, конечно, становится мягче послѣ всякой такой встряски, но самая ея суть остается нетронутой.

Тоже самое бываетъ, если возстаніе имѣло только политическую цѣль. Форма правленія иногда можетъ быть измѣнена и безъ большихъ потрясеній. Такъ было, напримѣръ, въ Пруссіи въ 1848-мъ году, когда, напуганный громомъ всеобщей европейской революціи, валившей престолы, какъ карточные домики, Прусскій король поспѣшилъ дать конституцію, послѣ небольшого бунта въ Берлинѣ. Но нечего и говорить, что такая дешево добытая перемѣна оказалась ничтожною по содержанію. Впродолженіе двадцати-двухъ лѣтъ (вплоть до французской войны), прусская конституція служила посмѣшищемъ въ Европѣ, такъ какъ пруській король, а впослѣдствіи Бисмаркъ, распоряжались, какъ хозяева, не обращая никакого вниманія на ихъ холопскій парламентъ. Оно и понятно. Въ Берлинѣ былъ *бунтъ*—не болѣе,—а революціи Германія ждетъ еще до сихъ поръ.

Революція, такимъ образомъ всегда слагается изъ двухъ элементовъ, которыхъ совпаденіе и производитъ революцію: съ одной стороны, широко разлившееся *народное возстаніе*, въ деревняхъ и городахъ, производящее переворотъ въ хозяйственномъ положеніи. А съ другой стороны, одновременно съ этимъ *борьба правящихъ классовъ между собою* изъ-за власти въ государствѣ. Эта борьба поражаетъ силу государства въ самомъ его центрѣ; она не даетъ создаться сильному правительству; а тѣмъ временемъ народъ имѣетъ возможность провести по городамъ и деревнямъ полную ломку всего стараго хлама государственныхъ учрежденій. Революціонеры изъ народа разрушаютъ экономическій гнетъ, который опи-

рался на государство, они широко сѣютъ понятія о равенствѣ людей, они съ корнемъ вырываютъ холопство, которымъ держится Государство, Церковь и Капиталъ; они совершаютъ переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ между людьми, переворотъ въ самыхъ мысляхъ людей.

Такъ бывало всегда до сихъ поръ. И мы утверждаемъ, что Россія въ настоящую минуту вступаетъ въ періодъ *своей великой революціи*. Послѣ Англіи, послѣ Франціи—нашъ чередъ.

Вотъ это и должны понять прежде всего тѣ, кто хочетъ дѣйствовать съ пользою въ настоящую минуту.

Намъ предстоитъ совершить не государственный переворотъ, не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи. Обстоятельства такъ сложились, что русскому народу предстоитъ совершить *великую революцію*, т. е. въ корень измѣнить всю суть хозяйственной и политической жизни.

* * *

Что сила самодержавія подорвана въ Россіи, и что представительное правленіе, монархическое или республиканское, т. е. Земскій Соборъ или Народное Собраніе, неизбѣжно должно вскорѣ заступить мѣсто царскаго самодержавія—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Но не только это, а несравненно больше предстоитъ совершить русскому народу. Настало время, когда онъ можетъ произвести глубокій экономическій переворотъ, чтобы выйти, наконецъ, изъ того отчаяннаго, нищенскаго состоянія, въ которомъ онъ коснѣетъ до сего времени.

Наши буржуазные революціонеры стараются увѣрить насъ, что главное дѣло теперь въ Россіи это—заставить царя созвать Народное Собраніе. Одни хотятъ этого добиться «мирнымъ давленіемъ», другіе же, видя, что мирнымъ путемъ ничего не добьешься, готовы прибѣгнуть къ террору, или даже къ народнымъ волненіямъ. Но и тѣ, и другіе сходятся въ одномъ. Какъ только соберется всероссійскій парламентъ, тогда—шабашъ всякимъ волненіямъ. Парламентъ самъ все разберетъ. Совсѣмъ какъ бабушка Ненила въ стихахъ Некрасова:

«Вотъ пріѣдетъ баринъ: баринъ насъ разсудитъ.
Онъ сейчасъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу», думаетъ старушка.

И чуть что, старъ и младъ твердятъ въ одинъ голосъ:
«Вотъ придетъ парламентъ: онъ ужъ все разсудитъ».
И лѣсомъ, и землицей всѣхъ наградитъ, кого нужно...
Вотъ это-то и есть самый ужасный самообманъ. Чего народъ *самъ* не возьметъ, того никто не дастъ ему!

* * *

Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что между самодержавіемъ и конституціонной монархіей или республикой нѣтъ никакой разницы: это было бы невѣрно. Но мы всѣми силами возстаемъ противъ тѣхъ усыпителей, которые хотятъ увѣрить русскій народъ, что лишь бы назначить себѣ новаго барина—Законодательное Собраніе—и оно такъ вотъ и примется упразднять вѣковыя неправды, рукой сниметъ нищету русскаго народа.

Разницу между монархіей, и тѣмъ болѣе имперіей, и республикой мы отлично знаемъ; но мы знаемъ также, въ чемъ онѣ схожи, особенно, когда дѣло коснется рабочаго и крестьянина. Мы прекрасно знаемъ и видимъ на опытѣ, что въ республикѣ государственная власть бываетъ слабѣе, чѣмъ въ монархіи,—и мы вовсе не пренебрегаемъ тѣмъ, что звѣрю хоть сколько нибудь когти подрѣзаны. Но мы знаемъ также, какъ сильны еще эти когти, и какъ усердно звѣрь охраняетъ капиталиста. Мы знаемъ также, что въ республикѣ, по крайней мѣрѣ, однимъ предразсудкомъ меньше — подрывается вѣра въ короля или царя, защитника бѣдныхъ отъ богатыхъ; и мы цѣнимъ это, тѣмъ болѣе, что мы видимъ, какъ сильна до сихъ поръ, даже среди нѣкоторыхъ соціалистовъ, вѣра въ цезаризмъ, т. е. въ императора или въ диктатора, который — мечтаютъ они—возьмется проводить рабочее законодательство: дѣло Буланже не за горами.

Знаемъ мы также, что чудныя молодыя силы, погибшія, что-бы покончить съ такими лицами, какъ Плеве или какъ итальянскій король Гумбертъ, велѣвшій жарить картечью по народу въ Миланѣ, или какъ испанскій министръ Кановасъ, пытавшій анархистовъ,—что эти геройскія силы нашли бы себѣ несравненно лучшее приложеніе въ обществѣ, избавленномъ отъ царей, королей и полицейско-поповскихъ министровъ, гдѣ борьба завязалась бы въ чистую, между рабочимъ и капиталистомъ. И мы знаемъ, наконецъ, какую безконечную вереницу лучшей русской

молодежи въ сорокъ лѣтъ пожрала самодержавная власть раньше, чѣмъ проповѣдь этой молодежи стала доходить до народа...

Все это мы знаемъ: *мы пережили это.*

Но мы знаемъ также, что народу ни одинъ парламентъ не дастъ, *и дать не можетъ* того, чего народъ самъ не возьметъ силою. Оттого Франція и стоитъ впереди всѣхъ другихъ націй въ дѣлѣ соціальной революціи, что ея народъ разрушилъ старые крѣпостные порядки силою, революціоннымъ способомъ, а не подачку получилъ отъ парламента. Даже въ самый разгаръ революціи, самъ свирѣпый Конвентъ (революціонное Народное Собраніе), казнившій предателя-короля и его семью, ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что призналъ *факты, совершенные самимъ народомъ,* безъ спроса, революціоннымъ путемъ для уничтоженія крѣпостныхъ отношеній. Когда крестьяне, *на дѣлѣ,* уничтожили всѣ бывшія крѣпостныя (феодальныя) повинности и отняли у помѣщиковъ бывшія общинныя земли,—*тогда только* Конвентъ призналъ и узаконилъ совершившійся фактъ. Тоже самое въ Англіи. Она покрыта развалинами старинныхъ замковъ удѣльной и помѣщичьей аристократіи.

Но спросите, кто разрушилъ эти крѣпости помѣщичьяго ига, и вамъ скажутъ: «шайки Кромвеля», т. е. шайки крестьянъ, дѣйствовавшія въ его время, но ужъ конечно не Парламентъ. Мало того. Никакого серьезнаго переворота, даже въ политическомъ строѣ Англіи и Франціи, не было бы совершено въ эту пору, еслибы народъ, и въ особенности крестьяне, не принялись уничтожать *революціоннымъ образомъ* крѣпостной строй, какъ въ области экономической, такъ и области политической.

* * *

Вотъ почему такъ важно намъ сознать, что Россія вступаетъ въ періодъ *революціи,* а не простой перемѣны правленія.

Несомнѣнно, что государственная власть не можетъ дольше оставаться въ рукахъ полицейско-жандармскихъ чиновниковъ. Несомнѣнно, что она скоро перейдетъ въ руки Законодательнаго Собранія,—сколько бы не проливали крови русскаго народа. Мало того, чѣмъ больше крови народной будетъ пролито нынѣшнимъ правительствомъ, тѣмъ вѣрнѣе подготовитъ оно переходъ отъ имперіи къ республикѣ.

Но если бы Россіи удалось даже провозгласить у себя черезъ

нѣсколько лѣтъ федеративную республику, какъ Соединенные Штаты,—то и тогда эта республика была бы пустымъ звукомъ безъ содержанія и, конечно, не могла бы удержаться, если бы русскій народъ не воспользовался этимъ политическимъ переворотомъ, чтобы въ тоже время *въ корень измѣнить условія своей хозяйственной жизни.*

Чѣмъ бы не закончился предстоящій намъ политическій переворотъ—конституціей или республикой, мы знаемъ одно: *русскій народъ не долженъ болѣе голодать.* Пора положить этому конецъ, *навсегда.*—Пора крестьянину, прежде всего, самому питаться тѣмъ хлѣбомъ, который онъ выростилъ, не спрашиваясь у господъ помѣщиковъ, купцовъ и чиновниковъ, сколько они положатъ ему мякины за его труды. Пора ему стряхнуть съ себя крѣпостныя путы,—а ихъ еще много осталось съ 1861-го года, и много новыхъ наросло. Пора мастеровому и фабричному рабочему выйти изъ теперешняго рабства, и стать вольнымъ человѣкомъ и собственнымъ хозяиномъ. Давно пора! Но никто, никто этого не сдѣлаетъ, никто не станетъ благодѣтельствовать крестьянину и рабочему, пока они сами не возьмутъ себѣ должнаго своею собственною силою.

Пусть люди, вѣрующіе въ цѣлебную силу парламентовъ, засѣдаютъ въ нихъ и съ важностью разсуждаютъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы волки-помѣщики и шакалы-капиталисты были сыты и овцы-крестьяне и рабочіе были цѣлы. Этою хитрою механикою мы не намѣрены заниматься. Въ парламентахъ намъ дѣлать нечего. «Новымъ бариномъ» мы быть не хотимъ.—Наша работа не съ ними. Она—въ народѣ, съ народомъ.

Она будетъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ, большомъ и маломъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ и на дѣлѣ, уничтожать экономическое и политическое рабство. Брать на себя починъ этого уничтоженія тамъ, гдѣ общее сознаніе еще не дошло до него, будить бунтовскій духъ въ народѣ; пробуждать въ каждомъ сознаніе своей силы, духъ личной независимости и сознаніе равенства всѣхъ. Помогать народу вооружаться, отнимать землю у хищниковъ, завладѣвшихъ ею, и отдавать ее назадъ народу; брать фабрики, заводы, рудники, угольныя копи—и помогать рабочимъ устраивать ихъ разработку на вольныхъ, артельныхъ началахъ. И, гдѣ только возможно будетъ, провозглашать Народную Общину — Коммуну, — для пользованія домами, общественными зданіями и всѣмъ налич-

нымъ богатствомъ города или области на общинныхъ началахъ. Однимъ словомъ—вмѣстѣ съ народомъ, на дѣлѣ и на мѣстѣ, идти на завоеваніе лучшаго будущаго—вотъ задача, предстоящая всякому искреннему революціонеру. Такъ понимаютъ свою задачу анархисты.

Великая революція происходитъ въ Европѣ, приблизительно, черезъ каждыя сто лѣтъ,—всякій разъ въ другой странѣ (Нидерланды, Англія, Франція); причемъ каждая революція стремится провести въ жизнь и расширить то, что намѣтила предыдущая.

Будемъ же помнить, что великая французская революція уже ставила у себя слѣдующую задачу: вернуть землю народу и признать право каждаго на землю и на безбѣдное существованіе (о фабрикахъ и заводахъ тогда мало говорили, такъ какъ онѣ были едва только въ зачаткѣ). И если французскому народу не удалось тогда же провести въ жизнь «земельный законъ» и «уравнять людей въ имуществѣ», какъ тогда выражались,—то не потому,—чтобы народъ не понималъ необходимости равенства экономическаго. Онъ прекрасно понималъ его, всегда понималъ нехуже нашихъ соціалистическихъ писателей. Помѣшала-же этому война, объявленная противъ революціи всею Европою, а въ особенности буржуазно-аристократическою Англіею. Санъ-кюлотамъ пришлось сражаться за самое право на революцію. Грудью и кровью имъ пришлось отстаивать даже то, что они уже отвоевали у господъ. Иначе и въ этомъ направленіи французскій народъ уже прокладывалъ новые пути. Образъ соціальной революціи уже тогда складывался въ умахъ французскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Но то, чего не додѣлала тогда французская революція, предстоитъ додѣлать намъ, разъ на нашу долю выпало, по ходу исторіи, на другомъ краю Европы и вѣкъ спустя, продолжать великое дѣло народнаго освобожденія на началахъ истиннаго равенства, истинной свободы и дѣйствительнаго братства.

Жерминаль.

(Изъ № 1 газ. „Жерминаль“, изд. въ Лондонѣ, на еврейск. яз.).

Жерминаль! Мѣсяцъ весны! Обновитель жизни, предвозвѣстникъ великаго будущаго, духъ разрушитель, созидающій духъ — на тебя, среди ночи и тьмы окружающей, возлагаемъ мы наши надежды!

Жерминаль! Съ этимъ боевымъ кличемъ мы снова вступаемъ въ ряды борцовъ, чтобы разбросать сѣмена революціоннаго анархизма, просвѣтить умы, оживить изстрадавшіяся души и сердца униженныхъ и оскорбленныхъ!

Не болѣе какъ случай, что первый номеръ «Жерминаля» появился въ серединѣ зимы, но въ такое время этотъ «случай»—символическій; онъ какъ бы указываетъ на великую потребность нашего времени. Зимнія бури, пронизывающія зимнія бури, необходимы для насъ: онѣ освободятъ отъ старыхъ, гнилыхъ традицій прошлаго, отъ наслѣдственнаго гнета и рабства: онѣ помогутъ стряхнуть пыль съ души, провѣтрятъ усталыя сердца и подготовятъ плодотворную почву для сѣмянъ грядущей весны, чтобы не пропали они, не достигнувъ цѣли.

«Традиція» — это ужасная болѣзнь духа нашего времени, квинтъ-эссенція всякой реакціи. Мы говоримъ о будущемъ, а между тѣмъ тысячью цѣпей прикованы мы къ прошлому. Мы тащимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть человѣческой исторіи; мы изнемогаемъ, мы плачемъ подъ ея игомъ и нѣтъ у насъ смѣлости стряхнуть ее съ нашихъ плечъ и вздохнуть свободно. Подкашиваются ноги, наливаются кровью глаза, а мы все тащимъ и тащимъ нашу историческую поклажу, такъ какъ убѣдили насъ, мы сами себя убѣдили, что поклажа наша — чистое золото!.. А между тѣмъ, въ дѣйствительности,—это камни, самые обыкновенные камни. Можетъ быть, когда нибудь среди этихъ камней были и слитки золота, только золото мы давно растеряли, а камни — остались... Вся духовная жизнь наша представляетъ собой лишь чудовищное сочетаніе отжившихъ, мертвыхъ, окаменѣлыхъ формъ, которыя давно утеряли свой смыслъ и содержаніе, а мы, до сихъ поръ, «втискиваемъ» въ нихъ нашу мысль, душу и сердце и сами каменѣемъ, не замѣчая того.

Врядъ ли кто станетъ отрицать, что современный человѣкъ— рабъ всякихъ словъ, безсодержательныхъ понятій и представленій. Если не ошибаюсь, кажется, еще Ч. Диккенсъ замѣтилъ, что соціальное положеніе человѣка опредѣляется его платьемъ; не короля чтимъ мы, не короля боимся, а его короны и горностаевой мантіи; не полицейскій пугаетъ насъ, а его мундиръ. Отнимите у короля корону, у полицейскаго—мундиръ, и они станутъ простыми смертными. Тоже самое и со словами и представленіями.—Мы «изъ за деревьевъ лѣса не видимъ!» И сплошь да рядомъ человѣкъ приноситъ жизнь свою въ жертву смерти, живую дѣйствительность въ жертву воображенію. «Слово» теперь — не только не пластическое выраженіе нашихъ мыслей, но, во многихъ случаяхъ, прямое ихъ извращеніе. Современное человѣчество такъ невинно, что страшится наготы, точь въ точь какъ та дѣвушка, про которую Райцель разсказываетъ, что она въ невинности своей на ночь завѣшивала клѣтку птички, чтобы послѣдняя не видѣла какъ она раздѣвается. «Голая» мысль не безопасна для нравственности человѣка, и облекаютъ ее посему въ «словесныя» одѣянія. Слова: «человѣкъ выдумалъ языкъ, чтобы скрыть мысли», имѣютъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ мы до сихъ поръ воображали. Мы во власти словъ, понятій и абстрактныхъ представленій и поэтому мало требованій предъявляемъ дѣйствительной жизни.

Слова въ нашей жизни играютъ такую же роль, что и мантія короля, и мундиръ полицейскаго; они огорашиваютъ, гипнотизируютъ насъ, и изъ за внѣшнихъ формъ мы забываемъ ихъ внутреннее содержаніе.

«Человѣкъ жертвуетъ жизнею смерти», сказали мы, т. е. иными словами, жертвуетъ настоящимъ ради прошлаго, существующимъ несуществующему. Наше собственное «я», проявленіе въ насъ «человѣческаго», растворяется въ абстракціяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, понятіе «Богъ». Что токое Богъ? Теологи всѣхъ религій согласны въ томъ, что Богъ «непознаваемъ» и «невообразимъ». Фейербахъ показалъ, что Богъ существуетъ лишь, какъ увеличенное отраженіе нашего собственнаго «я», онъ наше собственное воображеніе.

Но мы какъ бы перепутали роли и приняли наше созданіе за нашего создателя. Человѣкъ, — существуетъ, но Богъ лишь въ его воображеніи, подобно нашему отраженію въ зеркалѣ. И что же

мы сдѣлали? Мы абстракцію приняли за «абсолютную» дѣйствительность, а дѣйствительность за абстракцію. Человѣкъ жертвовалъ собою ради измышленія своего воображенія; онъ жертвовалъ собою абстрактному отраженію его дѣйствительнаго «я». Тысячи лѣтъ влачили мы печальныя, горькія послѣдствія ошибки, какую мы сдѣлали или, возможно, должны были сдѣлать: мы безропотно сносили иго любой теократіи, являлись жертвой любого «сумасшедшаго» и считали тяжкимъ грѣхомъ всякій вздохъ измученной души. Мы приносили себя въ жертву четыремъ буквамъ и, глядя на небо, забывали землю.

А вотъ и другой примѣръ — государство. Что оно изъ себя представляетъ? Никто не знаетъ. Объясненія «теологовъ государства» такъ же неясны и неопредѣлены, какъ и толкованія обыкновенныхъ теологовъ о Богѣ. Мы видимъ лишь различныя формы государства, точно также, какъ боговъ различныхъ религій. Государство олицетворяется для насъ въ образѣ его руководителей и служителей, какъ религія—въ образѣ священнослужителей. И здѣсь мы видимъ, что человѣкъ проливаетъ свою кровь, отдаетъ свою жизнь и существованіе безсодержательной пустой абстракціи. Онъ терпѣливо сноситъ гнетъ политической тираніи, подчиняется ужаснѣйшему деспотизму, такъ какъ «государство» считается единственной гарантіей его личнаго существованія.

Да позволено намъ будетъ, въ заключеніе, привести еще третій примѣръ—собственность. Какъ религія и государство, такъ и собственность существуетъ лишь, какъ плодъ человѣческаго воображенія. Это «понятіе» создано самимъ человѣкомъ, это—отвлеченное представленіе, которое воплощается лишь въ лицѣ собственника, какъ религія—въ лицѣ священника и государство — въ лицѣ политика. Однако и этой абстракціи приносимъ мы въ жертву наши дѣйствительныя потребности, наше физическое существованіе. Мы голодны, но преклоненіе наше предъ пустымъ звукомъ, понятіемъ такъ велико, что мы подавляемъ наши законныя потребности и гибнемъ подъ игомъ экономическаго рабства. Словомъ, на каждомъ шагу приносимъ мы въ жертву человѣка—Богу его воображенія.

Я прекрасно понимаю, что всѣ человѣческія установленія, учрежденія—являются результатомъ вполнѣ естественнаго развитія, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, въ силу извѣстныхъ условій; я лишь утверждаю, что для огромнаго большинства людей

вовсе не ясно; болѣе того, совершенно не извѣстенъ этотъ процессъ развитія. Онъ вовсе не вмѣщается въ словѣ; поэтому мы путаемъ слово съ происхожденіемъ понятія. Само слово представляется намъ какъ проявленіе «понятія». Мы его ощущаемъ какъ реальное; точь въ точь курильщикъ опіума, который видитъ и ощущаетъ образы своей одурманенной фантазіи.

Мы настолько рабы «формы», что если намъ и удается понять лживость и комичность иной догмы, то мы спѣшимъ замѣнить ее другой. Мы низводимъ боговъ, чтобы создать новыхъ, мы уничтожаемъ правительства, чтобы поставить другія. Тысячи лѣтъ мы грызлись изъ за вопроса: какая религія лучше? Отъ одной химеры мы переходили къ другой, пока Фейербахъ не разъяснилъ, что весь этотъ вопросъ—праздный: дѣло не въ открытіи наилучшей религіи, но въ отысканіи пути къ самому себѣ, къ своему собственному «я», въ полномъ отрицаніи какихъ бы то ни было религіозныхъ формъ. Сотни лѣтъ говорили, писали, и спорили на тему: какія формы правленія—лучшія. Одну систему мы замѣняли другой, но послѣдствія не измѣнялись; результаты получались тѣ же.

Лишь Прудонъ показалъ, что задача вовсе не въ томъ, чтобы изыскать «наилучшія формы правленія», а въ томъ чтобы жить совершенно безъ всякаго «правленія», если только человѣчество не желаетъ жить для пустыхъ понятій. Мы все искали лучшаго Бога, лучшую религію, лучшее правительство, лучшую нравственность, абсолютную истину, а насъ все время угощали лучшей плетью и начиняли головы лучшей глупостью.

Всѣ религіозныя и политическія партіи знали лишь одно слово—подчиненіе. Смѣшно толковать о какомъ то прогрессѣ „политическихъ школъ“, такъ какъ какая же въ дѣйствительности разница между консерваторомъ и демократомъ? Всѣ политическія партіи вращаются въ заколдованномъ кругу метафизики и постоянно, поэтому возвращаются къ той же точкѣ, изъ которой вышли. Выйти изъ этого круга—вотъ задача истиннаго прогресса.

Для теолога, Богъ—это все, человѣкъ—ничего; для политика—гражданинъ существуетъ лишь для государства. «Пусть погибнетъ личность, лишь бы торжествовало большинство» — вотъ принципъ демократа.

Человѣческая личность, по мнѣнію этихъ господъ, существуетъ лишь, какъ слуга Богу, государству или большинству; поэтому за-

вѣтною ихъ цѣлью—„подчиненіе“ человѣка. Мы толкуемъ о нравственности, о морали, исписали объ этомъ горы книгъ, а однако все что до сихъ поръ существовало подъ именемъ морали является чисто «механическимъ» понятіемъ, никогда не бывшемъ въ насъ, но всегда внѣ насъ. Религіозный человѣкъ называетъ то или иное добромъ или зломъ, не въ силу внутренняго убѣжденія, а въ силу предписанія божественной заповѣди: у вѣрноподданнаго то «хорошо», что не порицается «закономъ» и дурно то, что имъ не признается и преслѣдуется; то хорошо, что имѣетъ за собой большинство— исходный пунктъ демократовъ. Почему мнѣ поступать такъ, а не иначе? Потому что Богъ того желаетъ — отвѣчаетъ теологъ; того требуютъ интересы государства, кричитъ «политикъ»; таково рѣшеніе большинства поучаетъ демократъ. Почему негръ черенъ? Потому что онъ черенъ — гласитъ отвѣтъ. Вся человѣческая исторія это не болѣе, какъ исторія идолопоклонства подъ разными видами; лишь тогда получитъ она истинное содержаніе, когда человѣкъ окончательно свергнетъ идоловъ, вмѣсто того, чтобы ихъ подновлять или мѣнять.

«Такъ то, Мандесъ! Сдается мнѣ что большинство изъ насъ не живые люди изъ плоти и крови, а привидѣнія. Мы унаслѣдовали отъ предковъ мертвыя понятія; старыя вѣрованія живутъ въ нашей душѣ или, если хочешь, не живутъ, а просто засѣли въ ней и нѣтъ возможности отъ нихъ избавиться. Возьмешь газету и видишь какъ между строкъ прогуливаются эти тѣни людей. Ихъ много! Очень много! Они не исчислимы, какъ песокъ на днѣ морскомъ! Кажется вся страна населена ими. Не это ли причина нашей страшной свѣтобоязни?..»

Эти удивительныя слова Ибсена — лучшая иллюстрація современнаго умственнаго и нравственнаго состоянія.

Призраки живутъ въ насъ... Мы сами призраки и большинство изъ насъ были уже мертвы, прежде чѣмъ успѣли родиться.

Вотъ почему нужны бури, грозныя, ледяныя, пронизывающія холодомъ бури, которыя очистили бы духовную атмосферу отъ всего что есть въ ней заразительнаго, больного, отъ всякихъ гнилыхъ, отжившихъ понятій.

Нужны зимнія бури, чтобы освободить сердца и души отъ вѣками накопившейся исторической пыли; бури нужны чтобы зародышъ грядущей весны, жерминаль, не завялъ преждевременно. Пусть

выкинетъ насъ буря изъ проторенной отцами нашими колеи, чтобы каждый изъ насъ нашелъ, наконецъ, свой собственный путь, свою собственную цѣль. Зимнія бури и весеннія надежды! Время когда бурливая, шумная, живая жизнь сломаетъ мертвыя формы прошлаго, тогда человѣкъ пойметъ всю глубину словъ великаго разрушителя: «Духъ разрушенія есть въ тоже время созидающій духъ». Таковы наши стремленія, таково содержаніе нашихъ революціонныхъ желаній и надеждъ.

Жерминаль, мѣсяцъ весны! Обновитель жизни, предвозвѣстникъ великаго будущаго, духъ разрушитель, созидающій духъ— на тебя среди ночи и тьмы окружающей возлагаемъ мы наши надежды!

Крестьянское возстаніе.

Изъ разныхъ концовъ Россіи до насъ доносятся вѣсти о крестьянскихъ волненіяхъ. Правда, что крестьянскія волненія всегда бываютъ въ Россіи,—только большинство ихъ обыкновенно проходитъ незамѣченнымъ; теперь же, при возбужденномъ настроеніи общества, всякій небольшой бунтъ обращаетъ на себя вниманіе. Однако же, со всѣмъ тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что по деревнямъ начинается броженіе, и что оно проявляется уже въ видѣ крестьянскихъ бунтовъ, иногда довольно значительныхъ. Въ Польшѣ, въ Балтійскомъ краѣ, въ Курской губерніи, въ Малороссіи, въ среднемъ Поволжьѣ, и особенно на Кавказѣ, крестьянскія волненія происходили въ серьезныхъ размѣрахъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при существующемъ теперь тревожномъ настроеніи во всей Россіи, движеніе въ деревняхъ будетъ разростаться.

Уже теперь крестьянскія возстанія принимаютъ болѣе глубокій характеръ, чѣмъ бывало раньше. Видно больше рѣшительности, требованія становятся шире и быстрѣе переходятъ въ дѣйствіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне брали изъ помѣщичьихъ хлѣбныхъ запасовъ то, что имъ самимъ нужно было на прокормленіе. Въ другихъ, они отказывались отъ всякой работы на помѣщика. Въ третьихъ мѣстахъ, они брали помѣщичью землю и начинали ее пахать и засѣвать для себя. И наконецъ, въ западномъ Закавказьѣ,

а именно въ Гурiи, въ цѣломъ округѣ Кутаисской губернiи, крестьяне выпроводили отъ себя чиновниковъ, какъ русскихъ, такъ и грузинъ, или гурiйцевъ, присягнули другъ-другу, что будутъ избѣгать всякихъ насилiй, воровства и дракъ между собою, перестали брать въ аренду землю у помѣщиковъ и наниматься къ нимъ на работу и устроили свое собственное, вольное самоуправленiе по деревнямъ и по всему округу. Однимъ словомъ, они сдѣлали то, что въ средние вѣка дѣлалось въ городахъ, когда ихъ жители объявляли свою независимость, принимали со-присягу и складывались въ вольныя республики, или Коммуны. Они сдѣлали то, что американскiе рабочiе собираются сдѣлать при удобномъ случаѣ въ одномъ изъ западныхъ Штатовъ, гдѣ они думаютъ объявить соцiалистическую Коммуну (Общину), распространенную на цѣлую область.

Словомъ, въ разныхъ частяхъ Россiи начинается умное, дѣловитое крестьянское движенiе. И мы спрашиваемъ себя, — найдетъ ли оно среди русскихъ революцiонеровъ людей, готовыхъ такъ же отдаться ему, какъ отдавались они до сихъ поръ политическому террору?

* * *

Много тумана, мы знаемъ, напустили среди русской молодежи всякiе метафизики, подъ предлогомъ научнаго соцiализма. Много наговорили они о русскихъ крестьянахъ такого, что и повторять-то теперь не хочется, когда жизнь ребромъ поставила передъ русскимъ крестьянином вопросъ:—«Кто его друзья, и кто его враги?». Сами метафизики не рѣшатся теперь повторить всего того, что они писали о крестьянахъ лѣтъ десять тому назадъ. Но вредъ, надѣланный ихъ экономическою метафизикою, остался, и онъ сказывается теперь въ отношенiи части русской молодежи къ основному двигателю всякой революцiи — къ крестьянскому возстанiю. И не мало потребуется серьезной работы, чтобы разогнать эти туманы и ослабить надѣланное зло.

Для буржуазiи весь вопросъ современной дѣйствительности сводится, конечно, на одно: ограничить царскую власть, добиться представительнаго правленiя. И есть не мало людей, считающихъ себя соцiалистами, для которыхъ весь вопросъ русской революцiи тоже сводится на то, чтобы добиться Учредительнаго Собранiя. «Потомъ, молъ, разберемся».

Для насъ же, анархистовъ, задачи настоящей минуты несравненно шире. Мы видимъ въ современной дѣйствительности нѣчто несравненно большее, несравненно болѣе важное, чѣмъ простую перемѣну формы правленія. Мы видимъ начало русской революціи; и въ ней мы видимъ возможность для русскаго народа завоевать такія права, и настолько измѣнить всю хозяйственную свою жизнь, что мирнымъ путемъ и въ полъ-вѣка не удастся этого достигнуть.

Если Англія, Франція и Соединенные Штаты быстро двинулись впередъ въ своемъ развитіи послѣ того, какъ они уничтожили у себя самодержавную власть короля, то — только потому, что они уничтожили королевское самодержавіе *революціоннымъ путемъ*. А революціонный путь не въ томъ только состоялъ, что на короля ходили съ пушками, и что своего короля казнили черезъ палача,— а въ томъ, что *вся страна въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ была въ революціонномъ состояніи*: что крестьяне возставали, брали себѣ землю, — сами, не спросясь ни у кого, — уничтожали силою свои крѣпостныя отношенія къ помѣщикамъ, рвали и жгли законы, повелѣвавшіе имъ подчиняться помѣщикамъ и чиновникамъ; что чуть-ли ни въ каждомъ городѣ, большомъ и маломъ, ремесленники и вообще бѣдный народъ *силою уничтожали весь старый порядокъ, основанный на рабствѣ и подчиненіи*. Пораженіе короля и его казнь были только однимъ изъ эпизодовъ великаго переворота, такъ какъ рядомъ съ политическимъ переворотомъ, *одновременно* съ измѣненіемъ формы правленія, которое совершалось бунтовскимъ путемъ, шелъ тѣмъ же бунтовскимъ путемъ соціальный переворотъ, т. е. измѣненіе взаимныхъ хозяйственныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками.

* *
*

Замѣтимъ еще, что широко распространенное крестьянское возстаніе необходимо не только для того, чтобы передать въ руки крестьянъ землю и свергнуть пережитки крѣпостного права. Этого одного было бы достаточно, чтобы оправдать его. Но оно необходимо еще для того, чтобы дать народу проявить свои собственныя творческія силы въ устройствѣ своей внутренней организаціи.

На примѣрѣ это будетъ понятнѣе.

За послѣднія двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ, переходъ отъ самодержавной королевской власти къ представительному правленію совер-

шился революціоннымъ путемъ въ трехъ государствахъ: въ Англіи, въ 1648 году, во Франціи въ 1789—93 годахъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1773 году, когда Американцы отдѣлились отъ Англіи и провозгласили свою самостоятельность.

Во всѣхъ этихъ странахъ власть, бывшая до того въ рукахъ почти вполнѣ самодержавнаго короля, перешла въ руки представителей страны (въ Англіи существовалъ уже парламентъ, но настоящей власти до революціи онъ не имѣлъ), и была провозглашена Республика. А между тѣмъ результаты отъ революціи получились во всѣхъ трехъ странахъ совершенно различные.

Въ Англіи церковный вопросъ имѣлъ громаднѣйшее значеніе. Революція была столько же возстаніемъ протестантовъ (подраздѣленныхъ на множество толковъ), сколько политическимъ возстаніемъ. Оттого *приходъ*, т. е. собраніе вѣрующихъ извѣстнаго рода, добивался и добился значительной независимости. Не деревня, не городъ, а приходъ. Оттого ихъ города не имѣли настоящей жизни, и городское самоуправленіе, вплоть до 1883 года, оставалось въ рукахъ нѣсколькихъ лавочниковъ, между тѣмъ какъ приходъ, ставшій почти независимою единицею, былъ жизненною силою и внесъ извѣстный духъ самобытнаго демократизма и личнаго самоуваженія во всю жизнь страны. Въ Шотландіи онъ сталъ силою и для образованія.

Но за то религіозный вопросъ затмилъ экономическій, земельный вопросъ. Крестьянская революція въ Англіи была несравненно слабѣе, чѣмъ во Франціи; возставали, главнымъ образомъ, горожане, а въ деревняхъ — богатые фермеры. Поэтому, горожане пріобрѣли личную независимость и свергли съ себя почти всѣ слѣды феодальнаго закрѣпощенія. Ремесла и промышленность стали быстро развиваться. Въ деревняхъ феодальныя отношенія между крупнымъ лордомъ и его фермерами были подорваны. Феодальный дворянскій судъ исчезъ съ разрушеніемъ замковъ. Но крупная дворянская собственность осталась, и до сихъ поръ лежитъ тяжелымъ ярмомъ на всей жизни Англіи. Республика, провозглашенная въ 1648 году, не находя такимъ образомъ основанія въ освобожденномъ крестьянствѣ, продержалась всего 7 лѣтъ и погибла, и до сихъ поръ не вернулась.

* * *

Во Франціи дѣло стояло иначе. Власть короля тоже была ограничена, и тоже была провозглашена республика. Но въ это же время, широкою волною, по всей восточной Франціи прошло крестьянское возстаніе. Крестьяне свергли съ себя всѣ пережитки крѣпостного ига. Во многихъ мѣстахъ они отобрали бывшія мірскія земли, забранныя у нихъ раньше помѣщиками, тогда какъ многіе изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, скупили на очень выгодныхъ условіяхъ, мелкими участками, земли, отобранныя у духовенства, монастырей и богатыхъ помѣщиковъ, бѣжавшихъ за-границу. Такимъ образомъ, отчаянная нищета, существовавшая по деревнямъ во Франціи исчезла или по крайней мѣрѣ была значительно уменьшена, и создался классъ зажиточныхъ крестьянъ, который придалъ совершенно особый характеръ всей промышленной и политической исторіи Франціи, и сдѣлалъ возможною, уже 50 лѣтъ спустя послѣ Великой Революціи, вторую революцію, 1848-го года, во время которой городской пролетаріатъ выступилъ съ требованіемъ своихъ правъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе централизаторскаго духа, которымъ были проникнуты всѣ французскіе революціонеры изъ интеллигентовъ, вслѣдствіе ихъ оторванности отъ народа и особенно отъ крестьянъ, мірскую жизнь и мірское землевладѣніе которыхъ они даже не понимали; вслѣдствіе ложныхъ экономическихъ понятій буржуазнаго пошиба, распространенныхъ въ то время (какъ и многіе изъ нашихъ соціалистовъ, они тоже увлекались «капиталистическимъ предопредѣленіемъ», о которомъ говорила буржуазная политическая экономія); вслѣдствіе юридическихъ предразсудковъ Римскаго права; и наконецъ, вслѣдствіе европейской войны, въ которую пришлось вступить французской республикѣ, — вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, французскіе революціонеры изъ интеллигенціи не поняли одного. Они не поняли, что французскій народъ стремится къ созданію *независимой*, *самобытной*, *народной общины*, а провели, наоборотъ, въ жизнь французской націи чуждые ей принципы римскаго государственнаго сосредоточенія власти.

По всей Франціи народная жизнь стремилась вылиться въ общинную форму. Какъ только, и гдѣ только народъ могъ это сдѣлать, онъ создавалъ свою Коммуну (общину), съ ея Отдѣлами

(секціями), которая двигала впередъ Революцію, провозглашала *Равенство*, ставя его выше голой политической *Свободы* (1793-й годъ писался, какъ «4-й годъ Свободы и 1-й годъ Равенства») и выступала съ рядомъ экономическихъ *уравнительныхъ* мѣръ. Такъ дѣйствовала нѣсколько мѣсяцевъ Коммуна въ Парижѣ, и такъ же дѣйствовали на короткое время Коммуны въ Ліонѣ, Марселѣ и т. д.

Но интеллигенты изъ революціонеровъ не понимали этого теченія, или не хотѣли его. Они вышли по преимуществу изъ буржуазіи и большинство изъ нихъ, какъ буржуа, не хотѣло экономическаго равненія. Другіе же, воспитанные на буржуазныхъ идеалахъ, не понимали этого народнаго идеала. Верхъ взяли государственники-буржуа, и тѣхъ интеллигентовъ, которые шли съ народомъ, Робеспьеръ и его партія казнили; вслѣдствіе чего, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они сами были казнены торжествующею буржуазіею. Разъ этотъ боевой элементъ былъ устраненъ, буржуазіи, очевидно, легко было справиться съ революціей. Наступила полная реакція.

Послѣдствія этого получились самыя плачевныя. Республика только и можетъ удержаться тамъ, гдѣ существуетъ общинная самостоятельность, гдѣ каждая деревушка готова охранять свою мірскую независимость. На этой независимости создалась и сохранилась Швейцарская Республика. Ею держится республика въ Соединенныхъ Штатахъ. А такъ какъ ей не дали создаться во Франціи, то этимъ самымъ была уже подготовлена Имперія. «Задави Парижъ— и царствуй!» И это отсутствіе мѣстной самостоятельности до сихъ поръ стоитъ поперекъ твердому установленію республики во Франціи. Безъ мѣстной общинной независимости Республика невозможна— пусть это помнятъ русскіе республиканцы.

* * *

Итакъ, переходъ отъ самодержавія къ народному представительству, въ Англіи и во Франціи, привелъ къ двумъ, совершенно различнымъ результатамъ. Соединенные Штаты представляютъ третій, еще болѣе своеобразный переходъ.

Въ то время, когда Американскія колоніи рѣшили свергнуть иго англійскаго короля и отдѣлиться отъ Англіи, земельный вопросъ не представлялся имъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во Франціи. Земли у нихъ было сколько угодно. Но юные колонисты

поняли однако значеніе земли и объявили, что *вся земля принадлежитъ народу*, и что всякій желающій имѣетъ право получить изъ общаго запаса земель столько-то десятинъ, — подъ условіемъ, что онъ не дастъ имъ лежать втунѣ, а будетъ обрабатывать ихъ. Затѣмъ они отдѣлили изъ общаго запаса земель часть—не на войну, не на церковь, а на образованіе. Въ каждой квадратной милѣ земли двѣ дѣлянки въ 400 десятинъ были навсегда, вездѣ, предназначены на народное (не барское) образованіе. И эти рѣшенія молодого Американскаго народа частью сохранились до настоящаго времени, несмотря на всѣ позднѣйшія вторженія капитализма. Соединенные Штаты прежде всего — страна крестьянская, страна земледѣльческая, страна внутреннихъ рынковъ. И въ этихъ фермерахъ-крестьянахъ—истинная сила страны.

Затѣмъ въ декларацiяхъ того времени насъ поражаетъ одна черта, это стремленіе сохранить полнѣйшую независимость во всѣхъ отношеніяхъ *міра*, т. е. „собранія гражданъ“ (citizen's meeting), которое до сихъ поръ составляетъ основную черту всѣхъ волностей Массачузетса и другихъ побережныхъ Штатовъ *). Полная независимость Общины, сельской и городской, легла краеугольнымъ камнемъ во всю жизнь Соединенныхъ Штатовъ. Не автономія—, это лживое слово было выдумано политиканами, — а независимость: право распоряжаться, какъ хочетъ городъ, своими землями, доходами, займами, образованіемъ, религіей и милиціей. И всякій знающій Америку согласится, что въ этой независимости и въ порожденномъ ею духѣ лежитъ корень всего невѣроятно быстраго прогресса, совершившагося и совершающагося въ Соединенныхъ Штатахъ. Конечно, рядомъ съ этимъ, создавая Американское государство, буржуазія, болѣе дальновидная чѣмъ народъ, положила начало *своему* обогащенію, и уже тогда заложила основанія непомѣрнаго обогащенія отдѣльныхъ грабителей и невѣроятной силы капитала въ американской жизни. Но тоже самое произошло и во Франціи, и въ Англіи. Разница же была въ томъ, что американская революція распорядилась умнѣе французской и англійской. Народъ отвергъ централизацію: онъ сохранилъ вольную общину, сельскую и городскую и далъ ей развиваться на свободѣ.

---

*) Во время послѣдней угольной забастовки, „собраніе гражданъ“ было созвано въ Бостонѣ, и оно постановило требовать націонализаціи каменно-угольныхъ копей.

* *
*

Да простить намъ читатель это длинное отступленіе. Оно нужно было, потому что теперь будетъ понятно, что мы хотимъ сказать, когда говоримъ, что широко-распространенное крестьянское возстаніе необходимо не только для того, чтобы уничтожить всѣ пережитки крѣпостного ига, но и для того, чтобы народъ могъ проявить свою собственную силу въ устройствѣ своей внутренней организаціи.

Оно необходимо для того, чтобы дать мѣстнымъ силамъ проявить свою самодѣятельность и отстоять мѣстную общинную независимость, — мірскую жизнь села — и создать такую же мірскую жизнь въ городѣ. Потому что *только* развитіе такой жизни можетъ дать почву, необходимую для развитія политической свободы въ странѣ.

* *
*

Перейдемъ-же теперь къ Россіи.

Вслѣдствіе цѣлаго ряда историческихъ условій, Россія стоитъ теперь въ такомъ положеніи, что для нея нѣтъ другого выхода, какъ *народная революція*. Учредительное или Законодательное Собраніе представителей не можетъ представить *выхода* изъ теперешнихъ поистинѣ неразрѣшимыхъ затрудненій, создавшихся тѣмъ, что крѣпостные порядки продержались въ Россіи несравненно дольше, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ,—вслѣдствіе чего соціальный вопросъ успѣлъ вырости у насъ раньше, чѣмъ Россія скинула съ себя иго самодержавнаго государства. Всѣ вопросы, вслѣдствіе этого, пріобрѣтаютъ необычайную сложность. Нуженъ рядъ геройскихъ усилій— нужно народное возстаніе, чтобы русское крестьянское населеніе могло выйти изъ положенія, при которомъ оно неизбѣжно было бы обречено на вымираніе, и чтобы положить хотя бы только нѣкоторый предѣлъ буржуазной эксплуатаціи. Нужна цѣлая революція, чтобы хотя только ослабить невѣроятное могущество чиновничества и Государства, усиленныхъ всею современною государственной цивилизаціей. Только сила, только возставшій народъ можетъ порвать всю ту сѣть, которою оплели его за послѣднія двѣсти лѣтъ наши правящіе классы.

Но если народная революція дѣйствительно является истори-

ческою необходимостью даже для достиженія такихъ небольшихъ результатовъ, — а съ этимъ соглашаются теперь многіе изъ тѣхъ, которые раньше не могли подумать безъ ужаса о крестьянскомъ возстаніи, — если оно неизбѣжно, то нужно, чтобы оно достигло гораздо болѣе существенныхъ послѣдствій, чѣмъ простое *ограниченіе* помѣщичьей и фабричной эксплуатаціи и чиновничьяго произвола. А для этого нужно, прежде всего, чтобы сами революціонеры не боялись придать революціи характеръ соціальный — уравнительный.

Пора нашимъ революціонерамъ сдать въ архивъ всю эту метафизику насчетъ предѣловъ революціонному движенію, якобы предусмотрѣнныхъ учеными. Эта метафизика была выдумана въ Германіи, для оправданія бюргерскаго постепеновства, для борьбы противъ революціоннаго духа; и если наша молодежь пробавлялась этой метафизикой въ лихолѣтье восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, то давно пора забыть этотъ плодъ разочарованья въ самихъ себѣ и отчаянія.

Мы же не знаемъ ни одной революціи, которая погибла бы отъ того, что „зашла слишкомъ далеко"; но мы знаемъ наоборотъ, что всѣ онѣ гибли отъ недостатка смѣлости, отъ недостатка глубины въ совершаемомъ ими переворотѣ.

Если англійской революціи 1648-го года, французскимъ революціямъ 1793-го и 1848-го и парижской 1871-го года былъ положенъ конецъ раньше, чѣмъ онѣ приступили къ существеннымъ мѣрамъ соціальнаго характера, — которыхъ хотѣлъ народъ, — то произошло это не потому, чтобы переворотъ зашелъ „слишкомъ далеко", а потому, что сами революціонеры не имѣли смѣлости пойти достаточно далеко. Поднявши народъ во имя высшихъ идеаловъ, они остановились на полъ-дорогѣ и успокоились, получивъ для себя нѣкоторую свободу.

Когда французскій народъ, добившись наконецъ республики, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ родную мать, увидалъ однако въ 1794-мъ году, что, несмотря ни на республику, ни на массовыя казни дворянъ, простому народу опять-таки приходится голодать, тогда какъ „господа" бѣшено богатѣютъ на подрядахъ, на спекуляціяхъ, на государственныхъ займахъ; когда рабочіе въ Парижѣ поняли, что никакой нѣтъ надежды провести черезъ Законодательное Собраніе, даже въ республикѣ, уравнительные законы, которыхъ

требовалъ народъ (никому не владѣть больше, чѣмъ сотнею десятинъ земли, тяжелый налогъ на богатыхъ и ихъ наслѣдства, закупка городами хлѣба, соли и прочаго и продажа гражданамъ по дѣйствительной стоимости и т. д.); когда ясно стало, что республиканскимъ правительствомъ овладѣли буржуа и что противъ народа стоятъ всѣ, даже сами революціонные интеллигенты, нынѣ успокоившіеся и проповѣдующіе „порядокъ“,—тогда народъ, проклиная свое безсиліе, отвернулся отъ революціи. Онъ вернулся въ свои трущобы, и предоставилъ буржуа и дворянамъ грызться между собою. Годъ спустя, реакція была въ полной силѣ...

Тоже самое происходило и въ 1848 году, и даже въ 1871-мъ когда у вожаковъ Парижской коммуны не хватило смѣлости сразу же выступить съ коммунистическими мѣрами, сразу же подумать о томъ, чѣмъ народу кормиться, и тѣмъ сразу же обнаружить народный характеръ начавшагося движенія.

Вездѣ тотъ же недостатокъ смѣлости, та же трусость мысли— вѣрнѣе трусость недомыслія.

Въ этой трусости вожаковъ, а не въ излишней широтѣ ихъ взглядовъ, лежитъ причина того, что противники революціи такъ легко одерживаютъ верхъ надъ нею, именно тогда, когда она достигла, повидимому, своего торжества. Начальническія, централистскія наклонности якобинцевъ во время французской революціи, диктатура Конвента и диктатура Робеспьера подготовили торжество имперіи и создало Наполеона I (такъ же, какъ государственный соціализмъ Луи Блана помогъ создать Наполеона II). Самъ революціонный Конвентъ, своими мѣрами противъ мірского землевладѣнія и свирѣпыми законами противъ стачекъ, прямо создавалъ классъ пролетаріевъ, которыхъ и отдавалъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, на эксплуатацію буржуазіи. А громаднѣйшія спекуляціи землями, пущенными въ продажу, и вся машина тяжелыхъ государственныхъ налоговъ и государственныхъ займовъ прямо вела къ созданію богатой буржуазіи, передъ которой блѣднѣли прежнія состоянія дворянъ.

Сама революція, убоявшись, какъ бы не зайти слишкомъ далеко въ соціальномъ направленіи, создала такимъ образомъ условія для торжества контръ-революціи: богатую буржуазію, многочисленныхъ пролетаріевъ и диктатуру. Вотъ почему, пользуясь опытомъ прошлаго и всѣмъ тѣмъ, что дала намъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ

критика капитализма и государственности, мы должны выставить— не какъ отдаленное благожеланіе, а на сегодня-же, требованіе вольной народной общины и безгосударственнаго, анархическаго коммунизма. Мы знаемъ, что всего того, что выражають эти слова, не удастся осуществить въ одну революцію. Но мы знаемъ также, что, если эти основныя начала, *выросшія изъ народнаго пониманія справедливости*, будутъ положены въ основу дѣятельности революціонеровъ, многое изъ нихъ уже сможетъ осуществиться. Мы знаемъ также, что *все* то, что будетъ осуществлено, будетъ нести характеръ совершенно отличный отъ того, что дала бы намъ буржуазная государственность. Оно послужитъ залогомъ истиннаго прогрессивнаго развитія въ коммунистическомъ направленіи.

Организація или вольное соглашеніе.

Что бы мы ни взялись дѣлать сообща, — распространять ли литературу, подготовлять ли стачку, или готовить возстаніе, — передъ нами является вопросъ: въ какой формѣ сложится наше сообщество? Политическіе революціонеры начала девятнадцатаго вѣка, а вслѣдъ за ними и всѣ государственные соціалисты, складывались въ такомъ случаѣ въ централизованную «организацію». И только недавно анархисты стали проповѣдывать «вольное соглашеніе», которое и практикуютъ уже лѣтъ тридцать.—Разсмотримъ же то и другое.

Вотъ нѣсколько человѣкъ извѣстнаго образа мыслей рѣшили дѣйствовать сообща. Они составляютъ кружокъ и устанавливаютъ правила, кого и какъ принимать въ свой кружокъ. Раньше, чѣмъ принять новаго товарища, они изучаютъ его, стараются убѣдиться, что и по убѣжденіямъ и даже по личному характеру они сходятся и смогутъ работать сообща. Если они составили боевой кружокъ, имъ, понятно, нужны люди дѣйствія, притомъ осторожные, не болтливые, и не теоретики. Если они хотятъ положить зачатки новой партіи, имъ нужны люди, которые своимъ умственнымъ и нравственнымъ обликомъ помогутъ развиться партіи. Словомъ, у себя въ кружкѣ они—хозяева; хотя, конечно, есть одно общее правило: не въ формальностяхъ дѣла, а во внутренней, личной связи между членами кружка.

Покуда кружокъ остается небольшимъ,—затрудненій нѣтъ никакихъ. Если цѣли у насъ вполнѣ опредѣленныя, и мы не гнались за простымъ увеличеніемъ числа членовъ, то даже оставаясь малочисленнымъ кружкомъ, мы можемъ пріобрѣсти большое вліяніе, какъ на развитіе революціонной мысли, такъ и на ходъ событій. Мы можемъ послужить объединительною силою для многихъ кружковъ.

Но, мало по малу, у насъ является множество единомышленниковъ. Съ нами готовы работать сообща уже не отдѣльные люди, а тысячи. И вотъ является вопросъ,—какъ объединить эти тысячи? Какъ распредѣлить между собой работу? Какъ направлять всѣ наши усилія къ одной цѣли? И при этомъ, однако, не мѣшать каждому изъ насъ проявить всю свою силу, не подавлять ни личнаго, ни мѣстнаго почина.

Тогда передъ нами открывается два пути. Одинъ изъ нихъ есть путь *лѣстничной организаціи*, котораго держались всѣ тайныя общества, начиная съ каменнаго вѣка, и который *всегда*, сколько бы ни прикрывали этого словами, приводитъ къ тому, что существуетъ центральный комитетъ, явный или тайный, которому подчиняются, съ ихъ вѣдома или безъ ихъ вѣдома, всѣ члены организаціи. И есть путь *федеративный*, путь *вольнаго соглашенія*, временнаго или болѣе или менѣе продолжительнаго, въ которое вступаютъ между собой *равноправныя* группы; причемъ нѣтъ никакого ни гласнаго, ни тайнаго управляющаго комитета, а есть только люди и кружки, добровольно соглашающіеся дѣйствовать сообща, для извѣстной цѣли.

Конечно, и то и другое, въ сущности, есть родъ организаціи. Но словамъ всегда слѣдуетъ придавать именно то значеніе, которое они получили въ жизни, а для новаго понятія лучше употреблять новое слово. Со словомъ «организація», до сихъ поръ, всегда было связано понятіе о лѣстничномъ подчиненіи частей и о центральномъ управленіи. Такъ и слѣдуетъ понимать слово «организація». Если же мы вводимъ новую форму соглашенія, которая разнится отъ предыдущей отсутствіемъ того, что было сущностью всѣхъ прежнихъ организацій,—тогда обязательно ввести новое слово. Такое слово,—«вольное соглашеніе» (Libre entente) и принято нами.

Поразительный примѣръ такого соглашенія, свободно развившагося между кружками, распространенными по всей Россіи, пред-

ставляетъ собою движеніе русской молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Передъ нами лежитъ только что вышедшій томъ сборника «Государственныя преступленія въ Россіи», изданіе Базилевскаго, посвященный процессу 193-хъ, и въ обвинительномъ актѣ развертывается передъ читателемъ поразительная картина. Вся Россія покрыта кружками, которые ведутъ соціалистическую пропаганду среди рабочихъ, крестьянъ и учащейся молодежи. Дѣятельность кипитъ во всевозможныхъ формахъ. Одни обучаютъ рабочихъ, другіе сами работаютъ — кто въ кузницѣ, кто пильщикомъ, кто на фабрикѣ, кто волостнымъ писаремъ, кто въ другихъ положеніяхъ (жандармы *далеко* не раскрыли всей нашей работы) — и всѣ ведутъ дѣятельную соціалистическую, революціонную пропаганду.

Многіе изъ этихъ кружковъ находились въ сношеніяхъ съ нашимъ петербургскимъ кружкомъ, извѣстнымъ тогда какъ «Кружокъ Чайковскаго». Но были и другія соглашенія, совершенно особенныя, — кружокъ Долгушина, кружки Лермонтова, московскій кружокъ пятидесяти, «якобинцы» и много другихъ группировокъ — артельщики, американцы, а также просто одиночки. И всѣ они находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собою, всѣ работали въ одномъ направленіи. Гдѣ бы жандармы ни дѣлали обыскъ, вездѣ они встрѣчали ту же работу, и захватывали тѣ же книги и брошюры.

При этомъ — полнѣйшее отстутствіе централизаціи и верховодства. Ввозить *тогда* книги изъ за границы и распространять ихъ, было такъ же трудно, какъ теперь ввозить оружіе; а между тѣмъ, изданія разныхъ группъ ввозились и распредѣлялись по Россіи въ громадныхъ количествахъ. Играть роль Центральнаго Комитета никому и не приходило въ голову. Петербургскій кружокъ Чайковскаго дѣйствительно пользовался нѣкоторымъ умственнымъ вліяніемъ на связанные съ нимъ кружки того же соглашенія. Но каждый изъ союзныхъ кружковъ былъ совершенно независимъ и въ программѣ, и въ способахъ дѣйствія. Южные кружки, напримѣръ, всегда имѣли боевой характеръ и вскорѣ повернули движеніе въ свою сторону. Независимость была полная, а съ нею вмѣстѣ — *полное единство дѣйствія.*

Любопытно, что Исполнительный Комитетъ, родившійся впослѣдствіи изъ этого движенія, хотя и имѣлъ въ своей средѣ яркихъ

якобинцевъ, не претендовалъ—по крайней мѣрѣ въ первые блестящіе годы своей жизни—на верховодство соціалистическимъ движеніемъ въ Россіи.

* * *

Такъ было у насъ въ семидесятыхъ годахъ. Обыкновенно же, подъ вліяніемъ совершенно ошибочныхъ воззрѣній государственнаго якобинства, дѣло складывается иначе.

Когда движеніе начинаетъ принимать болѣе широкіе размѣры, то нѣсколько человѣкъ соглашаются между собою составить изъ себя центральный кружокъ, который стремится стать управителемъ всего движенія, и для этого принимаетъ названіе Центральнаго Комитета, или Главнаго Совѣта.

Этотъ Центральный Комитетъ, или Главный Совѣтъ, мало по малу принимаетъ на себя распоряженіе всею жизнью партіи: онъ направляетъ ея дѣятельность, онъ издаетъ свой центральный органъ, или назначаетъ его редакторовъ, онъ разрѣшаетъ или запрещаетъ партійныя газеты, онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ распоряженіе деньгами, распредѣляетъ обязанности и т. д. *).

Что касается до рядовыхъ, то ихъ организація можетъ принять различныя формы. Во всѣхъ тайныхъ обществахъ, родившихся изъ Карбонаровъ (такъ назывались итальянскія тайныя общества начала 19-го вѣка), преобладали «десятки», то есть группы состояли каждая изъ десяти человѣкъ, подъ руководствомъ десятника. Десять десятниковъ составляли свою тайную группу подъ начальствомъ сотника и т. д., восходя вплоть до центральнаго комитета,—причемъ каждый членъ сообщества зналъ только своихъ восемь товарищей и своего десятника. Въ другихъ тайныхъ обществахъ группы состояли изъ трехъ человѣкъ. А не то рядомъ съ явною организаціею, состоявшею изъ комитетовъ мѣстныхъ, областныхъ

---

*) При этомъ всегда ссылаются на Клубъ Якобинцевъ во время французской революціи,—причемъ такая ссылка оказывается пустѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ современные историки прекрасно доказали, что парижскій клубъ якобинцевъ *никакой такой роли не игралъ*. Онъ задавалъ только *тонъ* буржуазнаго умственнаго пониманія революціи — и то только одно время, какъ разъ передъ самымъ началомъ реакціи 1793-го года. Рядомъ съ Якобинцами было множество другихъ болѣе революціонныхъ группировокъ.

и центральныхъ, существовала тайная организація, исходившая сверху внизъ отъ центральнаго ядра, и она руководила, въ дѣйствительности, жизнью партіи. Вообще, формы организаціи измѣнялись; но всѣ они сохраняли ту же основную мысль—свести все къ центральному комитету, который невидимою рукою управлялъ бы сообществомъ.

* * *

Казалось бы, чего лучше?... Такъ по крайней мѣрѣ думали мы въ своей молодости... Въ центрѣ стоятъ люди, глубоко преданные дѣлу, опытные, одаренные практическимъ смысломъ, способные узнавать людей. Отчего же имъ не подчиняться?... Затѣмъ, благодаря лѣстничной организаціи, думали мы, въ партіи достигается *единство дѣйствія распредѣленія труда.* Въ извѣстную минуту, когда опытные люди центральнаго комитета рѣшатъ, что пора дѣйствовать, они двинутъ, куда нужно, всю организацію. Обезпечивается также *тайна дѣйствій* и наконецъ организація дастъ возможность помѣшать тому, чтобы членами партіи совершались *преждевременныя вспышки*, или вообще *нежелательные поступки*, бросающіе тѣнь на партію.

Такъ разсуждали всѣ мы, и только тогда, когда въ Международномъ Союзѣ Рабочихъ обнаружились на опытѣ всѣ невыгоды центральной организаціи, хотя и выборной, мы попытались обходиться безъ нея. Отсюда и началось анархическое движеніе. Мало по малу оно разрослось въ многочисленную партію, которая отбросила всѣ эти лѣстничныя и централизованныя организаціи, и вотъ уже тридцать лѣтъ она практикуетъ вольное соглашеніе между равноправными людьми и группами.

Теперь мы знаемъ, что выгоды лѣстничныхъ организацій — только кажущіяся, а невыгоды ихъ — громадны. Всѣ онѣ, послѣ кратковременнаго успѣха, очень скоро становятся прямою помѣхою развитію революціоннаго дѣла. Онѣ мертвятъ его. Онѣ мѣшаютъ развитію личнаго и мѣстнаго почина, онѣ неизбѣжно убиваютъ бунтовскій духъ. Зная, какая громадная отвѣтственность падаетъ на центральный комитетъ за всякій актъ насилія, совершенный каждымъ изъ членовъ партіи, этотъ комитетъ неизбѣжно затягиваетъ возжи. Чтобы избѣгнуть жестокихъ преслѣдованій, жертвою которыхъ неизбѣжно падутъ вожаки, а за ними и вся партія, они

роковымъ образомъ начинаютъ лить холодную воду на мѣстныя стачки и мелкія бунты, а тѣмъ болѣе на личныя проявленія бунтовскаго духа.—«Мы готовимъ нѣчто крупное въ столицѣ. Смотрите, не повредите намъ вашимъ какимъ нибудь мелкимъ дѣломъ!»—«Мы готовимъ революцію. Когда настанетъ время, мы назначимъ день возстанія. А покуда, смотрите не тратьте силъ! Не сдѣлайте какого нибудь неосторожнаго покушенія, которое поведетъ ко всеобщимъ арестамъ и къ открытію нашихъ складовъ оружія!» И т. д.

Вся исторія Франціи, Италіи и Испаніи въ теченіе большей половины девятнадцатаго вѣка была ничто иное, какъ подобное «подготовленіе» революцій, во время котораго убивали всякій мѣстный и личный починъ, подавляли всякіе мѣстные бунты, а революція происходила именно *тогда, когда центральные комитеты менѣе всего ея ожидали.* Нѣтъ только у насъ охоты разбирать жестокія ошибки всѣхъ этихъ организацій и конспираторовъ, потому что каждая такая ошибка была оплачена кровью мучениковъ, героевъ. Дѣйствительно, рука не поднимается разбирать критически дѣйствія людей, геройски погибшихъ въ рудникахъ и на лобномъ мѣстѣ изъ за любви къ свободѣ. Но пусть всякій передумаетъ, хотя бы то, что ему самому извѣстно изъ исторіи Бланкистовъ, вплоть до Парижской коммуны, и изъ русскихъ движеній за послѣдніе сорокъ лѣтъ,—и онъ самъ пойметъ, какъ тормозили, какъ мѣшали эти организаціи тому самому, что должно было бы служить главнымъ залогомъ ихъ успѣха.

Тайныя лѣстничныя организаціи существовали между людьми съ самыхъ низшихъ ступеней ихъ развитія. Онѣ существуютъ и теперь у дикарей; онѣ составляли силу жрецовъ во всѣ вѣка. И вотъ ими стали пользоваться для *государственныхъ переворотовъ.* Позднѣе, ими захотѣли воспользоваться революціонеры для революціи демократической и соціальной. И въ этомъ была громадная ошибка. Успѣхъ всякой народной революціи зависитъ, прежде всего, отъ *подготовленія ея безчисленнымъ множествомъ мелкихъ повсемѣстныхъ проявленій, какъ личнаго, такъ и массового бунтовскаго духа.* Чтобы подготовить революцію, нужны *тысячи* личныхъ покушеній—личныхъ актовъ возмущенія противъ всякаго начальства, фабричнаго, сельскаго, городского; нужны тысячи стачекъ, тысячи мелкихъ актовъ неповиновенія и мѣстныхъ бунтовъ.

И вотъ именно этому-то и мѣшаетъ всякая централизованная организація. Разъ она готовитъ государственный переворотъ въ центрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ руководить мѣстными кружками, *она неизбѣжно* задерживаетъ мѣстные бунты—и этимъ самымъ дѣлаетъ безплоднымъ самый переворотъ, даже если удастся организаціи сдѣлать первый шагъ. Какъ различенъ былъ бы ходъ русской исторіи, если бы рядомъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, который взялъ на себя личную борьбу съ Александромъ II, существовали бы тысячи мелкихъ, независимыхъ отъ него, *активныхъ* группъ, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вели бы боевую борьбу въ деревняхъ и мелкихъ городахъ! И что всего хуже, это *то*, что не Исполнительный Комитетъ убилъ мѣстную жизнь. Нѣтъ она сама себя убила, положившись во всемъ на предусмотрительность Центра.

Насъ спросятъ, однако: — «При всѣхъ своихъ недостаткахъ, не представляетъ ли лѣстничная организація такихъ преимуществъ— особенно теперь, для Россіи, — что надо воспользоваться ими, а недостатки надо стараться, по возможности, ослабить? Не даетъ ли она возможности, при теперешнемъ разбродѣ мнѣній, удержать извѣстное единство дѣйствія? А главное—не даетъ ли она возможности отдѣлить свою партію отъ всякихъ неблаговидныхъ поступковъ неблагонамѣренныхъ людей, желающихъ подорвать довѣріе къ революціонерамъ, или даже отъ необдуманныхъ поступковъ всякихъ фанатиковъ, которые могутъ бросить худой свѣтъ на партію или помѣшать ей въ болѣе крупныхъ дѣлахъ!»

На это мы прямо отвѣтимъ:—Нѣтъ, не можетъ.—Есть дробленія въ партіяхъ, но совершенно неизбѣжныя и имъ не могутъ помѣшать никакіе центральные комитеты и центральные органы. Напротивъ того, въ централизованныхъ партіяхъ, когда наступаетъ время необходимаго дробленія,—вмѣсто того, чтобы люди разбились на двѣ фракціи по своимъ воззрѣніямъ и темпераментамъ, а затѣмъ, несмотря на это, работали сообща для общаго дѣла, поскольку ихъ работа общая, — они начинаютъ воевать изъ за преобладанія въ партіи и становятся врагами, вмѣсто того, чтобы быть союзниками.

Даже такая строго-вымуштрованная партія, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія, разбилась, какъ извѣстно, на двѣ партіи, кото-

рыя могутъ, конечно, называться однимъ именемъ, покуда кромѣ выборовъ онѣ обѣ ничего не дѣлаютъ, но въ дѣйствительности во всемъ мѣшаютъ другъ другу и тратятъ половину своей дѣятельности на вздорные споры. Точно также и въ Россіи, никакія отлученія отъ православной церкви марксизма, никакіе «Центральные Комитеты» и «Центральныя Общества» не помѣшали расколу и тому, что на грызню изъ-за верховодства уходитъ добрая половина наличныхъ силъ.

Когда есть причина на то, чтобы партія разбилась на правое и на лѣвое, болѣе крайнее крыло, то дробленіе неизбѣжно происходитъ; причемъ именно то, что имѣется центральная власть, и ведетъ къ самой отчаянной борьбѣ, такъ какъ къ програмному несогласію прибавляется личный вопросъ, личная *борьба изъ за власти*.

Съ другой стороны, мы видимъ, что нѣсколько теченій совершенно мирно уживаются среди анархистовъ и каждое работаетъ по своему, постоянно сливаясь однако въ общее русло. Когда преслѣдованія французскаго правительства въ девяностыхъ годахъ и такія же преслѣдованія въ Испаніи, вынудили анархистовъ выступить съ терроромъ противъ правительства и буржуазіи вообще — среди анархистовъ существовали разныя теченія, болѣе или менѣе мирныя и болѣе или менѣе террористическія, причемъ одни террористы признавали только терроръ по отношенію къ правительству, другіе же распространяли его на всю буржуазію. Конечно, ни одинъ террористическій актъ не былъ дѣломъ вполнѣ одинокой личности; Анжіолилло, Вальянъ, Бреши и другіе, конечно, имѣли друзей и находили поддержку въ анархическихъ газетахъ. Но такъ какъ никакому кружку ни газетѣ не приходило въ голову объявить себя изъ за этого центральнымъ комитетомъ анархизма, а каждый поддерживалъ террористовъ такъ, какъ ему подсказывала совѣсть, то партія дѣйствовала, несла преслѣдованія и отражала ихъ съ поразительнымъ единодушіемъ.

Мало того, когда являлась надобность выступить сообща на улицу, напр., противъ буланжизма, или въ дѣлѣ Дрейфуса, то опять таки при всемъ разнообразіи воззрѣній, у насъ устанавливалось поразительно быстро *единство дѣйствій*; но зато единство *сознательное*, а не изъ подъ палки, не ради „дисциплины".

Такое же единство дѣйствій мы видимъ среди анархистовъ по отношенію къ рабочимъ союзамъ и ихъ агитаціи въ пользу все-

общей стачки. Очень существенныя различія взглядовъ существовали между анархистами по этому вопросу, когда нѣкоторые товарищи впервые заговорили о работѣ среди рабочихъ союзовъ. Но— любопытно — та же мысль проявилась одновременно въ Европѣ и въ Америкѣ, и, мало по малу, въ нѣсколько лѣтъ, установилось полное согласіе среди анархистовъ по этому вопросу. Нѣсколько человѣкъ вступили въ рабочіе союзы, начали тамъ серьезную работу, пріобрѣли всеобщее довѣріе и повели быстро разростающуюся нынѣ и уже принесшую плоды агитацію ради всеобщей стачки. Полезность своей работы они доказали на дѣлѣ, личнымъ примѣромъ.

Точно также поступаютъ анархисты со своими газетами и вообще всякій разъ, когда проявляется среди нихъ новое теченіе мысли. И, нисколько не преувеличивая, а тщательно взвѣшивая наши слова, мы можемъ сказать, что какъ въ явной такъ и въ не явной работѣ, въ пропагандѣ, какъ и въ защитѣ и нападеніи, — во всѣхъ *дѣйствіяхъ* анархической партіи видно было ничуть не меньше, а можетъ быть даже и больше единства, чѣмъ въ сосѣднихъ партіяхъ. И это—при *полнѣйшемъ просторѣ для личнаго и мѣстнаго почина*.

* * *

Точно также несостоятельны соображенія насчетъ того, что только строго объединенная организація можетъ предохранить партію отъ такъ-называемыхъ «преждевременныхъ» покушеній и бунтовъ.

Начать съ того,—что если только началось въ обществѣ глубокое умственное движеніе революціоннаго характера, то *непремѣнно* произойдутъ покушенія, бунты и всякіе акты насилія, которые господа, желающіе верховодить, могутъ называть преждевременными и нежелательными, но безъ которыхъ никогда не бываетъ революціи.

Какъ ни строга была дисциплина въ соціаль-демократической партіи, какъ ни увлекалась тогда Германія «дисциплиной», которой приписывала свои побѣды надъ Франціей; какую строгую цензуру ни накладывали нѣмецкіе соціаль-демократы на революціонныя мысли, — все это не помѣшало рабочему Геделю, бывшему соціаль-демократу, а двѣ недѣли спустя, доктору Нобилингу стрѣлять по нѣмецкому императору. Вслѣдствіе чего нѣмецкій парламентъ, рабо-

лѣпный передъ Бисмаркомъ, сейчасъ же провелъ свой свирѣпый, чисто царскій законъ противъ соціалистовъ.

Что этотъ законъ былъ сигналомъ поворота вспять для нѣмецкой соціаль-демократіи,—это вѣрно. Покушеніе Геделя и вызванный имъ противу-соціалистическій законъ дѣйствительно ускорили реакцію въ этой партіи. Но мы утверждаемъ также, что никакая дисциплина партіи не могла помѣшать такому искреннему рабочему, какъ Геделю, отнестись съ полнымъ презрѣніемъ къ партійной организаціи постепеновщины, какую представляла соціаль-демократія, и выступить, безъ спроса и даже противъ воли соціаль-демократическаго начальства, мстителемъ противъ одного изъ враговъ народа. Нельзя будить въ массахъ чувство возмущенія противъ вѣкового гнета безъ того, чтобы въ нихъ не нашлось человѣка, готоваго жизнь свою отдать, чтобы провести въ *дѣло* горячія революціонныя воззванія вожаковъ. Для тѣхъ, кто страдаетъ отъ гнета, революціонный призывъ — не просто красивая фраза, вызывающая только хлопанье въ ладоши.

Впрочемъ, сваливать на Геделя преслѣдованія Бисмарка и его противу-соціалистическій законъ, — по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Не Гедель, такъ любая серьезная стачка, въ которой нѣмецкіе соціалисты заняли бы мѣсто, къ которому ихъ обязывала ихъ программа,—привела бы къ такимъ же ограничительнымъ законамъ. Разъ правительство знаетъ, что партія слаба и не въ силахъ будетъ отвѣтить на преслѣдованія сильнымъ отпоромъ, конечно, она всегда приметъ мѣры, чтобы раздавитъ эту партію. А предлогъ всегда найдется.

Точно также, не Чолгошъ, такъ любая стачка-бунтъ, въ которой американскіе анархисты приняли бы участіе, согласное съ ихъ убѣжденіями (какъ они и сдѣлали въ 1886-мъ году), вызвала бы такія же преслѣдованія — вѣроятно даже худшія, — чѣмъ тѣ, которыя были начаты послѣ того, какъ Чолгошъ убилъ «царя трестовъ», президента Макъ-Кинлея *).

*) Трестъ—это соглашеніе между нѣсколькими крупными капиталистами, чтобы установить свои исключительныя права на цѣну хлѣба, желѣза, керосина, желѣзно-дорожнаго тарифа и т. д. Макъ-Кинлей, всей своею властью, пособничалъ такимъ соглашеніямъ капиталистовъ, почему демократическія и соціаль-демократическія газеты постоянно изображали его въ карикатурахъ, какъ „царя трестовъ". Кромѣ того, онъ насаждалъ въ Америкѣ военщину и имперіализмъ.

Вообще, если буржуазія и ея правительство видятъ что партія враждебная имъ начинаетъ становиться опасною, а между тѣмъ еще настолько слаба, что есть возможность раздавить ее, или по крайней мѣрѣ задержать ея развитіе на нѣсколько лѣтъ, то смѣшно думать, чтобы они не нашли тысячи предлоговъ, чтобы начать преслѣдованія. Избѣжать преслѣдованій партія можетъ *только* въ томъ случаѣ, если она, какъ партія, не только сама ничего не будетъ дѣлать революціоннаго, но еще станетъ жандармомъ противъ всякаго революціоннаго поползновенія въ странѣ, какъ въ теоріи (создавая ложную якобы науку), такъ и на практикѣ. Такъ дѣйствовала, между прочимъ, нѣмецкая соціаль-демократія. И въ результатѣ дѣйствительно получалось уничтоженіе революціоннаго духа, искорененіе соціализма и полное подчиненіе буржуазной имперіи...

Но, вѣдь, не этого нужно русскимъ революціонерамъ!

И, наконецъ, что такое «преждевременныя» покушенія и попытки? Если называть преждевременнымъ то, что не увѣнчалось успѣхомъ, тогда всякая активная дѣятельность, всякое покушеніе, всякій бунтъ преждевременны, кромѣ тѣхъ, которые ниспровергаютъ правительства. Такъ и говорятъ постепеновскіе теоретики. Но это— чистѣйшій вздоръ или непониманіе исторіи. Съ такой точки зрѣнія, все — преждевременно: и движеніе декабристовъ, и движеніе пятидесятыхъ годовъ, и движеніе въ народъ, и Исполнительный Комитетъ—все, все, что сдѣлало исторію и подготовило теперешнее движеніе!..

* * *

За покушеніемъ Геделя быстро послѣдовали покушенія бочара Монкаси въ Испаніи и повара Поссананте въ Италіи. Всѣ трое были рабочіе — очень бѣдные рабочіе... и мы поняли сразу, что наступила *новая пора*: что *рабочій*, самый простой, выступилъ теперь съ заявленіемъ своей воли, своего недовольства современнымъ гнетомъ и мразью. И что бы ни говорили вожаки изъ буржуазіи, отнынѣ —сказали мы себѣ—*онъ* будетъ выступать теперь, и самъ, безъ спроса, начнетъ ворочать историческими событіями.

Нѣкоторые революціонеры изъ буржуазіи ужаснулись этого новаго явленія—и ушли къ постепеновцамъ,—и стали, въ концѣ концовъ, «бывшими людьми». Другіе же сказали себѣ, что именно этого и слѣдовало желать: именно этого самосознанія, этого выступленія рабочаго,

сознавшаго свои силы. Мы привѣтствовали въ этомъ фактѣ новую, могучую силу, вступившую въ революцію. Темные, невѣдомые Монкаси, Гедель, Пассананте были, для насъ, предтечами новой, желанной эпохи.

Конечно, эти покушенія навлекли на анархистовъ жестокія преслѣдованія. А такъ какъ анархисты не «склонили выю», а дерзко приняли вызовъ и на преслѣдованія отвѣтили должнымъ отпоромъ, то борьба дѣйствительно завязалась жестокая. Во Франціи, анархистовъ поставили внѣ законовъ. Въ Испаніи, въ крѣпости Монжюихъ, ихъ стали пытать. Въ Англіи, ихъ приговаривали звѣрски, къ десяти годамъ ужасной каторги, *за одно намѣреніе сдѣлать бомбу* (Чарльзъ и его товарищи)... Тогда, въ латинскихъ странахъ, анархисты отвѣтили по своему. Жертвъ было много. Казни, по оговорамъ пытанныхъ, въ Испаніи, и истребленіе анархистовъ во Франціи, особенно на каторгѣ въ Новой Гвинеѣ, доходило до чего-то средне-вѣкового...

Но зато, подобно террористамъ въ Россіи, анархисты Франціи, Испаніи и Италіи не дали загнать все рабочее движеніе, поднятое Интернаціоналомъ, на цѣлую четверть вѣка, въ соціалистическую по имени, но въ сущности полу-буржуазную постепеновщину, какъ случилось въ Германіи. Они не дали убить революціонный духъ въ рабочемъ движеніи. Они дали созрѣть идеѣ всеобщей стачки, какъ начала революціи, проникнувшей и въ Россію. И теперь, анархическій лозунгъ, «action directe», т. е. *прямой отпоръ капитализму*, охватилъ рабочихъ западной Европы и скоро охватитъ рабочую среду даже послушной Германіи.

* * *

Говорить ли, послѣ этого, о «неблаговидныхъ поступкахъ», о «звѣрствахъ» и всякихъ такихъ ужасахъ, которыми часто оправдываютъ необходимость строгихъ организацій.

Опять приходится сказать то же. *Опытъ доказалъ*, что никакая дисциплина, никакая организація не могутъ помѣшать тому, чтобы тогда, когда идетъ ломка всѣхъ ходячихъ нравственныхъ воззрѣній, не было отдѣльныхъ поступковъ, хватающихъ черезъ край въ отрицаніи нравственныхъ правилъ, изложенныхъ въ церковныхъ и буржуазныхъ прописяхъ. *Это—неизбѣжно, и такъ оно и было, несмотря ни на какія строгости тайныхъ организацій.*

Ницше въ нашемъ вѣкѣ. Мандевиль въ восемнадцатомъ — не случайные философы. Раскольниковъ и ницшеанство — не случайныя явленія, а органическій плодъ теперешней ломки. И противъ такихъ явленій нѣтъ *ничего* кромѣ силы *общественнаго мнѣнія революціонной партіи.*

Что же касается до «звѣрствъ», которыми враги народной революціи запугиваютъ молодыхъ революціонеровъ, то нужно имѣть смѣлость смотрѣть дѣйствительности въ глаза. Странно было бы, если въ народѣ, котораго вчера еще запарывали плетьми и розгами, усылали въ Сибирскія дебри, раззоряли, били, оскверняли всячески, ни разу не шевельнулось чувство мести. Выдѣлять себя и говорить, что «мы» тутъ ни причемъ,—мы не имѣемъ права, такъ какъ мы несемъ на себѣ, наравнѣ съ остальными, отвѣтственность за всѣвозможныя звѣрства.

Будемъ помнить, что не отсутствіе организацій вызвало во Франціи, въ 1793-мъ году, сентябрьскія убійства. *Вызвало ихъ то, что народъ понялъ безсиліе революціонныхъ организацій, увидалъ какъ именно онѣ, а въ особенности якобинцы, мѣшали революціи, и тогда, не видя другого исхода, взялъ на себя поголовное истребленіе всѣхъ враговъ.* Звѣрства народа были вызваны безрезультатностью организованной политической революціи. Ею же былъ вызванъ и весь терроръ 1793-го года.

* * *

Наконецъ, намъ говорятъ еще, что организація нужна, чтобы подготовить «кадры будущаго правительства». Да, мы знаемъ, что всѣ лѣстничныя организаціи всегда именно это имѣли въ виду. Мы знаемъ, что французскіе бланкисты всегда заранѣе распредѣляли между собою министерства и всякія другія должности. Но мы знаемъ также, что эта игра «въ начальство» и была самою пагубною чертою для *революціоннаго* дѣла. Мы знаемъ, какъ всякое подготовленіе движенія бывало парализовано именно спорами изъ-за того, какой партіи, сколько мѣстъ достанется въ будущемъ начальствѣ? Мы знаемъ, что еще во время французской революціи жаловались на это; буржуазія, дѣйствительно, не хотѣла, нѣсколько лѣтъ, низвергать короля только потому, что различныя партіи, вплоть до 10 августа 1792 года, не могли согласиться между собою, кто будетъ правительствомъ.

То же самое зло существуетъ и теперь. И теперь, постоянно, та или другая политическая партія отказывается отъ участія въ движеніи только потому, что чувствуетъ, что другая партія восторжествуетъ и попадетъ въ правительство.

Именно въ этомъ,—въ томъ, что каждая партія, гораздо раньше чѣмъ народъ подошелъ къ революціи, уже усчитываетъ, какую долю она получитъ въ управленіи, — именно въ этой боязни, что другая партія, болѣе крайняя одержитъ верхъ,—мы и видимъ главное зло всѣхъ подобныхъ организацій. Начавши съ хорошимъ намѣреніемъ — не дать всякимъ прохвостамъ воспользоваться движеніемъ, которое они, можетъ быть, завтра же продадутъ, — партія, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, увлекается предвкушеніемъ власти. Народная революція отходитъ все дальше и дальше изъ виду. — «Только бы намъ попасть въ правительство: мы уже все дадимъ народу», утѣшаютъ себя наиболѣе искренніе изъ нихъ... «А тѣмъ временемъ не надо давать народу бунтоваться», говорятъ они. «Мы еще не готовы; какъ бы такая-то партія не воспользовалась возстаніемъ?..» И дѣло народнаго возстанія тормозятъ изъ-за своихъ властныхъ цѣлей. А реакція, всегда освѣдомленная обо всемъ этомъ, пользуется этимъ взаимнымъ недовѣріемъ партій, стремящихся стать на мѣсто прежняго правительства; она раздуваетъ недовѣріе — и стягиваетъ свои войска.

Въ этомъ, думаемъ мы, лежитъ одно изъ главныхъ золъ всѣхъ подобныхъ организацій. Миражъ власти — одно изъ главныхъ золъ въ революціи.

Для насъ, анархистовъ, такой миражъ власти не существуетъ. Наша цѣль—не «захватъ власти». Мы не стремимся занять должности, нынѣ занимаемыя царскими чиновниками. Наоборотъ, мы надѣемся, *чрезъ упраздненіе эксплуатаціи, упразднить и чиновныя должности, существующія для охраны эксплуатаціи*. Поэтому, намъ нѣтъ нужды составлять «кадры будущаго правительства» и расписывать между собою министерства и всякія должности, вплоть до бутыря при парламентѣ.

Но мы приглашаемъ также всѣхъ, кому дорого дѣло народной революціи, серьезно вдуматься въ вопросъ, поставленный въ заголовкѣ этой статьи, и хорошенько разобрать, что даютъ намъ организаціи, и насколько мѣшаютъ онѣ развитію революціоннаго дѣла. И мы думаемъ, что всѣ тѣ, кто серьезно обсудитъ этотъ вопросъ,

увидятъ, что для тѣхъ, кому дорога народная революція и для кого приманка власти не существуетъ, есть только одинъ путь объединенія: вольное соглашеніе между совершенно независимыми людьми и группами, хотя бы даже они принадлежали къ разнымъ оттѣнкамъ соціалистической мысли, и полнѣйшее отрицаніе всякихъ центральныхъ, руководящихъ комитетовъ.

Необходимыя условія работы анархистовъ въ Россіи.

1) Пропаганда различныхъ фракцій государственнаго соціализма въ тѣхъ кругахъ пролетаріата, куда она проникала до сихъ поръ, создала почти непоколебимую вѣру въ цѣлебныя свойства парламента. Въ своей работѣ на каждомъ шагу вы наталкиваетесь на лозунгъ: «черезъ политику къ соціализму». Соціаль-демократы и соціалисты-революціонеры наперерывъ издаютъ брошюры, расхваливающія прелести представительнаго режима, изъ которыхъ обманутые рабочіе усваиваютъ себѣ, что событія въ Шалонѣ, Фурми, Кримитчау, Лиможѣ, Бильбао и т. д. являются только отдѣльными несчастными случайностями, а не систематическими проявленіями политическаго господства капиталистовъ, что парламентская борьба приближаетъ, а не отдаляетъ соціальную революцію. Устной пропагандой трудно становится противодѣйствовать этому заблужденію, особенно въ наше время, когда въ Россіи все перепуталось, когда соціалисты-государственники на всѣхъ площадяхъ и собраніяхъ открыто проповѣдуютъ «временный» союзъ съ буржуазіей, когда Саввы Морозовы вотируютъ за свободу стачекъ и предводители дворянства трогательно объединяются съ мужиками. Необходимо соединить наши усилія, необходимо создать и распространить въ возможно большемъ количествѣ агитаціонную литературу, раскрывающую истинную подкладку парламентаризма; проповѣди борьбы за конституцію противопоставить призывъ къ борьбѣ за насильственную экспропріацію и осуществленіе коммунизма и анархіи.

2) Нужно разъяснить различіе во взглядахъ анархистовъ и соціалистовъ-государственниковъ на всеобщую стачку, различіе между всеобщей стачкой, какъ подчиненнымъ средствомъ политиче-

ской борьбы и всеобщей стачкой, какъ проявленіемъ *революціонно-экономической* борьбы.

3) Необходимо освѣтить (если возможно, цыфровыми данными) анархическое движеніе на Западѣ.

4) Часто намъ приходится слышать, что тѣ или иные товарищи, смущенные незначительностью нашихъ организацій, уходятъ въ ряды соціалистовъ-революціонеровъ, прибавляя при этомъ, что «у соціаль-демократовъ уже слишкомъ душно». Надо разъяснить такимъ товарищамъ, что наши силы еще долго будутъ незначительны, если мы, противъ нашихъ убѣжденій, будемъ уходить въ чужой лагерь, что партія соціалистовъ-революціонеровъ есть только фракція международнаго государственнаго соціализма, враждебнаго нашему движенію, подобно соціаль-демократической, подмѣнивающей борьбу за соціализмъ борьбой за парламентъ.

5) Необходимо подчеркнуть различія между взглядами анархистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ на терроръ. Доказать, что необходимость террора не можетъ и не должна кончиться съ пріобрѣтеніемъ конституціи.

6) Нашимъ разрозненнымъ организаціямъ слѣдуетъ соединиться на федеративныхъ началахъ, слѣдуетъ помогать другъ другу литературой, деньгами, агитаторами. Пока мы еще слишкомъ слабы, чтобы выступать въ разныхъ городахъ, какъ отдѣльныя организаціи; путемъ федераціи нашихъ силъ мы успѣшнѣе пойдемъ къ цѣли.

Правда о юристахъ.

Уже многіе въ наше время додумались до того, что современный соціальный строй находится подъ давленіемъ не одной лишь фатальной силы, но и насилія небольшой кучки людей, овладѣвшей капиталомъ и властью и черезъ посредство военщины, держащей въ подчиненіи огромное большинство эксплуатируемаго народа и доведеннаго до рабскаго состоянія человѣчества. Но рѣдко кому приходится думать о той крупной роли, которую играютъ въ этой эксплуатаціи большинства человѣчества меньшинствомъ—юристы.

Обыкновенно полагаютъ, что юристы не только не вредны, но даже весьма полезны. Ихъ считаютъ представителями права и ни-

кому иному какъ имъ вмѣняютъ въ заслугу постепенное развитіе и гуманизацію законовъ. Особеннымъ вѣсомъ пользуются во мнѣніи многихъ людей адвокаты, защищающіе всякаго рода преступниковъ и тѣмъ способствующіе, если не полному избавленію ихъ отъ мученій, то по крайней мѣрѣ значительному ихъ облегченію.

Но стоитъ поглубже вдуматься во все то дѣло, которое производится современными юристами, чтобы понять, что съ какой стороны ни посмотришь, въ немъ нѣтъ ни одной свѣтлой стороны и вредъ, отъ него происходящій, по истинѣ ужасенъ.

Прежде всего, основной грѣхъ современныхъ юристовъ заключается въ томъ, что они нисколько не являются представителями права, а въ лучшемъ случаѣ могутъ быть названы лишь представителями господствующаго въ данномъ государствѣ законодательства. Законодательство же любого изъ современныхъ государствъ и право—двѣ вещи не только разныя, но и противоположныя.

Право имѣетъ цѣлью установить свободу равную для всѣхъ членовъ общества. Оно смотритъ на всѣхъ людей, независимо отъ различія ихъ природныхъ качествъ и дарованій, какъ на равноцѣнныя существа, и считаетъ, что возможность примѣненія своихъ силъ къ какому либо труду и удовлетвореніе всѣхъ потребностей тѣла и души должны быть удѣломъ всѣхъ. Для права не существуетъ никакихъ компромиссовъ и половинчатыхъ рѣшеній. Fiat justitia, pereat mundus!

Совсѣмъ не тѣ цѣли преслѣдуетъ законодательство любого изъ современныхъ государствъ. Правда и оно часто оперируетъ словами: «свобода» и «равенство», но по существу оно имѣетъ главною цѣлью, во первыхъ, сохраненіе власти тѣми, кто ее въ данный моментъ захватилъ, во вторыхъ, сохраненіе имущества тѣми, кто имъ въ данное время владѣетъ, и, въ третьихъ, борьбу со всѣми тѣми членами общества, которые вздумаютъ посягнуть на власть и собственность. Такимъ образомъ, даже самое передовое изъ современныхъ законодательствъ имѣетъ цѣлью не свободу, равно для всѣхъ обезпечивающую трудъ и пользованіе благами жизни, а единственно лишь охрану власти и капитала немногихъ людей въ ущербъ большинству человѣчества.

Нетрудно, далѣе, убѣдиться въ томъ, что юристы нашего времени весьма далеки отъ того, чтобы способствовать хотя бы по-

степенному улучшенію господствующихъ у насъ законовъ. Не говоря уже о чиновникахъ, судьяхъ и прокурорахъ, которые на то и назначены, чтобы исполнять законъ по буквѣ его и быть консерваторами par exellence, но даже тѣ, кто поднимаетъ вопросъ о недостаткахъ существующихъ законовъ и о необходимости реформъ, ведутъ насъ не впередъ, а назадъ и, въ лучшемъ случаѣ, топчутся на одномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ характеръ всѣхъ голосовъ о реформѣ? Одинъ предлагаетъ уничтожить смертную казнь и замѣнить ее каторжными работами на всю жизнь или на извѣстное число лѣтъ; другой предлагаетъ установить прогрессивный налогъ съ доходовъ и тѣмъ облегчить положеніе бѣдняковъ; третій вносить проектъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ и т. д., и т. д. Всѣ эти законы разсчитаны на то, что бы облегчить тяжесть, которая давитъ на большинство человѣчества, но на самомъ дѣлѣ они не помогаютъ совершенно никому, а производятъ только обманъ, будто помогаютъ кому то. Каторжныя работы для большинства хуже смерти; при прогрессивномъ подоходномъ налогѣ капиталисты умудряются переложить его на бѣдняковъ, зачисляя его въ сумму издержекъ своего производства и прогрессивно же увеличивая цѣны продаваемыхъ ими товаровъ; восьми-часовой рабочій день приводитъ къ интенсификаціи техники производства, превращаетъ рабочаго въ безсмысленный придатокъ одной или нѣсколькихъ машинъ, влечетъ за собой кризисы и все возрастающее число безработныхъ и т. д., и т. д. Но между тѣмъ какъ при отсутствіи приведенныхъ, яко-бы гуманныхъ законовъ, зло современнаго законодательства явно бросалось бы въ глаза и скорѣе привело бы къ замѣнѣ его истиннымъ правомъ,—теперь, когда господствуетъ законодательный прогрессъ, происходитъ совершенно обратное явленіе. Большинство человѣчества вводится въ обманъ; его надежды возложены на законодательныя говорильни, и оно совершенно не замѣчаетъ, что путь къ его спасенію вовсе не въ этой сферѣ. И самое печальное въ этомъ обманѣ то, что сами обманывающіе наивно считаютъ себя спасителями угнетенныхъ. Происходитъ тоже самое, что происходило въ прошломъ вѣкѣ до уничтоженія рабства. Какъ разъ тѣ, кто обращался со своими рабами гуманно, являлись самой прочной опорой рабовладѣнія. Ибо, если бы всѣ «господа» были безчеловѣчны, то рабство было-бы совершенно компрометировано въ общественномъ мнѣніи въ самомъ своемъ принципѣ и

должно было бы скорѣе уничтожиться. Но такъ какъ существовали и патріархальные «господа», то у общества создавалось мнѣніе, что рабство само по себѣ вовсе не плохая вещь, надо только, чтобы баринъ былъ хорошій; и духовенство и много умныхъ и добрыхъ людей искренно высказывались противъ уничтоженія рабства. То же самое происходитъ и теперь съ законодательствомъ нашихъ дней. Какъ разъ тѣ, кто думаетъ исправить его изъяны, невольно берутъ на себя роль лицъ, пріостанавливающихъ прогрессъ. Они не уничтожаютъ ни зла современныхъ пенитенціарныхъ системъ, ни эксплуатаціи народа капиталистами, ни страданія угнетенныхъ властью, а ведутъ лишь къ тому, что старая жестокая власть и древнее порабощеніе большинства человѣчества меньшинствомъ принимаетъ лишь новыя, модныя формы, и старая горькая, полная отравы пилюля преподносится только въ сладкой облаткѣ.

Надо ли послѣ всего вышесказаннаго долго распространяться о томъ, что даже адвокаты, которыхъ считаютъ благодѣтелями человѣчества par excellence, нисколько обществу не полезны, а вредны? Въ самомъ дѣлѣ, почему они выступаютъ на сцену въ роли защитниковъ?—Потому, что господствующіе законы государства нарушаются. Но господствующіе законы государства, имѣющіе цѣлью угнетеніе большинства человѣчества меньшинствомъ, какъ мы знаемъ, таковы, что не могутъ не нарушаться. Та истина, что сущность права заключается въ равной свободѣ для всѣхъ пользоваться плодами трудовъ прошлыхъ поколѣній и свободно добиваться новыхъ благъ,—эта истина настолько присуща сознанію большинства людей, что не можетъ не рождать съ каждымъ днемъ все возрастающее и возрастающее число нарушителей господствующихъ законовъ. Къ чему же ихъ защищать, когда сознаешь, что они не виновны ни въ чемъ и что единственнымъ преступникомъ является современное государство съ его противнымъ праву законодательствомъ? Не очевидно ли, что единственное достойное адвоката дѣло это—сложить съ себя свое званіе и стать въ ряды нарушителей государственныхъ законовъ и тѣмъ самымъ въ ряды борцовъ за истинное право?

Русскій рабочій союзъ.

Опытъ въ западной Европы показалъ, что внѣ партій политическихъ, ставящихъ себѣ цѣлью достиженіе извѣстныхъ реформъ черезъ законодательство, необходимо образуется, въ той или другой формѣ, обширная сѣть рабочихъ союзовъ, которые создаются *независимо* отъ всѣхъ этихъ партій, *внѣ* ихъ, и ставятъ себѣ цѣлью *прямое воздѣйствіе* рабочихъ на капиталистовъ, т. е. прямую борьбу рабочаго съ капиталомъ путемъ стачки, бойкота и т. п. При этомъ, у наиболѣе дальновидныхъ рабочихъ рисуется въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ захватъ фабрикъ, заводовъ и т. д. самими рабочими и организація ими самими всего производства.

Такой рабочій союзъ, задуманный въ обширныхъ размѣрахъ, охватившій въ свое время всѣ ремесла и распространенный на всѣ страны, представлялъ при своемъ основаніи *Интернаціоналъ* т. е. Международный Союзъ Рабочихъ. Его знаменитая формула—«Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», опредѣленно выражала эту мысль.

Конечно, какъ только Интернаціоналъ выказалъ свое могущество, имъ постарались овладѣть политики. Пользуясь войною 1870—71 года и разгромомъ рабочихъ классовъ и Интернаціонала во Франціи и Испаніи, радикалы, а также соціалисты политическаго воспитанія старались повернуть дѣятельность Интернаціонала такъ, чтобы изъ него создать опору для *политической, парламентской партіи*, стремящейся водворить со временемъ государственный коллективизмъ (т. е. въ сущности, капитализмъ государственный), а пока, слегка ограничивать капиталистическую эксплуатацію путемъ законодательства. На этомъ произошелъ, какъ извѣстно, расколъ, и Интернаціоналъ, противъ котораго соединились также и всѣ правительства, мало по малу распался.

Въ Германіи, а затѣмъ и въ Италіи и во Франціи создались тогда, подъ названіемъ соціаль-демократіи, партіи сложившіяся, съ одной стороны, изъ политической демократіи, а съ другой — изъ соціалистовъ. Въ Германіи въ особенности такая партія достигла сильнаго развитія.

Замѣчательно однако, что несмотря на всѣ избирательные успѣхи соціаль-демократіи, рабочіе во всей Европѣ, и даже въ Германіи,

все-таки не отказались отъ мысли, что помимо соціаль-демократіи— представлявшей политическую, а потому самому *смѣшанную* партію,— необходимо развить независимую *чисто-рабочую* организацію; и эта организація, слагаясь изъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ (по ремесламъ), все время стремилась повсемѣстно къ прямому международному объединенію рабочихъ по ремесламъ, — опять таки внѣ всякихъ парламентскихъ партій. Идея Интернаціонала, такимъ образомъ, продолжала жить и живетъ по сію пору въ Европѣ, по крайней мѣрѣ на континентѣ.

Соціаль-демократія, стремясь объединить *все* рабочее движеніе въ продолженіе послѣднихъ тридцати-пяти лѣтъ—почти полъ-вѣка— упорно стремилась овладѣть рабочими организаціями, возникавшими въ Европѣ для чисто экономической борьбы, и обратить ихъ въ организаціи политическія.

Начиная съ конгрессовъ Интернаціонала, продолжая затѣмъ Гентскимъ соціалистическимъ конгрессомъ 1877 г., и позднѣйшими соціалистическими конгрессами, такія попытки овладѣть рабочимъ движеніемъ не прекращались. Одно время, въ Германіи велась даже война противъ стачекъ, причемъ увѣряли рабочихъ, что они гораздо вѣрнѣе получатъ желаемое черезъ законодательство, если перестанутъ тратить деньги на забастовки, а будутъ отдавать ихъ на парламентскіе выборы.

Несмотря на тридцати-пяти лѣтнія усилія, во всѣхъ странахъ создались однако мало по молу, обширныя профессіональныя рабочія организаціи, *внѣ всякихъ политическихъ, парламентскихъ партій.* Въ Испаніи, а вслѣдъ затѣмъ во Франціи (съ 1883 г. когда законъ, запрѣщавшій союзы, былъ отмѣненъ) и въ Италіи, создались могучіе рабочіе союзы, совершенно независимые отъ соціаль-политиковъ, и за послѣдніе годы, даже въ Германіи, создался рабочій союзъ, насчитывающій свыше милліона членовъ, въ которомъ соціаль-демократы, несмотря на всѣ свои усилія, не могли достичь владычества. Наконецъ, за послѣдніе годы, рабочіе союзы, особенно въ Испаніи, во Французской Швейцаріи, въ Италіи, во Франціи, въ Голландіи, выступили впередъ какъ революціонная сила.

L'action directe,—т. е. *прямое воздѣйствіе* стачкой, бойкотомъ, «худой работой за худую плату», и въ случаѣ нужды местью, стало боевымъ кличемъ значительной части французскихъ синдикатовъ (рабочихъ союзовъ). Кромѣ того, на послѣднемъ конгрессѣ они по-

становили *всеобщую стачку 1-го мая, будущаго 1906-го года*, своею ближайшею цѣлью. Всеобщая стачка, говорятъ они, приведетъ, вѣроятно, къ революціи и позволитъ, такимъ образомъ начать революцію не изъ-за вопроса о чьей нибудь диктатурѣ и не изъ-за вопроса о выборахъ, а изъ-за *экономическаго вопроса*. Пусть всеобщая стачка послужитъ объявленіемъ войны *рабочихъ противъ всѣхъ эксплуататоровъ*.—Если вы не хотите нашихъ условій, такъ убирайтесь вонъ. Мы сумѣемъ вести промышленность и безъ васъ!»—говорятъ рабочіе.

* * *

Вотъ мысли распространяющіяся теперь среди рабочихъ организацій, по мѣрѣ того, какъ онѣ освобождаются отъ умственной опеки парламентскихъ политиковъ.

Въ этомъ движеніи кроется, впрочемъ, еще другая мысль, а именно, протестъ противъ государственнаго капитализма, на который свели теперь соціализмъ большинство его поборниковъ.

Чего хочетъ, напримѣръ, соціаль-демократическая партія Швейцаріи? Она требуетъ, чтобы всѣ желѣзныя дороги были выкуплены государствомъ, чтобы частныя банки были уничтожены, а банковое дѣло стало монополіею государства; чтобы частная продажа спиртныхъ напитковъ была прекращена, и торговля ими стала монополіею государства, подобному почтовому или телеграфному дѣлу, — все это сейчасъ, въ буржуазномъ государствѣ, въ которомъ остается буржуазная эксплуатація труда.

Чего требуютъ, напримѣръ, соціалисты въ Англіи? — Чтобы государство кормило дѣтей въ школахъ, и чтобы назначены были суды, составленные изъ выборныхъ отъ хозяевъ и отъ рабочихъ, утвержденныхъ правительствомъ, и чтобы вмѣсто забастовки рабочіе обращались къ такому суду. Если такой судъ рѣшитъ въ пользу хозяевъ, государство силою должно будетъ заставить рабочихъ подчиниться. Все это опять таки въ буржуазномъ государствѣ. О правѣ рабочихъ на фабрики и заводы они молчатъ.

И вотъ, рабочіе ужасаются, видя какая страшная сила создается въ рукахъ буржуазнаго государства. «Государство—вы сами», говорятъ имъ теоретики-законники. Но они этому не вѣрятъ. Они знаютъ, какую силу въ современномъ государствѣ имѣетъ буржуазія.—«А что, если государственная власть попадетъ надолго въ руки

реакціонной буржуазной партіи? Что если, при постоянномъ увеличеніи числа буржуазіи, прочное *большинство* на много лѣтъ окажется въ рукахъ буржуевъ реакціонеровъ»? Въ Англіи вѣдь буржуа и полубуржуа почти столько же сколько и рабочихъ; вѣдь на англійскихъ буржуа работаетъ весь міръ: въ Индіи, въ Китаѣ, въ Египтѣ, въ Японіи, въ Россіи; черные, желтые, бѣлые, — всѣ работаютъ на англійскаго, голландскаго и т. д. биржевика и на европейскаго буржуа вообще. Не мудрено, что число ихъ такъ быстро растетъ.

Но въ такомъ случаѣ, — разумно ли давать такую страшную силу буржуазному государству, т. е. тѣмъ же буржуа, выступающимъ въ роли чиновниковъ?

Возьмите, напримѣръ, недавныя стачки въ Италіи, гдѣ желѣзныя дороги — собственность государства и гдѣ желѣзнодорожные рабочіе получаютъ пенсіи отъ государства, какъ чиновники. Тѣ изъ нихъ, которые достигли извѣстнаго возраста и близки къ пенсіи, все время становились *противъ* рабочей массы, держали уже сторону буржуазіи: они измѣняли своему сословію. А кромѣ того если молодежь объявляла стачку, государство сейчасъ же объявляло мобилизацію и ставило кочегарами и машинистами солдатъ,—нерѣдко тѣхъ же самыхъ рабочихъ, но уже «мобилизированныхъ», т. е. одѣтыхъ въ мундиры и распредѣленныхъ въ роты и баталіоны.

Государственный соціализмъ, въ буржуазномъ государствѣ становится, такимъ образомъ, новымъ средствомъ эксплуатаціи.

Однимъ словомъ, мысль, что коллективизмъ, т. е., въ сущности, государственный капитализмъ, который теперь рекомендуютъ соціалисты, *не представляетъ еще послѣдняго слова соціализма*,— эта мысль *также* несомнѣнно руководитъ рабочими союзами, когда они складываются въ особыя организаціи внѣ соціалистическихъ партій *).

Вотъ почему, долгъ анархиста и каждаго вдумчиваго соціа-

---

*) Такъ, напримѣръ, къ пишущему эти строки обратились однажды рабочіе союзы Англіи съ такою просьбою: „Вы указывали выходъ для безгосударственной организаціи земледѣлія. Не можете ли вы разработать, какъ могли бы желѣзнодорожные рабочіе, овладѣвши желѣзными дорогами, организовать службу желѣзно-дорожную и вообще эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ *безъ хозяевъ, но также и безъ государственнаго вмѣшательства*?" Изученіе этого вопроса было передано испанскимъ желѣзно-дорожнымъ рабочимъ союзамъ.

листа, не считающаго себя и свою партію непогрѣшимыми, — содѣйствовать всѣми силами образованію *независимыхъ* рабочихъ союзовъ, какъ это дѣлалъ Интернаціоналъ, ради защиты интересовъ *рабочихъ* и ради исканія ими самими тѣхъ формъ коммунистическаго быта, которыя смогутъ удовлетворить потребностямъ равенства и свободы, зрѣющимъ среди рабочихъ. Не связывать заранѣе Рабочій Союзъ соціалдемократическою или иною программою долженъ былъ бы стремиться всякій, кому дорого будущее развитіе соціалистическаго строя, а наоборотъ, вселять мысль, что формы соціалистическаго строя должны быть *найдены и выработаны рабочей массой*, внѣ всякихъ уступокъ и сдѣлокъ, навязываемыхъ ей политиками.

Но, скажутъ намъ, все это хорошо въ западной Европѣ, а не у насъ! У насъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы выбиться изъ крѣпостного рабства, созданнаго самодержавіемъ. Сперва освободимся *политически* — тогда поговоримъ объ экономическихъ отношеніяхъ.

Въ этомъ лежитъ самая крупная ошибка людей, воспитавшихся на политической борьбѣ западной Европы и желающихъ слѣпо повторять у насъ то, что (при ихъ незнаніи исторіи Европы) они считаютъ сущностью западно-европейскаго развитія. Именно потому, что у насъ условія иныя, намъ не слѣдуетъ слѣпо подражать Германіи, или повторять ошибки Франціи.

Не «конституцію сперва», или какое тамъ ни на есть монархическое или республиканское учредительное собраніе, а потомъ уже — рабочее законодательство! *А прежде всего — экономическій переворотъ*, который и создастъ новую, соотвѣтствующую ему форму политической жизни. Вотъ къ чему намъ надо стремиться.

Никакой революціи не было бы во Франціи въ 1789—93 гг., если бы крестьяне силою не уничтожали, цѣлые четыре года, крѣпостныя отношенія и не овладѣвали бы отнятыми у нихъ раньше землями.

Но такъ какъ французскій народъ не замѣтилъ тогда новаго нарождающагося зла—буржуазіи, и такъ какъ онъ вѣрилъ радикаламъ изъ буржуазіи въ ихъ увѣреніяхъ о любви къ свободѣ и равенству, то онъ и совершилъ ужасную ошибку. Онъ далъ вырасти новому удаву на французской почвѣ — буржуазіи, и этотъ удавъ, вотъ уже сто съ лишнимъ лѣтъ, душитъ французскій народъ въ своихъ капиталистическихъ кольцахъ.

Такъ вотъ — *намѣрены ли мы повторить ту же ошибку?*

Неужели пол-вѣка соціалистической пропаганды и коммунистическаго развитія должны пройти даромъ? Неужели все, чему научила насъ Европа, должно быть выброшено нами за бортъ, едва только въ Россіи запахло возможностью поговорить въ прессѣ и въ собраніяхъ о нуждахъ рабочихъ, не будучи за это высланнымъ въ отдаленныя губерніи?

Нѣтъ! полъ вѣка соціалистической агитаціи въ Европѣ не можетъ пройти безслѣдно для Россіи; и наши русскія жертвы, погибшія изъ за соціализма, погибли не даромъ.

Именно теперь, когда государство не въ силахъ защищать монополистовъ, именно теперь рабочіе и крестьяне должны захватывать въ свои руки все то, что нужно имъ для жизни и для работы. Крестьянинъ беретъ себѣ землю, не какъ средство для буржуйской наживы, а чтобы поливать ее своимъ потомъ, но не отдавать барину львиной доли своего труда въ видѣ арендной платы. Точно также и рабочій, пользуясь разстройствомъ правительственной машины, долженъ овладѣть фабриками, заводами, угольными копями, желѣзными дорогами, соляными варницами, рыбными промыслами, доками—всѣмъ тѣмъ, надъ чѣмъ и гдѣ онъ работаетъ,—чтобы впредь не удѣлять львиной доли изъ своего заработка какому то хозяину.

Сто лѣтъ тому назадъ, орудіе труда была преимущественно земля,—и крестьяне отнимали ее у помѣщиковъ. Фабрикъ тогда было очень мало, и даже въ промышленности люди богатѣли, главнымъ образомъ, отъ того, что массы народа были въ крѣпостной или въ полу-крѣпостной зависимости отъ хозяевъ — и этихъ крѣпостныхъ освобождали взбунтовавшіеся города. *Были бы тогда большія фабрики, фабричные не задумались бы овладѣть ими и объявить ихъ городскою или народною собственностью,* точно также какъ крестьяне овладѣвали землею, сельскою мельницею, сельскою маслобойней и прочее, которыя захватилъ было баринъ.

Пусть знаютъ и помнятъ русскіе рабочіе, что *чего имъ не удастся осуществить теперь,* покуда происходитъ ломка государственнаго строя,—*того не осуществятъ они и въ будущіе пятьдесятъ лѣтъ.*

Но если *теперь же, сейчасъ, во время теперешней неурядицы,* имъ удастся осуществить захватъ фабрикъ, заводовъ и т. п., *которые, вѣдь, представляютъ трудъ не хозяевъ, а трудъ рабочихъ*

предыдущихъ поколѣній,—тогда, хотя бы это удалось и не вполнѣ, или хотя бы отнятое не удалось вполнѣ удержать, то совершенный захватъ послужитъ залогомъ силы рабочихъ, а мысль, однажды провозглашенная на дѣлѣ, станемъ боевымъ кличемъ, программою, для всего послѣдующаго развитія русскаго народа.

Долгъ рабочихъ, самимъ двинуть свое дѣло впередъ. Вотъ въ чемъ задача русскаго рабочаго движенія.

* * *

Принявши все это въ соображеніе, мы съ глубокою радостью встрѣчаемъ мысль объ основаніи Рабочаго Союза, *если только онъ поставитъ себя независимо отъ существующихъ политическихъ партій.* Но программа этого союза должна *не предрѣшать задачу революціи въ ограничительномъ смыслѣ,* какъ это дѣлаютъ политическія партіи. Она должна, наоборотъ, намѣтивши цѣли движенія, *предоставить рабочимъ полную свободу достигать эти цѣли сейчасъ же, такими способами, которые они сами найдутъ наилучшими.*

Поэтому, если бы намъ предстояло набросать въ общихъ чертахъ программу Русскаго Рабочаго Союза, мы изложили бы ее въ *нижеслѣдующей* формѣ. Конечно, это была бы программа *не анархической группировки:* анархисты выразили бы свои мнѣнія гораздо опредѣленнѣе. Это была бы программа, которую могъ бы принять всякій рабочій союзъ, если только онъ не желаетъ заранѣе пристегивать себя къ той или другой партіи политиковъ, а стремится дать возможность самимъ рабочимъ и крестьянамъ проявить *свою* строительную дѣятельность — ну, хоть бы такъ, какъ проявили ее недавно гурійскіе крестьяне или русскіе крестьяне южныхъ губерній въ своихъ приговорахъ.

Такую программу, думаемъ мы, приняли бы несомнѣнно русскіе рабочіе, по крайней мѣрѣ, громадное большинство ихъ.

Такъ вотъ, примѣрно, въ общихъ чертахъ, какъ можно было бы выразить.

Цѣли Русскаго Рабочаго Союза.

Въ Россіи происходитъ теперь полное разложеніе самодержавной формы правленія. Разложеніе коснулось всѣхъ отправленій всей государственной машины.

Несомнѣнно вырабатываются новыя формы политической организаціи для русскаго народа и для различныхъ народовъ, пребывавшихъ донынѣ подъ властью русскаго государства.

Въ этомъ предстоящемъ переустройствѣ выступаютъ уже (и выступятъ еще рѣзче) всевозможные сословные интересы.

Буржуазія несомнѣнно постарается воспользоваться переворотомъ, чтобы утвердить свою власть.

Помѣщики постараются утвердить свои монополіи на землю, или, въ крайнемъ случаѣ, получить отъ крестьянъ крупныя выкупныя суммы.

Чиновники постараются усилить свою власть, создавая еще большую централизацію администраціи въ министерствахъ и не брезгуя, для этого, усиленіемъ государственнаго капитализма.

Биржевики постараются усилить власть биржи, овладѣвая монополіей государственныхъ и городскихъ займовъ.

Церковь постарается овладѣть еще большимъ вліяніемъ на умы народа, завладѣть воспитаніемъ и т. д.

Словомъ, каждое сословіе русскаго общества приложитъ всѣ силы, чтобы усилить вліяніе *своего* сословія при предстоящемъ переустройствѣ государственнаго строя и создать въ *свою* пользу политическія, денежныя, или экономическія привилегіи.

Необходимо, поэтому, чтобы рабочій классъ, сознавая всю важность начавшейся ломки; противупоставилъ всѣмъ этимъ поползновеніямъ другихъ сословій, сплоченное дѣйствіе рабочей и крестьянской массы, съ цѣлью воспользоваться теперешнею перестройкою, въ интересахъ *всего* русскаго народа,—рабочихъ и крестьянъ.

Ради этого, русскіе рабочіе считаютъ нужнымъ приложить свои усилія, чтобы сплотить въ одномъ большомъ союзѣ всѣхъ рабочихъ большихъ промышленныхъ центровъ Россіи, а затѣмъ, по возможности, и крестьянское населеніе. Съ этой цѣлью они основываютъ *Русскій Рабочій Союзъ*, и постараются распространить его на всѣ русскія области.

Не пренебрегая ежедневною борьбою изъ за 8-ми часового рабочаго дня и вообще изъ за мелкихъ и частныхъ улучшеній въ жизни рабочихъ, особенно, если эта борьба принимаетъ революціонный характеръ—мы видимъ однако въ этой борьбѣ лишь *средство*, чтобы сплачивать рабочихъ въ виду болѣе серьезной, и конечно революціонной борьбы, — изъ за обобществленія всѣхъ средствъ

производства и передачи всей промышленности въ руки самихъ рабочихъ.

Точно также, заявляя полную готовность содѣйствовать крестьянамъ въ ихъ стремленіи уничтожить сословныя тягости, на нихъ лежащія, въ ихъ забастовкахъ и въ ихъ усиліяхъ овладѣть землею — особенно, когда эти усилія дѣлаются нелегальнымъ, бунтовскимъ путемъ, — Рабочій Союзъ видитъ во всемъ этомъ лишь средство объединенія крестьянъ въ виду болѣе широкаго революціоннаго дѣйствія, съ цѣлью захвата теперь-же всей земли въ руки народа, какъ неотъемлемой его собственности, на которую имѣетъ право всякій, кто пожелаетъ обрабатывать землю собственнымъ своимъ—не наемнымъ—трудомъ.

Но рабочій знаетъ также, что въ своихъ попыткахъ освободиться отъ ига капиталистовъ, помѣщиковъ, биржевиковъ и всякихъ другихъ монополистовъ, трудящіяся массы немедленно встрѣтятся лицомъ къ лицу съ правительствомъ, которое вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, является ярымъ защитникомъ монополистовъ и угнетателемъ народа, въ интересахъ чиновниковъ, капитала и привиллегированныхъ классовъ вообще.

Поэтому, поднимая всеобщее крестьянское и рабочее возстаніе съ цѣлью овладѣть землями, фабриками, заводами и т. д., и обратить ихъ въ общественное пользованіе, крестьяне и рабочіе неизбѣжнымъ образомъ будутъ разрушать тѣмъ самымъ существующую форму самодержавной государственности и совершать это гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ это можно было бы сдѣлать, добиваясь только «конституціонныхъ правъ».

При этомъ, если для имущихъ классовъ достаточно конституціонной монархіи, или буржуазной республики, — для рабочихъ и крестьянъ эти уступки совершенно недостаточны.

Провозглашать на бумагѣ уничтоженіе сословій и равенство передъ закономъ—а вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать крестьянина подъ вѣчною угрозою голода, — каждый годъ, въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, — а рабочаго оставлять въ положеніи наемнаго раба, котораго пропитаніе зависитъ отъ доброй воли капиталиста— это значитъ обманывать самихъ себя и обманывать народъ.

Для человѣка, родившагося съ отцовскимъ наслѣдствомъ, или получившаго возможность учиться десять лѣтъ, не работая на фабрикѣ, и занявшаго вслѣдствіе этого привиллегированное положеніе

въ обществѣ, можетъ быть достаточно провозгласить «равенство всѣхъ передъ закономъ и полную свободу слова, печати, сходокъ и вѣроисповѣданія». Но для *рабочаго и крестьянина этого совершенно недостаточно.*

Крестьяне и рабочіе знаютъ, что, какъ бы ни мѣнялись формы правленія, они останутся все въ томъ же рабствѣ, покуда будутъ оставаться въ той же нищетѣ и въ той же необходимости продавать себя барину и купцу, изъ-за куска хлѣба.

Имъ нужно провозгласить—и не только провозгласить, а *завоевать и утвердить на дѣлѣ:*

1. Право на землю, для каждаго желающаго обрабатывать ее своимъ личнымъ трудомъ.

2. Право всего общества на все то, что произведено трудомъ прошедшихъ поколѣній, — т. е. на жилье дома, фабрики, заводы, пути сообщенія, желѣзныя дороги, угольныя копи и т. д.;

3. Право на обезпеченное, безбѣдное существованіе для всякаго кто занятъ общеполезнымъ трудомъ;

и 4. Право для всѣхъ на даровое образованіе и обученіе мастерствамъ, а также на обезпеченную старость.

Завоевывая эти права, *непосредственно, революціоннымъ путемъ овладѣванія на дѣлѣ*, рабочіе и крестьяне не только помогутъ уничтоженію самодержавія и монархической власти вообще, гораздо болѣе дѣйствительно и несравненно болѣе полно, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано одной политической борьбою, но и завоюютъ для всѣхъ политическую свободу, несравненно болѣе прочную и дѣйствительную, такъ какъ она будетъ основана на равенствѣ экономическомъ; тогда какъ политическая свобода, не основанная на свободѣ экономической, неизбѣжно становится привиллегіею однихъ зажиточныхъ классовъ и новымъ орудіемъ эксплуатаціи въ ихъ рукахъ.

Вотъ, приблизительно, какія мысли слѣдовало бы выразить въ программѣ Русскаго Рабочаго Союза, если бы создался такой Союзъ, который понялъ бы *свою* историческую задачу. Мы много слышали недавно о борьбѣ классовъ и о классовыхъ задачахъ. Не мѣшало бы помнить, что въ предстоящемъ переворотѣ у рабочихъ и крестьянъ есть *свои* задачи, которыя предстоитъ выполнить *имъ самимъ*, не дожидаясь на то законодательнаго позволенія со стороны буржуазіи.

Основаніе «Россійскаго рабочаго союза», выдвигаетъ для насъ вопросъ о непартійныхъ, профессіональныхъ рабочихъ организаціяхъ— и о нашемъ отношеніи къ нимъ. По поводу событій заграничной жизни намъ не разъ случалось высказываться въ пользу такъ называемаго «революціоннаго синдикализма», но до недавняго времени вопросъ этотъ имѣлъ для насъ скорѣе принципіальное, чѣмъ практическое значеніе: въ Россіи не существовало этого рода организацій и не предвидѣлось возможности ихъ существованія. За послѣдній годъ дѣло рѣзко измѣняется; профессіональные союзы возникаютъ повсюду, помимо усилій какихъ бы то ни было партій, очевидно подъ давленіемъ самой жизни; зарождаются проекты и другихъ, внѣпартійныхъ рабочихъ организацій, вродѣ «Россійскаго рабочаго союза». Выяснить наше отношеніе къ нимъ становится насущной необходимостью! Тотъ или иной способъ разрѣшенія этого вопроса можетъ имѣть самое серьезное значеніе для нашей молодой, только что зарождающейся партіи. Отъ него будетъ зависѣть, удастся ли намъ внести въ широкіе рабочіе круги и нашу общую идейную точку зрѣнія, и нашу революціонную практику.

Синдикаты, т. е. союзы рабочихъ одного ремесла или одной отрасли промышленности, безъ различія партій, появлялись и появляются повсюду, какъ только отдѣльные рабочіе начинаютъ чувствовать потребность сплотиться для защиты противъ общаго врага; это—первый способъ проявленія рабочей солидарности въ ежедневной борьбѣ. Дальнѣйшая эволюція такихъ союзовъ зависитъ отъ многихъ условій. Въ общемъ можно сказать, что въ западно-европейскихъ странахъ они сводятся въ настоящее время къ двумъ типамъ: съ одной стороны—союзы, имѣющіе цѣлью охватить *всѣхъ* рабочихъ данной отрасли труда, создать организаціи богатыя, прочныя, доставляющія своимъ членамъ серьезныя, практическія выгоды; съ другой—союзы, группирующіе только наиболѣе передовую часть рабочихъ и претендующіе не столько на доставленіе осязательныхъ преимуществъ своимъ членамъ, сколько на роль революціоннаго *меньшинства*, застрѣльщика рабочаго движенія. Примѣромъ первыхъ могутъ служить англійскіе трэдъ-юніоны и — по крайней мѣрѣ до сихъ поръ—нѣмецкіе рабочіе союзы; ко второму относятся испанскіе рабочія организаціи (въ которыхъ революціонный духъ живетъ еще съ основанія первыхъ секцій Интернаціонала) и современные французскіе синдикаты. Организаціи перваго типа благоразумны,

осторожны, разсчетливы и становятся такими все более и более по мере того, какъ растетъ ихъ богатство. Стачки здесь объявляются не иначе, какъ по зреломъ размышленiи, но бываютъ обширны и продолжительны *); централизмъ въ организацiи, третейскiе суды, коллективные договоры съ хозяевами—вотъ руководящiя начала въ этихъ союзахъ. Наоборотъ, бурныя стачки, быстро распространяющiяся и на категорiи рабочихъ, непосредственно незаинтересованныхъ въ столкновенiи (французскiя «стачки изъ солидарности» — grevès de solidarite), подвижная федералистическая организацiя и всеобщая стачка—начало революцiи, — какъ руководящая и вдохновляющая идея—вотъ характерныя черты второго типа.

Чемъ будутъ рабочiя организацiи въ Россiи? Въ какую сторону пойдетъ ихъ развитiе? Станутъ ли оне крупной силой, могучей, но консервативной, о которую будутъ разбиваться все усилiя соцiалистической и революцiонной пропаганды, или же оне пойдутъ впереди рабочихъ массъ къ все более ясно сознаваемому соцiалистическому идеалу? Будущее зависитъ отъ того, какому направленiю, какой партiи удастся сделаться вдохновительницей этихъ, пока еще совершенно новыхъ и въ партiйномъ смысле безразличныхъ организацiй.

Для соцiаль-демократiи рабочiе союзы всегда играли и будутъ играть подчиненную роль. Это совершенно естественно. Когда завоеванiе политической власти становится необходимымъ условiемъ соцiалистическаго переворота, когда экономическая революцiя является лишь *вторымъ* шагомъ *после* революцiи политической, центръ тяжести всей деятельности партiи неизбежно переносится на избирательную борьбу, на парламентскую деятельность. Ей одной суждено быть орудiемъ достиженiя конечной цели; въ ней настоящая жизнь, въ ней духъ партiи. Какой интересъ могутъ иметь рядомъ съ этимъ чисто рабочiя организацiи? Оне не призваны сыграть непосредственную роль ни въ самой революцiи — ея цель и средство политическая власть, ни въ организацiи экономической жизни но-

---

*) Что, кстати сказать, не мешаетъ имъ оканчиваться неудачей (напримеръ знаменитая англiйская стачка механиковъ несколько летъ тому назадъ, длившаяся месяцы и поглотившая громадныя суммы).

наго общества — этимъ займется государство. Ихъ задача вся въ настоящемъ; временное улучшеніе положенія, повышеніе заработной платы, развитіе страхованія, организація пріисканія труда и т. д. Расширенія ихъ кругозора не требуется; оно даже нежелательно, такъ какъ можетъ повести къ заслоненію роли дѣятельности политической, парламентской, къ вмѣшательству рабочихъ союзовъ въ высшія сферы политики. Что именно такъ, въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только прослѣдить какъ строго разграничиваются въ соціаль-демократической литературѣ области дѣятельности политическихъ организацій и рабочихъ союзовъ: однимъ—идейная (или претендующая на идейность) политика, другимъ — практическая ежедневная борьба. Если лѣвое крыло соціаль-демократіи и допускаетъ революціонные методы дѣйствія, то только для политическихъ организацій: для рабочихъ союзовъ это — запретный плодъ, могущій повергнуть ихъ въ пучину анархизма.

Возьмемъ хотя бы всеобщую стачку. Послѣ того, какъ опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, какимъ могучимъ средствомъ она является въ рабочихъ рукахъ, она удостоилась признанія на международномъ амстердамскомъ и на недавнемъ нѣмецкомъ соціаль-демократическихъ конгрессахъ. Но въ какомъ видѣ? Какъ пригодная для политическихъ цѣлей, напр. въ случаѣ покушенія со стороны германскаго правительства на всеобщее избирательное право. Всеобщая же стачка какъ движеніе рабочее, экономическое, какъ путь и начало соціальной революціи, продолжаетъ считаться опасной анархической утопіей. Недаромъ Бернштейнъ предостерегаетъ противъ нея: всякій, говоритъ онъ, кто придастъ ей *такое* значеніе, будетъ рано или поздно, но неизбѣжно, вовлеченъ въ анархизмъ. Доказательство— погубный примѣръ Фридберга.

Мы—какъ и всегда—стоимъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной. Соціаль-демократы хотятъ завоеванія власти и расчитываютъ на парламентъ; мы хотимъ захвата средствъ производства и наличнаго богатства капиталистическаго общества, и разсчитываемъ мы—на кого? На единственныхъ людей, которые могутъ это сдѣлать—на самихъ рабочихъ. Въ соціаль-демократической схемѣ организаціей производства «на другой день послѣ революціи» занимается государство, а у насъ—кто? Группы рабочихъ, производителей, и притомъ, въ силу практической необходимости, рабочихъ, занятыхъ въ одномъ и томъ же производствѣ, т. е. иначе

говоря, профессіональные союзы. Эти группы, которыя призваны въ будущемъ стать производительными, имѣютъ для насъ такое же жизненное значеніе, какъ для соціаль-демократовъ парламентъ; ихъ духъ, составъ идей, настроеніе для насъ то же, что для соціаль-демократовъ духъ и составъ будущаго соціалистическаго правительства.

Если рабочія организаціи будутъ развиваться подъ вліяніемъ соціаль-демократіи, какъ въ Германіи, или внѣ всякихъ соціалистическихъ вліяній, какъ въ Англіи, имъ не сдѣлать соціальной революціи, не сыграть этой роли. Мало того, если даже въ силу какихъ бы то ни было условій, революціонному меньшинству и удастся вызвать движеніе помимо этихъ организацій, то безъ ихъ помощи и поддержки, оно не сможетъ удержать за собою побѣду, не сможетъ сдѣлать экономическій переворотъ совершившимся фактомъ. Оно въ лучшемъ случаѣ, передастъ все дѣло въ руки какого нибудь, болѣе или менѣе революціоннаго правительства; въ худшемъ же, революція будетъ раздавлена самими рабочими организаціями неподготовленными къ ней оставшимися внѣ революціонной пропаганды предшествовавшаго періода.

Если же подъ вліяніемъ революціонныхъ, анархическихъ элементовъ, рабочіе союзы поставятъ себѣ соціалистическій переворотъ, какъ цѣль, а всеобщую стачку какъ средство если они теперь, же начнутъ задаваться вопросомъ о томъ, какъ, послѣ побѣды, превратить свои организаціи въ производительныя ассоцаціи будущаго; если они и въ своей ежедневной борьбѣ пріучатся разсчитывать не на государство, а на самихъ себя, на свою непосредственную борьбу съ хозяевами,—тогда мы можемъ надѣяться на торжество, и общесоціалистическаго принципа уничтоженія частной собственности и наемнаго труда, и анархическаго принципа уничтоженія государства и созданія свободной федераціи общинъ и группъ.

Но профессіональные союзы заслуживаютъ нашего вниманія не только, какъ будущіе организаторы производства: они представляютъ для насъ другой, не меньшій интересъ въ *настоящемъ*, какъ *рабочая среда*.

Тѣсное общеніе съ этой средой для насъ — жизненный вопросъ. Рабочая масса для насъ не орудіе и не пушечное мясо; она — та

сила, которая должна произвести переворотъ, на ея же творчество мы разсчитываемъ и для построенія будущаго общества... Чтобы внести въ нее свой духъ, намъ необходимо близко стоять къ ней не только въ моментъ революціоннаго взрыва, но и до него, въ ежедневной жизни, чтобы въ рѣшительную минуту не оказаться чужими, какъ оказались наши революціонеры во многихъ рабочихъ движеніяхъ послѣднихъ годовъ и въ январскіе дни.. Правда, намъ можетъ казаться безъинтересной, черезчуръ мелкой и узкой ежедневная борьба рабочихъ организацій, ихъ частичныя стачки изъ-за ничтожныхъ улучшеній, ихъ мелкія столкновенія съ хозяевами; это безусловно такъ, и если рабочее движеніе застынетъ въ этомъ состояніи, ему не сыграть никакой революціонной роли. Но сможетъ ли пропагандистъ расширить задачу стачки, показать рабочимъ недостаточность ихъ требованій, помочь имъ разобраться въ причинахъ неудачъ, если онъ не завоюетъ себѣ предварительно довѣрія рабочей среды участіемъ во всѣхъ ея дѣлахъ, готовностью раздѣлить съ ней удачу и неудачу, борьбу и опасности? Положимъ, задачи данной стачки мелки, но вѣдь это, можетъ быть,—первый протестъ забитой среды, первое пробужденіе ея духа независимости. Здѣсь долгъ не только анархиста, не только революціонера, но просто товарища, сознавшаго рабочую солидарность,—идти въ движеніе, хотя бы въ немъ многое и не соотвѣтствовало его требованіямъ. Не даромъ же, когда въ Западной Европѣ была въ первый разъ устроена первомайская демонстрація (въ 1890 году), анархисты, хотя имъ многое не нравилось въ этомъ движеніи (минимальное требованіе 8-ми часового рабочаго дня, мирный характеръ демонстраціи и многое другое) оказались въ первыхъ рядахъ манифестантовъ. Въ Парижѣ они единственные вышли на улицу съ краснымъ знаменемъ *); они же, хотя имъ вовсе не по душѣ было «праздничать» въ этотъ день, упорнѣе всѣхъ отказывались работать; и не мало ихъ было тогда выброшено съ фабрикъ и мастерскихъ.

Близкое участіе въ рабочихъ организаціяхъ важно для насъ еще потому, что оно ставитъ насъ въ соприкосновеніе съ средой, еще не затронутой партійной пропагандой. Въ работѣ чисто круж-

---

*) Результатомъ явился знаменитый процессъ, на которомъ было обнаружено звѣрское избіеніе трехъ судившихся товарищей въ полицейскомъ участкѣ. Это подало поводъ къ первымъ актамъ мести Равашоля, открывшимъ собою террористическій періодъ послѣдующихъ годовъ.

ковой мы будемъ встрѣчаться преимущественно съ рабочими уже болѣе или менѣе спропагандированными, если не нашими, то другими группами, и наши усилія будутъ поневолѣ тратиться на междупартійныя пренія, на попытки привлечь къ себѣ членовъ другихъ организацій. Конечно, эта работа имѣетъ значеніе, такъ какъ въ средѣ другихъ партій есть не мало цѣнныхъ силъ, которыя, какъ показалъ опытъ, часто переходятъ на нашу сторону, какъ только начинаютъ знакомиться съ анархизмомъ не изъ вторыхъ рукъ. Но эта работа совершается попутно, сама собою, благодаря хотя бы одному распространенію нашей литературы; личное вліяніе нашихъ пропагандистовъ здѣсь не такъ важно. Важнѣе идти къ незатронутымъ еще элементамъ, пробуждать на свой ладъ, въ своемъ направленіи мысль и духъ протеста въ людяхъ, еще спящихъ.

Тотъ фактъ, что въ рабочихъ организаціяхъ объединяются люди разныхъ направленій и безъ всякихъ направленій, можетъ, конечно, повести и къ очень неприглядимымъ проявленіямъ: можетъ, напримѣръ, сдѣлать ихъ легкою добычею какой нибудь зубатовщины; но работа революціонера была бы слишкомъ легка, если бы ему приходилось всегда имѣть дѣло съ подготовленной уже средой: его задача именно и состоитъ въ томъ, чтобы не допустить рабочія организаціи до такого паденія, чтобы распространить въ широкихъ слояхъ рабочихъ сознаніе полной непримиримости ихъ интересовъ съ интересами не только капитала, но и государства подъ какими бы прикрытіями они не являлись. Рабочія группы, уже организованныя какой нибудь партіей, на удочку «соціальной политики» правительства не поддадутся; но со стороны рабочихъ слоевъ, еще не затронутыхъ пропагандой, какъ и со стороны нетронутаго крестьянства, такая опасность вполнѣ можетъ грозить. Въ настоящую минуту духъ протеста живетъ не только тамъ, гдѣ уже велась революціонная работа, но далеко за предѣлами ея; дѣло анархистовъ не дать ему угаснуть, не позволить помириться ни на какой уступкѣ, политической или экономической, и дать движенію широкихъ массъ цѣль, достойную ихъ усилій и жертвъ.

Здѣсь передъ нами выступаетъ одинъ, чисто практическій, вопросъ—вопросъ о томъ, насколько нашимъ товарищамъ въ Россіи слѣдуетъ заниматься собственно *организаторской* работой въ

рабочихъ союзахъ, т. е. стараться основывать ихъ, заботиться объ ихъ расширеніи, являться инициаторами ихъ, Это — вопросъ не столько принципіальный, сколько зависящій отъ времени, мѣста и наличныхъ силъ. Въ моменты затишья, медленной работы и отсутствія яркихъ революціонныхъ проявленій со стороны самой массы, возможны два рѣзко различные рода дѣятельности: съ одной стороны организаціонная работа, съ цѣлью хоть сколько нибудь объединить эту массу на общихъ интересахъ, и «пропаганда дѣломъ»— чтобы пробудить спящихъ актами протеста и самопожертвованія. Но на такіе акты способны—особенно во времена затишья—только рѣдкіе, исключительные люди; для остальныхъ, организаціонная работа и теоритическая пропаганда являются единственнымъ средствомъ воздѣйствовать на среду, плохо поддающуюся чисто революціонной агитаціи.

Теперешній моментъ въ Россіи совершенно иной: организаціонная работа происходитъ сама собой, въ самомъ процессѣ революціонной борьбы; теоретическая пропаганда настолько связана съ практическимъ дѣломъ, настолько ведется въ виду цѣлей *завтрашняго* дня, что между нею и агитаціей для сегодняшняго дѣла трудно провести грань. Проявленія активнаго протеста становятся обычными: революція родитъ героевъ, превращая въ нихъ даже среднихъ людей. При такихъ условіяхъ ставить себѣ *организаціонную* работу въ рабочихъ союзахъ главной задачей значило бы для насъ отдавать силы на дѣло, которое дѣлается и безъ того, самою жизнью, въ ущербъ спеціально *анархической* пропагандѣ и революціонной агитаціи, которая есть наши задача и, ыполненіе которой мы не имѣемъ права предоставлять никому. Наше дѣло—пользоваться *существующими* уже организаціями, входитъ въ нихъ, вносить въ нихъ свое направленіе, пока эти организаціи не успѣли проникнуться духомъ законности и культомъ парламентаризма. Наши силы пока еще невелики въ Россіи; наши группы, даже при благопріятныхъ политическихъ вѣяніяхъ, не могутъ разсчитывать ни на какую «легализацію», которая бы позволила имъ стать болѣе или менѣе открытыми; рискъ погибнуть для нашихъ товарищей еще долго останется очень большимъ—даже тогда, когда онъ изчезнетъ или уменьшится для другихъ партій. Болѣе чѣмъ кому бы то ни было, намъ нужно, поэтому, быть бережливыми въ отношеніи своихъ собственныхъ силъ.

Въ настоящую минуту почти повсюду нашимъ товарищамъ въ Россіи приходится быть иниціаторами анархическаго движенія; почти повсюду они основываютъ первыя группы. Важно, прежде всего, чтобы эти группы укрѣпились настолько, чтобы дѣло не пропало съ арестомъ товарищей; чтобы движеніе въ каждомъ данномъ мѣстѣ стало неистребимымъ. Затѣмъ, когда своя, чисто партійная группа уже существуетъ, тогда передъ товарищами открывается болѣе широкое поле дѣятельности. Тогда, при индивидульномъ или групповомъ участіи въ непартійныхъ рабочихъ союзахъ они будутъ чувствовать за собою поддержку товарищей, не будутъ бояться изсчезнуть въ общемъ теченіи. Короче говоря, мы считаемъ, что *организаторская* работа должна быть направлена на созданіе своихъ группъ прежде всего; затѣмъ, уже имѣя за собой такую группу, не только можно, но и слѣдуетъ вступать въ рабочія организаціи, примутъ ли онѣ форму профессіональныхъ союзовъ, или какую нибудь иную. Само собую разумѣется, что это—не опредѣленная программа, а только общій планъ, подробности котораго выясняются, конечно, только на мѣстѣ. Но намъ кажется, что такой способъ веденія дѣла дастъ намъ и наибольшее вліяніе въ рабочей средѣ и наиболѣе шансовъ на устойчивость первыхъ анархическихъ ячеекъ въ Россіи.

Аграрный вопросъ и соціалисты(?)-государственники.

— *Земля принадлежитъ только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ*».

— «*Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*».

Двумя этими крайне простыми и всѣмъ понятными положеніями разрѣшается весь «аграрный вопросъ».

Соціалисты же государственники страшно запутываютъ это простое рѣшеніе простого вопроса. Въ ихъ программахъ минимумъ и программахъ максимумъ «аграрный вопросъ»—больное мѣсто. Отчего это?

Главныя причины, это буржуазная струя въ ихъ соціализмѣ,

проявляющаяся въ стремленіи возможно дольше сохранить частную собственность и въ боязни разстаться съ «государствомъ», и страсть къ «революціонному гаданью». Соціалисты государственники никакъ не могутъ удержаться отъ придумыванія «детальныхъ программъ», отъ угадыванія, что осуществимо въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ *).

*) Предугадать будущее возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы намъ были извѣстно три величины: прошлое, настоящее и будущая революція, отдѣляющая насъ отъ *угадываемаго будущаго*. А это—три неизвѣстные: x, y и z!

До сихъ поръ владѣльцемъ науки Исторіи и хранителемъ историческихъ матеріаловъ были почти исключительно *владѣющіе и властвующіе классы*. На каждомъ шагу, поэтому, мы натыкаемся на тенденціозное искаженіе однихъ фактовъ, умалчиваніе о другихъ, на злостное уничтоженіе или подделку историческихъ матерьяловъ и документовъ!

«Настоящее» мы узнаемъ обыкновенно въ неполномъ и искаженномъ видѣ, такимъ, какимъ подносятъ его намъ правительства, буржуазная пресса, школа и т. д....

Врядъ ли даже *владѣющіе и властвующіе классы* могутъ учесть существующее реально соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи. Иначе у буржуазіи нашлись бы талантливые политики-администраторы. Они дали бы каждой общественной силѣ *порознь* уступки, строго соотвѣтствующіе ихъ силѣ. Они затормозили бы развитіе революціи—реформами. А мы видимъ пока только *посредственности*: Сипягина, Зубатова, Плеве!...

Третье неизвѣстное—будущая революція. Это—только дальнѣйшее развитіе второго неизвѣстнаго.

Имѣя въ рукахъ только три неизвѣстные величины, нельзя надѣяться найти *опредѣленное рѣшеніе*. Поэтому то, писать детальныя программы и разсуждать о томъ, что «осуществимо» и что «неосуществимо»,—напрасная трата времени. Мы называемъ это—*революціоннымъ гаданьемъ*.

Надо выставить на знамена цѣль, т. е. идеалъ, къ которому мы стремимся, указать направленіе пути къ нему, враговъ, съ которыми приходится бороться, наконецъ способы и средства борьбы. Но на этомъ необходимо остановиться, чтобы не перейти въ *область мечтаній* и не уподобиться—Манилову.

Точно также не пристало соціалистамъ разставлять по неизвѣстному имъ пути въ незнакомой мѣстности *вѣхи*. По этимъ *вѣхамъ* соціалистамъ-государственникамъ, понятно, легче будетъ вернуться на *покой* въ буржуазный парламентъ. Но возставшихъ рабочихъ эти *вѣхи* неизбѣжно заведутъ въ дебри, невылазныя болота и трясины!....

Называйте насъ, анархистовъ коммунистовъ,—мечтателями утопистами! Вы сами—мечтатели „Маниловы“!

Крестьяне, обрабатывающіе своими руками *землю въ Россіи, должны сами взять ее силой.* Для этого они должны устранить отъ пользованіями выгодами, приносимыми обработкой земли,— всѣхъ паразитовъ, кулаковъ, помѣщиковъ, чиновниковъ, поповъ и остальныхъ богачей-тунеядцевъ. Крестьянамъ нечего надѣяться ни на какія подачки, «милости», надѣленіе землею или «обрѣзками». Всѣ эти «надѣленія» будутъ исходить отъ государственной власти, то есть отъ буржуазіи. Надумается ли голодающимъ крестьянамъ прирѣзать земли «самодержавная бюрократія» или власть «земскаго собора», выражающая собою, якобы «всенародную волю», будутъ ли новыя *льготы* крестьянамъ идти отъ демократическаго парламента или «диктатуры пролетаріата»;—все равно, это будутъ только *уступки и льготы,* исходящія *отъ государственной власти, во всѣхъ своихъ разностяхъ, всегда враждебной трудящемуся народу*;—всегда неизмѣнно охраняющей интересы «горсти избранныхъ тунеядцевъ» отъ справедливыхъ посягательствъ угнетенныхъ тружениковъ! Только работая сами надъ своимъ освобожденіемъ, только *насильственной* борьбой русскіе крестьяне могутъ выйти изъ невыносимаго положенія хроническихъ голодовокъ и постоянныхъ издѣвательствъ *«всякаго»* надъ ихъ личностью. Если же крестьяне, сложа руки, будутъ терпѣливо надѣяться на помощь *извнѣ* или *свыше,*—то этимъ самымъ они обрекаютъ себя и свое потомство на голодовки, вырождоніе и голодовки...

Единственный выходъ—крестьянское возстаніе съ захватомъ земли. Чѣмъ скорѣе это случится,—тѣмъ лучше.

Какими бы звонкими именами не называли себя защитники государственной власти, они всегда останутся—консерваторами въ глубинѣ своей души. Тотъ, кто хочетъ или считаетъ нужнымъ послѣ народно-рабочей революціи сохранить «государство», не можетъ быть ни революціонеромъ, ни, тѣмъ болѣе, соціалистомъ. Сторонникъ государственности, слѣдовательно «опеки надъ народомъ», «законности и порядка», если и бываетъ иногда революціонеромъ, то только — *случайно*, и всегда — *временнымъ*. Онъ только противъ *существующей формы* власти, которую стремится видоизмѣнить на *свой* образецъ. Когда же желаемое видоизмѣненіе стало уже реальнымъ фактомъ, вчерашній революціонеръ *неизбѣжно* превращается въ консерватора. *Соціалистъ можетъ быть*

только безгосударственнымъ соціалистомъ, то есть — *анархистомъ* *)

Вопросъ о формахъ землепользованія послѣ ближайщей народно-рабочей революціи для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, разрѣшается также просто и кратко, какъ и первый вопросъ. Освобожденныя общины сами рѣшать этотъ вопросъ. Отвергая государство, мы этимъ самымъ уже отвергаемъ проведеніе въ жизнь своего идеала, анархической коммуны—насильственнымъ образомъ. Въ освобожденныхъ общинахъ намъ, равноправнымъ со всѣми остальными членами этихъ общинъ, для пропаганды своего идеала, останется только личный примѣръ, словесное убѣжденіе и печатный станокъ *).

Понятно, первоначально, послѣ народно-рабочей революціи, формы землепользованія будутъ очень разнообразны. Мы—не боимся этого. Пусть развивается творческая способность *всѣхъ* людей, а не только *избранныхъ* властителей! Все жизнеспособное—выживаетъ, все мертворожденное, уродливое, фантастическое—„увянетъ, не успѣвши разцвѣсть“. Мы убѣждены въ жизнеспособности своего идеала и не боимся конкуренціи другихъ идей. *Анархическая коммуна* съ общественной обработкой земли и общественнымъ производствомъ вообще, *основываясь на принципѣ*: «*съ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ*»,—*станетъ идеаломъ всѣхъ*.

---

*) Еще 25 лѣтъ тому назадъ блестяще доказывалъ это положеніе П. Аксельродъ. Это было еще до выпуска имъ «покаянныхъ брошюръ». Интересующихся отсылаемъ къ его талантливой статьѣ о Германской Соціаль-Демократіи. «Община» 1878 г.

**) Понятно, изъ того, что мы отрицаемъ пользованіе организаціоннымъ, государственнымъ насиліемъ для проведенія въ жизнь нашего идеала, ни одинъ мыслящій человѣкъ не смѣшаетъ насъ съ Толстовцами. Но чего, чего не бываетъ въ наше время!

Часто умные люди оказываются ничего не понимающими дураками съ цѣлью извратить мысль неудобнаго противника. Поэтому, на всякій случай, повторяемъ: *въ разрушительной части работы мы за насиліе*. Мы стоимъ не только за вооруженное возстаніе, но и завооруженные демонстраціи, разлитой терроръ, за вооруженныя сопротивленія. Въ созидательной же части нашей работы мы противъ насилія, главнымъ образомъ противъ организованнаго насилія. При неизбѣжности насилія, мы всегда предпочтемъ форму неорганизованнаго насилія. Напримѣръ, *самосудъ мы предпочитаемъ „суду“!*

Но мы убѣждены, что *скорость* процесса выработки новыхъ формъ жизни, новыхъ формъ организаціи труда и пользованія продуктами, *будетъ прямо зависить отъ степени освобожденія общинъ отъ государственной власти, этого тормаза* въ развитіи человѣчества. Наибольшее разрушеніе государства уже въ ближайшую революцію, вотъ то, къ чему мы стремимся. Мы не станемъ терять время на разсужденія о томъ, «что осуществимо» и о томъ, „что будетъ“, на *революціонное(?) гаданье*. Снесетъ ли ближайшая народно-рабочая революція основы современнаго строя жизни: частную собственность и защиту ея государствомъ, или только поколеблетъ ихъ;—все равно, вся наша разрушительная, *революціонная работа должна быть направлена на основы строя жизни*. Мы не мечтатели, и убѣждены, что частная собственность и государство исчезнутъ только послѣ *ряда* народно-рабочихъ революцій. Въ разгаръ революціи, можетъ быть, удастся нарушить священныя основы и *поколебать самый строй жизни*. Послѣ же ближайшей революціи, въ періодъ усталости, во время неизбѣжной реакціи, уцѣлѣвшая буржуазія постарается возстановить „законность и порядокъ“ создастъ новую форму государства, и этимъ подложитъ новый тормазъ развитію человѣчества. *Выработка новыхъ формъ государства—задача буржуазіи. Дѣло соціалистовъ—бороться* со всякой формой государства, *со всѣми видами угнетенія человѣка человѣкомъ*.

Мы видимъ большое сходство въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса у соціалистовъ-революціонеровъ и у соціалдемократовъ. Это наше утвержденіе, вовсе, не такъ уже удивительно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. «Революціонная Россія» и «Искра»— оба эти органа принадлежатъ *марксистамъ и государственникамъ* Обѣ партіи только *вынуждены дать* кое что крестьянамъ, „такъ какъ безъ революціи дѣло не обойдется“. Крестьяне же, хотя еще и не прониклись „классовымъ самосознаніемъ“, представляютъ крупную силу, такъ какъ они большинство населенія Россіи. Съ этой силой нельзя не считаться.... *приходится* уступить....

Но есть и разница въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса у этихъ двухъ партій.»

Болѣе узкіе доктринеры и прямолинейные фанатики идеи, болѣе прямолинейные и нервные «Искровцы» увѣрены, что «мужикъ», пока голоденъ, будетъ быстрѣе и основательнѣе проникаться

„классовымъ самосознаніемъ“ и что крестьяне будутъ подавать больше голосовъ за соціалдемократическихъ депутатовъ на выборахъ въ будущій парламентъ,—если сперва часть ихъ обезземелить. Для затычки же глотки недовольнымъ, «Искра» бросаетъ обглоданную кость, т. е. «обрѣзки».... виноватъ!... «отрѣзки»....

Соціалисты же революціонеры—люди болѣе спокойные и болѣе практичные. На первыхъ порахъ, по ихъ мнѣнію, голоднаго «мужика» надо подкормить и надѣлить его снова землею.

Мы отдаемъ полную дань удивленія *государственной мудрости соціалистовъ революціонеровъ*! Процессъ обнищанія деревни уже теперь идетъ страшно быстро. Ежегодно растутъ буйныя толпы безработныхъ, выкинутыхъ изъ голодныхъ деревень на улицы городовъ и въ ночлежки. Существуетъ «возможность», что въ ближайшую революцію народъ, не проникшійся въ достаточной мѣрѣ «правосознаніемъ» и побуждаемый къ дѣйствіямъ *«революціоннымъ чувствомъ»*, перешагнувъ черезъ конституцію, земскій соборъ, парламентъ и «правовое государство»,—примется разрушать основы и корни современнаго строя жизни.—Если теперь «мужика» не подкормить, онъ пожалуй, «сорвавшись съ земли» разнесетъ все.... Крестьяне—*платежная сила*, крестьяне—*внутренній рынокъ*. Необходимо, поэтому, надѣлить ихъ землею.

Сознавая неизбѣжность народно-рабочей революціи, соціалисты-государственники сами боятся ее, хотя и не прочь при случаѣ попугать ею «царское правительство», чтобы выклянчить «куцую конституцію». Всѣ они мечтаютъ о «другой возможности»!....

Искренніе же соціалисты и истинные революціонеры, т. е. *государственники по недоразумѣнію,* должны понять, что въ моментъ, когда всѣ раздѣляются на два, прямо враждебные другъ другу, лагеря, всѣ промежуточныя положенія—крайне неустойчивы. Всѣмъ имъ необходимо бросить попытки удержаться «по срединѣ». Имъ надо идти или направо или налѣво; или, если они бояться грома и молніи революціи, отойти совсѣмъ въ сторону и спрятаться гдѣ нибудь подъ кустомъ.

Но мы видимъ въ государственности современныхъ соціалистовъ сверхъ «недоразумѣнія» и прочее, еще вылазку изъ буржуазнаго лагеря. Поэтому мы будемъ разоблачать изнанку всѣхъ приманокъ, выставленныхъ на удочкахъ программахъ.

Крестьянамъ не на кого и не на что надѣяться и пора пере-

стать *«терпѣливо ждать»*. Имъ пора начать дѣйствовать. Да они уже и начинаютъ. Совершенно невѣрно мнѣніе, что аграрная революція—будетъ. Осмотритесь: она уже началась. Нашихъ товарищей, работающихъ въ Россіи, мы зовемъ къ развитію въ ширь и въ глубь этой, начавшейся уже аграрной революціи. Надо прежде всего поднять въ самихъ себѣ и въ другихъ активность, революціонную инициативу, отвагу и сознаніе своего человѣческаго достоинства. Всего этого можно достигнуть только въ борьбѣ, въ борьбѣ со всѣмъ *строемъ жизни*, въ борьбѣ съ «владѣющими и властвующими классами», въ борьбѣ за полное уничтоженіе частной собственности и государства, а не за перемѣну одной формы гнета на другую! Невозможно предугадать результаты ближайшей революціи Живая жизнь развивается вовсе не по заранѣе предопредѣленному шаблону, а по равнодѣйствующей всѣхъ общественныхъ силъ. Результаты революціи будутъ прямо зависѣть отъ количества затраченной энергіи.

Моему брату крестьянину.

«Правда ли», спросилъ ты меня, «что твои товарищи, городскіе рабочіе, хотятъ взять у меня землю, ту землю которую я такъ люблю, и которая даетъ мнѣ хлѣбъ, правда довольно скупо, но всетаки даетъ? Она кормила моего отца и отца моего отца; неужели же дѣти мои будутъ лишены возможности кормиться на ней? Правда ли, что ты хочешь взять у меня землю?»

— «Нѣтъ, мой братъ, это не правда. Ты любишь землю, воздѣлываешь ее, тебѣ принадлежитъ и урожай. Ты добываешь изъ земли хлѣбъ, никто не имѣетъ права ѣсть его прежде тебя, прежде женщины, которая соединила свою судьбу съ твоей, прежде ребенка, родившагося отъ вашего союза. Храни свои поля, храни свой заступъ и соху, необходимые тебѣ, чтобы вспахивать затвердѣвшую землю, храни сѣмена для посѣвовъ. Нѣтъ ничего болѣе священнаго твоего труда, и тысячу разъ будь проклятъ тотъ, кто вздумаетъ отнять у тебя землю, сдѣлавшуюся кормилицей трудами рукъ твоихъ»!

Но то, что я говорю тебѣ, я не скажу этого другимъ, которые тоже называютъ себя земледѣльцами, но на самомъ дѣлѣ не являются

ими. Кто эти такъ называемые работники, эти удобрители земли? Одинъ родился вельможей. Лишь только успѣли положить его въ колыбель, одѣтаго въ тонкія ткани и дорогіе шелка, священникъ, судья, нотаріусъ и другія особы пришли поклониться новорожденному, какъ будущему владѣльцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всѣхъ сторонъ, принося дары, дорогія ткани, затканныя серебромъ и золотыя погремушки; и въ то время, какъ его осыпаютъ подарками, писцы записываютъ въ большихъ книгахъ, что *малютка* владѣетъ—здѣсь источниками, тамъ рѣками, а еще дальше лѣсами, полями и лугами, тамъ садами и еще другими полями, другими лѣсами, другими пастбищами. У него естъ имѣнія на горахъ, есть въ долинахъ; даже подъ землею у него имѣются крупныя владѣнія, гдѣ люди работаютъ сотнями и тысячами. Достигши зрѣлаго возраста, онъ можетъ быть посѣтитъ когда нибудь эти владѣнія, унаслѣдованныя имъ по выходѣ изъ утробы матери,—можетъ быть, не дастъ себѣ труда и заглянуть на нихъ; но все равно, продукты собирать и продавать будетъ онъ. Со всѣхъ сторонъ, по проѣзжимъ и желѣзнымъ дорогамъ, на рѣчныхъ баржахъ и морскихъ пароходахъ къ нему будутъ прибывать мѣшки золота—доходъ съ его помѣстій. И что же? Когда у насъ будетъ сила, оставимъ мы всѣ эти продукты человѣческаго труда въ сундукахъ этого наслѣдника? Оставимъ мы неприкосновенной эту собственность? Нѣтъ, друзья мои, мы возьмемъ все это. Мы разорвемъ эти бумаги и планы, мы взломаемъ двери этихъ замковъ, мы завладѣемъ этими имѣніями. «Работай, молодой человѣкъ, скажемъ мы ему, если ты хочешь ѣсть. Ничто больше изъ этихъ богатствъ не принадлежитъ тебѣ».

А тотъ другой господинъ, родившійся бѣднякомъ безъ дворянскихъ грамотъ, къ которому ни одинъ льстецъ не являлся на поклонъ въ материнскую хижину или мансарду, но которому удалось разбогатѣть при помощи своего честнаго или нечестнаго труда? У него не было ни клочка земли, гдѣ бы онъ могъ склонить свою голову, но онъ сумѣлъ посредствомъ спекуляцій или сбереженій, милостью своихъ господъ или судьбы пріобрѣсть громадныя пространства, которыя онъ теперь окружаетъ стѣнами и заборами: онъ собираетъ, гдѣ не сѣялъ, онъ ѣстъ и подбираетъ хлѣбъ, который другой добылъ своимъ трудомъ. Отнесемся мы съ уваженіемъ къ этой другой собственности разбогатѣвшаго бѣдняка, который не

работаетъ самъ и называетъ землю своею, воздѣлывая ее руками рабовъ? Нѣтъ мы не пощадимъ эту вторую собственность, такъ же, какъ и первую. И здѣсь также, когда у насъ будетъ сила, мы возьмемъ эти имѣнія и скажемъ тому, кто считаетъ себя ихъ хозяиномъ:

«Прочь выскочка! Ты работалъ когда то, такъ продолжай. Ты будешь имѣть хлѣбъ, который заработаешь своимъ трудомъ, но земля, которую ты не воздѣлываешь, больше не твоя. Ты больше не хозяинъ хлѣба!»

Такимъ образомъ, мы возьмемъ землю, но возьмемъ у тѣхъ, кто владѣетъ ею, не работая, чтобы отдать ее тѣмъ, кто работаетъ; но отдадимъ ее не для того, чтобы позволить имъ въ свою очередь эксплуатировать другихъ несчастныхъ. Количество земли, на которое отдѣльная личность, семья или группа друзей имѣетъ право, не можетъ превышать размѣровъ, которые могутъ быть обработаны личнымъ или общимъ трудомъ. Какъ только размѣры эти переходятъ за предѣлы пространства, которое они могутъ воздѣлать, они будутъ неправы требовать себѣ этотъ излишекъ; пользованіе имъ принадлежитъ другому работнику. То, что ты обрабатываешь, мой братъ, — твое, и мы поможемъ тебѣ сохранить это всѣми находящимися въ нашей власти средствами; но земля, которую ты не воздѣлываешь, принадлежитъ твоему товарищу. Дай ему мѣсто. Онъ тоже сумѣетъ работать.

Но, если каждый изъ васъ имѣетъ право на свою долю земли, будете вы жить отдѣльно другъ отъ друга? Одинъ мелкій крестьянинъ, собственникъ или арендаторъ, слишкомъ слабъ, чтобы бороться заразъ и со скупой природой, и съ злыми угнетателями. Если онъ выживетъ, то благодаря чудовищнымъ усиліямъ. Онъ долженъ приспособляться ко всѣмъ капризамъ погоды и въ тысячѣ случаевъ подчиняться добровольной пыткѣ. Морозитъ ли, палитъ ли солнце, идетъ ли дождь, или дуетъ вѣтеръ, онъ долженъ всегда быть на работѣ; затопитъ наводненіемъ его урожай, спалитъ его солнце,— онъ съ грустью соберетъ остатки, которыхъ не хватитъ ему, чтобы прокормиться. Наступитъ день посѣва,—онъ вынетъ изо рта послѣднее зерно и броситъ его въ борозду. Въ его отчаяніи у него остается страстная вѣра: онъ приноситъ въ жертву часть своей убогой жатвы, такъ необходимой ему, въ увѣренности, что послѣ суровой зимы, предательской и измѣнчивой весны, послѣ жгучаго лѣта, хлѣбъ

всетаки родится и удвоитъ, утроитъ, удесятеритъ, быть можетъ, посѣвъ. Какую глубокую любовь хранитъ онъ къ этой землѣ, которая заставляетъ его такъ много трудиться, такъ много страдать въ постоянномъ страхѣ и разочарованіи и такъ ликовать отъ радости, при видѣ волнующихся налитыхъ колосьевъ. Нѣтъ сильнѣе любви крестьянина къ землѣ, которую онъ вспахиваетъ и засѣваетъ, изъ которой онъ вышелъ и въ которую вернется! И однако сколько враговъ его окружаетъ и зарятся на эту землю, которую онъ такъ страстно любитъ. Сборщикъ податей облагаетъ налогомъ его борону и беретъ у него часть собраннаго имъ хлѣба; продавецъ беретъ другую часть; желѣзная дорога его обкрадываетъ въ перевозкѣ товара. Со всѣхъ сторонъ его обманываютъ. И сколько бы мы ему не кричали: „Не плати налоговъ, не плати арендной платы".—онъ все таки платитъ, потому что онъ одинъ, потому что онъ не довѣряетъ своимъ сосѣдямъ — другимъ мелкимъ крестьянамъ, собственникамъ или арендаторамъ, и не рѣшается сговориться съ ними. Страхомъ и разъединеніемъ держатъ крестьянъ въ подчиненіи.

Сильнѣе въ борьбѣ съ общимъ врагомъ государствомъ и бариномъ, крестьяне, живущіе обществами, какъ за друга и міръ въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ. Земля—ихъ общественная собственность и она не дробится на многочисленные куски, огороженные заборами, стѣнами или рвами. Имъ не приходится спорить, ихъ-ли колосъ, выросшій вправо или влѣво отъ борозды. У нихъ нѣтъ ни судебныхъ приставовъ, ни адвокатовъ, ни нотаріусовъ, чтобы устраивать ихъ дѣла съ товарищами. Послѣ сбора, до наступленія поры новыхъ работъ, они собираются вмѣстѣ для обсужденія своихъ общихъ интересовъ. Женился кто-нибудь, родился въ семьѣ ребенокъ или вообще прибавился новый членъ,—всѣ излагаютъ свое новое положеніе и берутъ большую часть изъ общаго имущества, чтобы удовлетворить увеличившимся потребностямъ. Надѣлы увеличиваются или уменьшаются, смотря по количеству земли и по числу членовъ общины, и каждый обрабатываетъ свое поле, счастливый сознаніемъ, что живетъ въ мирѣ съ своими братьями, которые работаютъ тутъ-же на землѣ, размѣренной сообразно потребностямъ всѣхъ. Въ случаѣ необходимости товарищи помогаютъ другъ другу: сгорѣла чья нибудь хижина,—всѣ принимаются за постройку новой, размыло дождемъ часть поля,—

уступаютъ другое пострадавшему владѣльцу. Кто-нибудь одинъ пасетъ общинныя стада. и вечеромъ овцы и коровы сами возвращаются въ свои хлѣва, безъ погони. Община составляетъ въ одно и то же время собственность всѣхъ и каждаго.

Но, какъ и отдѣльная личность, община слишкомъ слаба, если она остается обособленной. Не достаетъ земли для всей общины,—и всѣ должны голодать! Она находится почти въ постоянной враждѣ съ болѣе богатымъ помѣщикомъ, который вѣчно заявляетъ притязанія на то или другое поле, тотъ или другой лѣсъ или пастбище. Она старательно борется, и еслибы былъ только одинъ помѣщикъ, она живо справилась бы съ его алчностью, но помѣщикъ не одинъ: на его сторонѣ губернаторъ и начальникъ полиціи, за него стоятъ попы и судьи, его поддерживаетъ все правительство съ своими законами и арміей. Въ случаѣ нужды, къ его услугамъ имѣются пушки, чтобы разстрѣлять тѣхъ, кто не хочетъ уступить ему спорную землю. Такимъ образомъ, если даже община будетъ тысячу разъ права, все говорить за то, что власти найдутъ ее неправой. И какъ бы мы не кричали ей, какъ и плательщику податей: «Не уступай!» она, какъ и первый должна будетъ уступить, въ силу своей обособленности и слабости.

И такъ, всѣ вы, мелкіе собственники — самостоятельные или живущіе общинами—очень слабы, чтобы бороться со всѣми, кто старается васъ поработить: съ узурпаторами, посягающими на вашъ клочекъ земли, съ правителями, вымогающими у васъ весь продуктъ вашего труда. Если вы не соединитесь вмѣстѣ, вы скоро раздѣлите судьбу тѣхъ милліоновъ и милліоновъ людей, которые уже лишены всякаго права на посѣвы и уборку живутъ въ рабствѣ наемнаго труда, находя работу тогда, когда хозяевамъ выгодно и угодно имъ ее дать, и вѣчно принужденные христарадничать подъ тѣмъ или инымъ видомъ,—то униженно выпрашивая работы, а то и протягавая руку за подачкой. У нихъ нѣтъ больше земли; васъ можетъ постигнуть такая же участь.

Есть ли стало быть такая большая разница между вашею и ихъ судьбою? Несчастье ихъ уже постигло,—васъ оно постигнетъ не сегодня, завтра. Соединитесь же всѣ въ вашемъ общемъ несчастьѣ и опасности, которая угрожаетъ вамъ, защищайте то, что у васъ осталось, и верните себѣ все потерянное.

Иначе васъ ждетъ тяжелая участь. Не забудьте, что мы жи-

вемъ въ вѣкѣ науки и системъ, наши правители, имѣя въ своемъ услуженіи цѣлую армію химиковъ и профессоровъ, готовятъ вамъ такую общественную организацію, въ которой все будетъ распредѣлено, какъ на заводѣ, гдѣ машина управляетъ всѣмъ, даже людьми, гдѣ послѣдніе—простые колеса, которыхъ выбрасываютъ, лишь только они принимаются разсуждать и желать.

Такъ въ пустыняхъ Западной Амгрики, въ плодородныхъ областяхъ, громадныя пространства земли уступлены кампаніямъ спекуляторовъ, находящихся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ, какъ всѣ богачи и негодяи, которымъ посчастливилось разбогатѣть. Имѣя въ своемъ распоряженіи людей и капиталы, они превращаютъ эти земли въ хлѣбные заводы.

Вотъ образчикъ такой культуры земли въ одной провинціи.

Веденіе хозяйства на этомъ огромномъ пространствѣ поручено одному человѣку, являющемуся чѣмъ то въ родѣ генерала, образованному, опытному, хорошему земледѣльцу и такому же хорошему продавцу, ловкому въ искусствѣ оцѣнивать по ихъ настоящей стоимости силу производительности земли и мускуловъ. Этотъ господинъ живетъ въ удобномъ помѣщеніи въ центрѣ своихъ владѣній. Въ сараяхъ у него стоитъ сто плуговъ, сто сѣялокъ, сто жатвенныхъ машинъ, двадцать молотилокъ; штукъ пятьдесятъ вагоновъ, прицѣпленныхъ къ локомотивамъ, безпрестанно скользятъ по рельсамъ по направленію отъ вокзаловъ, стоящихъ тутъ же на поляхъ, къ ближайшему порту. И пристани, и пароходы, стоящіе въ порту, также собственность владѣльца имѣнія. Изъ его дома ко всѣмъ другимъ постройкамъ проведенъ телефонъ; голосъ хозяина слышенъ отовсюду. До его слуха доносится малѣйшій шумъ; онъ видитъ каждое движеніе. Ничто не дѣлается безъ его приказаній; его хозяйскій глазъ слѣдитъ за всѣмъ.

Но во что превращается рабочій, крестьянинъ въ этомъ такъ прекрасно организованномъ мірѣ? Машины, лошади и люди употребляются совершенно одинаково: на нихъ смотрятъ, какъ на сумму силы, которую надо употребить съ большей пользой для хозяина: выжать изъ нея какъ можно больше продуктовъ съ наименьшими затратами. Конюшни расположены такимъ образомъ, что съ перваго же шага по выходѣ изъ зданій животные уже вскапываютъ борозду, которая должна тянуться черезъ все поле, на разстояніи

нѣсколькихъ верстъ: каждый шагъ ихъ разсчитанъ, и каждый приноситъ доходъ хозяину.

Точно также, каждое движеніе рабочаго, лишь только онъ переступаетъ порогъ общей спальни, разсчитано, размѣряно. Здѣсь нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, которыя могли бы отвлекать отъ работы лаской или поцѣлуемъ. Рабочіе распредѣлены по небольшимъ отрядамъ, имѣющимъ своихъ унтеровъ, капитановъ и неизбѣжнаго шпіона. Каждый обязанъ методически исполнять данную ему работу, храня полное молчаніе. Сломается какая нибудь машина,—ее бросаютъ въ ломъ, если нельзя ее поправить; упадетъ лошадь и сломаетъ себѣ ногу,—ее убиваютъ выстрѣломъ въ ухо изъ револьвера и убираютъ трупъ. Упадетъ человѣкъ въ изнеможеніи, сломаетъ себѣ руку или ногу, или схватитъ лихорадку,—его не приканчиваютъ на мѣстѣ, но прогоняютъ: пусть умираетъ себѣ гдѣ нибудь въ сторонѣ, не безпокоя никого своими жалобами.

По окончаніи большихъ работъ, когда природа отдыхаетъ, отдыхаетъ и директоръ и отпускаетъ свою армію. На слѣдующій годъ онъ всегда найдетъ сколько нужно наемныхъ костей и мускуловъ, но онъ ни за что не возьметъ прошлогоднихъ рабочихъ: они могутъ претендовать на свою опытность, вообразить, что знаютъ не меньше самого хозяина, плохо повиноваться, и кто знаетъ? пожалуй еще привяжутся къ воздѣлываемой ими землѣ и вообразятъ, что она ихъ!

Если бы счастье человѣчества заключалось въ созданіи кучки милліонеровъ, ради удовлетворенія своихъ капризовъ и страсти собирающихъ груды продуктовъ, произведенныхъ трудомъ порабощенныхъ рабочихъ,—эта научная обработка земли галерными каторжниками была бы идеаломъ. Какіе удивительные результаты даютъ эти финансовыя предпріятія! Количество хлѣба, добытаго трудомъ пятисотъ человѣкъ, можетъ прокормить пятьдесятъ милліоновъ; ничтожныя затраты на жалкую плату рабочимъ приносятъ громадныя количества хлѣба, которымъ грузятъ корабли и продаютъ его въ десять разъ дороже стоимости его производства.

Правда, если масса потребителей слишкомъ обѣднѣетъ за неимѣніемъ работы и заработной платы, она не сможетъ покупать всѣ эти продукты и, осужденная на голодную смерть, не станетъ больше обогащать спекуляторовъ. Но послѣднихъ не занимаетъ отдаленное будущее: разбогатѣть сначала, итти по дорогѣ, усыпанной

золотомъ, а потомъ видно будетъ,—дѣти выпутаются! «Послѣ насъ, хоть потопъ!»

Вотъ товарищи рабочіе, какую судьбу готовятъ вамъ! У васъ возьмутъ любимую землю, гдѣ вы въ первый разъ увидѣли тайну хлѣбнаго стебелька, пробивающагося сквозь твердую почву. У васъ возьмутъ поля и нивы; васъ возьмутъ самихъ. Привяжутъ васъ къ желѣзной машинѣ, дымящей и шипящей, и въ облакахъ чернаго дыма вы должны будете вертѣть какое нибудь колесо, размахивая руками десять-двѣнадцать тысячъ разъ въ день.—Это будетъ называться земледѣліемъ.

И не думайте тогда помышлять о любви, когда у васъ явится желаніе имѣть жену; не поворачивайте голову въ сторону проходящей молодой дѣвушки: старшій мастеръ не потерпитъ, чтобы вы крали время у хозяина. Если угодно будетъ послѣднему разрѣшить вамъ жениться и оставить послѣ себя потомство,—значитъ вы ему очень понравились; у васъ будетъ та рабская душа, какую ему хотѣлось сдѣлать, вы будете достаточно гнуснымъ, что онъ позволитъ низшей расѣ не потухнуть.

Васъ ждетъ будущность рабочаго, работницы, заводскаго дѣтища! Древнее рабство никогда болѣе методически и послѣдовательно не калѣчило человѣческую натуру, чтобы низвести ее на степень простого орудія.

Что осталось человѣческаго въ этомъ истощенномъ извращенномъ, золотушномъ существѣ, которое вѣчно дышетъ въ атмосферѣ пота, сала и пыли?

Спасите себя во что бы то ни стало отъ такой смерти. Оберегайте ревностно вашу землю; она ваша, вашей жены и дѣтей, которыхъ вы любите. Соединитесь съ товарищами, землѣ которыхъ какъ и вашей, угрожаютъ заводчики, любители охоты, ростовщики. Забудьте всѣ ваши мелкія ссоры и сходитесь въ общины, гдѣ всѣ будутъ солидарны, гдѣ каждый клочекъ луга будетъ защищаться всѣми общинниками.

Въ количествѣ ста, тысячи, десяти тысячъ человѣкъ вы будете уже достаточно сильны, чтобы противустоять помѣщику и его слугамъ; но вы не будете еще довольно сильными, чтобы побѣдить армію. Соединяйтесь же община съ общиной, чтобы самая слабая имѣла за себя всѣхъ. Призовите къ себѣ также и всѣхъ тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, всѣхъ обездоленныхъ городскихъ рабочихъ, ко-

торыхъ, можетъ быть, васъ и научили ненавидѣть, но которыхъ надо любить, ибо они помогутъ вамъ удержать землю и вернуть то что у васъ отняли. Вмѣстѣ съ ними вы снесете всѣ ограды и образуете огромную общину людей, гдѣ всѣ будутъ работать сообща надъ своимъ счастьемъ, придавая жизнь и красоту этой чудной землѣ, дающей намъ хлѣбъ.

Но если вы этого не сдѣлайте, все будетъ потеряно. Вы погибнете рабами и нищими. «Вы хотите ѣсть», сказалъ недавно алжирскій мэръ депутаціи безработныхъ, «такъ ѣшьте другъ друга!»

Элизе Реклю.

Аграрный терроръ.

Такъ называемый аграрный терроръ быстро развивается въ земледѣльческихъ областяхъ Россіи. Вся первая половина XIX вѣка заполнена партизанской войной „всячески унижаемой бѣдноты“ съ „самодержавными богачами“. Во второй половинѣ XIX вѣка партизанская война въ деревняхъ затихла. Теперь она опять вспыхнула съ новой силой и быстро развивается въ ширь и глубь.

Мѣстныя крестьянскія бунты и аграрный терроръ—необходимые спутники всякой народной революціи.

Аграрный терроръ безъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ революціонныхъ дѣйствій, при широкомъ примѣненіи—можетъ оказать только „давленіе“ на „владѣющіе и властвующіе классы“ и вызвать, также какъ въ 60 г. прошлаго вѣка, — только одни реформы.

Но это вѣрно только тогда, когда нѣтъ на лицо другихъ болѣе дѣйствительныхъ революціонныхъ актовъ.

Но можетъ ли когда нибудь аграрный терроръ являться средствомъ борьбы затемняющимъ классовое самосознаніе», какъ любятъ выражаться соціалдемократы? По моему мнѣнію нѣтъ! Даже— прямо наоборотъ! Аграрный терроръ помогаетъ, и притомъ очень сильно,—рѣзкому раздѣленію всѣхъ людей на два класса. Эта самая страшная форма террора иногда крайне дикая въ своихъ проявленіяхъ, заставляетъ каждаго соприкоснувшагося съ нимъ такъ или иначе въ жизни, перейти или на сторону «умирающаго обще-

ства» или на сторону «пробуждающагося народа». Аграрный терроръ способствуетъ образованію въ современномъ обществѣ демаркаціонной линіи. (При гангренахъ—поясъ, отдѣляющій живую ткань отъ мертвой, называется демаркаціонной линіей).

Другое дѣйствіе аграрнаго террора я назвалъ бы—«поднимающимъ въ угнетенныхъ сознаніе своего человѣческаго достоинства». Есть степени гнета, давящія съ такой силой, что убиваютъ всякую энергію, всякую активность... Чтобы выйти изъ этого «пассивнаго оцѣпененія» необходимо встряхнуться, удовлетворить потребность въ мести, «общественной», «классовой» мести.

Аграрный терроръ, кромѣ того,—единственное средство самозащиты крестьянъ отъ расходившихся «господъ» и «начальства». Аграрнымъ терроромъ при настоящемъ строѣ общества крестьяне сдерживаютъ въ терпимыхъ границахъ эксплуатацію своего труда и издѣвательство надъ ихъ личностью.

Аграрный терроръ, сверхъ всего этого, при наличности другихъ „массовыхъ революціонныхъ дѣйствій"—превосходная подсобная форма партизанской борьбы.

Голодъ, невѣжество, страхъ *).

Три врага есть у народа. Его первый врагъ—голодъ. Второй врагъ—невѣжество, его третій врагъ—страхъ.

Голодъ—сдѣлалъ его вьючнымъ животнымъ. И невыносимо тяжела его ноша. Но сильны удары кнута. И онъ терпитъ. И обливается кровавымъ потомъ. И вмѣстѣ съ слезами онъ пьетъ эту кровь.

Голодъ гонитъ крестьянина и рабочаго, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей на рынокъ рабовъ и заставляетъ ихъ кричать:

«Купите рабочаго! Мы продаемъ себя цѣликомъ—и тѣло, и душу, и совѣсть.

«Покупайте дешево—мы будемъ работать на васъ до изсту-

*) Листовка, выпущенная въ августѣ мѣсяцѣ въ Россіи группой «Хлѣбъ и Воля».

пленія, до пота десятаго, мы одѣнемъ ярмо на себя и будемъ цѣловать ваши ноги... Покупайте рабочаго—дешево, дешево...

«Мы просимъ немного—лишь хлѣба настолько, чтобъ не околѣть, да жалкихъ лохмотьевъ, чтобъ прикрыть наготу».

И торгуетъ народъ.

И стая хищниковъ, богатыхъ и сильныхъ людей, слетается.

И покупаютъ рабочую силу, рабочую душу...

Полны заводы, фабрики, копи, полны веселые дома.

И стонъ раздается повсюду...

Но многіе остались... некупленными. Богатые и сильные оставили ихъ, чтобъ имѣть ихъ въ запасѣ, чтобы сказать своимъ рабамъ: „Берегитесь, мы возьмемъ другихъ на ваше мѣсто", чтобъ крѣпче держать возжи въ рукахъ, чтобы чувствительнѣй бить рабочихъ—скотовъ...

Для этихъ—голодъ не знаетъ пощады.

Онъ въ помощь зоветъ тифъ, холеру, цынгу, и коситъ народъ.

И ужасъ, отчаяніе всюду...
И стонетъ народъ...

* * *

Его второй врагъ—невѣжество.

Пируетъ богатый...

Яствами полны столы ихъ, рѣками льется вино. И собакамъ своимъ они бросаютъ больше, чѣмъ людямъ—рабамъ...

Золотомъ блещутъ ихъ одежды, весельемъ сверкаютъ глаза.

Ихъ дѣти здоровы, обуты и сыты...

И сотни тысячъ рабовъ трудятся всю свою жизнь, чтобъ доставить этимъ дѣтямъ богатыхъ игрушки красивыя...

И тысячи рабочихъ дѣтей чахнутъ на фабрикахъ, босыя, голодныя, жалкія...

Ихъ жены не знаютъ заботъ—все сдѣлаютъ слуги. Имъ не надо работать—купленъ рабочій съ его женой и дѣтьми.

Нужно только его погонять, да бить побольнѣе, чтобъ отдыха не зналъ.

А народъ видитъ все это и думаетъ: Такъ и должно быть—онъ господинъ и хозяинъ, я его подданный—рабъ.

И думаетъ онъ такъ, потому что невѣжественъ.

И приходятъ къ нему священники и говорятъ ему: Мы знаемъ, что вамъ принадлежитъ царство небесное, что послѣдніе будутъ первыми въ немъ. И за то, что мы говоримъ вамъ это,—вы платите намъ часть труда своего.

И народъ слушаетъ и вѣритъ.

И гнетъ свою спину на поляхъ и лугахъ подъ зноемъ палящимъ, дышетъ отравленнымъ воздухомъ въ мастерскихъ и заводахъ, какъ кротъ роется въ земляхъ богатыхъ, чтобъ заплатить служителямъ Бога.

И дѣлаетъ онъ это, потому что невѣжественъ.

И приходятъ къ нему сильные міра и говорятъ ему: Мы защищаемъ тебя отъ твоихъ враговъ, чтобъ ты могъ свободно работать. И ты намъ долженъ платить. И своихъ сыновей ты намъ долженъ давать для войны съ врагами.

И вѣритъ народъ.

Кровью онъ обливается, чтобъ подать платить, и дѣтей своихъ посылаетъ на вѣрную смерть.

Онъ дѣлаетъ это потому, что невѣжественъ.

И всѣ живутъ трудами его рукъ, всѣ у него на шеѣ сидятъ — фабрикантъ и помѣщикъ, попъ и ученый; всѣ питаются кровью его.

И его презираютъ и топчутъ ногами, и издѣваются надъ нимъ—простакомъ.

И народъ—этотъ большой и наивный ребенокъ—не понимаетъ, что тунеядцы всѣ эти люди, его покупающіе, властные надъ тѣломъ его и душой, что нужно съ ними бороться на жизнь и смерть, что нужно свергнуть господъ, нужно равенство богатства, равенство знанія, что воля нужна.

И стонетъ и терпитъ народъ.

* * *

Его третій врагъ—страхъ.

Стоять у раскаленной печи, брызжущей тысячами искръ горячихъ, работать въ шахтахъ сырыхъ, гдѣ всегда обваломъ, пожаромъ или удушливымъ газомъ грозитъ,—не боится народъ.

Убивать на войнѣ и подставлять себя подъ пули врага—не страшно ему.

Но подъ ударами своего господина, помѣщика, фабриканта, или чиновника онъ упорно молчитъ, скованный страхомъ...

Землю его отбираютъ, и ею торгуютъ, какъ вещью. Полны хлѣбомъ амбары господъ. Народъ голодаетъ и... молчитъ.

Цѣлыя деревни и села терпятъ гнетъ одного. Тысячи боятся немногихъ, боятся возстать противъ нихъ, отнять у нихъ землю, прогнать съ нея тунеядцевъ, вернуть себѣ вѣками ограбленное.

Онъ молчитъ, скованный страхомъ.

* * *

На фабрикахъ ему плотятъ гроши тѣ, которые наживаютъ миллiоны трудомъ и потомъ и кровью народа, десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ: лишь нѣсколько фабрикантовъ богатыхъ.

И спокойно пируютъ они.

Потому что труситъ народъ.

Полны магазины одежды для богатыхъ людей. И деньги у рабочихъ ограбленныя мѣняютъ на бархатъ и шелкъ. Народъ ходитъ въ лохмотьяхъ, видитъ все это и... глупо молчитъ.

* * *

На плаху ведутъ его сыновей за то, что любили народъ, вселяли въ него смѣлость и силу.

И толпы народа кругомъ.

И не дрогнетъ рука, чтобъ напасть на враговъ и вмѣстѣ съ друзьями своими бороться за равенство, братство, свободу. И торжествуетъ палачъ.

* * *

Есть три врага у народа—голодъ, невѣжество, страхъ.

Легализмъ и анархія.

Друзья! Слово «Анархія» васъ пугаетъ. Вы осуждаете насъ за то, что мы пользуемся имъ и мѣшаемъ людямъ благонамѣреннымъ, но боязливымъ, пристать къ намъ. Вы осуждаете насъ въ особенности за то, что мы совершенно отказались отъ государства: путь легальной эволюціи кажется вамъ несравненно болѣе вѣрнымъ.

Революціонный соціализмъ вамъ кажется страшнымъ, потому что онъ можетъ привести къ диктатурѣ; но вы вѣрите въ движеніе путемъ развитія кооперативныхъ обществъ и думаете, что такимъ путемъ можно будетъ перемѣстить капиталъ. Вы даже надѣетесь, что народъ и буржуазія заключатъ между собою миръ, и въ своихъ мечтахъ о будущемъ вы заранѣе назначили день 14 іюля — въ годовщину взятія Бастиліи — для великаго праздника примиренія народовъ и классовъ.

Конечно, слово «Анархія» можетъ пугать тѣхъ, кто понимаетъ его въ томъ смыслѣ, какой придается обыкновенно этому термину, и видитъ въ немъ синонимъ безпорядка, жестокой и безполезной борьбы; но развѣ мы неправы, употребляя его въ первоначальномъ смыслѣ, какой ему правильно дается во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ: „Отсутствіе правительства"? Не нужно только коверкать языка; что-же дѣлать, когда онъ не такъ богатъ и не даетъ въ наше распоряженіе терминовъ, не испорченныхъ ихъ неправильнымъ употребленіемъ. Впрочемъ, насъ нисколько не огорчаетъ, что слово, избранное нами, заставляетъ задумываться интересующихся соціальнымъ вопросомъ. Въ сказкахъ, всѣ великолѣпные сады, всѣ дворцы фей охраняются свирѣпымъ дракономъ. Драконъ, который сторожитъ у порога анархическаго дворца, не представляетъ ничего ужаснаго,— это только слово; но если находятся такіе, которыхъ оно отпугиваетъ, то напрасно мы будемъ стараться удерживать ихъ; люди, которыхъ беретъ страхъ передъ словомъ, врядъ-ли когда нибудь будутъ имѣть свободу ума, необходимую, чтобы изучить самую суть. Увы! Они останутся со своими предразсудками, погрязнутъ въ своей рутинѣ и въ своихъ формулахъ и будутъ продолжать говорить о «соціальной гидрѣ» словами оффиціальнаго жаргона.

Современное общество, подошедшее, такъ сказать, къ границѣ двухъ міровъ, полно самыми странными противорѣчіями: въ немъ господствуетъ произвольно «анархія», въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этому слову.

Войдите въ высшую школу: профессоръ говоритъ о Декартѣ и повѣствуетъ намъ о томъ, какъ этотъ великій философъ началъ съ того, что нанесъ смертельный ударъ („сдѣлалъ tabula rasa") всѣмъ предразсудкамъ, всѣмъ воспринятымъ идеямъ, всѣмъ устарѣлымъ системамъ. Онъ восхваляетъ силу его ума; онъ говоритъ намъ, что съ того момента, когда было произнесено смѣлое слово абсо-

лютнаго отрицанія, человѣческая мысль была освобождена; но тотъже самый профессоръ полонъ ужаса и отвращенія ко всѣмъ тѣмъ, кто пытается подражать его герою!

По примѣру Декарта, который первый осмѣлился назвать себя анархистомъ, мы тоже дѣлаемъ «tabula rasa»: мы хотимъ уничтожить всѣхъ королей, всѣ учрежденія, которыя тяготѣютъ надъ человѣческими обществами, мы не хотимъ покорности и повиновенія, которыя господская нравственность во всѣ времена вбивала въ голову своимъ служителямъ. Но мы не пойдемъ за Декартомъ до конца. Еслибъ, уничтоживъ бога, онъ не поспѣшилъ водворить его снова со всей его духовной и мірской свитой, еслибы онъ не вернулся обратно по пройденной имъ дорогѣ, будьте увѣрены, что намъ не приводили-бы его въ примѣръ. Ни цари, ни республики не дали-бы ему пріюта, и его имя было-бы проклято.

Но вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ и проклятіямъ, которыми насъ осыпали съ одного конца свѣта до другого, мы, анархисты, не думаемъ заняться снова постройкой государства, которое мы довели до полнаго отрицанія. Впрочемъ, вы сами сознаете, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, оно довольно невзрачно, и вамъ должно быть понятно наше желаніе поскорѣе его разрушить.

Довольно мы терпѣли всѣхъ правителей, Богомъ помазанныхъ или поставленныхъ волею народа, всѣхъ этихъ полномочныхъ министровъ, отвѣтственныхъ или неотвѣтственныхъ; этихъ законодателей, этихъ судей, которые продаютъ тому, кто дороже заплатитъ, то, что они называютъ «правосудіемъ»; этихъ поповъ, которые, представляя Бога на землѣ, обѣщаютъ мѣсто въ раю тѣмъ, кто становится ихъ рабомъ; этихъ грубыхъ военныхъ, которые требуютъ себѣ слѣпого повиновенія и полнѣйшаго отказа отъ процесса мышленія и личной нравственности отъ всѣхъ, кто имѣлъ несчастье попасть къ нимъ въ батальоны; этихъ собственниковъ или хозяевъ, которые располагаютъ работой и, слѣдовательно, жизнью огромной массы слабыхъ и бѣдныхъ. Намъ надоѣли эти религіозныя, юридическія и такъ называемыя нравственныя формулы, держащія насъ въ тискахъ и наши умы въ рабствѣ; надоѣла эта ужасная рутина, которая есть самое худшее правительство и которому всего больше повинуются, какъ это доказалъ недавно, громаднымъ количествомъ фактовъ, философъ Гербертъ Спенсеръ.

Но не можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, преобразовать экономическій строй общества, мирно и какъ бы подъ сурдинку, путемъ развитія кооперативныхъ ассоціацій? Правда, анархисты, больше чѣмъ кто либо другой, должны принимать въ соображеніе силу товарищества, потому что они все строятъ на свободныхъ союзахъ свободныхъ людей; но они не думаютъ, чтобы кооперативныя ассоціаціи рабочихъ могли произвести серьезныя перемѣны въ обществѣ. Сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки служатъ полезными опытами и мы должны быть довольны, что имѣли случай ихъ видѣть, но этихъ попытокъ вполнѣ достаточно теперь, чтобы имѣть возможность составить о нихъ мнѣніе. Общество есть цѣлое, которое мы не сможемъ измѣнить, мѣняя въ немъ какую-нибудь одну ничтожную его частицу. Не трогать капиталъ, оставить неприкосновенной безчисленную массу привилегій, составляющихъ государство, и воображать, что на этомъ роковомъ организмѣ мы можемъ привить новый организмъ,—все равно, что надѣяться, что на ядовитомъ молочайникѣ въ одинъ прекрасный день выростетъ роза.

Рабочія кооперативы имѣютъ уже свою исторію и мы знаемъ, что въ данномъ случаѣ удача еще опаснѣе неудачи. Неудача—это опытъ, который толкаетъ тѣхъ, кто ее испыталъ, въ бурный потокъ жизни и революціи. Но удача является роковой. Кооператива, дѣла которой идутъ удачно, которая наживаетъ деньги и дѣлается собственницей, неизбѣжно становится въ условія капитала: она становится буржуазной, дѣлаетъ учетъ векселей, преслѣдуетъ своихъ должниковъ, прибѣгаетъ къ помощи закона, кладетъ деньги въ банкъ, покупаетъ государственныя бумаги, накопляетъ капиталъ и дѣлаетъ его доходнымъ путемъ эксплуатаціи бѣдняка. Сдѣлавшись богатой, она входитъ въ общество привиллегированныхъ; она становится финансовымъ обществомъ, закрытымъ для всѣхъ, кто ничего не имѣетъ, кромѣ своихъ рукъ. Окончательно отдѣлившись отъ народа, сдѣлавшись простымъ общественнымъ наростомъ, она принимаетъ форму государства и не только не помогаетъ революціи, но становится ея ярымъ врагомъ. Всю свою жизненную силу, какая была въ ней вначалѣ, она направляетъ теперь противъ своихъ прежнихъ друзей, обездоленныхъ и революціонеровъ; помимо воли своихъ членовъ, она переходитъ въ непріятельскій лагерь: она становится не больше, какъ шайкой измѣнниковъ. Ничто такъ не портитъ, друзья мои, какъ удача! Пока наша побѣда не будетъ одновременно побѣ-

дой всѣхъ, лучше никогда не имѣть успѣха! Будемъ лучше всегда оставаться побѣжденными!

Вамъ кажется возможнымъ достигнуть обновленія всего общества съ помощью буржуазіи—мелкой буржуазіи разумѣется,—непосредственные интересы которой будто бы тѣ же, что и у рабочихъ. Мы думаемъ, что это глубокое заблужденіе. Не будемъ никогда полагаться на какую нибудь касту, и на буржуазію еще меньше, чѣмъ на всякую другую, потому что она считаетъ себя рожденной для привиллегій и восприняла всѣ связанные съ ними предразсудки и страсти. Безъ сомнѣнія, мелкій буржуа — такъ же какъ и всѣ люди — имѣлъ бы большое преимущество не имѣть постоянно передъ глазами призрака нищеты; безъ сомнѣнія, въ новомъ обществѣ онъ имѣлъ бы то, чего ему теперь не достаетъ—возможность развиваться и жить, не заботясь о кускѣ хлѣба; но надо принимать въ разсчетъ специальную причину деморализаціи, которая не существуетъ у людей, принужденныхъ работать своими руками, крестьянина и рабочаго. Эта причина—презрѣніе къ физическому труду. Буржуа, мелкій и крупный, получаетъ такое воспитаніе, что онъ считаетъ для себя униженіемъ взяться за работу. Его идеалъ—сберечь свои руки чистыми, не запятнаными трудомъ; онъ рабъ своего чернаго фрака, своихъ свѣтскихъ привычекъ, которыя ставятъ его въ кругу «господъ». Нѣтъ униженій, которымъ онъ не подвергся бы, чтобы сохранить свою касту; нѣтъ низости, которой онъ не сдѣлалъ бы, чтобы добиться протекціи, которая дастъ ему право попасть въ число привиллегированныхъ и правителей. Родители, учителя и друзья всегда рисовали предъ нимъ эту цѣль, какъ единственно достойную его стремленій. Какія только оскорбленія не долженъ перенести «сверхштатный» служащій, сколько униженій требуютъ отъ него раньше, чѣмъ впустить его въ классъ мандариновъ. Но разъ онъ попалъ въ эту плющильную машину,—онъ окончательно погибъ. Не ждите ничего отъ него—онъ больше не человѣкъ.

Отдѣльные выходцы изъ буржуазіи будутъ приставать къ намъ, и все болѣе и болѣе многочисленные, надѣемся мы; но, чтобы каста когда нибудь перешла къ намъ—это невозможно.

Мы—«уравнители». Для насъ каста (государство въ миніатюрѣ) должна исчезнуть, какъ и государство, со всѣми неравенствами, какъ сложившимися по традиціи, такъ и предписанными законами. И не политическими союзами, не работой надъ какими

нибудь мелочами, не попытками частичнаго улучшенія можемъ мы приблизить день грядущей революціи. Лучше прямо идти къ нашей цѣли, чѣмъ избирать окольные пути, которые только заставляютъ терять изъ виду намѣченную цѣль. Оставаясь искренне анархистами, врагами государства во всѣхъ его видахъ, мы имѣемъ то преимущество, что никого не обманываемъ, и особенно не обманываемъ самихъ себя. Мы не будемъ обращаться за содѣйствіемъ власти, или стараться самимъ также властвовать, подъ предлогомъ осуществленія маленькой частицы нашей программы, съ прискорбіемъ жертвуя при этомъ остальной ея частью. Мы избавимъ себя отъ скандала этой неустойчивости, которая создаетъ столько честолюбцевъ и скептиковъ и такъ затемняетъ народное сознаніе.

А если бы мы хотѣли держаться въ рамкахъ государства, подобные скандалы были бы неизбѣжны. Съ того момента, какъ революціонеръ достигъ «положенія», съ тѣхъ поръ какъ онъ усѣлся въ правительственномъ гнѣздѣ, онъ перестаетъ быть революціонеромъ и становится консерваторомъ. Это неизбѣжно. Изъ защитника угнетеннаго онъ становится самъ угнетателемъ; онъ бунтовалъ народъ, — теперь онъ работаетъ надъ его порабощеньемъ. Мы не будемъ называть здѣсь имена: современная исторія полна ими.

И можетъ ли быть иначе?—Мѣсто дѣлаетъ человѣка. Колеса машины надѣлены различными функціями и каждое должно быть хорошо приспособлено къ своей функціи, чтобы машина въ цѣломъ могла дѣйствовать. «Интересы правителей находятся всегда въ абсолютномъ противорѣчіи съ интересами управляемыхъ», сказалъ какъ-то давно знаменитый дипломатъ Робертъ Вольполь. Кто попадаетъ, слѣдовательно, въ правители, становится тѣмъ самымъ врагомъ народа.

Если мы, стало быть, хотимъ быть полезными нашему дѣлу, дѣлу угнетенныхъ и обездоленныхъ, останемся въ ихъ рядахъ. Ни за какія блага мы не должны отдѣляться отъ своихъ товарищей, даже подъ предлогомъ служенія имъ.

Свободно и независимо будемъ сходиться въ группы; дисциплину замѣнимъ добровольнымъ соглашеніемъ!

Пусть каждый честный человѣкъ отказывается отъ титуловъ, власти, отъ роли представителя, которая ставитъ его выше дру-

гихъ и снимаетъ съ него отвѣтственность. Такимъ образомъ революціонныя силы не будутъ больше дробиться, и народъ перестанетъ постоянно втаскивать своихъ вождей на вершину власти, чтобы они угнетали потомъ его оттуда. Какъ въ легендѣ о камнѣ Сизифа, который всегда падалъ на того, кто его съ большимъ трудомъ втаскивалъ на вершину горы.

Что же касается людей презрѣнныхъ, которымъ нужно начальство,—это ихъ дѣло. Увы! Долго они еще будутъ гоняться за начальствомъ! Съ правительствомъ, какъ съ религіей: вы найдете тысячи людей, которые вамъ будутъ говорить высокомѣрно: „Если бы всѣ походили на меня, тогда, конечно, намъ не нужно бы было правительства, но оно нужно для народа. Также, я обойдусь безъ религіи, но она нужна для женщинъ и дѣтей". И такимъ образомъ длится существованіе правительства и религіи. Что же касается насъ, то цѣня свободу для самихъ себя, мы также цѣнимъ ее и для другихъ; мы не хотимъ начальства, но мы не хотимъ также начальствовать надъ другими. Что бы тамъ ни говорили приверженцы государства, мы знаемъ, что общность интересовъ и безконечныя выгоды, вытекающія изъ одновременно свободной и солидарной жизни, вполнѣ достаточны, чтобы сохранить общественный организмъ. Только порядокъ въ немъ не будетъ нарушаться по капризу правителей, которые, какъ презрѣнное стадо, гонятъ народъ съ мѣста на мѣсто.

Конечно, мы сильно заблуждались бы, если бы разсчитывали на внезапную эволюцію людей въ анархистскомъ направленіи. Воспитаніе, получаемое ими, полное предразсудковъ и лжи, долго еще продержитъ ихъ въ рабствѣ.

Черезъ какую «спираль» цивилизаціи они пройдутъ прежде, чѣмъ поймутъ, наконецъ, что они могутъ обойтись безъ помочей и цѣпей? Мы не знаемъ, но, судя по настоящему, этотъ путь будетъ длиненъ. Обернитесь кругомъ: попы и учителя дружно работаютъ на пользу общаго отупѣнія; правители, генералы, чиновники и полицейскіе, капиталисты и хозяева изъ всѣхъ силъ стараются сѣять раздоры и войны и порабощать народъ; а тѣ, кого народъ привѣтствуетъ, какъ своихъ заступниковъ, тоже обѣщаютъ ему управлять имъ, составить «сильное правительство», защищать священные интересы религіи и собственности. Не вотировало ли республиканское Собраніе единогласно благодарность «благородной арміи» за то, что

она спасла общество, разстрѣлявъ тридцать пять тысячъ плѣнниковъ, убивая женщинъ и дѣтей? А другое еще болѣе республиканское Собраніе дало доказательство своей «мудрости и политическаго смысла», оставляя республиканцевъ наполнять тюрьмы и каторгу и не теряя возможности, при всякомъ удобномъ случаѣ, угодить властителямъ міра сего. Всѣ наши законодатели, когда то свирѣпые клубисты, стали теперь маркизами!

Какъ бы тамъ ни было, и сколько бы лѣтъ, десятковъ лѣтъ или вѣковъ, не отдѣляло насъ отъ окончательной революціи, мы будемъ работать для того дѣла, которое мы предприняли, будемъ слѣдить за современной исторіей, но не станемъ принимать въ ней такого участія, которое могло бы заставить насъ измѣнить нашимъ убѣжденіямъ. «Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ»; оставимъ кандидатовъ, стремящихся къ власти, превозносить цѣлебныя свойства правительственныхъ мѣропріятій, и направимъ всѣ наши усилія на расширеніе и увеличеніе числа элементовъ свободнаго и равноправнаго общества, которые уже существуютъ, но разрозненные и не полностью.

Преслѣдуемая нами цѣль — не химера. Она приближается, — мы это видимъ въ тысячѣ самыхъ разнообразныхъ вещей, разбросанныхъ то тамъ, то здѣсь. Какъ въ химическомъ растворѣ: здѣсь и тамъ образуются тысячи мелкихъ кристаловъ, прежде чѣмъ закристализуется вся масса.

Масса обществъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ, коммерческихъ, научныхъ, литературныхъ, артистическихъ, нарождающихся со всѣхъ сторонъ, не служатъ ли доказательствомъ перемѣны, происходящей въ умахъ, толкающей людей все больше и больше на путь совмѣстнаго труда? Не свидѣтельствуютъ ли о постоянномъ ростѣ человѣческой личности то презрѣніе, которымъ начинаютъ пользоваться старыя формулы религіи и оффиціальной нравственности и все большіе и большіе успѣхи свободной мысли? Не растетъ ли съ каждымъ днемъ число непокорныхъ соціалистовъ, не признающихъ ни вождей, отдающихъ приказанія, ни законовъ, душащихъ личную иниціативу, и связанныхъ между собою единственно чувствомъ общаго долга и чувствомъ взаимной симпатіи и уваженія? И, наконецъ, нѣтъ ли между недавно происшедшими событіями такихъ, которыя предвѣщали бы новое будущее? Не намъ, участвовавшимъ въ Коммунѣ, восхвалять ее; но исторія ея уже есть, —

и не показываетъ ли она, что въ этомъ кипучемъ потокѣ зарождался совершенно новый строй, въ которомъ ни попы, ни полиція, ни хозяева не нашли бы себѣ мѣста? А тамъ, въ Россіи, какое грандіозное зрѣлище представляютъ эти молодые люди и эти героини, которые бросаютъ свое общественное положеніе, богатство, сладости науки и искусства и идутъ въ народъ дѣлить съ нимъ его убогое существованіе, а потомъ кончаютъ свою самоотверженную жизнь въ тюрьмахъ и рудникахъ! На соединеніе этихъ разрозненныхъ элементовъ великаго будущаго общества мы и должны посвятить наши силы.

День ожидаемаго нами праздника наступитъ. Но онъ не будетъ только праздникомъ союза народовъ. Это будетъ торжество союза свободныхъ людей, живущихъ безъ всякаго начальства, который осуществитъ пророчество нашего великаго предка Рабле: «Дѣлай, что хочешь!»

Что совершилось?

На улицахъ Петербурга, Варшавы и другихъ городовъ жители цѣловались, поздравляя другъ друга и сообщая содержаніе царскаго манифеста.

(Сообщеніе заграничныхъ газетъ 30—31 октября).

Что можетъ быть для революціонера печальнѣе вида веселящагося народа, обманутаго обѣщаніемъ свободы?

Что совершилось? Чего добились?

Съ этимъ вопросомъ обращаемся мы, разумѣется, не къ тѣмъ, кто весь смыслъ и оправданіе народнаго движенія видѣлъ исключительно въ его противусамодержавномъ характерѣ, а къ тѣмъ, кто вотъ уже 20—25 лѣтъ поднялъ въ Россіи знамя пролетарской борьбы. Чего радуетесь? спрашиваемъ мы соціалистовъ.

Развѣ рабство, дробящее народъ, какъ жерновъ зерно, пало? Развѣ гнетущее насиліе, связывающее народъ и отдающее его,

связаннаго по рукамъ и ногамъ на съѣденіе городскимъ и деревенскимъ гіеннамъ и прочимъ хищникамъ капитала и власти, подавлено, уничтожено? Развѣ исчезли условія, дающія возможность капиталистамъ смотрѣть на рабочихъ, какъ на вьючныхъ животныхъ, а на ихъ женъ и дочерей, какъ на орудіе удовлетворенія своихъ грязныхъ страстей?

Развѣ прошли тѣ времена, палъ тотъ строй, при которомъ возможно было, ради корыстолюбивыхъ потаенныхъ помысловъ г-на Витте и его вчерашнихъ союзниковъ по плутовству, г.г. Алексѣевыхъ, Безобразовыхъ и другихъ, оторвать отъ работы, семьи сотни тысячъ здоровыхъ лучшихъ людей и послать ихъ на убой и на съѣденіе живыми и полуживыми лѣснымъ хищникамъ и морскимъ чудовищамъ?

Развѣ угнетеніе труда капиталомъ, человѣка человѣкомъ, государствомъ, развѣ грабежъ, обманъ отошли въ область исторической давности? Развѣ послѣ столькихъ слезъ и крови, пролитыхъ народомъ, настало, наконецъ, царство свободнаго труда, счастья и и довольства для всѣхъ?

Развѣ старое несолидарное общество, лишь для одурманиванія народа называемое буржуазіей и буржуазной демократіей—этой прекрасной расой лжецовъ—человѣчествомъ, не существуетъ больше, и его мѣсто заняло обновленное, настоящее человѣчество, къ которому мы стремимся, и въ которомъ нѣтъ мѣста классамъ и ихъ свирѣпой борьбѣ, въ которомъ всеобщее счастье, благосостояніе и свобода создаютъ тѣсную гармонію и солидарность интересовъ, открывая полную возможность для всѣхъ и каждаго на широкое и всестороннее развитіе? Развѣ все это осуществилось?

Или, можетъ быть, объявлена и торжествуетъ Коммуна, Коммуна трудящихся производителей, которая, дѣйствительно, могла вызвать во всѣхъ искреннихъ друзьяхъ ея желаніе расцѣловаться, какъ это было въ 1871 году, когда люди бросались въ объятія другъ другу, поздравляя съ торжествомъ—увы! временнымъ—Парижа, этой колыбели революціи, надъ реакціей, а Валлесъ окончилъ свою знаменитую статью, посвященную объявленію Парижской Коммуны, слѣдующими словами, обращенными къ сыну нищеты и унынія:

«Подъ заборомъ въ грязи нарожденному
И горячей слезой вспоенному»:

«Viens, mon petit, que je l'embrasse. C'est la Commune!? *)

Развѣ произошло хоть что нибудь подобное? — Нѣтъ, все остается по прежнему; по прежнему голодъ, нищета, оскорбленіе, униженіе и угнетеніе остаются долей народа. Причина веселія, радостныхъ слезъ и поцѣлуевъ—царское обѣщаніе!

Царь обѣщалъ!

Царь обѣщалъ свободу слова и собраній!.. Треповъ, вершитель воли самодержавія, пережившаго царское обѣщаніе, учиняетъ бойни на улицахъ Петербурга, избивая «свободно собравшійся» народъ; по прежнему нагайка, штыки и шашка наводятъ порядки, внушая «свободнымъ гражданамъ» страхъ и повиновеніе «основнымъ законамъ страны. По прежнему въ Россіи русской мысли нѣтъ, по прежнему она остается скованной.

Царь обѣщалъ свободу организацій... Царизмъ по прежнему свирѣпствуетъ противъ всякихъ попытокъ угнетенныхъ съорганизоваться, сплотиться во имя своихъ общихъ интересовъ; и чтобы лучше достичь своей цѣли, царизмъ обѣщавшаго свободу царя объединяется съ черносотенцами, устраиваетъ погромы, старается произвести по всей землѣ русской то, что Плеве удалось сдѣлать только въ Кишиневѣ.

Царь обѣщалъ свободу... и тѣ, кто доказалъ свою любовь къ свободѣ своей смѣлой, энергичной борьбой за нее, томятся въ бастиліяхъ царизма!

Царь обѣщалъ!.. И одно обѣщаніе царя было достаточно, чтобы остановить огромное движеніе, которое, казалось, должно было принести дѣйствительную, а не обманчивую, измѣнническую бумажную свободу царскаго манифеста!..

Но эта остановка не на долго.

* * *

Царское правительство мечтало остановить революцію манифестомъ 6 (19) августа, но обѣщанія, заключающіяся въ этомъ манифестѣ были ужѣ слишкомъ мизерны, слишкомъ грубо обманъ и подвохъ бросались въ глаза, чтобы удовлетворить кого нибудь; хотя надо сознаться, что извѣщеніе о согласіи царя созвать пред-

---

*) Иди, малютка, я тебя поцѣлую. Коммуна!

ставителей народа (?), даже только съ совѣщательнымъ голосомъ, вызвало нѣкоторое затишье въ широкомъ революціонномъ движеніи. Но это затишье было кратковременно. Народъ, рабочіе не могли не видѣть, что царская Дума, — это твореніе реакціонной мысли, имъ никакого облегченія не принесетъ, а потому движеніе вспыхнуло съ новой и еще большей силой.

Второй манифестъ объ основаніи «настоящей свободы и права» (съ самодержавіемъ, съ Треповымъ *) и наглымъ господствомъ правительственныхъ и иныхъ черносотенцевъ!) достигнетъ, можетъ быть такихъ же результатовъ, но не больше. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ уступки, содержащіяся въ царскомъ манифестѣ, могутъ надолго успокоить проснувшуюся отъ долгой летаргіи рабочую массу?

Манифесты никогда ничего не приносили и не могли принести народу, кромѣ обмана и новыхъ угнетеній. И народъ начинаетъ понимать это; часть его уже поняла, скоро всѣ поймутъ, что свободу приносятъ не манифесты. Часть народа уже нашла дорогу ведущую къ свободѣ, скоро вся угнетенная масса встанетъ на нее, и тогда ничто не будетъ въ состояніи остановить гигантскаго, непреодолимаго шествія впередъ къ свободѣ и свѣту!..

Напрасно лжецы и мистификаторы будутъ указывать на свободу тамъ, гдѣ ея нѣтъ, чтобы успокоить народъ. Онъ увидѣлъ возможность свободы, увидѣлъ пути, ведущіе къ ней, — и успокоиться теперь онъ больше не можетъ. Провозглашенная конституція (скорѣе жалкая пародія на конституцію) не можетъ достигнуть своей цѣли, не можетъ погрузить рабочую массу въ прежній сонъ. Слишкомъ много пролито крови и слезъ!

Явившись много раньше, конституція могла бы, можетъ быть, достигнуть своей умиротворяющей цѣли, — но теперь уже поздно, какъ поздно было, когда согласился подписать конституцію Людовикъ XVI. — Кстати, разыгрывающаяся и развивающаяся русская революція во многомъ напоминаетъ Великую французскую революцію: какъ тамъ, такъ и здѣсь дворцовая камарилья усердно готовитъ монархіи гильотину и своей политикой вызываетъ расширеніе и усиленіе республиканской партіи.

Такъ уже, очевидно, складываются обстоятельства, что каждая

---

*) Статья была написана сейчасъ же послѣ манифеста; теперь Треповъ «устраненъ», но суть дѣла отъ этого не мѣняется.

послѣдующая революція должна повторить предшествовавшую ей революцію, но дополняя и расширяя ее. Такъ, напримѣръ, французская революція 1789—93 г.г. была повтореніемъ англійской, предшествовавшей ей почти на полтораста лѣтъ, но она была расширена полуторавѣковымъ народнымъ опытомъ и сильнымъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка, которая формулировала весь соціализмъ, по крайней мѣрѣ, въ его конечныхъ цѣляхъ. Русская революція должна будетъ въ свою очередь воспользоваться уроками и опытами революцій предшествовавшихъ, а ей предшествовали революціи 1789—93 г.г., 48 г., 71 г. Урокъ же, съ неопровержимой логикой вытекающій изъ всѣхъ этихъ революціонныхъ опытовъ, одинъ: нелѣпость стремленія совершить сколько нибудь серьезный экономическій переворотъ черезъ политическій переворотъ; иначе говоря, необходимость для дѣйствительнаго обновленія жизни одновременно совершить экономическій и политическій переворотъ.

Одна греческая легенда разсказываетъ, что на дорогѣ, ведущей къ блестящимъ Өивамъ, стоялъ сфинксъ. Каждый, желающій пройти къ Өивамъ, долженъ былъ разгадать загадку, задаваемую сфинксомъ, и тотъ, кто не могъ разгадать загадки, сбрасывался въ пропасть.

Сфинксъ революцій 1789—93 г.г., 48 г. и 71 г. задалъ современному міру одну загадку: осуществленіе свободы, свободы безъ всякихъ оговорокъ, полнаго освобожденія отъ всякаго экономическаго и политическаго угнетенія. Всѣ народы, подъ страхомъ быть сброшенными въ пропасть, должны рѣшить эту загадку, должна рѣшить ее и Россія; только въ ея рѣшеніи настоящее спасеніе, настоящее умиротвореніе.

Блестящія Өивы, куда можно было попасть, только разрѣшивъ загадку сфинкса, это—свобода; дорога, ведущая къ ней,—соціальная революція.

Долго рабочій, обездоленный людъ искалъ рѣшенія этой задачи и, наконецъ, нашелъ его: оно заключается въ созданіи условій, при которыхъ возможенъ полный разцвѣтъ свободы и человѣческой личности; въ установленіи экономическаго обезпеченія для всѣхъ, уничтоженіи бѣдности, эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и государствомъ. Путь, ведущій къ осуществленію этого неизбѣжнаго предварительнаго условія свободы, одинъ—соціальная революція.

Совершенно не основательно полагать, что русская революція

должна только повторить Великую французскую революцію, что она оттуда только должна черпать всѣ свои руководящіе принципы. Нѣтъ, русская революція не должна ограничивать своего кругозора, она должна воспользоваться также революціонными опытами 48 и 71 г.г.

Во время Великой французской революціи народъ не только вѣрилъ въ нарождающуюся демократію, но и вполнѣ отождествлялъ себя съ нею; не сознавая противорѣчія своихъ интересовъ съ интересами демократіи, онъ ввѣрилъ рѣшеніе своей судьбы этой послѣдней. Послѣ 48 г. и 71 г. народъ узналъ, что такое демократія, а потому не долженъ больше вручать ей своей судьбы. 48-й и 71-й годы доказали, что обездоленному рабочему люду никому не слѣдуетъ довѣряться, что онъ не долженъ устраивать революцію, чтобы очистить дорогу другимъ, въ надеждѣ, что они займутся потомъ облегченіемъ его участи; онъ ни отъ кого не долженъ ждать спасенія, а долженъ надѣяться только на свои силы и на ту революцію, которую онъ совершитъ самъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Вотъ выводы, къ какимъ пришли рабочіе опытнымъ путемъ послѣ всѣхъ этихъ революцій,—и русская революція, совершаемая трудящейся народной массой, не можетъ не воспользоваться ими.

Это и даетъ намъ право думать, что конституція не можетъ завершить русскую революцію. Конституціонныя уступки и сама конституція такія пріобрѣтенія, которыми воспользуются въ широкихъ размѣрахъ всѣ классы общества, кромѣ рабочихъ массъ; послѣднія, въ силу своего экономическаго положенія, или совсѣмъ не смогутъ воспользоваться ими, или же онѣ принесутъ имъ одни только фиктивныя права. Слѣдовательно, рабочій народъ, если онъ не хочетъ быть обманутымъ, обойденнымъ революціей, долженъ смѣло поднять знамя экономической борьбы, знамя экономической свободы,—въ этомъ его кровный интересъ.

Напрасно намъ твердятъ со всѣхъ сторонъ, что въ демократическихъ западно-европейскихъ странахъ рабочему живется лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи, что онъ тамъ «ѣстъ бѣлый хлѣбъ», какъ писалъ сектантско-соціаль-демократическій органъ «Разсвѣтъ». Достаточно вспомнить, какихъ размѣровъ достигаетъ количество безработныхъ въ Европѣ и Америкѣ, выброшенныхъ на мостовую безъ куска хлѣба, ночующихъ, какъ кочевыя собаки, на улицахъ и подъ

мостами; достаточно вспомнить состояніе итальянскихъ крестьянъ, умирающихъ отъ пеллагры, развивающейся вслѣдствіе употребленія испорченной кукурузной муки; достаточно вспомнить голодные бунты въ Сициліи, въ Испаніи, гдѣ, подъ вліяніемъ голода, часть населенія вернулась, кажется, къ первобытному состоянію, принужденная питаться травой и корнями растеній; достаточно вспомнить гигантскія кровавыя событія Америки, чтобы сразу замѣтить, какое преувеличеніе, если не горькая иронія, кроется въ словахъ: «на Западѣ рабочій ѣстъ бѣлый хлѣбъ».

Но допустимъ, что, кое гдѣ и по временамъ, на Западѣ рабочему живется нѣсколько лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи, но тогда, въ интересахъ истины, нужно указать, что этимъ улучшеніемъ своего положенія рабочіе обязаны не конституціи,—они добиваются его своей упорной борьбой, вопреки всякимъ конституціямъ и конституціоннымъ законамъ.

Напрасно также будутъ указывать намъ на то, что рабочій, «какъ ни какъ, все-таки чувствуетъ себя свободнѣе на Западѣ». Мы знаемъ, что у рабочихъ тамъ есть свои организаціи, есть своя пресса, посредствомъ которой они отстаиваютъ свои завоеванныя права и стараются завоевать новыя.

Но конституція ли принесла рабочему классу ту тощую свободу, о которой идетъ рѣчь? Мы этого не видимъ. Если рабочимъ на Западѣ и удалось урвать кое что для себя, то какъ разъ потому, что они никогда не удовлетворялись никакими конституціями и упорно продолжали борьбу за свои права. Свободу коалиціи, право устраивать свои профессіональные союзы (синдикаты) не конституціи принесли рабочему классу,—эти права онъ бралъ самъ силою. Во Франціи, какъ разъ въ то время, когда со всѣхъ сторонъ раздавались торжествующіе возгласы о свободѣ, равенствѣ, братствѣ и когда рабочіе, повѣрившіе въ искренность этихъ возгласовъ, заговорили о *своей* свободѣ, о *своихъ* правахъ, буржуазія (демократическая и конституціонная) поспѣшила вывести ихъ изъ этого заблужденія закономъ Ле-Шапелье (1791 годъ, іюнь 11—12—14) *), который связывалъ рабочихъ по рукамъ и ногамъ и отдавалъ ихъ на эксплуатацію торжествующей буржуазіи.

---

*) Законъ этотъ былъ направленъ спеціально противъ городскихъ рабочихъ. 28 сентября и 6 октября того же года были обнародованы такіе же исключительные законы противъ сельскихъ рабочихъ.

Права коалиціи и стачекъ, запрещенныхъ торжествующей буржуазной революціей, рабочіе добились только въ 1884 году, послѣ долгихъ лѣтъ упорной борьбы. Революція 48 года объявила кое какія рабочія права, это понятно: она была сдѣлана почти исключительно парижской «голью». Чтобы держаться, она обязательно должна была считаться съ требованіями голодной, бездомной толпы. Но какъ только буржуазія оправилась, она сейчасъ же начала отбирать назадъ всѣ уступки или издавать къ нимъ коментаріи и добавленія, совершенно ихъ фактически уничтожающія. А когда возникли вслѣдствіе этого рабочія волненія, она отвѣтила на нихъ массовыми избіеніями іюньскихъ дней, вручивъ судьбу парижскихъ рабочихъ Трепову того времени—Кавеньяку.

Даже третья республика 71 года не принесла рабочимъ своей конституціей никакихъ правъ. Права устраивать свои союзы рабочіе добились лишь 13 лѣтъ спустя (1884) послѣ объявленія республики.

Тоже самое было въ Англіи и другихъ конституціонныхъ странахъ: рабочіе борьбою, силою завоевывали себѣ нужныя имъ права, вопреки всѣмъ писаннымъ привиллегированными классами законамъ и удержали и удерживають только тѣ изъ нихъ, которыя они въ состояніи отстоять и охранять силою.

Все это надо знать и помнить русскимъ рабочимъ, всѣми этими опытами, сдѣланными ихъ братьями рабочими другихъ странъ, имъ надо пользоваться. И мы думаемъ, что они воспользуются ими, не дадутъ себя обмануть, не удовлетворятся бумажными уступками и смѣло и рѣшительно начнутъ свою рабочую, соціальную революцію.

Если русскіе рабочіе еще не вполнѣ уяснили себѣ значенія всякихъ конституцій, то они безъ всякаго сомнѣнія скоро воочію увидятъ, что это такое, и начатая ими революція не остановится, а пойдетъ дальше, развиваясь и расширяясь, пока не превратится въ спасительную соціальную революцію.

* * *

Если народу и покажется въ первое время, или вѣрнѣе, если и удастся его увѣрить въ томъ, что опубликованіе манифеста 17 октября принесетъ ему улучшеніе въ его положеніи, то достаточно будетъ всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы онъ увидѣлъ, что его положеніе осталось прежнимъ, и онъ вновь поднимется и съ тѣмъ большей силой, чѣмъ грубѣе онъ будетъ обманутъ.

Первый шагъ сдѣланъ: рабочій народъ увидѣлъ, какой огромной силой обладаетъ онъ. Онъ своею силою заставилъ пойти правительство на уступки. Тутъ не уступки важны—мы уже говорили, чего онѣ стоятъ—важенъ фактъ, что рабочіе *своимъ прямымъ воздѣйствіемъ* сбили правительство съ занимаемой имъ позиціи. Это является залогомъ, что рабочіе оцѣнятъ превосходство тактики прямого воздѣйствія, а избранная ими своимъ освободительнымъ средствомъ всеобщая стачка приведетъ ихъ къ болѣе ясному, опредѣленному классовому пониманію своихъ интересовъ.

Тогда рабочій классъ найдетъ средство не голодать во время революціи, онъ пойметъ, что при самомъ же началѣ революціи надо позаботиться объ обезпеченіи своего экономическаго положенія,—нужно создать условія возможности продолжать революцію.

Въ этомъ отношеніи разыгравшаяся у насъ гигантская всеобщая стачка дала рабочему въ высшей степени цѣнныя указанія, которыми онъ долженъ воспользоваться.

Нѣтъ дровъ, угля, хлѣба, нѣтъ молока для дѣтей!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Но у кого не было всѣхъ этихъ предметовъ первой необходимости? — У рабочихъ, у бѣднаго люда, у тѣхъ, которые своимъ рабскимъ трудомъ, въ молчаніи и нищетѣ, создаютъ милліонныя богатства другихъ. У богатыхъ всего хватало,—въ ихъ распоряженіи были полные магазины всего, что необходимо человѣку.

Измученный, истрадавшійся рабочій людъ выходитъ на улицу, ему не въ терпежъ стало дольше ждать, онъ поднимаетъ святое знамя бунта... И что же?

Черезъ короткое время онъ оказывается принужденнымъ голодомъ вернуться на свои каторжныя работы, свернуть знамя бунта, надѣть снова ярмо рабства.

И все это потому, что богачи забрали въ свои руки всѣ богатства, произведенныя трудами рабочихъ рукъ прошлыхъ и настоящихъ поколѣній, все сложили въ своихъ магазинахъ, гумнахъ и амбарахъ.

«Не могутъ же рабочіе вѣчно быть въ стачкѣ», заявляетъ побѣдоносно Витте, «захочется ѣсть, и они вернутся на работу».

Да не могутъ, и тутъ нужно было еще прибавить: а богатые, и въ томъ числѣ г. Витте, могутъ переждать революцію. Богатство, созданное трудами рабочаго класса, оказывается въ ихъ рукахъ

орудіемъ подавленія требованій рабочихъ. Выводъ отсюда простой и ясный: съ первыхъ же шаговъ революціи—вырвать изъ рукъ буржуазіи предметы первой необходимости.

Вотъ на что было указано послѣдними событіями и на что обратилъ вниманіе рабочихъ самъ г. Витте. Поэтому, если рабочіе не хотятъ, чтобы ими созданными богатствами реакція пользовалась противъ нихъ же самихъ, они не остановятся на полдорогѣ при слѣдующей всеобщей стачкѣ, а въ самомъ же началѣ постараются завладѣть ими и употребить ихъ на свое дѣло: на продолженіе и закрѣпленіе революціи.

Сама жизнь, сама логика вещей учитъ рабочихъ, что надо дѣлать во время революціонной всеобщей стачки. Она учитъ рабочихъ, что безумно, бездѣйствуя, толпиться голодной и дрожащей отъ холода толпой передъ магазинами, загроможденными всевозможными явствами, одеждой и всѣми необходимыми имъ продуктами. Она учитъ, что первымъ актомъ *народной* революціи долженъ быть захватъ этихъ продуктовъ и предоставленіе ихъ всѣмъ нуждающимся. Она учитъ, что, чѣмъ больше рабочіе съ самаго начала захватятъ, возьмутъ изъ общественнаго богатства, на которое они имѣютъ право прежде всѣхъ другихъ, тѣмъ съ большею легкостью и успѣхомъ смогутъ они продолжать борьбу, тѣмъ прочнѣе они смогутъ основать свою свободу.

Наша дѣятельность должна вестись въ этомъ направленіи. Наша пропаганда и агитація должны неуклонно преслѣдовать свою цѣль, и мы должны продолжать твердить народу, что ничего еще не сдѣлано, ибо все предстоитъ еще сдѣлать. Предстоитъ совершить народу свою соціальную революцію, предстоитъ разбить весь старый одряхлѣвшій міръ.

Рабочіе не могутъ, не измѣнивъ своему дѣлу, своимъ кровнымъ интересамъ, ни остановиться, ни удовлетвориться тѣмъ, что было сдѣлано.

А что же было сдѣлано?

Кровожадный звѣрь, насѣвшій и впившійся когтями въ тѣло измученнаго, истерзаннаго народа, изъ ранъ котораго сочится кровь, переставилъ свои когти: вынувъ изъ одного мѣста, вцѣпился въ другое.

Звѣрь этотъ двуглавый орелъ съ двумя коронами. На одной написано: политическое рабство, т. е. государство (самодержавіе или

лишь его форма), на другомъ—экономическое рабство рабочаго люда. Звѣрь этотъ не убитъ, даже когти не подрѣзаны,—онъ продолжаетъ терзать свою жертву.

Ко всѣмъ рабочимъ.

Наконецъ то, послѣ упорнаго молчанія динамитъ заговорилъ. Брошенъ вызовъ власть и капиталъ имущимъ! Сдѣлано первое предостереженіе—безъ громкихъ фразъ, приговоровъ, языкомъ удивительно простымъ и яснымъ. Вампиры труда поймутъ, что съ этого момента ихъ нахальное торжество нарушено разъ навсегда. Что всюду и всегда, рука мстителя анархиста будетъ висѣть надъ ними, словно дамокловъ мечъ, готовая опуститься, то здѣсь, то тамъ, застигнуть въ расплохъ и на роскошномъ пиру, банкетѣ или клубѣ, и на многолюдной улицѣ, въ каретѣ, поѣздѣ, въ соборѣ во время службы или наконецъ у себя дома... Довольно наслаждались спокойствіемъ! Довольно тянули жилы, пили кровь пролетаріата! Часъ расплаты насталъ. Слава борцамъ, поражающимъ проклятыхъ гіеннъ, снимающимъ ихъ съ шеи народной. Отнынѣ пусть онѣ знаютъ, что у насъ съ ними будетъ только одинъ языкъ—покушенія; и мы станемъ посылать имъ только одни прошенія—динамитныя бомбы. И это безъ различія, будутъ ли засѣдать въ банкирскихъ конторахъ или акціонерныхъ обществахъ, на съѣздахъ горнопромышленниковъ или въ Государственной Думѣ. Видѣли мы ихъ, убійцъ пролетаріата—нагло смѣющимися надъ нашей простотой и довѣрчивостью. Помнимъ, какъ они были глухи и нѣмы къ нашимъ наивнымъ требованіямъ. Знаемъ еще, какъ на мирныя стачки они, не стѣсняясь, отвѣтили массовымъ разсчетомъ. 1000 рабочихъ съ заводовъ Эзау и машиностроительнаго были выброшены на мостовую, обреченные на ужасы голода и безработицу. Товарищи! Довольно же страданій и униженія! Отвѣчайте на *насиліе насиліемъ* и помните, что инымъ языкомъ буржуа не убѣдишь. Поэтому никакихъ переговоровъ, депутацій, мирныхъ стачекъ, третейскихъ судовъ—всѣхъ этихъ обращеній къ «добрымъ» чувствамъ г.г. губернаторовъ и фабричныхъ инспекторовъ. Всѣ они живутъ кровью рабочихъ, всѣхъ ихъ долой! Предоставимъ «политикамъ» зани-

маться всей этой культурной работой и объявимъ теперь же непримиримую, классовую борьбу буржуазіи! Будемъ помнить, что только разрушивъ кумиръ ея—золотого тельца—мы освободимся. За наши мирныя дѣйствія, когда мы шли съ голыми, скрещенными на груди руками, мы уже поплатились массовыми разстрѣлами, за участіе въ экономическихъ стачкахъ—выкидываніемъ на мостовую. Довольно иллюзій, довольно революціонныхъ фразъ. Станемъ готовиться ко *всеобщей насильственной стачкѣ*, направленной противъ всего буржуазнаго строя. Будемъ отвѣчать экономическимъ терроромъ, единичнымъ и массовымъ, поражающимъ буржуа и ихъ прихлебателей. Жизнь насъ многому научила. Она показала намъ во всей наготѣ, во всемъ безобразіи капиталистическую эксплуатацію. Она сорвала маску съ личины капитала и государства. Она обнажила наши сочащіяся раны и сорвала съ нашихъ глазъ повязку. Мы узнали теперь, что не на кого надѣяться рабочему люду, какъ на самого себя. Мы пошли на борьбу. Измученные, страдая отъ голода, невзгодъ войны и кризиса, обреченные на каторжный трудъ, избиваемые и разстрѣливаемые войсками—мы поняли, наконецъ, что намъ дѣлать. Пусть же піонеры-борцы идутъ и поражаютъ сытыхъ! Пусть начинается *народная расправа*! Пусть къ голосу Равашоля, Вальяна, Анри, Фарбера и др. присоединятся новые голоса безымянныхъ героевъ! Пусть эти единичные акты выльются мало по малу въ бурный потокъ революціи, уносящій съ собою всѣ обломки буржуазнаго общества... Поэтому, впередъ, на борьбу!

А пока, братья рабочіе, запомнимъ хорошо, какъ нужно отвѣчать на насилія правящихъ и противъ чего протестовала бомба, брошенная въ буржуа анархистами-коммунистами.

Она протестовала: 1. противъ частной собственности, т. е. противъ такого проклятаго режима, при которомъ міръ раздѣленъ на два класса: трудящихся, ничего не имущихъ, обреченныхъ на тяжелый трудъ, страдающихъ отъ этого рабства, и богачей-паразитовъ,—тѣхъ, кто ничего не производитъ, кто пируетъ и наслаждается, захвативъ въ свои когти всѣ богатства природы; 2. противъ эксплуатаціи ими труда, т. е. пользованія тѣмъ адскимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ мы, неимущіе пролетаріи, оторванные отъ земли и деревни, превращены въ заводскихъ рабочихъ—вынуждены волей неволей идти въ кабалу, продавать свой трудъ, чтобы создавать своими мозолистыми руками счастье и довольство власть

и капиталъ имущимъ. Мало того, что они пожираютъ нашъ трудъ, заставляютъ работать въ антисанитарной обстановкѣ, на душныхъ фабрикахъ и заводахъ, подвергая опасности быть искалѣченными машинами или погибнуть совсѣмъ отъ взрыва паровыхъ котловъ и гремучаго газа на рудникахъ и угольныхъ копяхъ, — они еще губятъ нашихъ малютокъ-дѣтей, лишая ихъ возможности учиться, оставивъ на произволъ судьбы, эксплуатируя дѣтскій трудъ, разрушая духовно и физически хрупкіе, молодые организмы; 3. противъ обреченія насъ ужасамъ голода и безработицы, такъ какъ вампиры-буржуа не только эксплуатируютъ нашъ трудъ, пожираютъ нашу волю и нервы, но и при первомъ протестѣ грозятъ лишеніемъ работы, выкидываютъ насъ во время кризиса на мостовую и, наконецъ, стали примѣнять тоже самое къ участникамъ въ стачкахъ; 4. противъ массовыхъ разстрѣловъ нашихъ братьевъ, ибо капиталисты, войдя въ союзъ съ слугами государства, во время столкновеній труда съ капиталомъ, приглашаютъ войска и полицію и отвѣтственны въ убійствѣ рабочихъ; 5. противъ гнусной спекуляціи насчетъ рабочаго революціоннаго движенія, такъ какъ убивающая нашу душу, пьющая нашу кровь буржуазія эксплуатируетъ еще нашу революціонную энергію, наши жертвы борьбы. Она воспользовалась рабочимъ движеніемъ теперь, чтобы выудить себѣ Государственную Думу, она будетъ пользоваться имъ и впредь, во время революціи, чтобы устроить новое правительство—Республику; 6. противъ «Желтаго Интернаціонала», т. е. всемірнаго союза капиталистовъ, организованнаго подъ крылышкомъ государствъ, безъ различія монархическихъ или республиканскихъ, для эксплуатаціи всего рабочаго народа. Вы хорошо знаете, что душатъ васъ не только самодержавіе и русская буржуазія, но и разныя «французскія», «бельгійскія», «нѣмецкія» акціонерныя Общества, олицетворяемые иностранными буржуа: г.г. Германами, Гейдинами, Пинслинами, Дематео и Ко. Поэтому и выходитъ, товарищи, что насъ еще угнетаетъ союзникъ царизма «Желтый Интернаціоналъ», снабжающій правительство золотомъ и за это пользующійся правомъ грабить русскій рабочій народъ. Капиталисты цѣлаго міра—вотъ враги пролетаріата; государство всѣхъ видовъ и формъ—вотъ палачъ его. Всѣхъ ихъ долой. Атакуйте государство и буржуазію! Вѣрьте лишь въ свою насильственную борьбу и великую вашу освободительницу Соціальную Революцію!

Долой Частную Собственность и Государство!

Да здравствуетъ Рабочій Интернаціоналъ! Да здравствуетъ Рабочая Революція!

Да здравствуетъ Анархія!

Группа Рабочихъ Анархистовъ-Коммунистовъ.

Екатеринославъ. Октябрь.

Рѣчь Бертони.

Въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ до насъ доходятъ съ Крайняго Востока извѣстія о неслыханныхъ избіеніяхъ; но не считая пустыхъ и безплодныхъ соболѣзнованій, такъ называемый цивилизованный міръ не обнаружилъ особого волненія. Какимъ же образомъ жертвы простой манифестаціи вызвали такой интересъ, такое сочувствіе, такъ взволновали европейское общество? Ахъ! если бы народъ, наконецъ, понялъ, что его находятъ интереснымъ только тогда, когда онъ поднимается, наша работа дала бы несомнѣнно большіе плоды, велась бы болѣе энергично.

Мы не можемъ лучше почтить память жертвъ послѣдняго русскаго революціоннаго движенія, какъ попытаясь извлечь изъ него для себя урокъ и возвѣщенную имъ идею.

Рабочіе, организованные для экономической борьбы, видятъ, что повсюду рабочіе первые идутъ въ бой, имъ ясно, что отнынѣ всѣ великія историческія событія будутъ—какъ это, впрочемъ, всегда было и въ прошломъ—совершаться массой, порабощенной, но жаждущей справедливости; невѣжественной, но наученной горькимъ жизненнымъ опытомъ; бѣдной, лишенной всякаго благосостоянія, но богатой смѣлостью и великодушіемъ.

Да, эти рабочіе синдикаты, такіе немногочисленные и зачастую вызывающіе пренебрежительное къ себѣ отношеніе, первые встаютъ въ рѣшительную минуту; они первые даютъ о себѣ знать, когда наступаетъ моментъ борьбы. И повсюду, въ Италіи, Франціи, Германіи, или Россіи, мы ихъ видимъ — болѣе смѣлыхъ, чѣмъ политическія партіи—возстающими во имя идеи справедливости, которая можетъ осуществиться только съ торжествомъ труда и рабочихъ.

Повсюду правящій классъ держится крѣпко за свои привиллегіи всюду, онъ обѣщаетъ реформы и нигдѣ не заботится о ихъ осуществленіи; всюду дѣлается яснымъ, что народъ можетъ разсчитывать только на свою революціонность. Какъ бы ни были малы наши требованія, хозяева наши глухи къ нимъ, и мы добиваемся чего нибудь только въ томъ случаѣ, если на дѣлѣ показываемъ, что не желаемъ больше переносить существующій порядокъ вещей.

Въ эти послѣдніе дни мы были положительно залиты потоками либерализма. Какая великолѣпная раса лгуновъ эти либералы! Петербургскія событія, какъ нельзя больше возмутили ихъ. Но развѣ тамошніе рабочіе не устроили всеобщую стачку? Развѣ они не организовали неразрѣшенную процессію? На нихъ набросились гиды *), виноватъ, казаки; напали войска.

Что же, господа, женевскіе либералы, это значитъ не совсѣмъ въ порядкѣ, что васъ такъ удивляетъ! Но были убитые и раненые... Да, потому что русскіе рабочіе упорствовали въ своемъ желаніи пробраться въ царскій дворецъ. А еслибы *другіе* рабочіе постарались пробраться во дворецъ *нашихъ* царьковъ, осмѣлитесь ли вы утверждать, господа женевскіе либералы, что вы не стали бы стрѣлять? Что вы не усѣяли бы трупами мостовыя?

И замѣтьте, что во время всеобщей стачки 1902 года мы не предъявляли никакихъ особенныхъ требованій; мы только требовали, чтобы всѣ стачечники компаніи городскихъ электрическихъ дорогъ были вновь наняты на зимніе мѣсяцы.

Въ своей балаганной афишѣ наша національная гвардія тоже заявляетъ свое сочувствіе жертвамъ петербургскихъ событій. Нѣтъ, ваши симпатіи могутъ клониться только на сторону лицъ, стоящихъ у власти. Мы одни понимаемъ гнѣвъ, страданія, надежды рабочихъ, потому что мы переживаемъ то же самое! Во всякомъ случаѣ, ваше сочувствіе, ваше присоединеніе къ общему протесту можетъ быть вызвано только меркантильными разсчетами, надеждой, что огромная новая страна откроется для капиталистическихъ предпріятій.

Товарищи! Мы не должны впадать въ общую ошибку и превозносить умѣренность движенія! Когда мы перевертываемъ стра-

*) Гидами въ Швейцаріи называются нѣкоторые полки. Въ 1902 г. во время всеобщей стачки въ Женевѣ стачечники устроили процессію, не испросивъ предварительно на это разрѣшенія полиціи. Полки гидовъ бросились со всѣхъ сторонъ разгонять толпу.

ницы исторіи, не правда ли, мы содрагаемся при чтеніи страданій, пережитыхъ народомъ при всѣхъ тираніяхъ, и намъ кажется, что мы слишкомъ ужъ долго ждемъ возстанія, что благородная смѣлость слишкомъ долго не приходитъ! И когда вспыхиваетъ бунтъ, мы испытываемъ какое то облегченіе, утѣшеніе, видя какъ это бѣдное человѣчество, наконецъ, загорается, очищается, уходитъ отъ жизни стыда и нищеты, чтобы поднять высоко революціонное знамя, чтобы провозгласить предъ лицомъ всего свѣта право всѣхъ на жизнь и на счастье!

Будемъ страстно, горячо любить справедливость, а не умѣренно! Какъ! наши властители всею душою любятъ свои привиллегіи, а мы будемъ имѣть только слабенькое чувство симпатіи къ нашему праву?

Умѣренность всегда означала только недостатокъ вѣры въ свое дѣло. Будемъ же готовы, какъ геройскіе рабочіе Петербурга, идти впередъ за наше дѣло!

Идея всеобщей стачки была объявлена нелѣпостью всѣми «благоразумными» людьми. И вотъ на протяженіи 6-ти мѣсяцевъ, она осуществляется въ Италіи, Франціи, Германіи, Россіи. Почему же не можемъ мы помышлять о революціонной бурѣ, уносящей весь старый міръ несправедливости? Почему, вмѣсто того, чтобы каждую минуту быть готовыми по требованію начальства отправиться на самыя ужасныя бойни, намъ не работать, страстно, горячо работать для подготовки мира, путемъ торжества солидарности и свободы? Да, рабочій Интернаціоналъ можетъ возродиться; въ этотъ вечеръ онъ живетъ въ нашей груди, мы его чувствуемъ; и въ этомъ сладкомъ чувствѣ братскаго единенія, которое царитъ вокругъ насъ въ данную минуту, намъ кажется, что мы видимъ счастье, что оно тутъ, что мы возьмемъ его, что Революція столько разъ являвшаяся намъ въ мечтахъ, придетъ наконецъ, прекрасная своей вѣчной красотой.

Миръ павшимъ жертвамъ, надъ могилой которыхъ склонились слава и любовь! Но пусть, неумолимая ненависть противъ нашихъ угнетателей загорится въ нашей душѣ! Возстанемъ противъ всѣхъ нашихъ господъ, чтобы укоротить страданія нашихъ братьевъ всѣхъ странъ чтобы укоротить часъ народнаго искупленія!

Миръ павшимъ жертвамъ! Цвѣтокъ воспоминанія будетъ вѣчно расти на землѣ, обагренной ихъ кровью; память о нихъ навсегда запечатлѣется на страницахъ исторіи. Не забудемъ и мы ихъ и крѣпко запомнимъ ихъ мечту: Соціальную революцію!

Приложенія

Письмо П. Кропоткина

о русско-японской войнѣ, написанное имъ въ отвѣтъ на запросъ одного изъ редакторовъ французской газеты: „Le Soir“.

Милостивый Государь!

Вы спрашиваете, вѣрно-ли сообщеніе, опубликованное въ нѣкоторыхъ журналахъ, будто-бы я рекомендовалъ одному изъ моихъ друзей, живущихъ въ Россіи, «не вызывать никакого движенія противъ русскаго правительства во время войны».

Я не давалъ такого совѣта, потому что убѣжденъ, что живущіе на мѣстѣ прекрасно сумѣютъ сами руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ общимъ состояніемъ дѣлъ.

Но я утверждаю, въ противуположность очень распространенному на Западѣ мнѣнію, что эта война является бѣдствіемъ, которое неизбѣжно замедлитъ развитіе революціоннаго движенія въ Россіи. Она доставитъ массу страданій русскому народу и отвлечетъ его вниманіе отъ великихъ внутреннихъ задачъ.

Я, дѣйствительно, предвижу съ грустью, что революціонное движеніе, которое принимало такіе широкіе размѣры въ русскомъ народѣ—среди крестьянъ и промышленныхъ рабочихъ,—будетъ замедленно, можетъ быть, даже остановлено этой войной. Вмѣсто серьезныхъ вопросовъ — земельнаго, промышленнаго, вопроса о децентрализаціи, и пр. и пр.,—дѣлавшихъ общее положеніе Россіи столь похожимъ на положеніе Франціи наканунѣ 1789 года и позволявшихъ надѣяться, что паденіе абсолютизма, уже сильно расшатаннаго, совершится одновременно съ глубокимъ революціоннымъ измѣненіемъ экономическихъ условій, — вмѣсто этого, движеніе сведется теперь къ вопросамъ, не имѣющимъ значенія. Будутъ волноваться и стараться узнать, ведется-ли война болѣе или менѣе искусно, заслуживаетъ-ли довѣрія такой-то генералъ или такой-то министръ...

И если случится какое нибудь крупное несчастье — новая Плевна на ряду съ геройскими подвигами солдатъ,— патріотизмъ, даже шовинизмъ, возьмутъ верхъ и сразу уничтожатъ даже чисто политическое движеніе.

Всякая война есть зло, кончается ли она побѣдой или пораженіемъ, зло для воющихъ сторонъ, зло для нейтральныхъ. Я не вѣрю въ «благодѣтельныя» войны. Не крымское пораженіе дало Россіи реформы и уничтоженіе крѣпостного права, не оно также уничтожило рабство въ Соединенныхъ Штатахъ, дало независимость Италіи, а радикальное и націоналистическое движеніе умовъ 1857—1864 г. во всей Европѣ. Современная Россія farà da se, не ожидая своей свободы отъ иностранцевъ.

Что касается другихъ поставленныхъ вами интересныхъ вопросовъ, вы, можетъ быть, найдете нѣкоторый отвѣтъ на нихъ въ слѣдующихъ размышленіяхъ.

Для русскаго народа печально, что въ своемъ движеніи на востокъ онъ не встрѣтилъ цивилизованнаго народа, уже занявшаго манджурское побережье Тихаго Океана; печально, что ему пришлось воздѣлывать приамурскія пустыни и проводить желѣзную дорогу черезъ пустыни Манджуріи. Эта страна никогда не сдѣлается русской, — китайскій колонистъ уже расположился тамъ. И если-бы Соединенные Штаты, напримѣръ, захотѣли завтра завладѣть этой страной, то всѣ, считая и русскихъ, отъ этого только выиграли-бы.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что желательно, чтобы въ Манджуріи внѣдрилось такое воинственное и зараженное имперіалистскими мечтами государство, какъ Японія? Не думаю. Несомнѣнно не въ интересахъ европейской цивилизаціи было-бы, еслибъ Англія присоединила въ былое время къ своему морскому могуществу еще могущество континентальной державы, укрѣпившись въ Бретани или Нидерландахъ. Притомъ-же Японія въ такомъ случаѣ сама скоро потеряла-бы то, что есть привлекательнаго въ ея цивилизаціи. Плодъ многовѣковаго мира—эта послѣдняя, облачившись въ европейскій мундиръ, быстро исчезла бы при звукахъ скверно воспроизведеннаго God save the King!

Я не читалъ статьи г. Гиндмана, о которой вы мнѣ говорите; но я столько читалъ подобныхъ въ англійской прессѣ, вдохновленныхъ такимъ-же японо-шовинизмомъ! Съ своей стороны, не чувствуя никакой симпатіи къ мечтамъ о завоеваніяхъ русскихъ де-

нежныхъ людей, я точно также не имѣю ни капли ея и къ завоевательнымъ мечтамъ капиталистовъ и бароновъ модернизированной Японіи. Вовсе не ради переселенія избытка своего населенія, правящіе классы Японіи мечтаютъ завоевать Манджурію, Корею и... Пекинъ, а ради того, чтобы сплавлять товары, произведенные при помощи гнуснѣйшей эксплуатаціи женщинъ и дѣтей, въ средѣ обѣднѣвшаго земледѣльческаго населенія (прочтите Ретгана!). Чтобы управлять и обогащаться на европейскій манеръ.

Желтые и бѣлые, японцы, русскіе или англичане мнѣ одинаково ненавистны. Я предпочитаю стать на сторону молодой японской соціалистической партіи. Какъ она ни малочисленна, но она является выразительницей мысли японскаго *народа* (въ тѣ короткіе моменты, когда ему позволяютъ отрезвиться), когда высказывается *противъ* войны въ своей гордой прокламаціи и письмѣ, адресованномъ въ Daily News.

Сверхъ того, я предвижу съ глубокой тревогой, что столкновеніе на Крайнемъ Востокѣ есть лишь прелюдія къ гораздо болѣе серьезному конфликту, подготовляющемуся съ давнихъ поръ, развязка котораго произойдетъ около Дарданеллъ или даже на Черномъ морѣ,—и такимъ образомъ для всей Европы будетъ подготовленъ новый періодъ войнъ и милитаризма.

Словомъ, въ только что вспыхнувшей войнѣ я вижу бѣдствіе, опасность для прогрессивнаго движенія въ Европѣ вообще. Можетъ ли торжество самыхъ низменныхъ инстинктовъ современнаго капитализма содѣйствовать торжеству прогресса?

Петръ Кропоткинъ.

Бромлей, 18 февраля 1904 г.

Организація интернаціонала *).

Великая задача, взятая на себя Международнымъ Обществомъ Рабочихъ, задача окончательнаго и полнаго освобожденія рабочихъ

*) По поводу исполнившагося въ 1904 г. сорокалѣтія со дня основанія Интернаціонала мы воспроизводимъ статью М. Бакунина. Пусть интересующіеся узнаютъ характеристику Междун. Общ. Рабочихъ со словъ того, кто былъ его энергичнымъ дѣятелемъ, его страстнымъ и преданнымъ сторонникомъ.

и народнаго труда изъ подъ ига всѣхъ его эксплуататоровъ—хозяевъ, владѣльцовъ сырого матеріала и орудій производства, словомъ всѣхъ *представителей* капитала — не есть чисто экономическое дѣло; она въ то же время и въ такой же степени дѣло философское, соціальное и нравственное; она является также и дѣломъ политическимъ, но только въ смыслѣ уничтоженія всякой политики, посредствомъ разрушенія Государства.

Мы не думаемъ, чтобы понадобилось доказывать, что при современной политической, юридической, религіозной и соціальной организаціи наиболѣе цивилизованыхъ странъ, экономическое освобожденіе рабочихъ невозможно и что, слѣдовательно, для достиженія и полнаго его осуществленія, необходимо разрушить всѣ современныя учрежденія: Государство, Церковь, Юридическій Форумъ, Университетъ, Армію и Полицію, которыя ни что иное, какъ крѣпости, воздвигнутыя привиллегированными противъ пролетаріата. И недостаточно ихъ свергнуть въ какой нибудь одной странѣ; ихъ надо разразрушить во всѣхъ странахъ, ибо со времени основанія современныхъ государствъ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, между всѣми этими учрежденіями и всѣми странами существуетъ постоянно возрастающая международная солидарность и могучіе международные союзы.

Стало быть, задача, взятая на себя Международнымъ Обществомъ Рабочихъ, есть полная ликвидація существующаго политическаго, юридическаго, религіознаго и соціальнаго міра и замѣна его новой экономической, философской и соціальной формой. Такое гигантское предпріятіе никогда бы не могло осуществиться, еслибы въ распоряженіи Интернаціонала не было двухъ одинаково могучихъ, другъ друга дополняющихъ рычаговъ: одинъ, это постоянно возрастающая сила потребностей, страданій и экономическихъ требованій массъ; другой—новая соціальная философія, философія реалистическая и народная, теоретически покоющаяся только на дѣйствительной наукѣ, т. е. одновременно экспериментальной и раціональной, и не имѣющая другихъ основъ, кромѣ человѣческихъ принциповъ—выраженіе исконныхъ потребностей массъ — принциповъ равенства, свободы и всемірной солидарности.

Побуждаемый этими потребностями, во имя этихъ принциповъ народъ долженъ побѣдить. Ему не чужды эти принципы, они даже не новы для него въ томъ смыслѣ, что, какъ мы только что сказали, онъ во всѣ времена инстинктивно носилъ ихъ въ своей груди.

Онъ всегда желалъ своего освобожденія отъ всѣхъ видовъ лежащаго на немъ гнета; и такъ какъ онъ, рабочій, кормилецъ общества, создатель цивилизаціи и всѣхъ богатствъ—послѣдній рабъ, рабъ изъ рабовъ, такъ какъ онъ не можетъ освободиться, не освободивъ вмѣстѣ съ собой всего міра, онъ всегда стремился къ освобожденію всѣхъ, т. е. къ всемірной свободѣ. Онъ всегда страстно мечталъ о равенствѣ, необходимомъ условіи свободы; и, несчастный, вѣчно побѣжденный въ одиночку, онъ всегда искалъ свое спасеніе въ солидарности. Взаимное счастье до сихъ поръ не было извѣстно, или, во всякомъ случаѣ, мало извѣстно; быть счастливымъ означаетъ быть эгоистомъ, жить чужимъ трудомъ, эксплуатируя и порабощая другого, а потому — только одни несчастные и, стало быть, народныя массы, знали и практиковали братство.

Итакъ, соціальная наука, какъ нравственная доктрина, только развиваетъ и формулируетъ народные инстинкты. Но между этими инстинктами и этой наукой, однако, существуетъ пропасть, которую надлежитъ заполнить. Еслибы одних, вѣтреныхъ инстинктовъ было достаточно для освобожденія народа, то онъ давно бы ужъ освободился. Эти инстинкты не помѣшали массамъ, въ теченіе всей ихъ печальной и трагической исторіи, быть постоянной жертвой разныхъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ абсурдовъ.

Правда, тяжелыя испытанія, черезъ которыя пришлось пройти массамъ, не были для нихъ совершенно потерянными. Эти испытанія оставили въ народѣ нѣчто вродѣ историческаго сознанія, создали какъ бы практическую, основанную на преданіяхъ науку, которая очень часто замѣняетъ ему науку теоретическую. Такъ, напр., можно быть теперь увѣреннымъ, что ни одинъ западно-европейскій народъ не позволитъ больше себя увлечь ни какому нибудь религіозному шарлатану, ни новому Мессіи, ни какому нибудь политическому пройдохѣ. Можно также съ увѣренностью сказать, что потребность экономической и соціальной революціи сильно чувствуется народными массами Европы; еслибы народный инстинктъ не проявилъ себя такъ ярко, глубоко и рѣшительно въ этомъ направленіи, то никакіе соціалисты въ мірѣ, будь то даже величайшіе геніи, не были бы въ состояніи поднять массы.

Народъ готовъ, онъ слишкомъ много страдаетъ, а, главное, начинаетъ понимать, что онъ вовсе не обязанъ страдать; ему надоѣло

вѣчно обращать свои взоры къ небу и онъ не обнаруживаетъ больше намѣренія терпѣть. Даже помимо всякой пропаганды масса дѣлается соціалистичной; глубокое сочувствіе, какое встрѣтила Парижская Коммуна со стороны пролетаріата всѣхъ странъ, служитъ доказательствомъ. Но массы—сила, или, по крайней мѣрѣ, существенный элементъ всякой силы. Что же имъ мѣшаетъ свергнуть ненавистный имъ общественный порядокъ? Имъ не достаетъ двухъ вещей: организаціи и науки, которыя обѣ составляютъ и всегда составляли силу правительствъ.

Итакъ, прежде всего, организація, которая, впрочемъ, не возможна безъ помощи науки. Благодаря военной организаціи, батальонъ въ тысячу вооруженныхъ человѣкъ можетъ нагнать страхъ, и на самомъ дѣлѣ нагоняетъ, на милліонную толпу народа, тоже вооруженнаго, но дезорганизованнаго. Благодаря бюрократической организаціи, государство посредствомъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ чиновниковъ, держитъ въ подчиненіи громадныя страны. Слѣдовательно, чтобы создать народную силу, способную раздавить военную и гражданскую силу государства, надо организовать пролетаріатъ, что и дѣлаетъ Международное Общество Рабочихъ. Въ тотъ день, когда оно будетъ обнимать половину, треть, четверть или даже только десятую часть европейскаго пролетаріата, государство, или вѣрнѣе государства перестанутъ существовать. Организація Интернаціонала, имѣющая цѣлью не созданіе новыхъ государствъ, а коренное разрушеніе всякаго господства, должна существенно разниться отъ государственной организаціи. Насколько послѣдняя искуственна, насильственна, основана на принципѣ власти, чужда и враждебна естественному развитію народныхъ интересовъ, и инстинктовъ; настолько организація Интернаціонала должна быть свободной, естественной, соотвѣтствовать во всѣхъ отношеніяхъ этимъ интересамъ и этимъ инстинктамъ.

Но что это за естественная организація массъ?

Организація, вытекающая изъ ихъ ежедневной жизни, основанная на различныхъ видахъ труда; иными словами—организація по ремесламъ. Съ того момента, когда всѣ виды промышленности будутъ представлены Интернаціоналомъ, включая сюда и разные виды земледѣльческаго труда, организація народныхъ массъ будетъ закончена.

Намъ могутъ возразить, что эта организація вліянія Интер-

націонала на народныя массы будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ замѣну прежняго начальства новымъ правительствомъ. Но это будетъ глубокимъ заблужденіемъ. Организація Интернаціонала всегда будетъ отличаться отъ организаціи всѣхъ правительствъ и всѣхъ государствъ; его основная черта состоитъ въ томъ, что онъ дѣйствуетъ на массы только путемъ убѣжденія, внѣ всякаго принужденія. Между могуществомъ государства и Интернаціонала такая же разница, какая существуетъ между оффиціальной государственной дѣятельностью и простымъ функціонированіемъ какого нибудь клуба. Интернаціоналъ не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть другой силы, кромѣ великой силы убѣжденія, и всегда останется организаціей естественнаго воздѣйствія (воздѣйствія путемъ убѣжденія) личностей на массы. Государство же и всѣ государственныя учрежденія: церковь, университетъ, юридическій форумъ, бюрократія, финансовая система, полиція и армія, не забывая, по возможности, развращать мнѣнія и волю подданныхъ, требуетъ отъ нихъ пассивнаго повиновенія, совершенно не считаясь, и чаще всего вопреки этимъ самымъ мнѣніямъ и волѣ; конечно, все это въ мѣрѣ, всегда очень растяжимой, допущенной и принятой законами.

Государство, ища только подчиненія массъ—иначе, впрочемъ, не можетъ и быть—призываетъ ихъ къ повиновенію. Интернаціоналъ, желая только освобожденія массъ, призываетъ ихъ къ *возмущенію*. Но, чтобы сдѣлать это возмущеніе могучимъ и способнымъ свергнуть господство государства и привиллегированныхъ классовъ, представителемъ которыхъ оно единственно и является, Интернаціоналъ долженъ организоваться. Для эт.й цѣли онъ употребляетъ только два средства, которыя, хотя далеко не всегда легальны—легальность, во всѣхъ странахъ, чаще всего есть лишь юридическое освященіе привиллегіи, т. е. несправедливости—съ точки зрѣнія человѣческаго права, оба одинаково законны. Эти два средства, какъ мы уже сказали — пропаганда идей и организація естественнаго воздѣйствія членовъ Интернаціонала на массы. Тому, кто сталъ бы утверждать, что и такого рода дѣятельность Интернаціонала есть покушеніе на свободу массъ, мы отвѣтимъ, что онъ или софистъ, или глупъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые до такой степени не знаютъ естественнаго и соціальнаго закона человѣческой солидарности, что считаютъ абсолютную взаимную независимость другъ отъ друга личностей и массъ возможной и даже желательной.

Желать ее, значить желать исчезновенія общества, ибо вся общественная жизнь есть ничто иное, какъ непрерывная взаимная зависимость индивидумовъ и массъ. Каждый человѣкъ, даже самый умный, самый сильный, и въ особенности умные и сильные, во всякій моментъ своей жизни является одновременно производителемъ и продуктомъ. Сама свобода каждаго человѣка есть слѣдствіе, постоянно вновь воспроизводимое, массы вліяній, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, которымъ онъ подвергается со стороны окружающихъ его лицъ и среды, въ которой онъ родится, живетъ и умираетъ. Желать избѣгнуть этого вліянія во имя какой то трансцендентальной божеской свободы, самодавлѣющей и абсолютно эгоистичной, значитъ стремится къ небытію; отказываться отъ вліянія на другого, значитъ отказываться отъ всякаго соціальнаго акта, даже отъ выраженія своихъ мыслей и чувствъ,—т. е. опять таки клониться къ небытію. Эта пресловутая независимость, такъ превозносимая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понимаемая въ такомъ смыслѣ,— просто небытіе.

Какъ природа, такъ и человѣческое общество, которое есть ничто иное, какъ та же природа, все, что живетъ—живетъ только подъ непремѣннымъ условіемъ самаго рѣшительнаго вмѣшательства въ жизнь другого. Уничтоженіе этого взаимаго вліянія было бы смертью. Требуя свободы массъ, мы вовсе не собираемся уничтожать естественныя вліянія, которымъ онѣ подвергаются со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ. Все, чего мы хотимъ, это уничтоженія искуственныхъ, легальныхъ вліяній, уничтоженія привиллегіи вліянія.

Еслибы церковь и государство могли быть частными учрежденіями, мы бы и тогда, безъ сомнѣнія, были ихъ противниками: но мы боремся противъ нихъ, потому что хотя они и частныя учрежденія, въ томъ смыслѣ, что они служатъ только частнымъ интересамъ привиллегированныхъ классовъ, они тѣмъ не менѣе пользуются коллективной силой организованныхъ съ этой цѣлью массъ, чтобы насильственно навязать имъ свою власть.

Еслибы Интернаціоналъ могъ сдѣлаться государствомъ, то изъ теперешнихъ его убѣжденныхъ и страстныхъ приверженцевъ мы превратились бы въ его отчаянныхъ враговъ. Но въ томъ то и дѣло, что Интернаціоналъ не можетъ вылиться въ государственную форму; не можетъ уже по одному тому, что, какъ указываетъ его названіе, онъ уничтожаетъ всѣ границы; государство же безъ гра-

ницъ не мыслимо. Невозможность существованія всемірнаго государства, о которомъ мечтали воинственные народы и величайшіе деспоты міра, доказана исторически. При словѣ „государство" нужно всегда подразумѣвать нѣсколько государствъ, — угнетателей и эксплуататоровъ внутри своихъ владѣній, и болѣе или менѣе враждующихъ завоевателей по ту сторону границы. Государство заключаетъ въ себѣ отрицаніе человѣчества. Всемірное государство, или народное государство, какъ говорятъ нѣмецкіе коммунисты, можетъ слѣдовательно означать только одно: уничтоженіе государства. Международное Общество Рабочихъ не имѣло бы никакого смысла, еслибы оно не стремилось къ уничтоженію государства. Оно организуетъ народныя массы только въ виду этого разрушенія.

Но какъ же оно ихъ организуетъ? Оно организуетъ ихъ не сверху внизъ, навязывая общественному разнообразію — продукту разнообразнаго народнаго труда, искусственное единство и порядокъ, какъ это дѣлаетъ государство; а снизу вверхъ, беря за исходную точку соціальное положеніе массъ и ихъ стремленія и побуждая и помогая имъ группироваться, сообразно этому разнообразію занятій и положенія.

* * *

Но чтобы Интернаціоналъ, организованный такимъ образомъ снизу вверхъ, сдѣлался дѣйствительной, серьезной силой, необходимо, чтобы каждый членъ его секцій значительно сильнѣе проникся его принципами, чѣмъ это есть теперь. Только при этомъ условіи онъ дѣйствительно сумѣетъ выполнить миссію пропагандиста и апостола во времена затишья и роль истиннаго революціонера во времена борьбы.

Говоря о принципахъ Интернаціонала, мы имѣемъ въ виду принципы, которые содержатся въ общей части нашихъ статутовъ, принятыхъ на Женевскомъ конгрессѣ. Они такъ немногочисленны, что мы просимъ позволенія читателя привести ихъ здѣсь:

1. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ;

2. Стараніе рабочихъ завоевать свое освобожденіе не должно вести къ созданію новыхъ привиллегій, а къ установленію для всѣхъ (людей, живущихъ на землѣ) равныхъ правъ и обязанностей и къ уничтоженію всякаго классового господства;

3. Экономическое подчиненіе рабочаго владѣтелю сырого матеріала и орудій труда есть источникъ всѣхъ видовъ рабства, нравственнаго, умственнаго и политическаго;

4. Поэтому, экономическое освобожденіе рабочихъ—великая цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе, какъ простое средство;

5. Освобожденіе рабочихъ не является чисто мѣстной или національной задачей; это—задача всѣхъ цивилизованныхъ странъ, такъ какъ ея рѣшеніе неизбѣжно зависитъ отъ ихъ теоретической и практической помощи;

6. Интернаціоналъ и всѣ его члены признаютъ, что истина, справедливость и нравственность должны лежать въ основѣ его отношеній ко всѣмъ людямъ безъ различія цвѣта кожи, вѣрованій и національности;

7. Наконецъ, онъ считаетъ долгомъ требовать человѣческихъ и гражданскихъ правъ не только для члена Интернаціонала, но и для каждаго исполняющаго свои обязанности.—Нѣтъ обязанностей безъ правъ и нѣтъ правъ безъ обязанностей!

* * *

Мы знаемъ теперь, что содержитъ въ себѣ эта столь простая и справедливая программа, такъ скромно выражающая наиболѣе законныя, наиболѣе человѣческія требованія пролетаріата. Въ ней заключаются—потому именно, что она есть исключительно программа человѣческая—всѣ зародыши великой соціальной революціи: сверженіе всего, что есть созданіе новаго міра.

Вотъ, что должно теперь быть объясняемо и стать вполнѣ яснымъ каждому члену Интернаціонала.

Эта программа приноситъ съ собой новую науку, новую соціальную философію, которая должна замѣстить собой всѣ прежнія религіи, и новую политику, политику интернаціональную, которая, поспѣшимъ замѣтить, какъ таковая, должна имѣть цѣлью разрушеніе всѣхъ государствъ. Чтобы члены Интернаціонала могли добросовѣстно исполнять двойную обязанность пропагандиста и революціонера, нужно, чтобы каждый изъ нихъ самъ, насколько возможно, проникся этой наукой, этой философіей, этой политикой. Недостаточно знать и говорить, что они хотятъ экономическаго освобожденія рабочаго, полнаго пользованія для каждаго продуктомъ

его труда, уничтоженія классовъ и политическаго порабощенія, осуществленія полноты человѣческихъ правъ и полнаго равенства правъ и обязанностей, однимъ словомъ осуществленія братства между людьми. Все это, безъ сомнѣнія, очень хорошо и вполнѣ справедливо, но если члены Интернаціонала принимаютъ эти великія истины, не вникая въ ихъ суть, не задумываясь надъ глубиной ихъ значенія, и если они будутъ довольствоваться вѣчнымъ повтореніемъ ихъ въ этой общей формѣ, послѣднія рискуютъ въ непродолжительный промежутокъ времени превратиться въ пустыя, безплодныя слова, въ общія непонятыя мѣста.

Но, говорятъ намъ, всѣ рабочіе, даже когда они члены Интернаціонала, не могутъ стать учеными. И не достаточно ли имѣть внутри Интернаціонала группу людей, владѣющихъ въ совершенствѣ, насколько это возможно въ наши дни, наукой, философіей и политикой соціализма, чтобы большинство, массы, примыкающія къ Интернаціоналу, довѣрчиво повинуясь ихъ правленію и «братскому наставленію» (стиль Гамбетты, якобинца-диктатора по превосходству), не могли свернуть съ пути, который долженъ вести къ окончательному освобожденію пролетаріата?—Вотъ разсужденіе, которое мы довольно часто слышимъ, развиваемое втихомолку—для высказыванія вслухъ нѣтъ ни достаточно искренности, ни смѣлости. Это мнѣніе, за начальство въ Интернаціоналѣ, сопровождается всевозможными болѣе или менѣе ловкими подходами и демагогическими комплиментами по адресу великой мудрости и всесилія верховнаго народа. Мы всегда страстно боролись противъ него, потому что мы убѣждены, что если Международное Общество Рабочихъ будетъ раздѣлено на двѣ группы: одну, заключающую въ себѣ громадное большинство и состоящую изъ членовъ, вся наука которыхъ будетъ состоять только въ слѣпой вѣрѣ въ теоретическую и практическую мудрость своихъ вождей; и другую, состоящую только изъ нѣсколькихъ десятковъ правителей,—это учрежденіе, которое должно освободить человѣчество, превратится само въ нѣкотораго рода олигархическое государство—худшее изъ всѣхъ государствъ. Это прозорливое, ученое и искусное меньшинство, которое приметъ на себя всю отвѣтственность и права правительства, тѣмъ болѣе самодержавнаго, что его деспотизмъ заботливо прячется подъ внѣшней оболочкой учтиваго уваженія къ волѣ и рѣшеніямъ, всегда имъ самимъ продиктованнымъ, этой якобы народной воли; это меньшинство,

говоримъ мы, повинуясь необходимости и условіямъ своего привиллегированнаго положенія, и подвергаясь общей участи всѣхъ правительствъ, постепенно будетъ становиться все болѣе и болѣе деспотичнымъ, зловреднымъ и реакціоннымъ. Международное Общество Рабочихъ только тогда можетъ стать орудіемъ освобожденія человѣчества, когда оно прежде само освободится; а освободится оно только переставши дѣлиться на двѣ группы: большинство слѣпыхъ орудій и меньшинство ученыхъ машинистовъ, и только, когда каждый его членъ вполнѣ постигнетъ науку, философію и политику соціализма.

Михаилъ Бакунинъ.

Almanach du Peuple, 1872, 2-me année. Genéve.

Политика Интернаціонала.

I

„Мы думали до сихъ поръ“, говоритъ газета „la Montagne“ „что какъ политическія, такъ и религіозныя убѣжденія человѣка находятся въ полнѣйшей независимости отъ принадлежности его къ Интернаціоналу. Что касается насъ, то мы придерживаемся такой точки зрѣнія.“

На первый взглядъ можетъ показаться, что г. Куллери*) правъ. Дѣйствительно, Интернаціоналъ, принимая новаго члена въ свою среду, не спрашиваетъ у него религіозенъ ли онъ или атеистъ, принадлежитъ ли онъ къ той или другой политической партіи. Онъ просто спрашиваетъ у него: рабочій ли ты? И если нѣтъ, то хочешь ли, чувствуешь ли потребность и силу искренно и всецѣло отдаться дѣлу рабочихъ, посвятить себя ему, оставляя въ сторонѣ всякія другія стремленія, идущія въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ?

Чувствуешь ли ты, что рабочіе, которые производятъ всѣ богатства міра, которые являются творцами цивилизаціи, которые завоевали всѣ буржуазныя свободы, сами осуждены выносить нище-

---

*) Куллери—главный редакторъ цитированной газеты, членъ Интернаціонала. хотя въ соціалистическомъ отношеніи очень неопредѣленная личность.

ту, невѣжество и рабство? Понялъ ли ты, что главной причиной всѣхъ несчастій рабочаго класса является нищета? И что эта нищета, составляющая удѣлъ рабочихъ всего міра, является необходимымъ слѣдствіемъ экономическаго строя современнаго общества, а именно слѣдствіемъ порабощенія труда, т. е. пролетаріата—капиталомъ, т. е. буржуазіей?

Понялъ ли ты, что между пролетаріатомъ и буржуазіей всегда существуетъ непримиримый антагонизмъ, такъ какъ онъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ взаимныхъ отношеній? Что благоденствіе буржуазнаго класса несовмѣстимо съ благосостояніемъ и свободой рабочихъ, ибо оно основано на эксплуатаціи и рабствѣ труда и, что по той же причинѣ, процвѣтаніе и развитіе чувства человѣческаго достоинства въ рабочихъ массахъ требуетъ уничтоженія буржуазіи, какъ отдѣльнаго класса? Что, слѣдовательно, борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей—неизбѣжна и можетъ окончиться только съ уничтоженіемъ послѣдней?

Понялъ ли ты, что ни одинъ рабочій, какъ бы развитъ и энергиченъ онъ не былъ, не способенъ въ отдѣльности бороться противъ столь хорошо организованнаго могущества буржуазіи, представителемъ и опорой которой является государство, всякое государство? Что для того, чтобы стать сильнымъ, ты долженъ объединиться не съ буржуазіей, что было бы съ твоей стороны глупостью или преступленіемъ, такъ какъ буржуа, какъ каковые, наши непримиримые враги; и не съ рабочими измѣнниками, которые настолько подлы, что готовы испрашивать благосклонность буржуазіи,—но объединиться съ честными энергичными рабочими, искренно стремящимися къ тому, чего жаждешь и ты?

Понялъ ли ты, что, имѣя передъ собою могучую коалицію всѣхъ привиллегированныхъ классовъ, всѣхъ собственниковъ, капиталистовъ и всѣхъ государствъ міра, отдѣльный изолированный союзъ, мѣстный или національный, принадлежащій хотя бы къ одной изъ величайшихъ странъ Европы, никогда не можетъ побѣдить; и для того, что бы устоять противъ этой коалиціи и сокрушить ее, необходимо объединеніе всѣхъ рабочихъ организацій, мѣстныхъ и національныхъ, въ одинъ всемірный союзъ, необходимъ *великій международный союзъ рабочихъ всѣхъ странъ*?

Если ты это чувствуешь, если ты это все хорошо понялъ и если ты дѣйствительно всего этого хочешь—прійди къ намъ, каковы

бы ни были твои политическія и религіозныя убѣжденія. Но для того, чтобы мы тебя приняли, ты долженъ намъ обѣщать: во первыхъ, подчинить отнынѣ твои личныя интересы, даже интересы твоей семьи, а также и проявленія твоихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, высшимъ интересамъ нашего союза: борьбѣ труда съ капиталомъ, рабочихъ съ буржуазіей на экономической почвѣ; во вторыхъ, никогда не вступать въ сдѣлки съ буржуазіей въ виду личныхъ выгодъ; въ третьихъ, никогда не стремиться возвыситься изъ за личныхъ выгодъ надъ рабочей массой, что сдѣлало бы изъ тебя буржуа—врага и эксплуатора пролетаріата, такъ какъ вся разница между буржуа и рабочими та, что первые ищутъ своего блага всегда внѣ коллективности, а вторые ищутъ и желаютъ добыть его вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые работаютъ и которыхъ эксплуатируетъ классъ буржуазіи; въ четвертыхъ, быть всегда вѣрнымъ рабочей солидарности, такъ какъ на малѣйшую измѣну этой солидарности Интернаціоналъ смотритъ, какъ на величайшее преступленіе и какъ на величайшую гнусность, которую только можетъ совершить рабочій. Однимъ словомъ, ты долженъ сполна и искренно принять наши общіе статуты, ты долженъ дать торжественное обѣщаніе сообразовать съ нами отнынѣ всѣ твои дѣйствія и всю твою жизнь.

Мы думаемъ, что основатели Интернаціонала поступили очень умно, не касаясь первоначально въ программѣ Союза политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. У нихъ самихъ были, несомнѣнно, ясные и опредѣленные политическіе и антирелигіозные взгляды, но они воздержались отъ занесенія ихъ въ програму, такъ какъ главной ихъ цѣлью было прежде всего объединеніе рабочихъ массъ всего цивилизованнаго міра, ради общаго дѣла. Они должны были искать общаго основанія, рядъ простыхъ принциповъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ рабочіе, каковы бы ни были ихъ политическія и религіозныя заблужденія, лишь бы они были дѣйствительные рабочіе, т. е. тяжело эксплуатируемые и страдающіе.

Если бы они подняли знамя какой нибудь политической или антирелигіозной школы, они никогда не объединили бы рабочихъ Европы, но еще болѣе разъединили бы ихъ. Такъ какъ, благодаря невѣжеству рабочихъ, корыстолюбивая и въ высшей степени развращающая пропаганда священниковъ, правительствъ и всѣхъ буржуазныхъ политическихъ партій, не исключая и наиболѣе красныхъ,

распространила множество ложных взглядовъ среди рабочихъ массъ, и эти ослѣпленныя массы къ несчастью, еще слишкомъ часто увлекаются всякими измышленіями, имѣющими цѣлью заставить ихъ добровольно въ ущербъ своимъ интересамъ, служить интересамъ привеллигированныхъ классовъ.

Впрочемъ, до сихъ поръ существуетъ слишкомъ большая разница въ степени промышленнаго, политическаго, умственнаго и нравственнаго развитія рабочихъ массъ разныхъ странъ, чтобы можно было ихъ объединить въ настоящее время одной и той же политической и антирелигіозной программой. Сдѣлать такую программу программой Интернаціонала, а также и необходимымъ условіемъ вступленія въ этотъ союзъ значило бы организовать секту, а не всемірный союзъ, значило бы погубить Интернаціоналъ.

Есть еще другая причина, заставившая удалить вначалѣ изъ программы Интернаціонала, по крайней мѣрѣ кажущимся образомъ, и только кажущимся образомъ, всякую политическую тенденцію.

До сихъ поръ, со времени возникновенія исторіи, не было еще политики народа: подъ словомъ „народъ" мы подразумѣваемъ „рабочую чернь", которая кормитъ весь міръ своимъ трудомъ. До сихъ поръ существовала политика только привиллегированныхъ классовъ. Эти классы пользовались мускульной силой народа, чтобы свергнуть другъ друга съ трона и занимать мѣсто свергнутыхъ. Народъ, въ свою очередь, всегда принималъ сторону однихъ противъ другихъ только въ смутной надеждѣ, что по крайней мѣрѣ какая нибудь изъ этихъ политическихъ революцій, изъ которыхъ ни одна не могла обойтись безъ него, но ни одна не была совершена для него, принесетъ ему нѣкоторое облегченіе въ его нищетѣ и въ его вѣковомъ рабствѣ. И онъ всегда обманывался. Даже великая французская революція, и та его обманула. Она убила дворянскую аристократію, но посадила на ея мѣсто буржуазію; народъ не зовется больше ни рабомъ, ни крѣпостнымъ, онъ провозглашенъ свободнымъ, обладающимъ всѣми правами, но фактически его рабство и нищета остались все тѣми же.

И они останутся тѣми же до тѣхъ поръ, пока народныя массы будутъ служить орудіемъ буржуазной политики, будетъ ли эта политика называться консервативной, либеральной, прогрессивной, радикальной и даже если она придастъ себѣ самый революціонный видъ. Ибо всякая буржуазная политика, каковы бы ни были ея

цвѣтъ и названіе, можетъ имѣть въ сущности только одну цѣль: *удержаніе господства буржуазіи; господство же буржуазіи есть рабство пролетаріата.*

Что же долженъ былъ дѣлать Интернаціоналъ? Онъ долженъ былъ прежде всего устранить рабочую массу отъ всякой буржуазной политики, долженъ былъ исключить изъ своей программы всѣ буржуазно-политическія программы. Но въ моментъ его возникновенія во всемъ мірѣ не было иной политики, кромѣ политики церкви, монархіи, аристокатіи или буржуазіи. Послѣдняя, въ особенности политика радикальной буржуазіи, была несомнѣнно болѣе либеральной и гуманной, нежели всѣ другія, но всѣ онѣ были одинаково основаны на эксплуатаціи рабочихъ массъ и не имѣли въ дѣйствительности другой цѣли, какъ оспаривать другъ у друга монополію этой эксплуатаціи. Интернаціоналъ долженъ былъ, стало, быть, начать съ расчистки почвы и, такъ какъ всякая политика съ точки зрѣнія освобожденія труда была тогда запятнана реакціонными элементами, Интернаціоналъ долженъ былъ выбросить изъ своей среды всѣ извѣстныя политическія системы, чтобы основать на этихъ развалинахъ буржуазнаго міра настоящую политику рабочихъ, политику Международнаго Союза.

II

Основатели международнаго союза рабочихъ поступили тѣмъ болѣе умно, избѣгая класть въ основу этого союза принципы политическіе и философскіе и придавая ему вначалѣ характеръ исключительно экономической борьбы труда съ капиталомъ, что они были увѣрены, что, когда рабочій вступитъ на эту почву, когда, проникаясь сознаніемъ своего права и своей численной силы, онъ начнетъ совмѣстно со своими товарищами борьбу противъ буржуазной эксплуатаціи,—онъ въ силу естественнаго хода вещей и развитія борьбы дойдетъ скоро до признанія всѣхъ политическихъ, философскихъ и соціалистическихъ принциповъ Интернаціонала, которые въ сущности являются только истиннымъ выраженіемъ его исходной точки и его цѣли.

Съ точки зрѣнія политической и соціальной они имѣютъ необходимымъ слѣдствіемъ уничтоженіе классовъ, а слѣдовательно класса буржуазіи, являющейся въ настоящее время господствующимъ клас-

сомъ; уничтоженіе всѣхъ территоріальныхъ государствъ, всѣхъ политическихъ отечествъ и созданіе на ихъ развалинахъ великой международной федераціи всѣхъ производительныхъ групъ, національныхъ и мѣстныхъ. Что же касается точки зрѣнія философской, то, имѣя въ виду осуществленіе человѣческаго идеала, человѣческаго счастья, ревенства и свободы на землѣ, они дѣлаютъ тѣмъ самымъ безполезными всякія упованія на небо и надежды на лучшее будущее на томъ свѣтѣ, и будутъ имѣть, стало быть, столь же необходимымъ слѣдствіемъ—уничтоженіе всѣхъ культовъ и религіозныхъ системъ.

Объявите прежде всего эти обѣ цѣли невѣжественнымъ рабочимъ, обремененнымъ ежедневной работой и деморализованнымъ, заключеннымъ, какъ бы въ тюрьму, въ рамки развратныхъ доктринъ, которыми правительство, въ союзѣ со всѣми привеллигированными кастами: священниками, дворянствомъ, буржуазіей, ихъ щедро осыпаетъ, и вы ихъ испугаете. Они, быть можетъ, васъ оттолкнутъ, не подозрѣвая, что всѣ эти идеи суть ничто иное, какъ самое точное выраженіе ихъ собственныхъ интересовъ, что цѣли эти заключаютъ въ себѣ осуществленіе наиболѣе дорогихъ ихъ желаній, и что, напротивъ, политическіе и религіозные предразсудки, во имя которыхъ они ихъ отвергнутъ, быть можетъ,—являются прямой причиной продолженія ихъ рабства и нищеты...

Нужно отличать предразсудки народныхъ массъ отъ предразсудковъ привиллегированнаго класса. Предразсудки массъ, какъ мы только что это показали, основаны на ихъ невѣжествѣ и они совершенно противоположны ихъ интересамъ, тогда какъ предразсудки буржуазіи основаны именно на интересахъ этого класса и только благодаря коллективному эгоизму буржуазіи могутъ устоять противъ разлагающаго вліянія самой буржуазной науки.

Народъ хочетъ, но не знаетъ; буржуазія знаетъ, но не хочетъ. Кто изъ нихъ неизлѣчимъ? Несомнѣнно буржуазія.

Общее правило: можно только обратить тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ этомъ, только тѣхъ, кто уже носитъ въ глубинѣ своихъ инстинктовъ, въ условіяхъ своего бѣдственнаго существованія, внѣшнихъ или внутреннихъ, то, что вы хотите имъ дать; но не тѣхъ, кто не ощущаетъ никакой потребности въ перемѣнѣ, и не тѣхъ также, которые, несмотря на то, что, желая выйти изъ положенія, коимъ они недовольны, въ силу своихъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ привычекъ стремятся искать перемѣнъ въ та-

кой сферѣ, которая ничего не имѣетъ общаго съ міромъ ваншихъ идей.

Попробуйте обратить въ соціализмъ дворянина, стремящагося къ богатству, буржуа, желающаго стать дворяниномъ, или даже рабочаго, который всѣми силами души своей стремится къ тому, чтобы стать буржуа! Обратите настоящаго или воображаемаго аристократа ума, ученаго, полуученаго, четверть-ученаго, десятую, сотую часть ученаго, которые всѣ полны ученаго чванства и часто только потому, что имѣли счастье кое-какъ осилить нѣсколько книгъ, полны высокомѣрнаго презрѣнія къ безграмотнымъ массамъ и воображаютъ, что призваны образовать новую господствующую, т. е. эксплуатирующую касту.

Никакія разсужденія, никакая пропаганда никогда не будетъ въ состояніи обратить этихъ несчастныхъ. Чтобы убѣдить ихъ, существуетъ только одно средство: это—уничтоженіе самой возможности существованія привиллегіи, всякаго господства и всякой эксплуатаціи; это—соціальная революція, которая, сметая все, что составляетъ неравенство въ мірѣ, сдѣлаетъ ихъ нравственными, принудивъ искать счастья въ равенствѣ и солидарности.

Иначе обстоитъ дѣло съ дѣйствительными рабочими. Подъ дѣйствительными рабочими мы подразумѣваемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно задавлены бременемъ труда, всѣхъ тѣхъ, положеніе которыхъ настолько непрочно и жалко, что никому изъ нихъ, исключая развѣ какіе нибудь рѣдкіе случаи, не можетъ даже придти въ голову мысль добыть для *себя самого,* и только для себя, лучшее положеніе при существующихъ экономическихъ условіяхъ и въ современной соціальной средѣ стать, напримѣръ, въ свою очередь, хозяиномъ или государственнымъ совѣтникомъ. Мы включаемъ безусловно въ ту же категорію рѣдкихъ и благородныхъ рабочихъ, которые, имѣя возможность возвыситься надъ рабочимъ классомъ, не хотятъ этимъ воспользоваться, предпочитая лучше выносить еще нѣкоторое время, вмѣстѣ со своими товарищами по несчастью, буржуазную эксплуатацію, нежели стать эксплуататорами. Этихъ нѣтъ надобности обращать; они чистые соціалисты.

Мы говоримъ объ огромной массѣ рабочихъ, которые, изнуренные ежедневной работой, невѣжественны и несчастны. Эта масса, каковы бы ни были ея политическіе, религіозные предразсудки, сдѣлавшіеся отчасти преобладающимъ элементомъ въ ея сознаніи,

благодаря старанію буржуазіи, является *безсознательно соціалистической*. Она инстинктивно и въ силу самаго своего положенія гораздо серьезнѣе и глубже соціалистична, чѣмъ всѣ научные и буржуазные соціалисты, вмѣстѣ взятые. Она является соціалистичной въ силу всѣхъ условій своего матеріальнаго существованія, въ силу всѣхъ потребностей своего существа, а не въ силу потребности мысли, какъ это происходитъ у послѣднихъ; въ дѣйствительной жизни потребности перваго рода имѣютъ гораздо большую силу, чѣмъ потребности мысли, которая здѣсь какъ и повсюду, всегда является выраженіемъ личности, отраженіемъ ея послѣдовательнаго развитія, но никогда не можетъ быть ея принципомъ.

У рабочихъ нѣтъ недостатка ни въ реальности, ни въ необходимости соціалистическихъ стремленій, имъ недостаетъ лишь соціалистической мысли; то, къ чему каждый рабочій стремится всей своей душой, это—вполнѣ человѣческое существованіе, какъ въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ смыслѣ умственнаго развитія, существованіе, основанное на справедливости, т. е. на равенствѣ и свободѣ каждаго и всѣхъ въ трудѣ; этотъ идеалъ, являющійся инстинктивно у того, кто живетъ своимъ собственнымъ трудомъ, не можетъ, конечно, осуществиться при современномъ политическомъ и соціальномъ строѣ, покоящемся на несправедливости и циничной эксплуатаціи рабочихъ массъ. А потому каждый настоящій рабочій необходимо является революціонеромъ и соціалистомъ, ибо его освобожденіе можетъ осуществиться только посредствомъ ниспроверженія всего того, что существуетъ нынѣ. Или эта организація несправедливости, со всѣми выставленными на показъ своими криводушными законами, должна погибнуть, или же рабочія массы будутъ осуждены на вѣчное рабство.

Въ этомъ заключается соціалистическая мысль, зародышъ которой находится въ инстинктѣ каждаго дѣйствительнаго рабочаго. Цѣль, значитъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать рабочему полное сознаніе того, что онъ хочетъ, пробудить въ немъ мысль, соотвѣтствующую его инстинкту, ибо, когда мысль рабочихъ массъ поднимется до уровня ихъ инстинкта, воля ихъ опредѣлится и могущество ихъ станетъ несокрушимо.

Что еще мѣшаетъ болѣе быстрому развитію этой спасительной мысли въ средѣ рабочихъ массъ?—Безъ сомнѣнія, ихъ невѣжество и, въ значительной степени, ихъ политическіе и религіозные пред-

разсудки, при помощи которыхъ заинтересованные въ этомъ классы стараются затемнять ихъ природное сознаніе и умъ. Какимъ же образомъ разсѣять ихъ невѣжество, какъ нарушить ихъ гибельные предразсудки? Посредствомъ образованія и пропаганды?

Это, конечно, прекрасное средство. Но при существующемъ положеніи рабочихъ массъ они недостаточны. Рабочій слишкомъ задавленъ трудомъ и ежедневными заботами, чтобы удѣлять достаточное время для образованія. Да и кто, впрочемъ, будетъ вести эту пропаганду? Тѣ немногіе искренніе соціалисты, вышедшіе изъ буржуазіи, которые, несомнѣнно полные благородныхъ желаній, — съ одной стороны, въ силу своей немногочисленности, не могутъ придать пропагандѣ необходимую широту, а съ другой стороны, принадлежа по своему соціальному положенію къ иному міру, не могутъ имѣть на рабочую среду должнаго вліянія, возбуждая при этомъ къ себѣ ея болѣе или менѣе справедливое недовѣріе.

«Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ» сказано въ предисловіи къ нашимъ общимъ статутамъ. Это тысячу разъ правда. Это главная основа нашего великаго Союза. Но рабочіе въ большинствѣ случаевъ невѣжественны, они еще пока совершенно не владѣютъ теоріей. Слѣдовательно, имъ остается только одинъ путь, *путь практическаго освобожденія*. Какова же можетъ и должна быть эта практика? Существуетъ только одна: это — солидарная борьба рабочихъ противъ хозяевъ. *Это — трэдъ-юніоны, организація, организаціи и федерація кассъ сопротивленія.*

III.

Если Интернаціоналъ въ началѣ проявляетъ снисходительность къ пагубнымъ и реакціоннымъ идеямъ въ области политики и религіи, которыя могутъ быть у рабочихъ, входящихъ въ его среду, то это вовсе не въ силу безразличнаго отношенія къ этимъ идеямъ. Это нельзя назвать равнодушіемъ, такъ какъ онъ ненавидитъ и отталкиваетъ ихъ всѣми силами, такъ какъ всякая реакціонная идея является разрушеніемъ самаго принципа Интернаціонала, какъ это было доказано въ предыдущихъ статьяхъ.

Подобная снисходительность, повторяемъ еще разъ, внушена ему глубокой мудростью. Зная прекрасно, что всякій дѣйствительный рабочій является соціалистомъ въ силу условій, необходимо

присущихъ его бѣдственному существованію, и что его реакціонныя идеи могутъ быть только слѣдствіемъ его невѣжества. Интернаціоналъ разсчитываетъ, что рабочій можетъ освободиться отъ нихъ при помощи коллективнаго опыта, который онъ пріобрѣтетъ въ лонѣ Интернаціонала, а главное, благодаря развитію коллективной борьбы рабочихъ противъ хозяевъ.

Дѣйствительно, разъ рабочій, начиная вѣрить въ возможность радикальнаго переустройства экономическаго строя, совмѣстно со своими товарищами принимается горячо бороться за уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы, когда онъ начинаетъ сильно заинтересовываться этой чисто матеріальной борьбой, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени этотъ рабочій покинетъ всѣ свои небесныя мечтанія и что, привыкая все болѣе и болѣе разсчитывать на коллективныя силы рабочихъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ помощи неба. Мѣсто религіи въ его умѣ займетъ соціализмъ. Также будетъ и съ его реакціонными политическими взглядами. Они утратятъ свою главную опору, по мѣрѣ того, какъ сознаніе рабочаго станетъ освобождаться отъ религіознаго давленія. Съ другой стороны, экономическая борьба, развиваясь и расширяясь все болѣе и болѣе, заставитъ его узнать на практикѣ и посредствомъ коллективнаго опыта, всегда являющагося поучительнѣе и шире всякаго отдѣльнаго опыта, своихъ настоящихъ враговъ—привиллегированные классы, включая сюда духовенство, буржуазію, дворянство и государство. Это послѣднее существуетъ только для того, чтобы блюсти привиллегіи всѣхъ этихъ классовъ и всегда неизбѣжно становится на ихъ сторону противъ пролетаріата.

Рабочій, вступивъ такимъ образомъ въ борьбу, въ концѣ концовъ пойметъ существующій непримиримый антагонизмъ между этими оплотами реакціи и своими самыми дорогими для него человѣческими интересами; и, дойдя до этой степени сознанія, онъ ясно и опредѣленно заявитъ себя соціалистомъ и революціонеромъ.

Не такъ дѣло обстоитъ съ буржуазіей. Всѣ ея интересы противоположны экономическому переустройству общества, и если идеи ея тоже противорѣчатъ этому переустройству и если онѣ реакціонны, или, какъ теперь выражаются болѣе вѣжливо, умѣренны; если умъ и сердце ея отталкиваютъ тотъ великій актъ справедливости и освобожденія, который мы называемъ соціальной революціей; если эти

буржуа питаютъ отвращеніе къ истинному соціальному равенству, т. е. къ равенству политическому, соціальному и экономическому одновременно; если въ глубинѣ души они хотятъ сохранить для самихъ себя, для своего класса или для своихъ дѣтей, хотя бы одну единственную привиллегію, хотя бы только привиллегію ума, какъ это мы видимъ у буржуазныхъ соціалистовъ; если они не возненавидятъ не только всей логикой своего ума, но и всей силой своего чувства, существующій порядокъ вещей,—тогда можно быть увѣренными, что они останутся реакціонерами, врагами рабочаго дѣла на всю свою жизнь. И ихъ нужно отстранить отъ Интернаціонала.

Ихъ надо держать отъ Интернаціонала какъ можно дальше, такъ какъ, проникая туда, они не могутъ имѣть другой цѣли, какъ произвести деморализацію въ его средѣ и свести его съ истиннаго пути. Впрочемъ, есть безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать, приходитъ ли къ нимъ буржуа, желающій быть принятымъ въ ихъ ряды, искренно, безъ тѣни фальши, безъ малѣйшей задней мысли. Этимъ признакомъ служитъ та связь, которую онъ сохранилъ съ буржуазнымъ міромъ.

Антагонизмъ, существующій между рабочимъ міромъ и буржуазіей, принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Всякій серьезно думающій человѣкъ, чувства и представленія котораго не искажены вліяніемъ, часто безсознательнымъ, пристрастныхъ софистовъ, долженъ въ настоящее время понимать, что никакое примиреніе между рабочими и буржуазіей немыслимо. Рабочіе хотятъ равенства, буржуазія — неравенства. Ясно, что одно уничтожаетъ другое. Поэтому огромное большинство буржуазіи, капиталистовъ и собственниковъ, имѣющихъ смѣлость откровенно заявлять о своихъ желаніяхъ, показываютъ съ такой же искренностью и смѣлостью свою ненависть къ современному движенію рабочаго класса. Это — враги рѣшительные и искренніе; ихъ мы знаемъ, и это хорошо.

Но есть другая категорія буржуа, которые не обладаютъ ни подобной смѣлостью, ни подобной искренностью. Являясь врагами соціальной ломки, къ которой мы стремимся всей силой нашей души, какъ къ великому акту справедливости, какъ къ необходимому исходному пункту и необходимому основанію раціональной и равноправной организаціи общества, эти буржуа, какъ и всѣ другіе, хотятъ сохранить экономическое неравенство, этотъ вѣчный источ-

никъ всѣхъ прочихъ неравенствъ. И въ то же время они утверждаютъ, что, какъ и мы, они стремятся къ полному освобожденію трудящихся и труда. Они отстаиваютъ съ увлеченіемъ, достойнымъ самыхъ реакціонныхъ буржуа, самую причину рабства пролетаріата,— отдѣленіе труда отъ недвижимой или капиталистической собственности, представителями которой являются различные классы. И несмотря на это, они выступаютъ апостолами освобожденія рабочаго класса изъ подъ гнета собственности и капитала!

Обманываются ли они сами, или другихъ обманываютъ? Нѣкоторые искренно ошибаются; многіе обманываютъ другихъ; огромное большинство въ одно и то же время и сами обманываются, и другихъ обманываютъ. Всѣ принадлежатъ къ разряду радикальныхъ буржуа и буржуазныхъ соціалистовъ, которые основали „Лигу Мира и Свободы"!

Соціалистическая ли эта Лига? — Вначалѣ и въ теченіе перваго года своего существованія, она, какъ мы уже имѣли случай указать, съ ужасомъ отварачивалась отъ соціализма. Въ прошломъ году на своемъ конгрессѣ въ Бернѣ, она торжественно отвергла принципъ экономическаго равенства. Теперь же, чувствуя приближеніе смерти и желая еще немного продлить свое существованіе, понявъ наконецъ, что отнынѣ никакая политическая жизнь немыслима безъ соціальнаго вопроса, она называетъ себя соціалистической: она стала буржуазно-соціалистической, а это означаетъ, что она хочетъ на основѣ *экономическаго неравенства* разрѣшить всѣ соціальные вопросы. Она хочетъ, она должна сохранить процентъ на капиталъ и земельную ренту, и она думаетъ вмѣстѣ съ этимъ освободить рабочихъ. Она хочетъ воплотить абсурдъ.

Зачѣмъ ей понадобилось это дѣлать? Что заставило ее предпринять столь безсмысленное, столь безплодное дѣло? Не трудно это понять.

Значительная часть буржуазіи устала отъ господства цезаризма и милитаризма, вызваннаго ею же самой въ 1848 году изъ страха передъ пролетаріатомъ. Вспомните только іюньскіе дни, предвѣстники декабрьскихъ; вспомните національное Собраніе, которое послѣ іюньскихъ дней, единогласно, за исключеніемъ одного члена, покрыло руганью и проклятіями великаго и, можно сказать героическаго соціалиста Прудона, единственнаго человѣка, имѣвшаго смѣлость бросить соціалистическій вызовъ этому бѣшенному стаду буржуевъ—

консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ. Не нужно забывать, что среди всѣхъ этихъ ругателей Прудона есть масса гражданъ, еще живущихъ теперь, которые, попавши въ огонь декабрьскихъ преслѣдованій, съ тѣхъ поръ сдѣлались мучениками свободы.

Слѣдовательно, безъ всякаго сомнѣнія, буржуазія — вся цѣликомъ, включая сюда и радикальную буржуазію — не была въ собственномъ смыслѣ слова творцомъ цезаристскаго деспотизма и милитаризма, результаты которыхъ она въ настоящее время оплакиваетъ. Воспользовавшись ими противъ пролетаріата, она хотѣла бы теперь избавиться отъ нихъ. Нѣтъ ничего естественнѣе; этотъ режимъ ее унижаетъ и разоряетъ. Но какъ отъ нихъ избавиться? Нѣкогда она была смѣла и рѣшительна, за ней была сила побѣдъ; теперь, она труслива и слаба: она чувствуетъ, что она одна ничего сдѣлать не въ состояніи, поэтому ей нужна помощь. Эту помощь можетъ оказать только пролетаріатъ, — слѣдовательно, его нужно привлечь на свою сторону.

Но какъ его привлечь? Обѣщаніемъ свободы и политическаго равенства? Это—слова, которыя не трогаютъ больше рабочихъ. Они научились дорогой цѣной, они поняли тяжкимъ опытомъ, что эти слова ничего иного для нихъ не означаютъ, какъ сохраненіе рабства экономическаго, часто даже болѣе тяжелаго, чѣмъ было оно раньше. Если, стало быть, вы хотите затронуть чувство этихъ несчастныхъ милліоновъ рабовъ труда, то говорите имъ объ экономическомъ освобожденіи. Нѣтъ больше ни одного рабочаго, который бы не зналъ теперь, что это является для него единственнымъ серьезнымъ и реальнымъ основаніемъ всѣхъ другихъ освобожденій. Слѣдовательно, имъ нужно говорить объ экономическихъ преобразованіяхъ общества.

Ну, что-жъ, сказали себѣ члены Лиги Мира и Свободы, будемъ говорить объ этомъ, назовемъ себя тоже соціалистами. Будемъ обѣщать имъ «экономическія и соціальныя реформы», но съ условіемъ, чтобы они уважали основы цивилизаціи и буржуазнаго всемогущества: частную и наслѣдственную собственность, процентъ на капиталъ, земельную ренту. Убѣдимъ ихъ, что только при этихъ условіяхъ, которыя, впрочемъ, обезпечиваютъ намъ господство, а рабочимъ рабство, рабочій можетъ быть освобожденъ.

Убѣдимъ ихъ еще въ томъ, что для осуществленія всѣхъ соціальныхъ реформъ, нужно прежде всего совершить хорошую по-

литическую революцію, исключительно политическую, такую красную, какую имъ только будетъ угодно, съ политической точки зрѣнія,— съ массой отрубленныхъ головъ, если это будетъ необходимо, — но съ сохраненіемъ полнѣйшаго уваженія къ священной собственности. Однимъ словомъ, чисто якобинскую революцію, которая сдѣлаетъ насъ господами положенія. А разъ мы окажемся хозяевами положенія, то мы дадимъ рабочимъ то... что мы сможемъ и что захотимъ дать.

Это безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать фальшиваго соціалиста, соціалиста буржуазнаго: если, говоря имъ о революціи, или о соціальномъ переворотѣ, онъ говоритъ имъ, что политическій переворотъ *долженъ предшествовать* перевороту экономическому; если онъ отрицаетъ, что обѣ эти революціи должны совершиться одновременно, или, что политическая революція не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только немедленнымъ и прямымъ осуществленіемъ полной и всецѣлой соціальной ликвидаціи, — пусть рабочіе повернутъ ему спину, потому что онъ или просто глупъ, или лицемѣрный эксплуататоръ.

Международный союзъ рабочихъ, дабы остаться вѣрнымъ своему принципу и не сойти съ единственнаго пути, который можетъ довести его до цѣли, долженъ остерегаться главнымъ образомъ вліянія двухъ родовъ буржуазныхъ соціалистовъ: сторонниковъ *буржуазной политики, включая сюда и буржуазныхъ революціонеровъ*, и сторонниковъ *буржуазной кооперации*, или такъ называемыхъ, *практическихъ людей*. Разсмотримъ сперва первыхъ.

Экономическое освобожденіе есть основа всякаго другого освобожденія. Мы резюмировали въ этихъ словахъ всю политику Интернаціонала.

Дѣйствительно, въ предпосылкахъ къ статутамъ мы читаемъ слѣдующее заявленіе:

«*Подчиненіе труда капиталу есть источникъ всякаго рабства: политическаго, нравственнаго и матеріальнаго*, и по этой причинѣ, экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе».

Само собою разумѣется, что всякое политическое движеніе которое не ставитъ непосредственной и прямой цѣлью *окончательное и полное* экономическое освобожденіе рабочихъ и которое не начертало на своемъ знамени ясно и опредѣленно принципъ *эконо-*

мическаго равенства, означающаго *полное возвращеніе капитала труду* или же *соціальную ликвидацію*, что всякое такое политическое движеніе есть буржуазное и, какъ таковое, должно быть исключено изъ Интернаціонала.

Слѣдовательно, безъ всякаго сожалѣнія должна быть исключена политика буржуазныхъ демократовъ или буржуазныхъ соціалистовъ, которые, заявляя, что «политическая свобода есть *предварительное* условіе экономическаго освобожденія», могутъ понимать подъ этими словами лишь слѣдующее: реформы или революціи политическія должны предшествовать реформамъ или революціямъ экономическимъ; рабочіе должны, слѣдовательно, войти въ союзъ съ буржуазіей, болѣе или менѣе радикальной, для совершенія вмѣстѣ съ ней сперва первыхъ, чтобы потомъ произвести противъ нея послѣднія.

Мы громко протестуемъ противъ этой пагубной теоріи, которая можетъ привести рабочихъ только къ тому, что заставитъ ихъ лишній разъ служить орудіемъ противъ себя самихъ и предоставитъ ихъ снова буржуазной эксплуатаціи.

Завоевать политическую свободу *сначала* — означаетъ ни что иное, какъ завоевать сначала ее одну, оставляя, по крайней мѣрѣ въ первые дни, прежними экономическія и соціальныя отношенія, т. е. сохраняя собственность и капиталистовъ, дерзко выставляющихъ свои богатства, и рабочихъ съ ихъ нищетой.

Но, говорятъ, разъ эта свобода будетъ завоевана, она послужитъ рабочимъ орудіемъ въ дѣлѣ завоеванія впослѣдствіи *равенства* или *экономической справедливости*.

Свобода, дѣйствительно, прекрасное и могущественное орудіе; но вопросъ въ томъ, могутъ ли рабочіе дѣйствительно воспользоваться ей, будетъ ли она дѣйствительно въ ихъ рукахъ или же, какъ это было всегда до сихъ поръ, ихъ *политическая свобода* будетъ только обманчивой внѣшностью, фикціей.

Рабочій, которому въ его настоящемъ экономическомъ положеніи стали бы говорить о политической свободѣ, могъ бы отвѣтить припѣвомъ извѣстной пѣсни:

Не говорите о свободѣ,
Нищета есть рабство!

И дѣйствительно, надо быть влюбленнымъ въ иллюзію, чтобы воображать, что рабочій при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ

которыхъ онъ теперь находится, сможетъ полностью и дѣйствительнымъ образомъ воспользоваться своей политической свободой? Ему недостаетъ для этого двухъ маленькихъ вещицъ: досуга и матеріальныхъ средствъ.

Впрочемъ, не видѣли ли мы этого во Франціи на другой день послѣ революціи 1848 года, революціи наиболѣе радикальной, которую только можно пожелать съ политической точки зрѣнія.

Французскіе рабочіе, конечно, не были ни равнодушными ни безтолковыми и, несмотря на самое широкое всеобщее избирательное право, они должны были предоставить буржуазіи свободу дѣйствій. Почему? Потому что имъ недоставало матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы политическая свобода стала реальностью, потому что они оставались рабами труда подъ угрозой голода въ то время, какъ буржуа-радикалы, либералы и даже консерваторы,— одни уже республиканцы, другіе, ставшіе ими потомъ, разъѣзжали, агитировали, говорили, дѣйствовали и конспирировали свободно, кто благодаря своимъ доходамъ или выгодному буржуазному положенію, а кто благодаря государственному бюджету, который, конечно, былъ сохраненъ и даже увеличенъ больше, чѣмъ когда либо.

Извѣстно, что вышло отсюда: сначала іюньскіе дни, потомъ, какъ необходимое слѣдствіе, декабрскіе.

Но, скажутъ намъ, рабочіе наученные опытомъ, не пошлютъ больше буржуа въ учредительныя и законодательныя собранія, они пошлютъ туда простыхъ рабочихъ; какъ бы они ни были бѣдны, они могутъ дать необходимое содержаніе своимъ депутатамъ. Знаете ли, что изъ этого выйдетъ? То, что рабочіе-депутаты, попавшіе въ условія буржуазнаго существованія и въ атмосферу чисто буржуазныхъ политическихъ идей, фактически переставъ быть рабочими, становясь людьми государственными, сдѣлаются буржуями и, быть можетъ, станутъ буржуазнѣе самихъ буржуа. Не люди создаютъ положеніе, а наоборотъ, положеніе—людей. А мы знаемъ по опыту, что *рабочій-буржуа* бываетъ часто не менѣе эгоистиченъ, чѣмъ *буржуа-эксплуататоръ*; не менѣе вреденъ для Союза, чѣмъ буржуа-соціалисты; не менѣе смѣшнымъ въ своемъ чванствѣ, чѣмъ облагороженные буржуа.

Чтобы ни сдѣлали и ни говорили, до тѣхъ поръ пока рабочій останется при настоящихъ условіяхъ существованія, для него будетъ немыслима свобода, и тѣ, которые зовутъ его къ завоева-

нію политической свободы, не касаясь предварительно жгучихъ вопросовъ соціализма, не произнося словъ *«соціальная ликвидація»*, заставляющихъ блѣднѣть всѣхъ буржуа, тѣ просто говорятъ рабочему: добудь сначала эту свободу для насъ, чтобы мы потомъ могли воспользоваться ею противъ тебя.

Но вѣдь у нихъ добрыя и искреннія намѣренія, у этихъ радикальныхъ буржуа, скажутъ намъ.—Нѣтъ такихъ добрыхъ и искреннихъ намѣреній, которыя могли бы устоять противъ вліянія положенія, и такъ какъ мы сказали, что даже рабочіе, попавшіе въ буржуазныя условія, неизбѣжно становятся буржуями, то тѣмъ болѣе буржуа, оставшіеся въ этихъ условіяхъ, останутся буржуями.

Если буржуа, охваченный страстнымъ желаніемъ справедливости, равенства и гуманности, хочетъ серьезно трудиться надъ освобожденіемъ пролетаріата, пусть онъ начнетъ съ того, что порветъ съ буржуазіей всѣ свои политическія и соціальныя связи, всякія отношенія, возникшія на почвѣ матеріальныхъ или умственныхъ интересовъ, на почвѣ чувства и тщеславія. Пусть онъ пойметъ сначала, что никакое примиреніе невозможно между пролетаріатомъ и этимъ классомъ, который, живя только эксплуатаціей другихъ, является естественнымъ врагомъ пролетаріата.

Отойдя окончательно отъ буржуазнаго міра, пусть онъ станетъ подъ знамя рабочихъ, на которомъ написаны слѣдующія слова: «Справедливость, Равенство и Свобода для всѣхъ. Уничтоженіе классовъ посредствомъ экономическаго уравненія всѣхъ. Соціальная ликвидація».—Онъ будетъ желаннымъ гостемъ. Что же касается буржуазныхъ соціалистовъ и рабочихъ буржуа, которые будутъ говорить намъ о соглашеніи между буржуазной политикой и соціализмомъ рабочихъ, мы можемъ только дать такой совѣтъ последнимъ: отойти отъ нихъ.

Такъ какъ буржуазные соціалисты стараются въ настоящее время организовать, пользуясь *приманкой соціализма*, громадную рабочую агитацію для завоеванія политической свободы, которой, какъ мы только что видѣли, воспользуется только буржуазія; такъ какъ рабочія массы, дошедшія до истиннаго пониманія своего положенія, озаренныя и движимыя принципомъ Интернаціонала, дѣйствительно организуются и начинаютъ представлять дѣйствительную силу, не національную, а интернаціональную и не для того, чтобы дѣлать буржуазное дѣло, а свое собственное; такъ какъ для

того, чтобы осуществить буржуазный идеалъ полной политической свободы съ республиканскими учрежденіями, необходима революція, а никакая революція не можетъ восторжествовать безъ содѣйствія народной силы,—нужно, чтобы эта сила, переставъ загребать жаръ для господъ буржуа, стала служить отнынѣ только торжеству народнаго дѣла, дѣлу всѣхъ тѣхъ, кто трудится, противъ всѣхъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ чужой трудъ.

Международный Союзъ Рабочихъ, вѣрный своему принципу, никогда не протянетъ руки политической агитаціи, неимѣющей своей непосредственной и прямой цѣлью—*полное экономическое освобожденіе рабочихъ*, т. е. уничтоженіе буржуазіи, какъ класса, экономически обособленнаго отъ массы, и не поможетъ никакой революціи, которая съ перваго же дня, съ перваго же часа не начертаетъ на своемъ знамени—*соціальная ликвидація*.

Но революціи не импровизируются. Онѣ не дѣлаются по волѣ ни отдѣльныхъ личностей, ни даже самыхъ могущественныхъ ассоціацій. Онѣ, независимо отъ всякой воли и отъ всякой конспираціи, всегда происходятъ въ силу хода самихъ вещей. Ихъ можно предвидѣть, иногда предчувствовать ихъ приближеніе, но никогда нельзя ускорить ихъ взрывъ.

Убѣжденные въ этой истинѣ, мы ставимъ себѣ вопросъ: какой политикѣ долженъ слѣдовать Интернаціоналъ въ теченіи этого болѣе или менѣе длиннаго періода времени, отдѣляющаго насъ отъ той ужасной соціальной революціи, которую всѣ мы теперь предчувствуемъ?

Отбрасывая согласно своимъ статутамъ всякую національную и мѣстную политику, Интернаціоналъ придаетъ рабочей агитаціи всѣхъ странъ характеръ *исключительно экономическій*. Ставя какъ цѣль: уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы; какъ средство: *объединеніе рабочихъ массъ* и организацію *кассъ сопротивленія*.

Онъ будетъ пропагандировать свои принципы, такъ какъ эти принципы, будучи чистѣйшимъ выраженіемъ коллективныхъ интересовъ рабочихъ всего міра, являются его душой и составляютъ всю жизненную силу Союза. Онъ поведетъ широко эту пропаганду не считаясь съ буржуазной щекотливостью, чтобы каждый рабочій, выходя изъ состоянія умственной и нравственной неподвижности, въ которой его стараются удержать, понялъ положеніе дѣлъ и

знать, чего онъ долженъ хотѣть и при какихъ условіяхъ можетъ завоевать себѣ человѣческія права.

Онъ долженъ будетъ вести эту пропаганду тѣмъ болѣе искренно и энергично, что въ немъ самомъ мы часто наталкиваемся на такія вліянія, которыя, показывая свое презрѣніе къ этимъ принципамъ, хотѣли бы заставить ихъ сойти за ненужную теорію и стараются вернуть рабочихъ къ политическому, экономическому и религіозному катехизису буржуазіи.

Онъ наконецъ расширится и прочно организуется, переступивъ границы всѣхъ странъ, чтобы въ моментъ, когда наступившая революція, въ силу естественнаго хода вещей, вспыхнетъ, нашлась реальная сила, знающая, что она должна дѣлать, и въ силу этого, способная взять революцію въ свои руки и придать ей направленіе, спасительное для народа: серьезная международная организаціи рабочихъ союзовъ всѣхъ странъ, способная замѣнить этотъ отходящій политическій міръ государствъ и буржуазіи.

Мы заканчиваемъ это точное изложеніе политики Интернаціонала воспроизведеніемъ послѣдняго параграфа предпосылокъ къ нашимъ общимъ статутамъ:

«Движеніе, совершающееся среди рабочихъ промышленныхъ странъ Европы, пробуждая новыя надежды, даетъ торжественное предупрежденіе не впадать въ старыя ошибки».

В. Бакунинъ.

Процессъ тридцати: десять лѣтъ спустя.

Ровно 10 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ процесса тридцати. За это время анархическое движеніе приняло грозные размѣры, наша идея проникла во всѣ слои общества, вошла въ современную литературу, все громче и громче заявляя свое право на существованіе. Въ теченіе этихъ 10 лѣтъ ненависть къ анархистамъ мало по малу улеглась, гнѣвъ смягчился и, послѣ массовыхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ, гильотинированія и другихъ мѣръ, предпринимаемыхъ холопами буржуазіи, возстановилось понемногу спокойствіе. Въ концѣ

концовъ пришли къ той мысли, что анархисты не фанатики и не сумашедшіе, и что знакомство съ ихъ идеями можетъ оказаться полезнымъ. Одновременно съ этимъ выяснилось, что и требованія ихъ вовсе не столь исключительны, какъ объ этомъ думали раньше, а наоборотъ совпадаютъ съ общимъ стремленіемъ всѣхъ людей къ свободѣ и счастью.

Каждая эпоха, съ зарожденія общества, выдвигала отдѣльныя личности, провозглашающія *право всѣхъ на существованіе*. Эти отдѣльные голоса не оставались всегда безъ отклика. Но большинство изъ нихъ стремилось основать одуряющія и унижающія религіи, которыя затѣмъ въ продолженіи долгаго времени мѣшали развитію свободной мысли. Однако, несмотря на вліяніе поповъ и пасторовъ, несмотря на попытки и преслѣдованія властей, идея всеобщаго освобожденія, сквозь пламя инквизиціонныхъ костровъ, прокладывала понемногу свою дорогу.

Пока требованія анархистовъ не выходили за предѣлы малоизвѣстныхъ и притомъ не пользовавшихся большимъ вліяніемъ теорій, пока дѣло ограничивалось лишь ораторскими состязаніями, буржуазія, сдѣлавшая во имя свободы мысли цѣлый рядъ революцій, чувствовала себя спокойно. Но когда первые анархисты, убѣдившись въ полномъ безсиліи словопреній, рѣшили дѣйствовать, буржуазное общество увидало себя погибшимъ.

Была, однако, всего лишь горсть рѣшительныхъ людей. Противъ нихъ стояло цѣлое организованное общество со своей полиціей, арміей, судебными властями, со всѣми силами репрессіи и, въ добавокъ, опирающееся на невѣжество и пассивность народа. Нужно было нанести чувствительный ударъ. Нужно было встряхнуть индиферентность толпы.

Эта эпоха будетъ отмѣчена въ исторіи освобожденія человѣчества и будетъ одной изъ наиболѣе блестящихъ ея страницъ. Люди, которые пожертвовали своей жизнью и свободой и, безъ средствъ, безъ оружія почти, вступили въ бой со старымъ обществомъ, вызывали восхищеніе въ однихъ, страшную ненависть въ другихъ.

Эта битва, исходъ которой можно было заранѣе предвидѣть, была прямо восхитительна. Равашоли, Анри, Вальяны были дѣйствительно недюжинныя, исключительныя личности.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію процесса тридцати, который явился какъ бы заключительнымъ аккордомъ этой битвы,

мы постараемся въ краткихъ чертахъ обрисовать событія ей предшествовавшія. Мы отмѣтимъ бѣгло главные штрихи этой борьбы, которая никогда не предастся забвенію, и гдѣ отдѣльныя личности стойко держались противъ соединенныхъ силъ современнаго буржуазнаго общества и заставили отступить его.

* * *

Идея анархизма беретъ свое начало съ Бакунина, отщепенца Интернаціонала и основателя Юрской Федераціи. Если и были до Бакунина теоретики и утописты, какъ Фурье, Овенъ, Прудонъ, къ которымъ можно отнести колыбель анархизма, нужно замѣтить, что лишь проповѣдникъ *всеобщаго разрушенія* внесъ эту идею въ жизнь. Только съ этого момента движеніе начинаетъ разрастаться. Образуются немногочисленныя группы въ Парижѣ; анархисты начинаютъ вести пропаганду; полиція и правительство волнуются.

Въ Ліонѣ возникаетъ знаменитый заговоръ, который влечетъ за собою осужденіе Кропоткина, Эмиля Готье и другихъ. Сивокъ, за статью, помѣщенную въ газетѣ послѣ покушенія на площади Белькуръ, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Нѣсколько позже, Клеманъ Дюваль разграбляетъ и сжигаетъ отель; стрѣляетъ при арестѣ въ полицейскихъ. Еще происходятъ нѣсколько фактовъ... Но, чтобы увидать борьбу въ ея полномъ развитіи, нужно обратиться къ 1892 году, къ тому періоду, который прозвали эпохой Равашоля.

* * *

Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ событія. 1-го мая 1891 года, во время обычной ежегодной манифестаціи, анархисты, въ мѣстечкѣ Левалуа-Перрэ, подвергаются нападенію полицейскихъ. Раненыхъ и покрытыхъ кровью Декампа, Дардара и Левейеля тащатъ въ участокъ и держатъ ихъ тамъ въ продолженіи двухъ сутокъ, безъ воды, не промывши и не перевязавши даже имъ ранъ. Причемъ обращаются съ ними съ неслыханною жестокостью. 28 августа всѣ трое появляются передъ судомъ присяжныхъ, и прокуроръ Бюло въ ожесточенной рѣчи требуетъ головы Декампа. Присяжные выносятъ суровый приговоръ обвиняемымъ.

И вотъ появляется Равашоль. 11 марта 1892 года, на бульварѣ С.-Жерменъ, домъ, въ которомъ жилъ предсѣдатель суда Бе-

нуа, взлетаетъ на воздухъ. 27 марта той же участи подвергается домъ, который занималъ прокуроръ Бюло, на улицѣ Клиши. Несмотря на то, что ни одинъ изъ этихъ двухъ взрывовъ не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій, ужасъ овладѣлъ всѣмъ Парижемъ. И, дѣйствительно, динамитъ заговорилъ серьезно. Становилось страшно при мысли, что тысячи людей находятся во власти одного человѣка.

Произошелъ взрывъ въ казармахъ Лобо, и воображеніе публики, возбуждаемое, въ добавокъ, газетами, повсюду видѣло коробки изъ подъ сардинокъ, наполненныя взрывчатыми веществами. Дома магистратовъ, входы въ судъ охранялись тщательнымъ образомъ; начались обыски и аресты. Наконецъ, вѣсть объ арестѣ *преступника* положила конецъ всѣмъ этимъ треволненіямъ.

Виновникъ покушенія Равашоль былъ выданъ и арестованъ въ ресторанѣ Вери. Парижъ вздохнулъ свободно. Но его спокойствіе было не продолжительно: какъ разъ наканунѣ того дня, когда Равашоль долженъ былъ явиться передъ судомъ, ресторанъ Вери былъ взорванъ и доносчикъ убитъ. Снова напала паника на парижанъ. Ужъ нельзя было больше надѣяться, что то были единичные случаи—открылась эра динамита... У Равашоля были друзья, сообщники...

Среди этой то неописуемой паники, охватившей весь Парижъ, судили Равашоля, имя котораго сдѣлалось наиболѣе популярнымъ. Онъ казался какимъ то необыкновеннымъ. Его безпокойная, необычная жизнь могла бы послужить темою самаго драматическаго романа. Его невѣроятная смѣлость, упорная энергія, его неслыханное хладнокровіе и самообладаніе при самыхъ трагическихъ положеніяхъ — дѣлали изъ него одного изъ тѣхъ исключительныхъ и рѣдкихъ существъ, которыя отъ времени до времени появляются на земномъ шарѣ. Для однихъ это былъ герой, для другихъ — чудовище.

Судьи не рѣшились произнести смертный приговоръ, и признали смягчающія обстоятельства.

Вмѣстѣ съ Равашолемъ судился Симонъ, прозванный Бисквитомъ, юноша 18-ти лѣтъ, беззаботный, веселый и въ высшей степени смѣлый. Равашоль до конца сохранилъ удивительную веселость и необыкновенную ясность ума. Приговоренный къ смерти за убійство отшельника въ Шамбль, онъ отказался подать прошеніе о помилованіи. Подвергнутый ужасному режиму, *заключенный въ желѣз-*

ную клѣтку, запертый живымъ въ настоящую могилу, онъ ни на минуту не измѣнилъ себѣ. По дорогѣ на эшафотъ, онъ пѣлъ революціонныя пѣсни.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Шесть мѣсяцевъ не раздавалось голоса динамита. Между тѣмъ анархисты удвоили свою дѣятельность. Собранія слѣдовали за собраніями, ораторы отправлялись въ провинціи, и анархическія аудиторіи становились все болѣе и болѣе многочисленны. Газеты—la Rèvolte, l'Endehors, le Père Peinard были конфискованы, издатели—приговорены.

Въ это время вспыхнула стачка въ Кармо и 8 ноября 1892 года, въ коммиссаріатѣ полиціи на улицѣ Бонъ-Анфанъ разорвало бомбу, найденную полицейскими въ конторѣ Кармо и перенесенную въ коммиссаріатъ.

Прошелъ еще годъ и, неожиданно, нападенія анархистовъ возобновились. Лотье, ударомъ ножа, убилъ сербскаго посланника Георгіевича въ Парижѣ.

9 декабря 93 года, какъ молнія, разнеслась вѣсть, что Огюстъ Вальянъ бросилъ бомбу въ палатѣ депутатовъ. Въ то время, благодаря мошенничествамъ въ Панамскомъ дѣлѣ и различнымъ скандаламъ, слѣдовавшимъ одинъ за другимъ, депутаты не пользовались большою популярностью. Не высказывая громко своего одобренія. рабочіе не скрывали своей симпатіи къ Вальяну. Къ тому же смыслъ этого покушенія былъ для всѣхъ ясенъ; оно являлось, такъ сказать, цареубійствомъ «новаго образца». Парламентъ обезумѣлъ отъ ужаса. Амфитеатръ въ одну минуту очистился; депутаты бросились къ выходнымъ дверямъ, и знаменитая фраза Дюпюи: «Господа, засѣданіе продолжается», была произнесена только 20 мин. спустя.

Тогда то и были приняты знаменитыя постановленія, которыя явились прелюдіей «подлыхъ законовъ». Въ два дня наши парламентаристы, съ поспѣшностью имъ не свойственною, вотировали измѣненія въ статьяхъ 265, 266 и 277 Уложенія о наказаніяхъ, гласящихъ объ обществахъ злоумышленниковъ, въ статьѣ 3-ей закона 19 іюня 1871 года о храненіи взрывчатыхъ веществъ, и, наконецъ—въ статьяхъ 24, 25 и 45 закона о печати. Только благодаря этой законодательной перетасовкѣ и можно было, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, возбудить процессъ тридцати.

Судебныя власти съ неменьшей поспѣшностью вели слѣдствіе по дѣлу Вальяна, и послѣдній очень скоро долженъ былъ явиться

передъ судомъ. Въ то же время, по отношенію къ анархистамъ были приняты самыя произвольныя мѣры; анархическая литература была конфискована, продажа анархическихъ газетъ—запрещена.

Вальяна судили 10 января 1894 года. Въ его поведеніи на судѣ не было замѣтно ни слабости, ни хвастовства; все обличало въ немъ человѣка, который въ полномъ сознаніи совершалъ свой актъ. Онъ никого не убилъ, и заявилъ, что не имѣлъ никакого намѣренія убивать. Почти всѣ газеты вступились за него; но ничто не помогло. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, и отецъ «Coupe-Toujours» *), управлявшій тогда судьбами республики, отказался подписать его помилованіе. Вальянъ былъ казненъ 5 февраля 1894 г., крикнувъ громкимъ голосомъ передъ смертью: «Смерть буржуазному обществу, да здравствуетъ анархія!»

* * *

Послѣ бомбы Вальяна и принятія репрессивныхъ законовъ, воскресаетъ гнусный режимъ травли «подозрительныхъ», толкающій на доносы, измѣны и всякаго рода подлости. Авторъ «подлыхъ законовъ», занимавшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, имя котораго было замѣшано во всѣхъ темныхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ подозрительныхъ «афферахъ» и интригахъ, и котораго Рошфоръ называлъ «бандитъ Рейналь», приступилъ къ чисткѣ. 2000 обысковъ, 64 ареста было произведено по предписанію суда сенскаго департамента. Это была открытая война противъ всѣхъ, кто имѣлъ какія бы то но было отношенія къ анархистамъ. Съ другой стороны, казнь Вальяна вызвала протесты, и разъ утромъ на кладбищѣ въ Иври были найдены стихи, въ которыхъ говорилось о мести. И, дѣйствительно, ровно черезъ недѣлю послѣ казни Вальяна Эмиль Анри бросилъ бомбу въ кафе Терминусъ.

Итакъ, Равашоль нанесъ ударъ судебной власти, взрывъ казармы Лобо былъ направленъ противъ арміи, бомба Вальяна – противъ парламентаризма. А Эмиль Анри, болѣе логичный и послѣдовательный, направилъ свой ударъ на толпу, безъимянную толпу, стадо, безсмысленное участіе котораго въ голосованіи, индифферент-

---

*) «Рѣжь-Всегда». Такъ былъ прозванъ президентъ республики Карно.

ность и апатичность давала возможность власти совершать всѣ злодѣйства и преступленія *).

Эмилю Анри было 22 года. Онъ выдавался своимъ образованіемъ и умомъ; еще будучи 16-лѣтнимъ юношей, онъ уже поступилъ въ политехническій институтъ. Это, стало быть, не былъ ужъ «бандитъ», какъ Равашоль, или «впавшій въ отчаяніе», какъ Вальянъ. Актъ его для большинства остался непонятнымъ и необъяснимымъ и нагналъ такой страхъ на всѣхъ, что каждый дрожалъ за себя. На судѣ Э. Анри объяснилъ свой поступокъ, рѣчь ошеломила буржуазію. Никто не ожидалъ такой сильной и неоспоримой логики, такой послѣдовательности мышленія. Воспроизведенная цѣликомъ во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ, она произвела потрясающее впечатлѣніе.

1894 г. 21 мая Э. Анри былъ казненъ. Какъ Равашоль и Вальянъ онъ твердо и мужественно принялъ смерть.

*
* *

Покушеніе Анри не только нагнало страхъ и трепетъ на всѣхъ, оно вызвало дикое негодованіе и ненависть въ правительственныхъ сферахъ. При одномъ упоминаніи о бомбѣ, разсыпались страшныя угрозы, съ пѣной у рта требовались самыя жестокія кары, и такое настроеніе толпы старательно поддерживалось прессой. Нужно читать газеты того времени, чтобы вполнѣ представить себѣ тотъ страхъ, который обуялъ буржуазію.

Въ воскресенье, 28 февраля, были созваны всѣ комиссары Парижа и окрестностей, и имъ даны были инструкціи и полная свобода дѣйствія. Съ слѣдующаго же дня полицейскіе приступили къ работѣ: еще до разсвѣта они врывались въ дома, взламывали

---

*) Несомнѣнно, здѣсь идетъ рѣчь не о той угнетенной, безсловесной толпѣ, темнотой и невѣжествомъ которой господствующіе классы пользуются для эксплуатаціи ея самой, а о толпѣ буржуазной, заинтересованной въ сохраненіи существующаго строя, дающей тонъ современной политикѣ, о той толпѣ, которая во Франціи требовала беспощадныхъ истребленія анархистовъ, хотя-бы они и не участвовали въ совершенныхъ актахъ, а въ Америкѣ, въ Чикагскую стачку 1886 г. рекомендовали бомбы и висѣлицы для обузданія стачечниковъ. Очевидно, *эту* толпу имѣлъ въ виду Э. Анри бросая бомбу въ кафе Терминусъ—мѣсто *отдохновенія* представителей крупной буржуазіи.

двери, разграбляли сундуки, шкафы, комоды, унося все, что попадалось подъ руку, и расточая брань и ругань хозяевамъ. Эта охота на анархистовъ длилась около мѣсяца и велась по всей Франціи и даже въ колоніяхъ (были аресты въ Алжирѣ). Тюрьмы были переполнены; народъ терроризированъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Никто не смѣлъ открыть рта, боялись читать газеты, принимать друзей, переписываться съ товарищами. Письма вскрывались, велись тщательные розыски и слѣдствія; рабочихъ травили и придирались ко всякимъ пустякамъ; только и слышно было— тюрьма, каторга, ссылка... Появилась эпидемія анонимныхъ писемъ и доносовъ, которыми осаждались судьи и полицейскіе, и своей трусостью, подлостью и измѣнами толпа какъ бы подписывалась подъ тѣмъ приговоромъ, который произнесъ и привелъ въ исполненіе Э. Анри.

* *

Всѣ эти мѣры не привели къ желаемымъ результатамъ. Но мало было запереть въ тюрьмы тысячи людей, необходимо было придать этому видъ законности. И вотъ придумали процессъ тридцати. Веденіе этого грандіознаго процесса было поручено судебному слѣдователю Мейеру, въ головѣ котораго, благодаря фантастическимъ разсказамъ о карбонаріяхъ, нигилистахъ и террористахъ разныхъ эпохъ, сложилось убѣжденіе, что анархисты представляютъ изъ себя дисциплинированную и потому особенно опасную организацію. Въ мигъ онъ создалъ цѣлый романъ.

Однако, несмотря на обыски и аресты, взрывы продолжаются во всѣхъ концахъ Парижа: на улицѣ Сенъ-Жакъ, въ Сенъ-Мартенскомъ предмѣстьѣ, на улицѣ де Провансъ и т. д. 15 марта Поуельсъ умираетъ отъ преждевременнаго взрыва бомбы, которую онъ хотѣлъ положить въ церкви Мадлены. 4 апрѣля въ ресторанѣ Фойо, раненъ осколкомъ снаряда Лоранъ Тальядъ. Аресты все усиливаются; нѣкоторые сенсаціонны, какъ напр. Ортица, Фенеона, Мата. Наконецъ, смерть президента Карно, убитаго Казеріо въ Ліонѣ, окончательно потрясаетъ мнѣнія. Страхъ, негодованіе и злоба переступаютъ всякія границы. Въ парламентѣ обсуждаются мѣры, которыя могли бы совершенно остановить анархическую пропаганду, и эти обсужденія кончаются принятіемъ законовъ столь гнусныхъ, что всѣми, кто еще

не былъ совсѣмъ ослѣпленъ чувствомъ страха, они были прозваны «подлыми законами». Процессъ, который собирались было замять, съ этого момента былъ окончательно рѣшенъ.

* * *

Въ прочитанномъ секретаремъ Вильсомомъ обвинительномъ актѣ говорилось о существованіи секты, поставившей своей цѣлью разрушеніе, при помощи воровства, грабежа, поджоговъ и убійствъ, всякаго общества. Каждый членъ этой секты выбираетъ занятіе, наболѣе подходящее къ его характеру и способностямъ—одни совершаютъ преступленіе, другіе подготовляютъ и содѣйствуютъ удачѣ его выполненія. Къ суду привлекались 30 лицъ:

Жанъ Гравъ, писатель, редакторъ газеты «la Révolte», обвинялся въ томъ, что восторженно отзывался о покушеніи, на «Общество Кармо», восхвалялъ Шуппа, Пини и Дюваля, наконецъ, въ томъ, что выпустилъ кнугу: «Умирающее общество и Анархія», въ которой онъ призывалъ къ самому крайнему насилію.

Себастьянъ Форъ, ораторъ; обвинялся въ томъ, что въ анархическомъ калондарѣ, изданномъ въ 1892 г., восхвалялъ Пини, что имѣлъ сношенія съ Полемъ Реклю, Дюпра, П. Бернаромъ и вообще со всѣми дѣйствующими людьми партіи. Констанъ Мартенъ—въ томъ, что вмѣстѣ съ Дюпра служилъ посредникомъ между дѣйствующими анархистами. Дюпра, портной, издатель «Анархическаго Указателя». Ледо, сотрудникъ «Revolte». Шатель, основатель «Revue Anarchiste». Пужэ, редакторъ «Père Peinard». Брюнэ, столяръ, давалъ рефераты. П. Бернаръ, вернувшійся изъ Барцелоны, гдѣ онъ находился какъ разъ во время взрыва, происшедшаго въ театрѣ. Ортицъ, обвинявшійся въ подстрекательствѣ къ грабежу и различныхъ кражахъ, въ сообществѣ съ Шуппъ, Эм. Анри и др. Мата, основатель «Falol Cherbourgeois», редакторъ «l'Endehors», уже осужденный по дѣламъ печати, подозрѣвался въ сообщничествѣ съ Эм. Анри. Фенеонъ, служащій въ военномъ министерствѣ, личный другъ Эм. Анри, Коэне, Ортица, Мата, обвинялся въ храненіи взрывчатыхъ веществъ, походившихъ на тѣ, которыя употреблялъ Эм. Анри. Затѣмъ, Агели, ученикъ художественной академіи; Бастаръ; Билонъ, типографщикъ; Субріе, Дарессн, Тріамкуръ, Шамбомъ, Мольмеръ, Шерикоти, Бертани, Лигуа, Миланаціо (женщина), Кадзаль (дѣвушка), Шерикоти (женщина), Белоти (женщина), Белоти.

* * *

6 августа 1894 года, среди общаго возбужденія, открылось засѣданіе суда присяжныхъ. Въ числѣ адвокатовъ были Сентъ-Обенъ, Альбертъ Кремье, Деманжъ, Жюсталь, Поль Морель и др.; предсѣдательствовалъ Дейрасъ; обязанность прокурора исполнялъ знаменитый Бюло.

Первымъ допрашивался Жанъ Гравъ, произнесшій въ свою защиту всего лишь нѣсколько словъ; затѣмъ Себаст. Форъ, Ледо, Шатель и т. д. Допросъ ничего особеннаго не представлялъ, развѣ только то, что предсѣдатель обнаружилъ полную неспособность, а прокуроръ, крайнее пристрастіе. Приведемъ выдержки изъ «l'Intransigeant»:

«Пока идетъ допросъ первыхъ двухъ обвиняемыхъ, мы наблюдаемъ и замѣчаемъ, что предсѣдатель не въ состояніи сражаться съ такими людьми, какъ Ж. Гравъ и Себ. Форъ, что на каждомъ шагу этотъ бѣдняга, который притомъ не имѣетъ сердитаго вида, останавливается съ разинутымъ ртомъ, какъ не знающій урока школьникъ, и вызываетъ общій смѣхъ въ залѣ... Но онъ ни мало этимъ не смущается и продолжаетъ допросъ, безъ всякой связи переходя отъ одного показанія къ другому, впадая въ ошибки и ложь. Иногда у него вырываются несчастныя фразы вродѣ какъ: «Я здѣсь для того, чтобы пролить свѣтъ» говоритъ онъ совершенно серьезно, и тутъ же запрещаетъ гласность дебатовъ...

«Гравъ говорилъ съ добродушнымъ видомъ, мѣстами краснорѣчиво. Его сжатыя и сильныя выраженія, его простой тонъ развитого рабочаго, ставшаго настоящимъ ученымъ, приводили въ замѣшательство несчастнаго предсѣдателя. Совсѣмъ иное было, когда очередь дошла до Себ. Фора. Въ то время, какъ этотъ горячій ораторъ, въ которомъ тонкость казуиста соединялась съ пылкостью южанина, съ неотразимой логикой доказывалъ всю нелѣпость возбужденныхъ противъ него преслѣдованій, Дейрасъ слушалъ, восторженный, восхищенный:

«Счастливый! Какъ онъ хорошо говоритъ, и какъ много мыслей у него въ головѣ! думалъ онъ». 8 авг. 1894.

Фенеонъ совершенно сбилъ съ толку предсѣдателя. Вѣжливый, тонкій, полный ироніи, съ величавымъ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ на обращенные къ нему вопросы.

Изъ свидѣтелей упомянемъ Томаса, шпіона-любителя, напечатавшаго о Себ. Форѣ статью, составленную на основаніи полицейскихъ доносовъ; поэта Стефана Малярмэ, свидѣтеля со стороны Фенеона: Шарли Анри, проф. Сорбонны и Франца Журдена—оба со стороны обвиняемыхъ.

Послѣ обвинительной рѣчи Бюло, въ которой не было и тѣни заботы о соблюденіи истины, и которую этотъ знаменитый судья закончилъ слѣдующей, ошеломившей всѣхъ фразой: «Всѣ вы негодяи!»; вслѣдъ за прекрасной рѣчью Сентъ Обана, произнесенной въ защиту Ж. Грава - поднялся Себ. Форъ. Его рѣчь была полна возвышеннаго краснорѣчія, превосходна по своей ясности и логичности.

Обвиненіе рушилось само собой, и дѣло кончилось. Только Ортицъ и его соучастники въ кражахъ были приговорены—Ортицъ къ 15 годамъ каторги, Шерикоти къ 8. Затѣмъ еще Бретани былъ приговоренъ къ 6 годамъ тюремнаго заключенія за ношеніе запрещеннаго оружія (при арестѣ у него былъ найденъ револьверъ, который онъ несъ къ оружейному мастеру). Всѣ остальные были оправданы.

* * *

Такимъ образомъ, затѣя полиціи и правительства не удалась. Арестовавъ по одному подозрѣнію, большею частью совершенно постороннихъ другъ другу людей, сваливъ въ одну кучу и завѣдомыхъ воровъ, какъ Ортицъ, и литераторовъ, какъ Фенеонъ и Шатель, и ораторовъ, какъ Форъ, и соціологовъ, какъ Гравъ—правительство поставило себя въ глупѣйшее положеніе, и принуждено было оправдать обвиняемыхъ. Безполезность исключительныхъ законовъ, преслѣдованій и арестовъ стала очевидна. А анархисты, освобожденные, снова занялись пропагандой. Двухъ-лѣтнія репрессіи только помогли болѣе твердо встать на ноги анархической пропагандѣ.

Съ тѣхъ поръ анархисты не переставали вести борьбу всюду и при всякомъ случаѣ, и наша идея проникла повсюду. Повидимому они пока отказались отъ «пропаганды фактами» и кромѣ единичныхъ случаевъ, какъ, напр., Этьевана, ничто не смущало спокойствія буржуазіи. Но за то идеи анархизма, когда то имѣвшія лишь незначительное число приверженцевъ, завоевали себѣ права гражданства и пріобрѣли массу адептовъ. Появились новыя вѣянія и на смѣну

боевымъ группамъ пришли новыя группы занявшіяся изученіемъ соціальныхъ наукъ. Стремленіе къ умственной дѣятельности привело анархистовъ къ наукѣ, жажда практической работы потянула нѣкоторыхъ изъ нихъ въ синдикаты. Таково было положеніе когда разгорѣлось дѣло Дрейфуса.

* * *

Сначала анархисты колебались. Ихъ мало занимала участь милліонера-капитана, и они оставались зрителями, какъ одна фракція буржуазіи подводила счеты съ другой. Но вскорѣ завязалась битва. Всѣ силы реакціи и невѣжества: Церковь и Армія, соединились вмѣстѣ противъ одного человѣка. На улицахъ, антисемиты и націоналисты — полныя хозяева — кричали, угрожали, убивали. Подлость Генеральнаго Штаба проявлялась все больше и больше; милитаризму былъ нанесенъ ударъ; въ воздухѣ носилась революція и могла вспыхнуть со дня на день.

Тогда анархисты вмѣшались въ движеніе. Извѣстно, какую смѣлость и горячность проявили они—перипетіи драмы дѣла Дрейфуса еще всѣмъ памятны. Отъ милитаризма, подвергнутаго самымъ горячимъ нападкамъ, не осталось живого мѣста. Себ. Форъ основалъ органъ (journal du Peuple), который въ теченіе года сражался со всѣми реакціонными силами и распространялъ анархическія идеи. То были прекрасные дни, полные здоровыхъ волненій, жизни и дѣятельности.

Наступила развязка, и еще лишній разъ буржуазія, опиравшаяся на революціонеровъ, пока это ей было нужно, отвернулась отъ нихъ. Ну, и скатертью дорога! Даже, еслибы мы въ этой битвѣ добились только возможности бороться съ милитаризмомъ, и то ужъ хорошо. Мы можемъ теперь сказать, что мы думаемъ объ арміи, можемъ разоблачать гнусность казармъ, обманъ патріотизма. И кто знаетъ, не будь дѣла Дрейфуса, можетъ быть не было бы и только что организованнаго Интернаціонала рабочихъ антимилитаристовъ.

* * *

Прошли горячіе дни битвы, прошло время, когда бомба отвѣчала арестамъ, динамитъ «подлымъ законамъ». Какъ мы уже сказали, въ анархизмѣ намѣчаются другія тенденціи. Анархисты послѣдняго времени, съ удивленіемъ смотрятъ на эпоху 1892—94 гг.

Это былъ неслыханный дотолѣ періодъ, гдѣ преданность, жестокость, самоотверженіе и подлость *)--все перемѣшивалось. Страхъ царствовалъ во всѣхъ слояхъ общества; на анархистовъ смотрѣли, какъ на дикихъ звѣрей. Всюду, на общественныхъ ли собраніяхъ, въ конторахъ ли газетъ, слово анархистъ встрѣчалось криками ужаса. Потомъ дѣло немного измѣнилось: одни стали сравнивать анархистовъ съ первыми христіанами, другіе видѣли въ нихъ потерянныхъ, отчаявшихся существъ, доведенныхъ до чувства безсознательнаго возмущенія. И то, и другое, конечно, сказки.

Анархистъ—сознательное существо. Если онъ не можетъ съ абсолютной точностью сказать, *что будетъ*, такъ какъ онъ не настолько лишенъ разума, чтобы заниматься постройкой хрупкихъ системъ и детальнымъ описаніемъ будущаго общества, за то онъ вполнѣ опредѣленно знаетъ, *чего не должно быть*. Врагъ законовъ и эксплуатаціи, презирающій власть во всѣхъ ея видахъ, онъ возстаетъ противъ общества съ его нелѣпыми и вѣтхими учрежденіями, съ его дряхлыми формами устройства. Коллективному благу толпы онъ противопоставляетъ благо личности; борьбѣ классовъ—борьбу за *индивидуальность*, за право каждаго на существованіе. За исключеніемъ этихъ основныхъ принциповъ, анархія является открытымъ домомъ для всѣхъ идей, всѣхъ міровоззрѣній. Ни часовень, ни лавочекъ,—двери открыты всѣмъ, стремящимся къ большей свободѣ и справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ.

Въ какихъ формахъ выльется грядущая борьба? Появится ли вновь на сцену динамитъ, пойдемъ ли мы къ революціи путемъ всеобщей стачки?—Трудно предсказать. Измѣнится ли сама по себѣ идея анархизма подъ вліяніемъ событій?—мы не можемъ сказать. Но мы можемъ утверждать, что идея анархизма не умретъ и не подвергнется разложенію. Идея, воплощающая въ себѣ всѣ стремленія человѣчества къ благу, справедливости и счастью, можетъ исчезнуть только съ исчезновеніемъ общества и самихъ людей.

---

*) Это слово, конечно, относится къ буржуазнымъ журналистамъ и политиканамъ, на которыхъ анарх. пропаганда наводила страхъ.

Манифестъ равныхъ *).

Французскій народъ!

Впродолженіи пятнадцати вѣковъ ты былъ рабомъ. Шесть лѣтъ, какъ ты начинаешь немного дышать, въ ожиданіи независимости, счастья и равенства.

Равенство! Первый кличъ природы, первая потребность человѣка, главное связующее звено всякой ассоціаціи, основанной на принципѣ справедливости!

Французскій народъ! судьба благопріятствовала тебѣ не больше, чѣмъ другимъ народамъ, населяющимъ злополучную землю! Вездѣ и всюду несчастный человѣческій родъ, отданный въ распоряженіе болѣе или менѣе ловкихъ людоѣдовъ, служилъ игралищемъ властолюбцевъ, пищей, выкормившей всѣ тираніи. Всегда и всюду людей успокаивали красивыми фразами; никогда и нигдѣ они ничего не добивались словами. Съ незапамятныхъ временъ намъ повторяютъ лицемѣрно: *люди равны между собою*; и съ незапамятныхъ временъ самое унизительное, самое чудовищное неравенство тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ гражданское общество, вопросъ о равенствѣ не поднимаетъ больше споровъ; это лучшее достояніе человѣка признается всѣми, но никогда оно еще не могло осуществиться: равенство всегда было лишь безплодной фикціей закона. Теперь, когда голоса, требующіе равенства, заговорили громче и рѣшительнѣе, намъ отвѣчаютъ: «Молчите, несчастные! Фактическое равенство — химера; довольствуйтесь равенствомъ условнымъ: вы всѣ равны передъ закономъ. Чернь, что тебѣ еще нужно?»

Что намъ нужно еще? Слушайте же, правители, законодатели, богатые собственники.

Мы всѣ равны между собою, не такъ ли? Этотъ принципъ остается неопровержимымъ, потому что никто не можетъ, если онъ только не лишился разсудка, называть день ночью.

Такъ вотъ, отнынѣ мы рѣшили жить и умирать такими же равными, какими мы родились: мы хотимъ дѣйствительное равенство или смерть. Вотъ, что намъ нужно.

---

*) Этотъ „Манифестъ Равныхъ“ написанъ 100 лѣтъ тому назадъ Сильваномъ Марешалемъ, который былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ „заговора Бабефа“ 1795—1796 г.г.

И мы достигнемъ этого равенства, какою бы ни было цѣной! Горе тѣмъ, кто встанетъ между нами и имъ! Горе тѣмъ, кто станетъ сопротивляться такому страстному желанію!

Французская революція только предвѣстникъ другой революціи, болѣе великой, болѣе грандіозной, и которая будетъ послѣдней.

Народъ шелъ черезъ трупы королей и поповъ, соединившихся противъ него; то же самое случится и съ новыми тиранами, съ новыми политическими тартюфами, занявшими мѣсто старыхъ.

Намъ нужно, чтобы равенство было не только записано въ Декларація правъ человѣка и гражданина, но чтобы оно обитало среди насъ, подъ крышей нашихъ домовъ. Ради него мы согласны на все, согласны смести все, лишь бы оно досталось намъ. Пусть погибнутъ, если понадобится, всѣ искусства, лишь бы мы добились истиннаго равенства!

Напрасно законодатели и правители, не обладающіе ни талантомъ, ни добросовѣстностью, богатые собственники, у которыхъ отсутствуетъ всякое чувство состраданія, стараются парализовать наше святое дѣло, говоря: «они говорятъ все о томъ же аграрномъ законѣ, который не разъ требовали раньше».

Клеветники! Молчите вы теперь въ свою очередь и въ молчаливомъ смущеніи выслушайте наши требованія, продиктованныя природой и основанныя на справедливости. Аграрный законъ, или раздѣлъ сельскихъ земель, было временнымъ стремленіемъ нѣкоторыхъ племенъ, движимыхъ скорѣе инстинктомъ, чѣмъ разумомъ. Мы стремимся къ болѣе высокому, болѣе справедливому — общности имуществъ! Долой частную собственность на землю, *земля не принадлежитъ ни кому.* Мы требуемъ общаго пользованія плодами земли: *плоды принадлежатъ всѣмъ.*

Мы заявляемъ, что не можемъ больше выносить, чтобы громадное большинство работало и трудилось до истощенія силъ на утѣху ничтожнаго меньшинства.

Слишкомъ долго менѣе милліона людей держатъ въ своихъ рукахъ то, что принадлежитъ болѣе чѣмъ 20 милліонамъ ихъ равнымъ.

Пусть кончится, наконецъ, этотъ скандалъ, которому наши внуки не захотятъ вѣрить! Пусть исчезнутъ, наконецъ, всѣ возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, высшими и низшими, господами и слугами, *правителями и управляемыми.*

Пусть не будетъ другой разницы между людьми, кромѣ раз-

личія возраста и пола. Такъ какъ у всѣхъ одинаковыя потребности и одинаковыя способности, пусть будетъ равное воспитаніе. Люди довольствуются же однимъ солнцемъ и однимъ воздухомъ для всѣхъ, почему же они не могли бы удовлетвориться одинаковымъ количествомъ и качествомъ пищи?

Но враги этого самаго естественнаго устройства общества, какое только можно себѣ представить, уже гремятъ противъ насъ.

Дезорганизаторы, бунтари, говорятъ они намъ, вы хотите только кровопролитій и грабежа.

Французскій народъ!

Мы не будемъ тратить время на возраженіе имъ, но мы обращаемся къ тебѣ: святое дѣло, которое мы предпринимаемъ, имѣетъ единственною цѣлью положить конецъ всѣмъ людскимъ распрямъ и нищетѣ.

Никогда еще не зарождались и не были приведены въ исполненіе болѣе широкіе планы. Отъ времени до времени, появлялись отдѣльныя геніальныя личности и мудрецы, высказывавшіе потихоньку и дрожащимъ голосомъ подобныя мысли; но никто изъ нихъ не осмѣливался высказать всю истину.

Время крупныхъ мѣропріятій наступило. Чаша зла переполнилась; оно залило всю поверхность земного шара. Слишкомъ долго, подъ именемъ политики, хаосъ господствуетъ на землѣ!

Пусть возстановится порядокъ, и, на призывъ равенства, водворятся справедливость и счастье на землѣ!

Пришло время основать *Республику Равныхъ*, этотъ огромный пріютъ для всѣхъ людей.

Французскій народъ!

Самая возвышенная, чистая слава выпала тебѣ на долю! Ты первый долженъ дать міру это трогательное зрѣлище.

Старые обычаи и предразсудки явятся помѣхой установленію Республики Равныхъ. Организація на началахъ истиннаго равенства—единственно отвѣчающая всѣмъ потребностямъ и не требующая ни отъ кого никакихъ жертвъ—не всѣмъ понравится, можетъ быть, первое время. Эгоисты и властолюбцы придутъ въ ярость.

Тѣ, которые несправедливо теперь владѣютъ имуществомъ, будутъ кричать о несправедливомъ лишеніи ихъ его. Станутъ жалѣть о потерянномъ правѣ исключительнаго пользованія благами міра, объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, которыми они одни пользовались до пресыщенія, насчетъ труда другихъ. Защитники абсолютной власти, презрѣнные сообщники произвола, они неохотно склонятъ свои величественныя головы подъ уровень реальнаго равенства. Ихъ близорукость помѣшаетъ имъ увидѣть впереди развертывающуюся картину всеобщаго счастья.

Но что значатъ нѣсколько тысячъ недовольныхъ въ сравненіи съ массой счастливыхъ людей, изумившихся, что они такъ долго искали счастья, которое у нихъ было подъ рукой?

На другой день дѣйствительной революціи они воскликнутъ изумленные: «Какъ! такъ мало нужно было для осуществленія всеобщаго счастья? Намъ стоило его только захотѣть. Ахъ, почему мы не захотѣли его раньше? Нужно было намъ твердить это столько разъ?» Да, одинъ человѣкъ на землѣ, болѣе богатый, пользующійся большей властью, чѣмъ ему равные—и равновѣсіе нарушено: горе и преступленія спустятся на землю.

Французскій народъ!

По какому же признаку ты долженъ узнавать превосходство той или другой конституціи?.. Та, которая всецѣло покоится на фактическомъ равенствѣ—единственно годная для тебя и могущая удовлетворить всѣмъ твоимъ потребностямъ.

Аристократическія хартіи 1791 и 1795 г.г. еще крѣпче заковали твои кандалы, вмѣсто того, чтобы сорвать ихъ. Хартія 1793 г. была крупнымъ шагомъ по направленію къ дѣйствительному равенству; никогда еще такъ близко не подходили къ нему; но она не дошла до цѣли, не водворила всеобщаго счастья на землѣ, торжественно провозгласивъ, однако, его принципъ.

Французскій народъ!

Открой глаза, иди съ широко открытымъ сердцемъ навстрѣчу полному счастью; признай вмѣстѣ съ нами *Республику Равныхъ*.

Бакунинъ *).

Старикъ Бланки нерѣдко говорилъ, что значеніе событій измѣряется не столько ихъ непосредственными результатами, сколько ихъ косвенными послѣдствіями, которыя всегда бываютъ гораздо важнѣе первыхъ.

Точно также, говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оцѣнивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружавшихъ его людей—на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность.

Его литературное наслѣдіе не велико. «Государственность и Анархія,» «Историческое Развитіе Интернаціонала,» «Богъ и Государство» (Dieu et l'Etat), — вотъ три написанныя имъ небольшія книги. Остальное—«Кнуто-Германская Имперія,» «Письма Французу о настоящемъ кризисѣ», «Теологическая политика и Мадзини», «Бернскіе медвѣди» и другія, — все это брошюры, написанныя по данному вопросу минуты. Даже выше названныя три книги имѣютъ такое-же происхожденіе. Бакунинъ садился съ цѣлью написать брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разросталась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философіи исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событій, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что онъ и его друзья—а его друзья были Герценъ, Огаревъ, Мадзини, Ледрю-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятели революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ—передумали объ этихъ, пережитыхъ ими, драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей за тѣмъ реакціи,—легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія *жизни*, должны были роиться въ головѣ Бакунина, и почему его философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

Любопытно однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его

*) 1 іюля—годовщина смерти М. А. Бакунина, ближайшаго родоначальника современнаго анархическаго движенія, основателя международнаго соціализма.

рѣчь на конгресѣ «Мира и Свободы» была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма сороковыхъ годовъ закончена, и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни—эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиніанцамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто политической революціонной конспираціи ради національнаго освобожденія и начало соціалистической революціи, а также конецъ сантиментальнаго соціалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцену, объ Интернаціоналѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

«Бернскіе медвѣди»—прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма Французу», написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбеттовскому радикализму и возвѣщеніе той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская коммуна, отбросившая идею луи-блановскаго государственнаго соціализма и возвѣстившая новую идею, городского, коммунальнаго коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территоріи, и начинающая у себя соціальную революцію—вотъ что рекомендовалъ онъ въ этихъ «Письмахъ» противъ Нѣмецкаго вторженія.

«Кнуто-Германская имперія,»—брошюра, которую такъ ненавидятъ нѣмецкіе соціаль-демократы—пророческій крикъ стараго революціонера, понявшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватитъ Европу на цѣлые тридцать-сорокъ лѣтъ вслѣдствіе торжества Бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ—и государственнаго соціализма, котораго крестнымъ отцомъ, въ Германіи, былъ тотъ-же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма,—анархіи—въ латинскихъ странахъ.

Наконецъ «Государственность и Анархія,» «Историческое развитіе Интернаціонала» и «Богъ и Государство,»—не смотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради злобы дня,—содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ, университетскихъ и соціаль-государствен-

ныхъ, въ которыхъ отсутствіе мыслей прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны *думать самостоятельно*, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на *матеріалъ для мышленія*,—какъ на умную бесѣду, вызывающую въ васъ умственную работу,—тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ— въ вашей мысли, и за главаромъ—въ вашей дѣятельности.

Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Бѣлинскаго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, соціалиста и нигилиста, который воплотился впослѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятыхъ годовъ. Онъ возродилъ его.—„Ты мой духовный отецъ", писалъ ему самъ Бѣлинскій. А какою громадною силою былъ Бѣлинскій для русскаго развитія— мы знаемъ.

Въ Парижѣ, въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали), и въ Германіи въ 1848 году, его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернардъ Шоу разсказываетъ въ полушутливой формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не знающемъ страха и увлекающемъ своею любовью Брунгильду, Вагнеръ воплотилъ Бакунина. Онъ воплотилъ, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго, дерзкаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣнія, что и на Вагнера, какъ и на Жоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ соціалистической Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на Молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію, Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе.—«Къ нему нельзя было подойти, не заразившись его революціонною горячкою», говорили о немъ его современники.

Такимъ же оказался онъ, когда, бѣжавши въ 1862 году изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его появленіе въ Лондонѣ, и слегка подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ всякихъ

славянъ. Весьма возможно, и навѣрно такъ и было, что Бакунинъ часто возлагалъ больше надеждъ на подходившихъ къ нему людей, чѣмъ они того заслуживали. — Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о всякомъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что *вѣрилъ въ человѣка*, вѣрилъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его пріобщалъ, пробудитъ въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало, и подъ вліяніемъ Бакунина человѣкъ давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

Герценъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но — правда ли, что онъ дѣйствительно такъ ошибался въ людяхъ?... Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варленъ, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссаръ въ Испаніи), Гильомъ Швицгебель и т. д., сгруппировавшіеся вокругъ него въ знаменитой Alliance, не были *лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху*? Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была, наоборотъ, поразительно вѣрна. Прочтите, напримѣръ, то, что онъ писалъ объ Нечаевѣ, котораго и сильныя и слабыя стороны онъ опредѣлилъ такъ поразительно вѣрно, что мы, теперь, ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его понялъ Николая Утина — этого женевскаго божка марксистовъ?

Еще одно. Всего поразительнѣе, и всего поучительнѣе для насъ — *высокій нравственный уровень* людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина въ западной Европѣ. Я не зналъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ Интернаціоналѣ вокругъ него, и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смѣло утверждаю, въ лицо ихъ ненавистникамъ, что каждый изъ выше названныхъ мною дѣятелей федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою *крупную нравственную личность*. Исторія, я знаю, подтвердитъ эту характеристику и, конечно, выскажетъ при этомъ сожалѣніе, что въ средѣ ихъ противниковъ, — по крайнѣй мѣрѣ въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей, — былъ, можетъ быть, умъ, но нравственныя начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ

Интернаціоналѣ, то я охарактеризовалъ роль „бакунистовъ", говоря въ моихъ „Запискахъ" о Юрской Федераціи.

Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, избіеніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжающейся понынѣ, и когда Марксъ, со своими друзьями, помощью подпольныхъ интригъ, захотѣлъ обратить всю дѣятельность *рабочаго* Интернаціонала, созданнаго для *прямой* борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся соціалистовъ—«бывшихъ людей»—тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ, въ то время, оплотомъ противъ обще-Европейской реакціи.

Ему мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ, который нашелъ въ *рабочихъ* латинскихъ массахъ новую живую силу, чтобы бороться съ рѣзкимъ поворотомъ на лѣво кругомъ среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

И — среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ, войну всему старому міру, — въ этой средѣ развился, наконецъ, современный анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его смѣлымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

Э. Реклю.

Оцѣнивать и устанавливать значеніе Э. Реклю въ наукѣ намъ не приходится. Всякому болѣе или менѣе причастному къ наукѣ извѣстно, что она теряетъ въ немъ одного изъ лучшихъ и трудно замѣнимыхъ своихъ работниковъ.

Не менѣе извѣстна и соціалистическая дѣятельность Э. Реклю, по крайней мѣрѣ, западно-европейскимъ соціалистамъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ примкнулъ къ федералистическому крылу интернаціонала, покинувъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ, Н. Жуковскимъ, Эли Реклю и др. конгрессъ Лиги Мира и Свободы.

Съ тѣхъ поръ, не покладая рукъ, онъ работалъ для распространенія своихъ анархическихъ взглядовъ, будущее торжество которыхъ не вызывало въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Извѣстно участіе Э. Реклю и въ Парижской Коммунѣ 1871 года, гдѣ онъ подъ конецъ былъ взятъ Версальской арміей съ ружьемъ въ рукахъ.

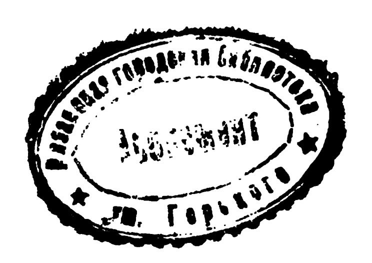
Приговоренный къ вѣчной ссылкѣ въ Кайенну, Э. Реклю былъ вырванъ оттуда энергичными протестами ученаго міра (между прочимъ Дарвина и Уолеса). По возвращеніи изъ ссылки, онъ принялся за свой колоссальный трудъ «Всемірную Географію» (18 том.), которую онъ закончилъ только въ 1894 году.

Окончивъ «Всемірную Географію», онъ началъ свой послѣдній большой трудъ: «Земля и Человѣкъ» (5 томовъ), гдѣ онъ разбираетъ въ ихъ взаимной связи эволюцію земли, человѣка и его учрежденій.

Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ безчисленномъ количествѣ періодическихъ изданій на разныхъ европейскихъ языкахъ.

Русскія и заграничныя легальныя газеты, посвятившія Э. Реклю, послѣ его смерти, цѣлыя статьи, старались затушевать революціонную сторону его жизни и дѣятельности.

А между тѣмъ, Э. Реклю всю свою жизнь оставался революціонеромъ. Единственнымъ выходомъ изъ отчаяннаго современнаго положенія онъ считалъ соціальную революцію и по мѣрѣ силъ работалъ для скорѣйшаго ея осуществленія.

Оглавленіе.